

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 10

Октябрь 2025

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институту государства и права
Российской академии наук – 100 лет*

Академик Вышинский: путь через тернии теории государства и права • Научно-правовые аспекты противодействия террористической деятельности киевского режима • Искаженное правосознание и традиционные российские духовно-нравственные ценности • Верна ли категоричность формулы «правоспособность человека»? • On the discussion regarding the legal conceptual framework in the field of artificial intelligence • Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов республик в составе Российской Федерации • Аксиологические основания военного права • Развитие системы образования: конституционный вектор идентичности • К 100-летию со дня рождения выдающегося правоведа и государственного деятеля И.С. Самощенко (Memoriam meam de visu et auditu) • Ценности российского конституционализма дооктябрьского периода

НАУКА

— 1727 —

Российская академия наук
Институт государства и права
**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/
STATE AND LAW**

№ 10   2025   Октябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927—1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930—1931 гг.)
«Советское государство» (1932—1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
академик РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, акад. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревич, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/ STATE AND LAW

No. 10   2025   October

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Academician of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2025
Institute of State and Law of the RAS, 2025
Editorial Board of “State and Law”, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 10, 2025

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Академик Вышинский: путь через тернии теории государства и права

А.Н. Савенков, С.А. Бочкарёв

7

* * *

Научно-правовые аспекты противодействия террористической деятельности
киевского режима

Э.В. Кабурнеев

39

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Искаженное правосознание и традиционные российские духовно-нравственные ценности

А.В. Малько, А.Н. Зрячкин, А.А. Мусаткина

50

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Эффективное функционирование системы трипартизма — важный фактор
устойчивого развития современного общества

Юань Ван, Г.А. Василевич, Сянь Лю

60

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Верна ли категоричность формулы «правоспособность человека»?

М.И. Клеандров

70

Феномен ответственности (историографическое и теоретико-правовое исследование)

М.Н. Кобзарь-Фролова

83

On the discussion regarding the legal conceptual framework in the field of artificial intelligence

V.B. Naumov, G.G. Kamalova

92

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Квалификационные требования к должностям муниципальной службы:
концептуальные вопросы формирования

М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов

98

В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов
республик в составе Российской Федерации

В.А. Кряжков, О.В. Брежнев

108

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта заведомо незаконного
задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ)

Е.А. Мельников

118

ВОЕННОЕ ПРАВО

Аксиологические основания военного права

В.В. Кудашкин

126

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

О двойственной природе правового статуса кредитных организаций

В.В. Гавричков

133

ПРАВО И ОБРАЗОВАНИЕ

Развитие системы образования: конституционный вектор идентичности

С.В. Кабышев

142

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЮРИСТЫ РОССИИ

К 100-летию со дня рождения выдающегося правоведа и государственного деятеля
Ивана Сергеевича Самошенко (Memoriam meam de visu et auditu)

А.Ф. Ноздрачев

151

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ценности российского конституционализма дооктябрьского периода

Ю.Л. Шульженко

168

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Историко-правовой анализ эволюции концепции суверенитета

Е.В. Виноградова, М.С. Трофимов, Е.А. Терещенко

183

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Живая конституция»: современные преломления (Международная научная конференция)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

193

CONTENTS

Number 10, 2025

ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

- Academician Vyshinsky: a path through the thorns of the theory of state and law
A.N. Savenkov, S.A. Bochkarev 7

* * *

- Methodological and legal aspects of counteracting the terrorist activities of the Kiev regime
E.V. Kaburneev 39
-

PHILOSOPHY OF LAW

- Distorted legal consciousness and traditional Russian spiritual and moral values
A.V. Mal'ko, A.N. Zryachkin, A.A. Musatkina 50
-

COMPARATIVE LAW

- The effective functioning of the tripartism system is an important factor in the sustainable development of modern society
Yuan Wang, G.A. Vasilevich, Xian Liu 60
-

DISCUSSIONS AND DEBATES

- Is the "human capacity" formula categorical?
M.I. Kleandrov 70
- The phenomenon of responsibility (historiographic and theoretical-legal research)
M.N. Kobzar-Frolova 83
- On the discussion regarding the legal conceptual framework in the field of artificial intelligence
V.B. Naumov, G.G. Kamalova 92
-

LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Qualification requirements for municipal service positions: conceptual issues of formation
M.V. Presnyakov, S.E. Channov 98
-

IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

- Continuity and novelty in the organization and activities of constitutional councils of the republics within the Russian Federation
V.A. Kryazhkov, O.V. Brezhnev 108
-

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

- Some controversial issues of the objective side and subject of obviously illegal detention (part 1 of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation)
E.A. Melnikov 118
-

MILITARY LAW

- Axiological foundations of Military Law
V.V. Kudashkin 126

BUDGET, TAXES, BANKS

On the dual nature of the legal status of credit institutions

V.V. Gavrichkov

133

LAW AND EDUCATION

The development of the education system: the constitutional vector of identity

S.V. Kabyshev

142

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

On the 100th anniversary of his birth of the outstanding jurist and statesman
Ivan Sergeevich Samoshchenko (Memoriam meum de visu et auditu)

A.F. Nozdrachev

151

PAGES OF HISTORY

The values of Russian constitutionalism in the pre-October period

Yu. L. Shulzhenko

168

SCIENTIFIC REPORTS

Historical and legal analysis of the evolution of the concept of sovereignty

E.V. Vinogradova, M.S. Trofimov, E.A. Tereshchenko

183

SCIENTIFIC LIFE

“Living constitution”: modern interpretations (International Scientific Conference)

N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva

193

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УДК 340

**АКАДЕМИК ВЫШИНСКИЙ:
ПУТЬ ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

© 2025 г. А. Н. Савенков*, С. А. Бочкарёв**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.08.2025 г.

Аннотация. Ни одна эпоха не была лишена ангажированности в оценке крупных политических и общественных деятелей и результатов их деятельности. Данные оценки зачастую крайне эмоциональны и неконструктивны, не учитывают сложный контекст, окружавший лиц, принимавших судьбоносные решения. В полной мере это относится к восприятию государственной деятельности А.Я. Вышинского, которая весьма обстоятельно проанализирована в отечественной литературе. При этом на второй план отходит его вклад в разработку вопросов теории государства и права. В статье А.Я. Вышинский представляется как ученый, академик АН СССР, предлагавший собственное понимание государства и права, их функциональные характеристики и принципы построения и отстаивавший это видение в многочисленных работах, на совещаниях и собраниях, при этом неизменно опираясь на собственные энциклопедические знания, фундаментальную теоретическую базу и мнение сотрудников Института права Академии наук СССР. Объективному восприятию теоретических позиций А.Я. Вышинского и их места в истории и системе научных взглядов способствует характеристика тех вызовов, которые стояли перед ним, а также мнения его оппонентов. Отдельное внимание уделено ряду вопросов из области теории судебных доказательств, которые находились в фокусе научных исследований А.Я. Вышинского, результаты которых получили искаженную интерпретацию в научном и общественном нарративе.

Ключевые слова: теория права, теория доказательств, история права, Институт права, государство, право, Вышинский, Крыленко, Пашуканис, Нерсесянц, Кудрявцев.

Цитирование: Савенков А.Н., Бочкарёв С.А. Академик Вышинский: путь через тернии теории государства и права // Государство и право. 2025. № 10. С. 7–38.

DOI: 10.31857/S1026945225100014

ACADEMICIAN VYSHINSKY: A PATH THROUGH THE THORNS OF THE THEORY OF STATE AND LAW

© 2025 A. N. Savenkov*, S. A. Bochkarev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 23.08.2025

Abstract. No era has been devoid of bias in evaluating major political and public figures and the results of their activities. These assessments are often extremely emotional and not constructive, and do not take into account the complex context surrounding those who made crucial decisions. This fully applies to the perception of the state activity of A. Ya. Vyshinsky, which is very thoroughly analyzed in the Russian literature. At the same time, his contribution to the development of issues of the theory of state and law recedes into the background. In the article A. Ya. Vyshinsky presents himself as a scientist, Academician of the USSR Academy of Sciences, who offered his own understanding of the state and law, their functional characteristics and principles of construction, and defended this vision in numerous works, at meetings and meetings, while always relying on his own encyclopedic knowledge, fundamental theoretical base and the opinion of the staff of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. Objective perception of the theoretical positions of A. Ya. Vyshinsky and their place in history and the system of scientific views contribute to the characterization of the challenges that faced him, as well as the opinions of his opponents. Special attention is paid to a number of issues from the field of the theory of judicial evidence, which were the focus of scientific research by A. Ya. Vyshinsky, the results of which received a distorted interpretation in the scientific and public narrative.

Key words: theory of law, theory of evidence, history of law, Institute of Law, state, law, Vyshinsky, Krylenko, Pashukanis, Nersesyants, Kudryavtsev.

For citation: Savenkov, A.N., Bochkarev, S.A. (2025). Academician Vyshinsky: a path through the thorns of the theory of state and law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–38.

Академик А.Я. Вышинский, бесспорно, относится к выдающимся советским ученым и виднейшим государственным деятелям XX века. Этот статус признан современниками и не подвергается сомнению даже его безоглядными критиками. Судьбы истории таковы, что многие аспекты его жизни и деятельности пережили глубокое препарирование.

Традиционно ученых советского периода упрекают в излишней и даже в чрезмерной политизированности их суждений и определений. Якобы последние они нередко подчиняли логике неопровержимого превосходства социализма над капитализмом, бесспорной истинности марксизма и ошибочности буржуазных наук. При этом споры о конкретных прикладных достижениях лишались смысла, поскольку в базовых положениях они находились на противоположных идеологических сторонах. Результаты дисциплин априорно считались некорректными, если прямо или косвенно просматривалось, что они служат угнетателям, а не пролетариату. В итоге из-за навязчивой и порой вычурной порки капитализма его осуждение не без причин стали

относить к основным идеям и принципам эпистемологической модели марксизма.

Подобное следствие оказалось не единственным и не самым досадным. Более тяжелые последствия проявили себя в умах постсоветских ученых. Мимо них эмоции предшественников не прошли бесследно. Как это ни странно, перво-наперво они взялись за обозначенные экспрессии. Хотя в открытом и не сдержанном проявлении критических чувств не было ничего нового и необычного. История гуманитарных наук, тем более правовой, подсказывает, что именно эмоции зачастую сопровождают смену практически каждой научной картины. Кратно, пестрее и ярче протекают критические выпады тогда, когда трансформация научных парадигм происходит на фоне социально-экономических или военно-политических сломов.

Известно, например, как особенно первые представители эпохи Просвещения «поносили» Средние века и именovali их «межвременьем» из-за темноты и бесполезности, тем более в деле генезиса знания и распространения образования в широких массах. Называли эти века еще периодом религиозных предрассудков, невежества,

фанатизма и тирании. Достаточно вспомнить слова Вольтера, сравнивавшего Средние века с историей варварских народов. Они стали христианами, однако, по его убеждению, не сделались лучше. Особенно преуспели в охаивании «темных веков» британские гуманисты и французские интеллектуалы XVII–XVIII вв., нарекавшие культуру критикуемого периода убогой, таинственной и мистической¹.

Быть может, в суждениях просветителей не было эмоций, а их слова отражают лишь горькую правду. Однако, во-первых, реальность Нового времени еще не была некоей иной действительностью. Во-вторых, глубокое погружение в наследие Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроция и других светочей указывает на их прямую историографическую и бесспорную гносеологическую привязку к основным идеям просвещенного круга религиозных мыслителей Средних веков. Построение гуманистами своих произведений на логике линейного противопоставления соображениям предшественников не должно в данном случае вводить в заблуждение. В этих пассажах скрыт лишь эпистемологический прием, используемый для искусственного оптического увеличения значимости выработанных идей и социально-политических решений. Диагностирование факта использования просветителями этого приема первым делом изобличает в субъективном окрасе их негативные оценки Средних веков. Суждения, например, о светском государстве и теории разделения властей имеют происхождение из яростной дискуссии, развернувшейся между поборниками Церкви и папой Римским, доходившие в своем антагонизме до прямого столкновения. Первые, напомним, отделяли Церковь от престола, а второй не желал делиться властью с Собором Церкви и тем более ему подчиняться².

К не менее эмоциональным решениям прибегли ученые стран-победителей в начале XX в., когда после Первой мировой войны признали Германию разрушителем европейской культуры и попытались устроить ее науке международную изоляцию. Они призвали к полной эмансипации от немецкого гуманитарного знания, что, впрочем, вызвало разнонаправленную реакцию в научном сообществе, в том числе в странах-победителях.

Не иначе поступили постсоветские ученые после того, как российское общество в конце XX в. пережило очередную, можно сказать, революцию. Оно подверглось кардинальной и порой шоковой трансформации всех устоев его жизнедеятельности: произвело отказ от социалистических ценностей и планового

хозяйства, сделало выбор в пользу демократического уклада социума и рыночных отношений в экономике, сопровождавшихся тотальным обнищанием государства и населения, появлением олигархата.

Коллеги также поддались эмоциям. Первым делом взялись за ревизионизм — феномен, возникший в период становления марксизма, неуклонным последователем которого являлся А.Я. Вышинский. Под ревизионизмом в те времена понимали враждебное марксизму-ленинизму течение. Несмотря на предысторию этого явления, оно прижилося в науке и приобрело положительную коннотацию, став означать кардинальное переосмысление устоявшихся взглядов при наличии к тому достаточных и опровергающих доказательств. Но осталось у ревизионизма и отрицательное значение — негационизм, когда построение «новой» концепции осуществляется в основном на отрицании или игнорировании установленных наукой фактов. По какому же пути пошли некоторые современные представители отечественного правоведения? Они взялись, как известно, за избавление широкого круга отраслевых дисциплин от популистской декларативности и идеологических штампов. Многим из них этого казалось недостаточно, и они миссионерски пошли еще дальше, занимаясь «разоблачением» своих коллег.

Вообще-то, им надлежало не торопиться и в спешке не плодить новые эмоции. Не занимаясь сдуванием идеологического налета, поскольку принципиально он не влиял на результаты подлинно научных исследований. Вместо этой суеты могли бы обратить внимание на историю становления и развития советской науки в целом, изобилующую показательными примерами. В частности, повсеместная идеологизация приводила к конфликтам с властью, но тем не менее не стала на пути академика П.Л. Капицы при открытии им явления сверхтекучести жидкого гелия и совершении прорывов в области физики низких температур. Тотальное идеологическое окружение науки не помешало академику С.П. Королеву с группой ученых создать ракетно-космическую программу и на ее основе вывести на орбиту первый пилотируемый корабль с человеком на борту. Политические пристрастия, сопровождавшие всю жизнь академика А.Д. Сахарова, не лишили его способности внести неоценимый вклад в создание первой советской водородной бомбы. Подчинение юридической науки идеям пролетариата не отняло у академика В.Н. Кудрявцева возможности разработать криминологические основы противодействия преступности.

Смена конституционного строя и политико-правового устройства общественной жизни укрепостила условия научной деятельности. Они

¹ См.: *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.

² См.: там же.

дополнительно стимулировали и позволяли ожидать от постсоветских юристов плюрализма суждений, выработки разных представлений о понятии, предмете, задачах и структуре науки о праве, к их обогащению за счет соперничества и оспаривания состоятельности друг друга. Однако вместо учета обозначенного опыта и изменившихся условий научной деятельности правоведы все же погрузились в эмоции предшественников и привнесли в них еще и свои. То есть принялись вскрывать и критиковать идеологические штампы, вероятно, надеясь расчистить поле для полноценной реализации на нем истинно подлинных научно-исследовательских программ.

Но, как показала практика, далеко не всегда и не все юристы смогли выдержать притязания названной познавательной траектории. Не каждый из них в конечном счете ее придерживался и достиг цели, минимально необходимой для оправдания использования ревизионизма. Усилия свели к выведению из теории отраслей права идеологических вкраплений, что в принципе не требовало большого труда. Гарантированная свобода научной деятельности уже присутствовала, однако ее привнесение в жизнь не во всех случаях дало результат, и тем более было использовано для достижения принципиально новых результатов. В уголовном праве, например, одни криминалисты отмахнулись от советских наработок и вернулись к идеям дореволюционных коллег. Другие юристы не обращались к истории и предложили весьма упрощенные термины и схематичные понятия. В итоге круг критицизма замкнулся. Советские ученые клеймили дореволюционных, а современные осуждали советских. В эти же жернова попал и академик А.Я. Вышинский. Он не мог избежать подобной участи уже только потому, что являлся одним из ключевых представителей Советского государства.

При этом отечественное правоведение не осталось в XX в. и не остановилось на постсоветском этапе развития. Его последующий генезис привел к возникновению вариативности в отношении к А.Я. Вышинскому в XXI в. По вновь возникшей волне внимания к его личности и трудам, их переоценке возможно предположить, что современное знание о праве вступило в свою цикличность. Первоначально, т.е. сразу после прекращения функционирования СССР, маяк времени отвернулся от А.Я. Вышинского, закрыв его своей тенью и погрузив исключительно в мрачные тона. Затем, после охлаждения антагонизма ко всему коммунистическому, маяк вернулся к личности этого ученого, пытаясь сегодня вновь осветить ее масштаб и стабилизировать восприятие в общественно-научной среде.

Имеем ли мы дело с процессом и прогрессом познания личности академика А.Я. Вышинского

и его научного творчества — еще предстоит выяснить. Здесь и на данном этапе однозначно преждевременно давать утвердительный ответ. Пока возможно лишь констатировать, что в наличии есть не столько спираль восхождения от малых представлений об ученом к большим знаниям о нем, сколько смена настроений среди юристов. Просматривается разрозненная трансформация их отношения к данному государственному деятелю и его научным работам.

В пределах амплитуды колебания выявленных настроений сначала одни, желая попрощаться с советским прошлым и его наследием, искали изъяны в научно-практических разработках А.Я. Вышинского, гипертрофировали степень их несостоятельности и ошибочности. Затем другие занялись не менее бесполезным делом по реабилитации ученого и его творческого наследия. Искренние усилия и одних и других, надо признать, имеют слабое отношение к науке. Их объединяет работа по верхам. «Репрессанты» старались судить по отдельным фактам и обвинить ученого в служении режиму, «оправдатели» стремились снять с юриста статус заложника ленинско-сталинских взглядов. В итоге дело до понимания ученого как ученого доходило крайне редко.

Имея в виду все научное наследие академика А.Я. Вышинского, следует признать, что в части активного использования критической риторики, принадлежащей апологетам марксизма, он не был исключением. Правовед уделял немалое внимание эмоциональной составляющей собственных выступлений. Однако обращение к ненаучной лексике не было для А.Я. Вышинского диагнозом. Он шел по пути громогласных заявлений о необходимости сильной и мощной диктатуры пролетариата не оголтело, а вынужденно — по двум основным причинам. Во-первых, оставалось еще много колеблющихся. Не все усвоили важность движения к социализму, разницу между ним и капитализмом, на чем должен был выкристаллизовываться советский политический строй. Вслед за И.В. Сталиным он стремился через острые реплики развеять в прах последние остатки идеологии умирающих классов³. Способствовать процессу втягивания в управление государством народных масс, который, по оценкам А.Я. Вышинского, «на первых порах социалистической революции осуществлялся медленно и нерешительно». Во-вторых, окружающая обстановка не благоприятствовала уверенному движению по указанному пути. Вокруг царствовала, как отмечал ученый, «острота классовой ненависти к социализму со стороны эксплуататоров и их остатков внутри СССР, вражда

³ См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1953. С. 394.

и непримиримая злоба к СССР со стороны капиталистического окружения...»⁴.

Несмотря на используемый жаргон, по произведениям А.Я. Вышинского прослеживается отсутствие у него оппортунистических наклонностей. То есть предрасположенности следовать лозунгам и тем более подстраивать под них исследовательские процессы, приспособливать их результаты к политико-идеологическим заявлениям. Библиотека трудов А.Я. Вышинского и хронология их издания позволяют проследить, что он, прежде чем довериться ленинской и сталинской интерпретации марксизма, составил собственное представление о К. Марксе и Ф. Энгельсе как о величайших мыслителях мира, истина о чем многократно оспаривалась. Однако в итоге только укреплялась и уже не одно столетие выдерживает критический натиск.

У этих мыслителей, как известно, были предшественники (Гизо, Сен-Симон, Тьерри, Минье и др.), высказывавшиеся о некоторых аспектах классового деления обществ. Вместе с тем именно К. Маркс и Ф. Энгельс дали общепризнанную систему междисциплинарных научных знаний о социализме, в том числе о социальных классах и их перманентной борьбе. А.Я. Вышинский со свойственной ему любопытностью погрузился в эти знания, которые в основном носили философский, политический, социологический и экономический характер. Вычленил из них и обособил в отдельную группу представления о праве и государстве⁵. Затем проследил их генезис не только в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина, но и в их практической политике. Основательный анализ последней и систематизация собранного материала позволили А.Я. Вышинскому воспринять и далее представлять накопленное организаторами Советского государства знание в качестве учения Ленина и Сталина о пролетарской революции и государстве.

В итоге экспансивность речей юриста не затруднила отыскание в его размышлениях четких рациональных и иррациональных начал, лежащих в основе мировоззрения и практической деятельности. Повествование Вышинского во всяком случае не лишило возможности рецензентов диагностировать безусловную оригинальность целей и небывалую амбициозность вызовов, стоявших перед ним как ученым и профессионалом.

⁴ Вышинский А.Я. Вопросы распределения и Революция. М., 1922.

⁵ См.: Вопросы права и государства у Маркса. Доклад на заседании Отделения общественных наук Академии наук СССР 27 апреля 1938 г. М., 1938.

Задачи и вызовы, стоявшие перед А.Я. Вышинским

На плечи А.Я. Вышинского как сильного интеллектуала выпала сложная доля. Не арифметическая задача, подчеркнем, а именно доля или судьба отвечать в силу служебных обязанностей за формирование с нуля разных сфер жизнедеятельности и их последующее развитие на развалинах Российской Империи. То есть того государства, которое еще вчера функционировало, опираясь на монархический строй с тысячелетним стажем. Впредь его не стало, а нового уклада еще не появилось. Имелись лишь территория и населяющие ее народы как некоторые и еще не взаимосвязанные признаки государственности. При этом не только государство подверглось фрагментации, но и его народы были глубоко стратифицированы. Окружающая ученого обстановка кратно усугублялась крайней поляризацией и дифференциацией общества. Его слои были доведены до наивысшего уровня антагонизма и конфликтности — Гражданской войны. Большевицские власти и контролируемые ими классы видели возможность примирения с оставшимся обществом через безоговорочный и молниеносный прыжок всей страны в прямо противоположную ментально-политическую парадигму.

При этом здесь речь не идет и не пойдет о публичных должностях исследуемой личности. Исчерпывающие сведения о них представлены в общем доступе. Тем более академические статусы А.Я. Вышинского не имеют прямого отношения к его должностям. Устойчивую тягу к науке Андрей Януарьевич проявил еще в студенческие годы. На серьезное занятие наукой обратило внимание руководство Киевского университета, в 1913 г. рассматривавшего вопрос об оставлении его в магистратуре для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. Не менее показателен объем научных трудов, указывающий на А.Я. Вышинского как на блестящего аналитика и систематика, разносторонне развитого мыслителя. В итоге не должности, а обозначенные индивидуальные способности помогали в выполнении ему профессиональных обязанностей, в том числе в формировании и проведении правовой идеологии рабоче-крестьянского класса.

В первую очередь здесь речь коснется исключительной задачи по формированию А.Я. Вышинским научно-практического понимания того, что есть Советское государство. Подчеркнем, не научно-теоретического знания, представленного в литературе с избытком, а научно-практического. То есть такого, которое в принципе отсутствовало из-за незнакомства русского общества с марксистским социализмом. Отметим

также, что вопрос встал не о государстве как таковом. Размышлений о нем предостаточно хранится в философско-правовых трактатах. Всех интересовало другое — что есть Советское государство, с которым история на евразийском континенте еще не встречалась, а мировая философская мысль заранее покончила со всяким «чистым» социализмом, отнеся мысль о нем к утопиям.

Безусловно, А.Я. Вышинский не один работал над познанием и раскрытием названного вопроса. Известны не менее серьезные усилия П.И. Стучки, Е.Б. Пашуканиса, Н.В. Крыленко, Н.И. Бухарина и др. Вместе с тем далеко не во всем совпадали их подходы, не все из них сумели отстоять свои концепты, выдержать напор партийной и общественной критики. Не каждому ученому в конечном счете выпала возможность дать ответы на подобные темы и воплотить их в повседневную жизнь. Тем более нести прямую ответственность за собственные соображения и практические решения, касающиеся судьбы одной шестой части суши Земли и 147 млн человек, населявших Российскую Империю по состоянию на 1917 год.

В ранние времена зарождения Советского государства знаний о нем не имелось, поскольку еще не существовало «советской действительности», познание которой преобразовалось бы в верифицированные данные. Можно было вести речь только о надежде большевиков на нечто светлое и о слабой вере народа в коммунистическое будущее, а также о возрастающем количестве сомневающихся среди них. Даже наиболее идейные большевики не знали, что из себя представляет проектируемое государство, какими должны быть его институты, учреждения и механизмы, как на деле они призваны функционировать. Не было понимания и о реализуемости советского проекта. Отцы-идеологи и мужи-организаторы Советского государства нередко признавали отсутствие у них знаний о том, чем и кем оно является сегодня и может стать в будущем.

По мере вступления в классовое противоборство и испытания на себе трагических последствий междоусобного противодействия первоначально В.И. Ленин усомнился в силе диктатуры пролетариата и ее способности обязательно подвести Россию к переходу в социализм. Спустя две недели после государственного переворота он публично задался вопросом: «Удержат ли большевики государственную власть?» — и издал одноименную брошюру⁶. Вслед за вождем Л.Д. Троцкий отмечал: «Приведет ли диктатура пролетариата в России к социализму или нет — каким темпом и через

какие этапы, — это зависит от дальнейшей судьбы европейского и мирового капитализма»⁷.

От прежней самоуверенности, как видно, не осталось и следа. Появились условия и оговорки приближения светлого будущего. Наблюдая кровавые издержки реализации революционного движения в России и осознавая его нечеловеческую цену, большевики поняли невероятность реализации социализма радикальным способом в общемировом масштабе. На этой почве они скорректировали и развили собственные теории о возможности построения коммунизма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения.

При этом подавляющая часть большевиков, в том числе идеологов и организаторов, повседневно боролись за власть как на внутрипартийном поле, так и на внешнем фронте с меньшевиками. Политико-правовым проектированием архитектуры Советского государства на научно-инструментальном уровне, чему себя посвятил и А.Я. Вышинский, занимались единицы. У большинства названное государство существовало в воображении и преимущественно на уровне идеологем. Вновь появлявшиеся теории о способах продвижения к социализму не всегда вызывали единодушие. Наряду с ленинскими и сталинскими воззрениями успели выделиться «правые» (Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский и др.) и «левые» (Л. Троцкий, Е. Преображенский, Т. Сапронов и др.) уклонисты от центрального курса. К взаимопониманию и консенсусу, как известно, они не стремились.

В итоге, по признанию В.И. Ленина, они взялись за абсолютно новое, а если говорить точнее, то за абсолютно неизвестное дело. Отсутствие прикладного знания, продолжал вождь пролетариата, вынуждало совершать «обилие шагов, делаемых ошупью, обилие ошибок, колебаний...»⁸. Все эти ошибки он еще называл щепками, возникшими при рубке старого леса, которые, по оценкам И.А. Бунина, превратились для России в окайанные дни из-за своего жуткого трагизма⁹. О множестве неудач чуть позже писал И.В. Сталин, отмечая в их оправдание, что они тем не менее «не ослабили, а еще более укрепили союз рабочих и крестьян...»¹⁰. Большевики и их сподвижники не хотели признавать того, что обилие ошибок привело, как отмечал В.В. Розанов, к ужасному апокалипсису нашего времени.

Такова подлинная реальность, которая окружала А.Я. Вышинского. Полная неопределенность,

⁷ Троцкий Л.Д. Перманентная революция: сб. М., 2005. С. 307.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXII. С. 456, 457.

⁹ См.: Савенков А.Н. Указ. соч.

¹⁰ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 22.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXXIV. С. 287–339.

иными словами, довела над ним и принуждала его к источению мысли, отвечающей требованиям научной точности. В обозначенной реальности не имелось апробированных решений, требовавших от него только формально-теоретического оформления. Поиск ответа о Советском государстве усложнялся еще рядом значимых обстоятельств, прежде всего тем, что марксизм, на который он опирался, не оказывал ему существенную теоретико-инструментальную помощь по двум причинам.

Во-первых, марксизм как учение о классах воспроизведен на свет выдающимися немцами. Их суждения о социализме и пролетариате как его движущей силе возникли на базе наблюдения и изучения в основном французского и британского опыта (революции 1848–1851 гг.). Учение появилось в качестве ответа на нужды в первую очередь европейских стран. Значительный объем идейно-методологического материала, использованного при формировании собственного теоретического основания, заимствован марксистами в западной мысли. Коммунистический манифест¹¹, например, базировался на идеях большого количества предшественников, переосмысленных марксистами. Авторы манифеста, как отмечал В.И. Ленин, многое заимствовали в немецкой классической философии (Г. Гегель, Л. Фейербах), английской политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо), францужско-британском социализме (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн)¹². Более того, до 1905 г., по признаю Л.Д. Троцкого, марксисты допускали реализацию социалистической революции исключительно в развитых капиталистических странах¹³. Основатели марксизма считали возможным успешное завершение мировой революции, если пролетариат победит хотя бы в ряде наиболее развитых стран. Россию они рассматривали как промышленно слабую страну, где пролетариат малочислен, плохо организован, в связи с чем революция с его участием невозможна. То есть предпосылки марксизма тесно связаны с социально-экономическим развитием стран Европы того времени, а само учение не предназначалось для русского общества, по крайней мере не в первую очередь.

Во-вторых, марксизм не беспочвенно подвергался критике за непоследовательность мысли и отсутствие четкого терминологического аппарата.

¹¹ См.: Коммунистический манифест и современность: материалы науч. конф., посвященной 125-летию «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва, 9–12 марта 1973 г. М., 1974.

¹² См.: Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. М., 1963.

¹³ См.: Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 41.

Специалисты обратили внимание на похожесть его исполнения консонантным письмом. «Капитал» и ряд других текстов К. Маркса, по мнению филологов, во многом представляют собой набор лексических форм, наполнение которых смыслом в той или иной мере зависит от интерпретатора, выбранных им понятий и исторического контекста. Поэтому марксизм страдает множеством интерпретаций, а как философская концепция способен без труда сочетаться с идеями других мыслителей и теоретиков.

Дополнительное осложнение А.Я. Вышинскому в формировании теоретико-правового понимания Советского государства придавало отсутствие знаний о том, чего еще не было в истории и на пространстве проживания более 100 народностей. Определенно-прикладного опыта построения «чистого» социализма, особенно коммунизма, который можно было бы использовать, анализировать и экстраполировать на многонациональное общество, не имелось. Тем более на почве русской культуры и славянской традиции в целом. В связи с этим остро возник вопрос о ценностях, способных объединить народы и не утратить великодержавность страны, чем активно и вне всяких приоритетов занимался А.Я. Вышинский.

Советское государство А.Я. Вышинского — государство на новых физических принципах

На основе марксизма, учений Ленина и Сталина А.Я. Вышинский обосновал появление в мировой цивилизации Советского государства как государства нового типа. Для аргументации факта его зарождения ученый исследовал типологию существующих государств и исторические особенности возникновения Советского государства. Выделил признак многонациональности как его ядро и отметил федеративность как ключевое условие объединения разных частей страны в единый политический союз на принципах добровольности и равенства. Выявил особенности системы централизованного управления разными народами, механизмы и методы функционирования социалистического государства.

Источником появления Советского государства, в понимании Вышинского, выступила не революция. Она обеспечила лишь подавление активности прежнего строя и исключение возможностей его институтов к сопротивлению. Далее действовала победа диктатуры пролетариата над властью капиталистов и помещиков. Именно она и ознаменовала собой возникновение государства нового типа. Здесь ученый оппонировал К. Каутскому и заявлял, что в результате революции произошла не смена правительства или формы правления, а появление пролетариата как нового

политического класса. Поскольку этому слою социума придавалось еще доминирующее и конституирующее значение, а в обозначенном качестве оно, как подсказывает история народов, никогда не существовало, то А.Я. Вышинский не беспочвенно заключил о рождении «нового общества».

В пользу обозначенного тезиса и, надо признать, главной мысли политико-правового творчества академика А.Я. Вышинского свидетельствует вся мировая история. В ее фокусе побывало множество революций, в том числе с активным участием «низов». Однако никогда реальной целью государственных переворотов не становилась задача по передаче власти и, тем более, по ее последующему бескорыстному закреплению в руках пролетариата. Идеологи, организаторы и исполнители русской революции октября 1917 г. взяли за указанное дело, провели соответствующий эксперимент, сделав в итоге из небывалого явь. Возвели пролетариат на вершину сословной иерархии, где его историки ранее не замечали. Процесс, конечно, не случился в одночасье. Втягивание народных масс в управление своими и общенациональными делами, по оценкам Вышинского, шло не просто, на первых порах медленно и нерешительно. Однако тяжесть выведения нового класса из тени бытия не отменила изначально поставленную цель по строительству Советского государства как нового типа государства.

К слову, многие марксисты Европы, наблюдая за неудачным опытом протекания революций в странах Запада, отказались в своих теориях от насильственного переворота как от безусловно необходимого способа приведения к власти пролетариата и установления социализма. Русские революционеры, победив эксплуататоров, не отступились от маргинальных в своей массе низов и не предали их интересы. Через партийные механизмы продолжили формировать из них новый класс, к чему далеко не каждый его представитель откровенно стремился. Активно и методично передавали правящему сословию государство как машину подавления своих классовых антагонистов, что человечество еще не знало и на практике не испытывало.

После революций всегда находились и неплохо обосновывались причины, позволяющие не допускать низы к полновластию, с чем, кстати, они зачастую соглашались и против этого не выступали. Подъем пролетариата на политэкономический олимп привел в итоге к «возникновению нового типа государства, с новыми особенностями, новыми органами власти в центре и на местах», о чем справедливо утверждал А.Я. Вышинский¹⁴. Под-

тверждение мысли ученого также находим в словах В.И. Ленина, констатировавшего, что во всемирной истории «первый раз не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации»¹⁵.

Система общественных отношений в новом типе государства всецело подчинялась интересам союза рабочих и крестьян. Их потребности ни в одном из до сих пор известных государств не объявлялись основой политико-правового строя и не возводились на конституционный пьедестал. А в государстве Ленина и Сталина именно рабочие и крестьяне стали реальным базисом служения власти, являлись генеральным и неоспоримым ориентиром для работы ее бюрократического аппарата. Государственная машина «должна работать, нести свою службу на пользу новому классу», — заключал А.Я. Вышинский.

Структурно организующим институтом государства нового типа и подлинно представительным органом всего народа являлся не парламент, а советы — всеобъемлющая массовая организация пролетариата, охватывающая всех рабочих, крестьян, интеллигенцию — все трудовое население страны. Через них, писал правовед, реализуются интересы рабочих и крестьян, а «все население участвует непосредственно в государственном управлении и строительстве». Их предназначение состояло в максимальном развязывании революционной энергии, инициативы и творческих способностей масс¹⁶, в реализации инициативы многомиллионного народа, самочинно творящего, по выражению В.И. Ленина, «демократию по-своему»¹⁷. Даже некоторые функции старого государства, оставшиеся в России вместо разрушенной государственной машины буржуазии, изменены применительно к потребностям пролетарского государства.

Несмотря на возведение сети советов как сцепляющих общество структур, одной из первоочередных задач перед советской властью стала проблема сохранения великодержавия страны через скрепление ее народов. Национальный вопрос, в свою очередь, прямо касался географии страны и исключения ее территориального раскола. Обострение дилеммы произошло из-за падения самодержавия и веры в царя, являвшихся для подданных на протяжении тысячелетия символами единения. Впредь этих констант, пользовавшихся в умах разных народностей авторитетом, в системе объединения

¹⁴ См.: *Вышинский А.Я.* Советское государство — государство нового типа. Доклад, прочитанный на Сессии Академии наук СССР 20 ноября 1942 г. М., 1943.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XXIII. С. 186.

¹⁶ См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. VI. С. 119.

¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XX. С. 119.

многонационального населения не имелось. Такое положение дел, по оценкам А.Я. Вышинского, обуславливало появление дополнительных трудностей в организации Советского государства.

Советами найдено и обосновано уникальное решение. Оно не было линейным и существенно отличалось от позиций Г. Кунова, А.Л. Парвуса, Э. Вандервельде, П. Ренодели, отрицавших право наций на самоопределение.

С одной стороны, большевики признали за нациями право на самоопределение вплоть до отделения. Тем самым они остались преданными учению Маркса и своим программным заявлениям. Наряду с этим гарантировали равноправие народностей, исключили применение к ним каких-либо форм принуждения, как и попытки последних на получение расовой или национальной исключительности.

С другой стороны, Советское государство окружило названные права тесной заботой. Стало проводить интенсивную работу как над собой, так и над территориальными единицами и анклавами. Гарантировало им национальное представительство в органах государственного управления всех уровней. То есть еще в 1923 г. провозгласило и далее реально реализовало курс на то, чтобы советская власть, являвшаяся преимущественно русской, стала «властью не только русской, но и межнациональной, родной для крестьян угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке»¹⁸.

Власть также занималась обеспечением расцвета национальных культур, ориентированных на социалистическое содержание. Проповедовала морально-политическое единство народов СССР, их сплоченность, поднимала чувства патриотизма к общему для всех Отечеству. Разъясняла возможность избежать какой-либо разобщенности через взаимное доверие, братское сотрудничество и полную солидарность интересов всех народов СССР.

В подобном урегулировании национального вопроса, как справедливо отметил А.Я. Вышинский, в полной мере реализован диалектический подход, составляющий методологическую основу марксизма. За счет его реализации создан СССР как «новая форма федерации, отличная от всех других исторических форм федеративного образования». То есть установлен социалистический строй, который, по заключению правоведа, стал «высшей формой демократии, дал всем народам равные права и все возможности развития, что сделало невыгодным и практически немыслимым отделение какой-либо

нации от социалистического государства». «Все последующее развитие Советской федерации, — подтверждал ученый, — служит превосходным подтверждением того, что ... принцип самоопределения народов не только не повлек за собой отделение какого-либо народа от Советского Союза, но, наоборот, привел к их сплочению и единству невиданному ни в одной стране мира с многонациональным составом населения». Успешное решение национального вопроса, аргументированно писал А.Я. Вышинский, сообщило Советскому государству совершенно новые качества, новые черты, присущие только государству нового типа.

Советское право А.Я. Вышинского — право, лишенное юридических фикций

Более скромное положение в миропонимании А.Я. Вышинского занимало право, что, впрочем, в точности соответствовало его месту в социальной системе координат марксизма. Правда, здесь нужно обязательно оговориться. Когда речь заходит о «более скромном положении», то имеется в виду место права исключительно в его соотношении с высоким положением Советского государства, заслужившего статус «государства нового типа».

В пользу названного соотношения ключевых феноменов выступают доктринальные представления марксизма о государстве как всеохватывающей организующей силе, отвечающей за обеспечение жизнедеятельности всего общества. Право же является одним из инструментов государства в борьбе с врагами социализма, средством построения коммунистического общества и институтом упорядочивания поведения «громadной массы населения в деле налаживания социалистического хозяйства». Последнее, кстати, также напоминает о праве как о надстройке, воздвигаемой наряду с другими политическими, религиозными и иными структурами на базе экономического строя общества как реальной почвы. Именно ее свойствами, утверждал Ф. Энгельс, объясняется в конечном счете вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений¹⁹.

Без понимания производственных отношений люди не способны объяснить юридические идеи. Они не могут их обосновать из самих себя. В качестве доказательства К. Маркс и Ф. Энгельс приводили пример с уголовным законом, который сам по себе не создавал и не способен создать современное буржуазное общество. Если же закон перестанет соответствовать потребностям общественных отношений, то «он превратится в простую пачку бумаги»²⁰. Здесь надо добавить, что если

¹⁸ Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 240.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 26.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. VII. С. 254.

публичный строй кардинально и радикально изменится с капиталистического формата на социалистический, как это произошло по итогам Октябрьской революции, то прежний уголовный закон вновь «превращается в простую пачку бумаги». Возникает острая нужда в разработке и принятии нового уголовного кодекса или уложения, обеспечивающего защиту установившегося политэкономического строя.

Будучи сугубо надстройкой, которая выводится из экономического строя и объясняется на основе производственных отношений, право в понимании Маркса и Энгельса не имеет собственной истории. Точнее говоря, история права, как отмечали мыслители, органически связана с развитием «общественных и, в первую очередь, производственных отношений, из которых и на почве которых вырастает право, вся правовая, как и, вообще, политическая, надстройка». «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий»²¹, — объяснял Ф. Энгельс. Иное понимание права, считал А.Я. Вышинский, порочно и лженаучно, извращает подлинные принципы права.

Таково положение права в социалистической картине мира. Потребность в нем возникает как в альтернативной мере принуждения. Дело пролетариата по подавлению враждебных ему сил, писал А.Я. Вышинский, не может продвигаться сугубо «прямыми ударами административной репрессии, при помощи чрезвычайных и исключительных мер и методов»²².

В формальном плане право есть совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата, в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу. В этом плане советское право — право социалистического государства рабочих и крестьян. Оно «осуществляет охрану, служит закреплению и развитию общественных отношений и порядков, выгодных и удобных трудящемуся народу, рабочим, крестьянам, трудящейся интеллигенции Советской страны». «Здесь исключительная роль выпадает на долю таких государственных органов, как суд, деятельность которого органически связана с правовыми институтами, правилами,

нормами, законами, правовыми обычаями, правовыми взглядами, правом в целом»²³.

Если вернуться к началу нашего исследования и сравнивать положение советского права уже не с Советским государством, а с правом буржуазных обществ, то можно без преувеличения сказать, что первое по своим целеустремлениям и реальной близости к ним находится на высоте.

Таких выводов о советском праве А.Я. Вышинский не делал. Свою оценочную риторику он в основном сосредоточил на законодательстве капиталистических стран, упрекнув их в служении богатым и в закреплении их привилегий. Вместе с тем ученым проделана титаническая работа по формированию в науке доступного понимания подлинного потенциала советского права и его способности достичь провозглашенных идеалов.

Не заявлял академик и об открытии им нового типа правопонимания. Однако как юрист, представляется, фактически его открыл. Для этого он сначала глубоко погрузился в иностранные правовые системы, в их доктрины и теории для выявления подлинной сути. Затем совершил научно-практическое сравнение последних с советским правом. При этом их аксиологическое отождествление произвел не на отрицании связывающих советское и буржуазное право ценностей, а на их признании.

Речь идет о демократии, равно почитаемой как в буржуазных государствах, так и в странах социалистического лагеря. Здесь заслуга А.Я. Вышинского, если выражаться в терминологии марксизма его времени, состоит в разоблачении псевдодемократизма буржуазных государств и фальсификации ряда конституционных принципов, несостоятельности гарантированных гражданам прав и свобод. Если говорить о вкладе ученого без эмоций пост-революционного периода, то он раскрыл завышенную самооценку выдвинутых европейскими мыслителями концептов построения государств, их гипертрофированное отношение к эффективности западных политико-правовых моделей, несопоставимость выработанных ими юридических решений и провозглашенных правовых идеалов, чрезмерную идеализированность механизмов избрания власти, практическую нереализуемость закреплённых за гражданами правомочий.

В деле изобличения, надо признать, А.Я. Вышинский имел хорошую подготовку. Соответствующие критические приемы он унаследовал от марксистов. Напомним, основоположники марксизма стремились покончить с мистификацией общественных отношений, фетишизмом буржуазного права, массовым распространением юридических иллюзий, с изображением политических

²¹ Там же. Т. XXXVII. С. 418.

²² Вышинский А.Я. Вопросы права у Карла Маркса // Известия. 1938. 23 мая.

²³ Там же.

и правовых отношений в виде таинственных сил, «являющихся в действительности лишь... необходимым результатом обособления реальных отношений, выражением которых они являются»²⁴.

К. Маркс также стремился избавить правоведение от иллюзий о законе как о «чистой мысли», не зависящей от материальных условий общества; *фантомов* властных слоев, сочиняющих на их основе «собственную теоретическую блажь насчет государства, закона, преступления и т.д.»; *призраков*, «преподносящих» им «что-либо вроде правовых государств»; *приведений* юристов и политиков о господской воле как о самодостаточной силе, якобы способной улучшать социально-экономическое положение в обществе.

При этом важное наблюдение А.Я. Вышинского состояло в обнаружении того, что бесконечная критика буржуазного права не являлась самоцелью марксистов. Ряд ключевых положений философии права Нового времени Маркс не подверг критике. В частности, мыслитель согласился с высказыванием Гегеля о государстве, как о выражении «себя сознающая нравственная действительность духа...»²⁵. Однако на фоне этого во многом бесспорного тезиса он стремился показать, что за высокопарными словами классика о государстве и о нравственности как его сущности на самом деле стоит безнравственное дело. Гегельянское понимание права есть право частного собственника²⁶, т.е. право своекорыстия: «все буржуазное общество есть война отделенных друг от друга исключительно своей индивидуальностью индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил»²⁷. Буржуазное право выражает и, как маска, прикрывает животное содержание интересов привилегированных классов. В этом плане марксисты выступали не против права как такового. Напротив, они верили в право и желали ему бессмертия. При этом понимали, что достижение бессмертия осуществимо через разоблачение земной греховности права, «поставленного на службу богатым против бедных!»

Подходы А.Я. Вышинского в системе научных взглядов

Борьба с буржуазными идеями в науке и построение советской теории государства и права требовали соответствующего организационно-структурного обеспечения, а важнейшей теоретической проблемой стала необходимость устранения противоречий между положениями марксизма

о государстве и праве и реалиями социалистического строительства.

В редакционной статье к «Энциклопедии государства и права» подчеркивалось, что «теория права больше всего нуждается в марксистско-ленинской разработке, ибо в ней меньше всего сделано в этом направлении»²⁸.

Некоторые советские марксисты той поры поспешили объявить право иллюзорным образованием, пустой идеологической формой. Так, заместитель наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко отождествлял принуждение, осуществляемое государством, с эксплуатацией и на основании этого делал вывод о том, что советское право, как и буржуазное, является эксплуататорским. Отсюда одна из задач социалистического строительства — свертывание правовой формы Советского государства. Критикуя М.А. Рейснера и П.И. Стучку, он писал: «Право было всегда классовым, и самое понятие права мы поэтому неразрывно связываем, во-первых, с классовым принципом и, во-вторых, с насилием. <...> право исчезнет, как классовое право, с момента исчезновения классов. Исчезнет как орудие эксплуатации, принуждения с момента исчезновения эксплуатации и принуждения. Будет что-то другое, будут иные общественные отношения, иные переживания, мы будем называть их каким угодно именем, но не будем их называть правом. Право же мы знаем лишь таким, каким мы его знаем. <...> Право есть выражение в писаной форме действующего закона и неписаной форме обычного права, — выражение тех общественных отношений людей друг с другом, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, имеют своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе экономического класса и охраняются его принудительной силой»²⁹.

Право и юридическое мышление ненаучны, утверждал известный философ-марксист В.В. Адоратский. «Право и государство вовсе не представляют из себя самостоятельных сущностей. Понятие о них, существующее в головах юристов и практических деятелей, — это идеи, являющиеся лишь звеньями в цепи своеобразного процесса общественной жизни. Самое же явление, которое скрывается под этой идеей, под этой видимостью, есть власть, вооруженная сила»³⁰. А.Г. Гойхбарг сетовал, что в нашем словаре осталось само слово

²⁸ Энциклопедия государства и права: в 3 т. / под ред. П. Стучки. М., 1925. Т. I. III, 1240 стб.

²⁹ Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924. С. 32, 33.

³⁰ Адоратский В.В. О государстве (к вопросу о методе исследования). М., 1923. С. 32.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXXVII. С. 348.

²⁵ Там же. Т. I. С. 376.

²⁶ См.: там же. С. 532.

²⁷ Там же. Т. III. С. 144.

«право»: «Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли обойтись без этого слова, если бы мы могли заменить его другим»³¹. Профессор Петроградского университета М.А. Рейснер рассуждал следующим образом: «Когда мы говорим о праве, мы совершенно закрываем глаза на его историческую роль так же, как идеологическую природу. Мы слишком легко забываем, что праву присуща специальная функция в деле и международных, и междуклассовых, и международных отношений».

Перед революцией я думал, что право могло бы быть использовано нами как революционное оружие. В настоящее время при наличности новой экономической политики и замедления мировой революции я склонен стать на противоположную точку зрения. Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры. Если право не «опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном — всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки.

А между тем сейчас мы предаемся такой страсти к юридизации, которая во многом напоминает нарисованную мной выше картину деятельности буржуазных юристов после революции. Мы положительно тонем в море законодательства и бумажного правотворчества. У нас нет ведомства, где не нашли бы себе в изобилии приют старые буржуазные юристы, со всей их гибкостью юридической формулировки и страстью к законодательной схоластике»³². «Право и законность, — писал И. Ильинский, — лозунги, несколько отдающие стариною в эпоху диктатуры пролетариата»³³.

Подход к праву как форме общественного сознания развивал И.П. Разумовский. Как идеологическая форма классовых материальных отношений право, считал ученый, — это идеологический способ и порядок опосредования материальных отношений в классовом обществе³⁴. Пока право рассматривается как правоотношение, опосредованное экономическим отношением, по Разумовскому, оно будет по содержанию соответствовать экономике. Как только право будет

абстрагироваться от экономических отношений, оно неизбежно уйдет в область идеологии³⁵. Право представляет собой порядок социальных, т.е. классовых, отношений, так как он исторически абстрактно отражен в общественном сознании. При этом в общественном сознании право отделено от материальных условий своего существования, получая, таким образом, свое обособленное от них идеологическое развитие в нормативной системе³⁶. Поэтому И.П. Разумовский считал ошибочными представления Е.Б. Пашуканиса о правовых отношениях как специфической исторической (а не абстрактной) форме общественных отношений³⁷.

Наряду с дискуссией о праве не менее острыми были дебаты о революционной законности³⁸. П.И. Стучка считал, что «сегодняшние директивные постановления партии — это завтрашний, даже сегодняшний революционный закон. Конечно, полностью это относится только к центральным директивам, ибо у нас имеются только центральные общеобязательные законы. Только в этой плоскости понятен лозунг: революция и революционный закон. В пролетарской революции они, революционный закон и революция, друг друга дополняют, а отнюдь не исключают. Поскольку революция идет в форме диктатуры под гегемонией пролетарской партии, постольку диктатура пролетариата действует чрез революционную законность. Чем более закон станет действительно революционным, тем более станет обязательною

³⁵ См.: там же. С. 47.

³⁶ См.: там же. С. 50.

³⁷ См.: там же. С. 64, 65.

³⁸ См.: Калинин М.И. О революционной законности. Речь на торжественном заседании в Комкадемии по поводу 10-летия советской прокуратуры. М., 1932; Трайнин А.Н. О революционной законности // Право и жизнь / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. М., 1922. Кн. 1. С. 5–8; Бранденбургский Я.Н. Просто законность или революционная законность? // Еженедельник Сов. Юстиции. 1922. № 31–32. С. 1, 2; Трайнин А.Н. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. 1926. № 7–8. С. 1–3; Ильинский И.Д. Категории «законности» и «справедливости» в советском праве // Сов. право. 1926. № 2. С. 3–24; Яхонтов В.И. О революционной законности // Там же. № 1 (19). С. 3–12; Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3, 4; № 3–4. С. 1–3.; Островский А. О революционной законности: (Органы юстиции БАССР). Уфа, 1929; Крыленко Н.В. Что такое революционная законность. М.; Л., 1927; см. также: Вопросы права и законности в первые годы советской власти: сб. науч. тр. М., 1984; Биюшкина Н.И., Кодан С.В. Политико-юридические механизмы обеспечения единства законности и системы законодательства РСФСР в 1917–1922 гг. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 66–75; Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.

³¹ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Сов. право. 1924. № 1 (7). С. 4.

³² Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л., 1925. С. 35.

³³ Ильинский И.Д. Право и быт. Л.; М., 1925. С. 16.

³⁴ См.: Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 5.

и сама собою разумеющеюся революционная законность»³⁹.

Характерным является диалог двух выдающихся советских деятелей — Арона Солнца и Николая Крыленко. Н.В. Крыленко стал народным комиссаром юстиции в 1918 г. и ставил своей основной задачей создание судебной системы, основанной на принципах классовой борьбы и революционной законности. В своей деятельности Крыленко часто прибегал к чрезвычайным мерам, обосновывая это необходимостью защиты социалистического государства от внутренних и внешних врагов. Его методы, хотя и жесткие, считались оправданными перед лицом острых классовых конфликтов и угрозы контрреволюции. Его известность была обусловлена в том числе самым активным участием в судебных процессах над врагами народа и контрреволюционными элементами в 1920-х годах, что способствовало укреплению его влияния в советской юстиции в осуществлении социалистической законности.

В работе «Революционная законность и наша карательная политика» А.А. Солц отмечал, что «революция разрушает, ломает старое право и у участников ее создает пренебрежительное отношение вообще к нормализации общественных отношений <...> революционная законность только постепенно усваивается новым хозяином жизни»⁴⁰. Он выдвигал концепцию, основанную на необходимости строгого соблюдения законности и правопорядка в условиях социалистического строительства. Ссылаясь на В.И. Ленина, А.А. Солц утверждал, что задача революционной законности состоит в том, чтобы показать, что советская власть способна лучше управлять, чем капиталисты, и чтобы обеспечить улучшение жизни для трудящихся без насилия и издевательств, характерных для капиталистической эпохи⁴¹. В работе красной нитью проходила основная идея — только через неуклонное соблюдение законов, активное участие масс и бескомпромиссную борьбу с произволом можно добиться успешного строительства социализма.

Н.В. Крыленко ответил ему в статье «О философских выступлениях т. Солца на тему о “революционной законности”, о “старом” и “новом” праве и его практических по этому поводу предложениях»⁴². Он выступал за революционную целесообразность, где правоприменение основывалось

на потребностях текущего момента и задачах укрепления диктатуры пролетариата. Н.В. Крыленко решительно отвергал «философский софизм» и юридический подход А.А. Солца, называя их не соответствовавшими марксистско-ленинским принципам и опасными для дальнейшей стабильности советской правовой системы и ее развития, подчеркивая, что тот представляет собой слой работников высокой квалификации, которые, несмотря на словесное согласие с революционной законностью, на деле не намерены ее проводить, стремясь к сохранению исключений для себя.

Его концепция революционной целесообразности предполагала возможность отступления от формальных правовых норм в интересах защиты социалистического государства и укрепления власти Советов. Н.В. Крыленко считал, что чрезмерное внимание к законности может ослабить революционную бдительность и помешать эффективной борьбе с врагами пролетариата.

Н.В. Крыленко в полемике с А.А. Солцем активно поддержал А.К. Стальгевич, раскритиковавший научные позиции отдельных советских юристов (к их числу, кроме Солца, он относил А.Л. Малицкого, А.Н. Трайнина, Л. Успенского, Б.Д. Сперанского, Э.Э. Понтовича), которые «подчеркивая господство отвлеченной нормы права — закона, в качестве обуславливающего принципа революционной законности <...> приходят к господству “буквы закона”»⁴³. Сама революционная законность в силу такого подхода для них превращается лишь в обычное понятие «подвести под норму». Закон в их постановке становится чем-то господствующим, всевысшим, озаренным ореолом «надклассовой» справедливости, общего блага и «превосходнейшего». Такая законность, сведенная к «всевластной» норме, по их мнению, ограничивает не только волю отдельных лиц, но и самого законодателя, органы власти и все государство. Над государством, таким образом, возвышается закон, велениям которого не может противоречить государство, его издававшее. А это, ведь, не что иное, как давно известная буржуазная теория «правового государства»⁴⁴. Там же А.К. Стальгевич обвинил их в том, что «в грезах о перерождении советского строя “в систему новой буржуазной диктатуры” <...> под маской абстрактной “нормы” и “правового государства”, по существу <...> совершают свое дело идеологического “вредительства”»⁴⁵.

Но в конечном счете и Солц, и Крыленко столкнулись с еще более могущественным

³⁹ Стучка П.И. Революция и революционная законность // Сов. государство и революция права. 1930. № 3. С. 22.

⁴⁰ Солц А.А., Файнблит С.Д. Революционная законность и наша карательная политика. М., 1925. С. 5.

⁴¹ См.: там же. С. 9.

⁴² Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. М., 1926. С. 46–60.

⁴³ Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 5. С. 49, 50.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 51.

противником — Вышинским, чья концепция правопорядка и подход к правоприменению стали доминирующими в 30-х годах. В 1937 г. А.А. Солюс, будучи заместителем Прокурора СССР, вступил в конфликт со своим начальником — А.Я. Вышинским, в результате чего был лишен всех постов в Советском государстве, а в 1945 г. умер в Москве.

В конце 1920 — начале 1930-х годов идея правового нигилизма была подвергнута резкой критике за недооценку роли советского права и революционной законности в процессе социалистической реконструкции народного хозяйства и «подавления классовых врагов»⁴⁶.

В 1930 г. П.И. Стучка прямо указывал нигилистам: «Право отмирает». «Государство отмирает». А если пока еще не государство, то право — во всяком случае. <...> Я не буду особо останавливаться на тезисе об отмирании государства. Кто в настоящий момент самой ожесточенной классовой борьбы утверждает, что государству пора отмереть, тот — либо невежда, либо выступает как прямой подголосок контрреволюционных теорий. Только благодаря сильному пролетарскому государству возможен тот небывалый революционный поворот, который мы переживаем сейчас. Но ведь ни одно государство, в том числе и пролетарское, без своего права, в данном случае советского права, немыслимо. Это тоже уж показалось в нашей среде фактом бесспорным»⁴⁷.

Концепцию нового, революционного, пролетарского права как средства осуществления диктатуры пролетариата активно развивал и внедрял в практику нарком юстиции РСФСР (с августа 1918 г. и до января 1928 г.) и одновременно первый советский прокурор (1922—1928 гг.) Д.И. Курский. Право — это, согласно Д.И. Курскому, выражение интересов пролетариата. Советская власть, поясняет он, разрушила «все три основы института буржуазного права: старое государство, крепостную семью и частную собственность». Новое, революционное право — это «пролетарское коммунистическое право»⁴⁸. Названия его работ — «Новое

уголовное право» (первая публикация в журнале «Пролетарская революция и право» (1919. № 2)⁴⁹) и «Уголовный кодекс 1922 года», Доклад на III сессии ВЦИК IX созыва⁵⁰ — говорят сами за себя.

Заметную роль в процессе зарождения и становления советской теории права сыграл П.И. Стучка. Основными началами нового революционно-марксистского правопонимания автор считал: 1) классовый характер всякого права; 2) революционно-диалектический метод (вместо формальной юридической логики); 3) материальные общественные отношения как базис для объяснения и понимания правовой надстройки (вместо объяснения правовых отношений из закона или правовых идей). Признавая при этом «необходимость и факт особого советского права», автор усматривал эту особенность в том, что «советское право» есть «пролетарское право»⁵¹. В этой же своей работе «Революционная роль права и государства. Общее учение о праве» он критически отзывается о книге М.Н. Покровского «Очерки истории русской культуры»⁵².

По-другому классовый подход к праву был реализован в трудах Е.Б. Пашуканиса, и прежде всего в его книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий». Пашуканис придерживался линии Покровского, и этим во многом объясняется появление его мейндовой теории права. В этой и других своих работах он ориентировался на то, что буржуазное право — это исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право. С этих позиций он отвергал возможность пролетарского права.

Но в середине 1920-х годов отдельные формулировки М.Н. Покровского начинают вызывать сомнения, причем прежде всего у его учеников в ИКП. А.Н. Слепков⁵³, Г.П. Марецкий⁵⁴,

⁴⁹ См.: Курский Д.И. На путях развития Советского права: статьи и речи, 1919—1926. М., 1927. С. 44—51.

⁵⁰ См.: там же. С. 52—59.

⁵¹ Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и о государстве. I: Общее учение и право. М., 1921.

⁵² Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Курск, 1924. Ч. 1 и 2.

⁵³ См.: Слепков А.Н. Рецензия на книгу М.Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» // Большевик. 1924. № 14. С. 113—122; *Его же*. Не согласны! (Ответ т. Покровскому) // Большевик. 1925. № 5—6. С. 65—72.

⁵⁴ См.: Марецкий Г. К вопросу об эволюции самодержавия (По поводу книги М.Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России». Прибой. 1925 г.) // Большевик. 1926. № 5. С. 86—97.

⁴⁶ Четырнадцатая конференция РКП(б). Москва, 27—29 апреля 1925 г. Резолюции конференции. О революционной законности // Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1925; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 3. 1922—1925. М., 1984. С. 385; О революционной законности. Постановление ЦИК и СНК СССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.VI.1932 г.). Приложение № 7 к п. 57/3 пр. ПБ № 106.

⁴⁷ Стучка П.И. Право — закон — техника // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917—1930. М., 1931. С. 198, 199.

⁴⁸ Курский Д.И. Ближайшие задачи изучения Советского Права // Сов. право. 1922. № 1.

чл.-корр. АН СССР С.Г. Томсинский⁵⁵ выступили в печати против чрезмерного преувеличения роли торгового капитала. Они высказались против определения самодержавия как политически организованного торгового капитализма. Кружок историков, группировавшихся вокруг академика Е.М. Ярославского, также подверг критике эти идеи Покровского.

После кончины академика М.Н. Покровского 10 апреля 1932 г. критика усилилась, уже в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. указывалось, что «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», присущие т.н. школе М.Н. Покровского, упразднившей, в сущности, историческую науку⁵⁶.

Во втором номере за 1936 г. журнала «Советское государство»⁵⁷ уже вместе с трудами Покровского критике подверглись П.И. Стучка и «Курс учения о государстве и праве», вышедший в 1932 г. под редакцией Е.Б. Пашуканиса⁵⁸. Было отмечено, что «самая трактовка возникновения абсолютизма взята упрощенно под явным влиянием схемы М.Н. Покровского. <...> Если в дореволюционной России историки-юристы занимали видное место в тогдашней исторической науке и давали немало материала для общей гражданской истории, то в советский период эта специальная отрасль исторического исследования почти заглухла. Более того, укоренился, нигде правда отчетливо не высказанный, взгляд, что марксистская методология не допускает существования специальных историй государственных и правовых форм. В основе этой несомненно ошибочной методологической позиции лежал все тот же вулгарный экономический материализм, сводивший политические и юридические надстройки целиком и начисто к экономике»⁵⁹.

В этой связи была поставлена задача Институту советского строительства и права — «в первую

очередь необходимо наладить издание юридических памятников, дав этим основу для научной работы и для преподавания истории государства и права.

Интерес к революционным периодам в истории государственных и правовых форм надо сохранить и расширить до степени систематического охвата всего исторического материала. Без этой работы нельзя поставить широкого и основательного юридического образования»⁶⁰.

Поводом для отдельной критики стала еще одна известная монография: «Абстрактный социологический схематизм характеризует работу Е. Пашуканиса “Общая теория права и марксизм”. Это было вскрыто еще в 1930—1931 гг., когда эта работа была подвергнута всесторонней критике. Достаточно указать, что в этой работе буржуазная, частнокапиталистическая собственность признавалась за первоначальную форму собственности. <...> Абстрактный схематизм и “социологизирование”, которые привели к ликвидации истории у историков так называемой школы Покровского, сыграли аналогичную и чрезвычайно отрицательную роль и в советских юридических науках»⁶¹.

На проходившем в январе 1931 г. I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правовиков было заявлено, что в советском уголовном праве «процветали»: а) буржуазно-социологическая школа, подкрашенная под марксизм (М.М. Исаев, А.Н. Трайнин, А.А. Пионтковский, М.А. Чельцов-Бебутов, Н.Н. Паше-Озерский); б) откровенная буржуазно-юридическая догматика и сменовеховщина (П.И. Люблинский, А.А. Жижилenco, Н.Н. Полянский, В.Н. Ширяев). Большинство из названных лиц являлись в свое время учеными старой школы, приват-доцентами и профессорами в дореволюционных университетах. Не миновала чаша сия и «отдельных коммунистов» (Ширвиндта, Канарского), якобы поддерживавших догматику и сменовеховщину. Резолюция съезда призывала к решительной борьбе с оппортунизмом: «Нужно перенести центр тяжести из области чисто правовой, чисто юридической на вопросы государства, диктатуры пролетариата, классовой борьбы»⁶².

Об обстановке, царившей в то время в науке уголовного права, свидетельствует, в частности, выход в 1931 г. книги сотрудника Ленинградского отделения Коммунистической академии и Ленинградского отделения Института советского строительства и права проф. И.В. Славина под

⁵⁵ См.: *Томсинский С.Г.* Рецензия «К вопросу о социальной природе русского самодержавия» (М.Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, «Прибой», 1925 г. Его же, Японская война, сб. «1905 г.», т. I) // *Вестник Коммунистической академии*. 1926. № 15. С. 253—283.

⁵⁶ См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. Часть первая. Институт истории. М. — Л., 1939.

⁵⁷ Проблемы исторической науки и наши задачи. Редакционная статья // *Сов. государство*. 1936. № 2. С. 9.

⁵⁸ См.: *Пашуканис Е.Б., Ангаров А.И., Ашрафьян З.А., Доценко М.Н.* Учение о государстве и праве: учеб. пособие для комвузов и втузов / под ред. Е. Пашуканиса. Л., 1932.

⁵⁹ Проблемы исторической науки и наши задачи. Редакционная статья. С. 9, 10.

⁶⁰ Там же. С. 11.

⁶¹ Там же.

⁶² Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // *Сов. государство и революция права*. 1931. № 3. С. 149.

заголовком «Вредительство на фронте уголовного права» (автор сам стал жертвой репрессий — расстрелян 20 февраля 1938 г.), в которой были объявлены «вредителями» видные криминалисты М.Н. Гернет, Н.Н. Полянский, П.И. Люблинский, А.Н. Трайнин, М.М. Исаев⁶³.

Необходимо обратить внимание на особенности того исторического периода, когда отрицать решающее значение сталинских теоретических новелл для развития общественных наук было бы неправильно. Назовем некоторые положения концепции государства, выдвинутые И.В. Сталиным в 30-е годы.

Так, И.В. Сталин утверждал, что классовая борьба в условиях социализма будет нарастать. Это, по его мнению, было связано с тем, что, во-первых, с наступлением социализма капиталистические элементы города и деревни стремились ослабить советскую власть ради своих узкоклассовых интересов, и, во-вторых, в СССР действовали группы «диверсантов-вредителей», которых использовал мировой империализм для свержения власти рабочих и крестьян в СССР и уничтожения курса на построение социалистического, а затем и коммунистического общества: «Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накапливают силы для новых выступлений против Советской власти»⁶⁴. «Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять свое существование»⁶⁵. В этой связи И.В. Сталин уделял большое внимание теоретическим аспектам развития Советского государства, ведь именно государство как организация является тем инструментом, с помощью которого правящий класс проводит свою политику и борется с классовыми противниками.

Из сталинской теории обострения классовой борьбы следовал и тезис об отмирании государства через его усиление, ведь последнее с точки зрения марксизма есть не что иное, как машина в руках господствующего класса для подавления классовых противников. Тезис об отмирании государства через его усиление был выдвинут им

в докладе на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «Итоги первой пятилетки»⁶⁶.

В отчетном докладе ВКП(б) на XVIII съезде партии (1939 г.) И.В. Сталин выделил две фазы развития Советского государства: первая фаза — от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов (1917–1933 гг.) — «основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, становлении промышленности и сельского хозяйства...». Подавив сопротивление эксплуататоров внутри страны и победив интервенцию, Советское государство перешло во вторую фазу своего развития (1933–1939 гг.) — «период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции»⁶⁷. Отпала функция военного подавления эксплуататорских классов внутри страны, на смену открытой военной борьбе с эксплуататорами приходит политико-идеологическая и экономическая борьба, что потребовало уделить особое внимание совершенствованию новой государственно-правовой машины: «Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов. Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»⁶⁸.

Это ни в коем случае не означало немедленного отмирания государства: во-первых, еще сохранялось капиталистическое окружение, которое могло в любой момент напасть на Советское государство. Во-вторых, внутри самого Советского государства еще пока сохранялись пусть немногочисленные, но при помощи извне способные к активизации недовольные советской властью из числа бывших кулаков, белогвардейцев, помещиков и капиталистов. Следовательно, диктатура пролетариата еще не выполнила своей исторической миссии, а государство еще должно усиливаться, а не отмирать. И.В. Сталин допускал сохранение института государства даже в коммунистическом обществе: «Сохранится ли у нас государство также в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение...» И вместе с тем: «Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано,

⁶³ См.: *Сталин И.В.* Вредительство на фронте советского уголовного права. М., 1931.

⁶⁴ *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП(б). II. Классовые сдвиги и наши разногласия. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И.В. Соч.: в 13 т. М., 1949. Т. 12.

⁶⁵ Там же // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 247.

⁶⁶ *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки // Сталин И.В. Соч.: в 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 211.

⁶⁷ *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 645.

⁶⁸ Там же. С. 646.

если оно будет заменено окружением социалистическим. Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве»⁶⁹. Названные политические установки были положены в основу деятельности Института права АН СССР и коллектива его сотрудников.

Академик Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954)

В различные годы на государственной службе А.Я. Вышинский последовательно занимал должности начальника Управления распределения Наркомпрода, Прокурора уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР, заместителя Наркома юстиции РСФСР и Прокурора РСФСР (1931–1933), с 1933 г. — заместитель Прокурора СССР, с марта 1935 г. по май 1939 г. — Прокурор СССР. В последующем на дипломатической работе: Первый заместитель Наркома иностранных дел СССР (1940–1946), Министр иностранных дел СССР (1949–1953), Постоянный представитель СССР при Организации Объединенных Наций (1953–1954).

К руководству Институтом государственного права Академии наук СССР (с 1938 г. — Институт права Академии наук СССР) А.Я. Вышинский приступил в 1937 г., имея большой опыт организационно-административной, практической работы в суде, органах прокуратуры и юстиции, как состоявшийся исследователь в области права. Как ученый А.Я. Вышинский отличался острым и пытливым умом, свободно владел французским языком, а также немецким и английским, польский же знал с детства. Как отмечали современники, в беседах всегда был подготовлен по существу вопроса. С 1923 г. им опубликованы десятки

статей и монографий по наиболее актуальным вопросам права вообще и советского права в частности, в том числе по организации судостроительства и судебной практике⁷⁰.

В мае 1925 г. А.Я. Вышинский, в это время уже занимавший должность профессора МГУ и декана экономического факультета Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, избран ректором Московского государственного университета и проработал в этой должности до 1928 г. В 1928–1931 гг. — член коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР, заведовал учебно-методическим сектором Наркомпроса и замещал председателя Государственного ученого совета.

В апреле 1932 г. А.Я. Вышинский возглавил секцию изучения судебно-уголовной политики Института уголовной и исправительно-трудовой политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР; с ноября 1933 г. — секцию техники расследования преступлений (с 1935 г. — секция процесса и техники расследования преступлений); с июля по октябрь 1937 г. там же являлся председателем секции судебного права. В 1935 г. утвержден в звании доктора государственных и общественных наук. С 1939 г. — действительный член Академии наук СССР.

В академической сфере А.Я. Вышинский был активным проводником государственной и правовой идеологии Советского государства, занимался фундаментальными вопросами теории государства и права, уголовного права, судостроительства и судопроизводства, проблемами международного права и международных отношений. Реализуя основные положения марксизма в области общественных наук, он в духе времени, в соответствии с передовыми достижениями юридической науки в зарубежных странах, стремился к тому, чтобы в основе понимания вопросов права была система обусловленных объективными закономерностями развития общества и государства теоретических концепций и положений, предопределяющих совершенствование системы государственного устройства в целом и субъектов правоприменения в частности, а также к интенсификации законодательства и оптимизации правоприменительной практики. Он последовательно критиковал буржуазную науку, а также подходы к праву в целом и юридической науке в частности, предложенные Е.Б. Пашуканисом, П.И. Стучкой и особенно

⁶⁹ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 646.

⁷⁰ См., напр.: Вышинский А.Я. Суд и карательная политика советской власти. Л., 1925; *Его же*. Курс уголовного процесса. Научно-Политической секцией Государственного Ученого Совета допущен в качестве учеб. пособия. М., 1927; От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А.Я. Вышинского. Т. 1. Исправительно-трудовая политика СССР. М., 1934; Андрей Януарьевич Вышинский: Основные даты жизни и научной деятельности. Указатель трудов / сост. В.Е. Кузятин. М., 1941.

Н.В. Крыленко, а также другими известными раннесоветскими юристами (А.А. Сольц и др.).

27 апреля 1938 г. А.Я. Вышинский выступил с докладом «Вопросы права и государства у К. Маркса» на заседании Отделения общественных наук АН СССР. Начав с характеристики взглядов К. Маркса, А.Я. Вышинский обратился к работам П.И. Стучки, заявив, что в них «имеется ряд серьезных ошибок, ряд антимарксистских, антиленинских положений, дающих извращенное представление о существе и значении советского права в эпоху социализма»⁷¹. Принципиальной ошибкой он назвал определение П.И. Стучкой самого понятия права как системы общественных отношений и попытку представить его марксистским. «Стучка доказывал, что юридические или правовые отношения это и есть производственные отношения и что, следовательно, право и есть форма этих отношений». По его мнению, такое определение игнорировало значение права как системы правовых норм, приписало роль закона в социалистическом обществе⁷².

Для А.Я. Вышинского была характерна черта выделения права как самостоятельной части надстройки. Он решительно выступал как против отождествления права с экономикой, так и отождествления права с политикой. Сводя право к политике, происходит обезличивание права как совокупности законов, подрывается их устойчивость и авторитетность, «внушая ложную мысль, будто в социалистическом государстве применение закона определяется не силой и авторитетом советского закона, а политическими соображениями.

Такая мысль означает по существу дискредитацию советской законности, советского права, призванных якобы защищать не права граждан, а проводить “политику”, обязанных при решении тех или других вопросов судебной практики исходить не из требований закона, а из требований политики. <...> Повторяем: право, разумеется, есть категория политическая. В основе советского права лежат политические и экономические интересы рабочих и крестьян; советское право призвано их охранять, их защита — основная задача советского права.

И тем не менее нельзя право сводить к политике, как нельзя отождествлять причину и следствие. <...> Когда определяют право как форму политики, то, в сущности говоря, ничего не определяют. Задача между тем состоит в том, чтобы определить особенности права, как формы политики, его специфику, если даже признать, что право — форма политики.

⁷¹ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. Доклад на заседании Отделения Общественных наук 27 апреля 1938 г. М., 1938. С. 24.

⁷² См.: там же.

Политика — это цели и задачи, преследуемые общественными классами в их борьбе за свои интересы, это — методы и средства, при помощи которых эти интересы защищаются. Определяя право как форму политики, надо определить, в чем состоят специфические качества этой формы как формы правовой, в чем ее отличие именно как правовой формы от других форм политики и т.д. Не ответив на эти вопросы, мы не определим права»⁷³.

Приступив к работе в Институте права в должности Прокурора СССР, А.Я. Вышинский, отмечая практически все прежние советские правовые доктрины, приступил к формированию новой юридической науки и правовой идеологии, соответствующих общенародному характеру Советского государства и потребностям советского общества.

В первые месяцы 1938 г. в Советском Союзе произошли события, которые окончательно изменили расстановку сил в советской юридической науке. 19 января 1938 г. освобожден от должности Наркома юстиции СССР и в последующем арестован по обвинению в участии в антисоветской деятельности Н.В. Крыленко. 29 июля 1938 г. на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР Н.В. Крыленко «признан виновным в том, что с 1930 года (состоя в должности Прокурора РСФСР, Наркома юстиции РСФСР, а затем СССР) являлся участником антисоветской организации правых и по заданию этой организации проводил в органах юстиции вредительскую деятельность» и приговорен к расстрелу, который в тот же день привели в исполнение. 29 июля 1955 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР на основании протеста Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко отменила данный приговор как основанный «на недостаточных и противоречивых доказательствах»⁷⁴.

В этот период правовые позиции А.Я. Вышинского особенно отличались контрастными идеологическими штампами эпохи. Зачастую во внутрироссийском правовом дискурсе истории и современности звучат упреки в адрес советского правоведения первых десятилетий, в том числе А.Я. Вышинского, именно в связи со знаменательным Совещанием 1938 г. по вопросам понимания советского права. Ему приписывается авторство т.н. узконормативного понимания права. Вместе с тем соответствующий подход к пониманию права

⁷³ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. М., 1938. № 4. С. 21, 22.

⁷⁴ Записка Р.А. Руденко в ЦК КПСС о реабилитации Н.В. Крыленко. 11 мая 1955 г. // Реабилитация: как это было. Март 1953 — февраль 1956 гг. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. Т. 1. С. 218.

определял позиции советских теоретиков права до конца 70-х годов.

Именно А.Я. Вышинский произнес с трибуны формулу советского права, представленную Институтом: «Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»⁷⁵. Это означало сведение права к описанию его классовой сущности и этиатическому позитивизму. Но в тот период это был существенный шаг вперед в теории права.

После Октябрьской революции 1917 г. председатель Военно-революционной Следственной комиссии Петроградского военно-революционного комитета (предшественницы ВЧК) и первый председатель Малого Совнаркома М.Ю. Козловский в статье «Пролетарская революция и уголовное право» утверждал, что «коммунистический строй не знает права; право рождается с экономическим неравенством, с расколом населения на классы <...> Переходный строй от капитализма к социализму <...> творит в процессе социалистической революции особенное, невиданное нигде право, право не в подлинном его смысле <...> (В эту эпоху — право не кодекс, не писанный свод законов; без всяких законов, без особых правил вооруженный народ борется со своим классовым противником) <...> Родившись из экономического неравенства, право умирает в коммунистическом обществе будущего вместе со смертью экономического неравенства. Таков жизненный путь права <...> Ныне наша страна переживает эпоху пролетарского права»⁷⁶. Это была одна из первых заявок видного

юриста из руководства государства на пролетарское право и на отмирание права при коммунизме.

В конце 1930 г. в редакционной статье журнала «Советское государство и революция права» советское право объявлялось уже «одной из форм проведения политики господствующего класса пролетариата. В основе же политики пролетариата лежит единство цели — стремление к построению бесклассового общества — коммунизма. <...> Советское право, как форма политики пролетариата, и может быть оценено только с этой точки зрения»⁷⁷. Здесь же звучит откровенная критика предшествующих теорий о том, что «уже совершенно точно обрисовалось течение, которое пытается представить наше советское переходное право как систему пролетарского права. <...> Но эти “левые” рассуждения о пролетарском праве таят в себе все ту же мысль о двойственности тенденций права переходного периода и отражают тот же консерватизм юридического мышления»⁷⁸.

Е.Б. Пашуканис на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 г. демонстрировал пример самокритики по ряду своих работ, приводя в оправдание своих «заблуждений» различные доводы, которые с позиции сегодняшнего дня выглядят достаточно ироничными. Рассуждая о праве, он сформулировал свою позицию так: «буржуазные государствоведы самую политику пытаются изобразить как право, растворить в праве, — у нас, наоборот, право занимает подчиненное положение по отношению к политике. У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужно никакой юридической системы пролетарского права. <...> Мы против того, чтобы право отодвигало на задний план и поглощало политику. Мы за то, чтобы в праве на первом месте стояла политика, чтобы политика довлела над правом»⁷⁹.

Вывод о жизнеспособности права на пути движения к коммунизму он обусловил целым набором несбыточных обстоятельств: «пока что об отмирании права довольно трудно говорить конкретно, но можно все-таки, опираясь на Маркса, сказать, что дело здесь заключается в том, что должна исчезнуть власть разделения труда над человеком, должна исчезнуть в частности противоположность умственного и физического труда как один из важнейших источников общественного неравенства, должны исчезнуть противопоставление отдельных

⁷⁵ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. С. 27. Предваряя текст формулы права, А.Я. Вышинский особенно отметил: «Первая попытка дать такое определение права сделана Институтом права Академии наук, обсудившим и утвердившим представленные мною тезисы. Эта попытка сделана (я подчеркиваю, что это только первое приближение к определению)» (см.: там же). Повторно А.Я. Вышинский вернулся к этой формуле год спустя в статье «XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права»: где делает «общий вывод — определение права, данное Институтом Права Академии Наук и исходившее из великого учения о государстве и праве Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, очевидно, выдержало первые испытания. Но оно нуждается в дальнейшей разработке и улучшении» (см.: *Вышинский А.Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 6–12).

⁷⁶ *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 24, 25.

⁷⁷ В наступление по всему фронту // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 9.

⁷⁸ Там же. С. 10.

⁷⁹ *Пашуканис Е.* Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 48.

интересов общим интересам и связанный с этим принудительный характер труда, наконец, должно исчезнуть и государственное принуждение. Только тогда коммунистическое общество совлечет с себя “ветхого Адама”, только тогда отомрет и право»⁸⁰.

А в ответ на вопрос П.И. Стучки: «А революционная законность?», ответил: «Революционная законность, т. Стучка, — это для нас на 99 процентов политическая задача. Ее мы не разрешим сейчас иначе, как ориентируясь на политику. Это не значит, что мы должны отмахнуться от работы по созданию основ и кодексов. Мы должны делать эту работу, потому что если мы от этого отвернемся, то это возьмут в свои руки старые юристы и будут протаскивать там свои реакционные идеи. Но ставить на место движения вперед вместе с рабочим классом, вместе с партией какую-то застывшую систему, хотя бы и под названием пролетарского права, — этого мы не должны делать»⁸¹.

В 1936 г. автор «меновой концепции права», «пересмотрев» свои бывшие взгляды о праве диктатуры пролетариата как «отмиравшем праве», стал выдвигать новую теорию «социалистического права». Е.Б. Пашуканис писал, что «не начало какого-то отмирания права, а наступление того периода, когда содержанием советского социалистического права и в городе, и в деревне стали однотипные социалистические производственные отношения»⁸². Теперь он считал право «эффективным орудием социалистического государства», которое должно сохраниться до «полной победы коммунизма». Само право Е.Б. Пашуканис не мыслил без норм и государственного принуждения.

Другим теоретиком, разделяющим подобную концепцию, был соратник Е.Б. Пашуканиса по Институту права Академии наук СССР старший научный сотрудник М.Н. Доценко, который писал, что «советское право превращается в социалистическое не только по своему направлению, задачам и целям, не только потому, что оно оформляет захват, развитие и укрепление хозяйственных высот и исходит из пролетарского государства, но и потому, что оно является выражением победившей социалистической экономики, орудием ее закрепления и формой регулирования социалистического общества по пути его развития к полному коммунизму. Это есть высший этап развития социалистического права, и это право будет крепнуть и развиваться, пока не будет завершен

переход ко второй фазе коммунизма, где отомрут и право, и государство»⁸³.

Эти правовые позиции Е.Б. Пашуканиса поддерживал Н.В. Крыленко по меньшей мере до декабря 1934 г.⁸⁴ В конце 1936 г. он пригласил Е.Б. Пашуканиса на должность своего заместителя, а в 1937 г. уже беспощадно критиковал его идеи и уличал в политическом отступничестве⁸⁵.

16 июля 1938 г. из доклада А.Я. Вышинского на I Совещании по вопросам науки советского государства и права в стране узнали о «троцкистско-бухаринской банде во главе с Пашуканисом, Крыленко и рядом других изменников», заседавшей «в различных институтах и главным образом в бывшем сначала Институте советского строительства и права Коммунистической академии, а потом в б. Институте государственного права Академии наук»⁸⁶. «Проповедь вредительских “теорий” отмирания права и государства; “выветривания” права, советского права, как “права без справедливости”, как буржуазного права; проповедь построения советских уголовных кодексов как кодексов без общей и особенной частей; проповедь “хозяйственного права”, превращавшего человека в хозяйственную “единицу”»⁸⁷, — во всем этом А.Я. Вышинский обвинил руководство Института, где стал директором.

Понимание права, сводящее его к принудительным нормам, к моменту формулирования его А.Я. Вышинским было употребительным на протяжении более полувека. Это был своего рода некий заданный лейтмотив в юридической науке, а его оппонентом можно рассматривать социологические подходы к правопониманию. Идея о том, что принудительные нормы отражают интересы господствующего класса, восходящая к классикам марксизма, тоже имеет большую историю и часто ассоциировалась с другими вариантами понимания права, в основу которых было положено понятие интереса.

С середины 1950-х годов некоторые юристы начали критику данной позиции. Теоретической предпосылкой этих идей явилась последовательная критика догматически коммунистической

⁸³ Доценко М.Н. Советское социалистическое право // Там же. С. 30.

⁸⁴ См.: Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Сов. государство. 1935. № 1–2. С. 88, 95–98.

⁸⁵ См.: Крыленко Н.В. К положению на теоретическом правовом фронте (Тезисы) // Сов. юстиция. 1937. № 6. С. 7–9.

⁸⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. С. 4.

⁸⁷ Там же. С. 13.

⁸⁰ Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 43.

⁸¹ Там же. С. 49.

⁸² Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Сов. государство. 1936. № 3. С. 4.

трактовки права как возведенной в закон воли господствующего класса. В 70-е годы были подвергнуты сомнению все четыре элемента упомянутого определения: господство одного класса над другими в современном обществе; чисто государственное происхождение права, в том числе прав человека; полное совпадение права и закона; верховенство государства над правом.

Критика эта не была случайной, она выражала демократические настроения интеллигенции, в том числе юристов, направленные против беззаконий и произвола, которые, по существу, обосновывались приведенной выше формулой. Уже формировалась идея правового государства, и нужно было найти новое определение права, которое утверждало бы законность и права человека, меняло привычное для многих соотношение права и государства в пользу первого. На этой основе возникли и получили развитие представления о т.н. широком понимании права, а также о различении права и закона.

В широкое понимание права были включены, как известно, не только юридические нормы, но и правовые отношения, а также правовая идеология и правосознание. Научным сотрудником Института права АН СССР, зав. сектором истории государства и права С.Ф. Кечекьяном в противовес признанному определению права было предложено понимание права как единства правовой нормы и правоотношения⁸⁸. В монографическом исследовании автора «Правоотношения в социалистическом обществе» правовые отношения определены им как «особые идеологические отношения, возникающие в результате воздействия норм права на поведение людей» и «представляющие собой связь прав одного лица с корреспондирующими ему обязанностями другого лица»⁸⁹.

Член-корреспондент РАН Д.А. Керимов предложил следующее его определение: «социалистическое право есть государственная воля руководимого рабочим классом всего трудящегося народа, выраженная в системе общеобязательных норм, направленных на охрану устоев и принципов социализма, регулирование общественных отношений в интересах строительства коммунизма и обеспеченных в своем осуществлении деятельностью государства (в т.ч. принудительно) и соответствующих общественных организаций»⁹⁰.

⁸⁸ См.: Кечекьян С.Ф. Нормы права и правоотношения // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 23, 24.

⁸⁹ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 5.

⁹⁰ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 195.

«Именно благодаря тому, что право является результатом обобщающего процесса мышления представителей господствующего класса, “абстрактным итогом” отдельных юридически значимых явлений, нормативной и общеобязательной формой правового сознания, оно и приобретает особое, специфическое содержание, которое отличается от содержания отражаемых им объективных факторов общественной жизни, которое синтезировано и систематизировано включает в себя преобразованную в сознании законодателя совокупность этих факторов»⁹¹.

Советский правовед Г.В. Мальцев, исследуя объективные основания права, обосновывал различие между законом и правом, о чем писал, что если право — это прежде всего сама общественная жизнь, а не абстракция или отражение жизни, то законы, будучи результатом отражательной способности человеческого сознания и воли, только постольку являются правом, поскольку верно отражают динамику объективного общественного развития. Смысл нормальной связи права и закона состоит в том, что закон как выражение государственной воли должен быть точной, адекватной, в научном отношении безупречной формулировкой действительного, объективно возникающего в обществе права. Г.В. Мальцев сделал вывод о возникновении и потребности вывести «проблему сущности и содержания права в область общественных отношений, объективных экономических и иных законов (закономерностей) социального развития»⁹².

В 1980 г. на страницах журнала «Правоведение» появилась статья В.О. Тененбаума «О сущности права», содержащая анализ дискуссии об определении и понятии права. В ней отчетливо выделена тенденция (обоснованная взглядами Д.А. Керимова, В.Г. Графского, Е.А. Лукашевой, Л.С. Мамута, В.С. Нерсисянца, В.А. Туманова и др.) неприятия узкого понимания права как совокупности правил, установленных государством⁹³.

Либертарная теория права акад. РАН В.С. Нерсисянца получила название от латинского слова *libertas* (свобода). Теория стала одной из первых правовых концепций, в рамках которой предпринята попытка кардинального пересмотра господствовавших в СССР марксистско-ленинских представлений о праве и государстве. В конце 70-х — начале 80-х годов ученый отстаивал идеи различения права и закона, особых свойств всеобщей правовой

⁹¹ Там же. С. 212.

⁹² Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977. Гл. 3. С. 218.

⁹³ См.: Тененбаум В.О. О сущности права // Правоведение. 1980. № 1. С. 35, 36.

формы, другие идеи в контексте развития марксистской теории права. В качестве самостоятельной, оппозиционной марксизму теория В.С. Нерсесянца была сформулирована в 90-е годы в работах «Наш путь к праву»⁹⁴, «Право — математика свободы»⁹⁵, «Философия права» и др.⁹⁶

Рассматривая сущность права, В.С. Нерсесянец выделял три равноценных определения права: как системы формального равенства, как всеобщей и необходимой формы свободы в общественных отношениях людей и как всеобщей справедливости.

«Правовое равенство — это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Право говорит и действует языком и средствами такого равенства и благодаря этому выступает как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей. В этом смысле можно сказать, что право — математика свободы». И далее: «Право — это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях»⁹⁷.

В 1998 г. в докладе «Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право» В.С. Нерсесянец изложил следующее определение: «под правом, согласно современному конституционному правопониманию, имеются в виду прирожденные и неотчуждаемые основные права и свободы человека, которым должно соответствовать все действующее позитивное право, включая и саму Конституцию. Только на этой конституционно-правовой основе в наших условиях можно двигаться к утверждению правового профиля и содержания деятельности судебной, да и других ветвей власти»⁹⁸.

Развивая свои исходные положения о различении и соотношении права и закона, В.С. Нерсесянец трактовал правовой закон как «адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и конкретности, необходимых для действующего позитивного права»⁹⁹.

⁹⁴ Нерсесянец В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992.

⁹⁵ Нерсесянец В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996.

⁹⁶ См.: Нерсесянец В.С. Юриспруденция: введение в курс общей теории права и государства: для юрид. вузов и фак-тов. М., 1998.

⁹⁷ Нерсесянец В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 17, 20.

⁹⁸ Нерсесянец В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34–41 (Сер.: Новое в юрид. науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин).

⁹⁹ Нерсесянец В.С. Философия права: учеб. для вузов. С. 36.

В понятии «общеобязательность закона» он выделяет два момента: официально-властный и правовой. Первый заключается в том, что закон, исходящий от власти, обеспечивается ее поддержкой и защитой, гарантируется мерами принуждения, санкциями; второй момент состоит в том, что в основе общеобязательности закона лежит представление о нем как о явлении правовом, в претензии закона быть правом¹⁰⁰. В.С. Нерсесянец отстаивал идею о том, что общеобязательной силой должен обладать не всякий, а только правовой закон. Общеобязательность закона обуславливается не его властным характером, а его правовой природой и правовым содержанием. Чтобы претендовать на общеобязательность, закону надлежит иметь необходимые правовые качества, быть выражением свободы, равенства и справедливости. Таким образом, по мнению В.С. Нерсесянца, в принципе допустимы дефиниции понятия права в его различении с законом и в совпадении с ним (правовой закон), но логически невозможно единое понятие права, включающее в себя правовой и неправовой закон¹⁰¹.

В части своих рассуждений он, к сожалению, заблуждается и приходит к ложной констатации о том, что «при социализме (также согласно либертарному правопониманию) фактически есть и действует (причем так, как оно и может действовать) лишь так называемое “социалистическое право” (т.е. советское законодательство), которое не только не является правом, но и (с учетом объективных реалий социализма) не может быть таковым»¹⁰². Негативный государственный потенциал таких суждений заключается в укоренении мнения, что можно не считаться с законом в создании условий для правового нигилизма. Не менее важно и недопустимо то, что игнорировать закон под флагом «истинного права» прежде всего будут все те, кому мешают правопорядок и законность, демократия и гуманизм.

Сторонники интегративного понимания во главе с проф. В.В. Лазаревым определяют право как «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом», заменив главенствующую роль государства на абстрактную неопределенность «официальной защиты» и конституционные ценности — на некие «нормативы»¹⁰³.

¹⁰⁰ См.: там же. С. 36, 37.

¹⁰¹ См.: там же. С. 38.

¹⁰² Там же. С. 34, 35.

¹⁰³ Общая теория права и государства: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 120.

Профессор Ю.А. Тихомиров в условиях развития социалистического общества, в свою очередь, пришел к выводу об опережающем воздействии права «как своего рода нормативной модели, как государственной воли, выражающей программу действий, устремленность общества и граждан к преобразованиям с использованием ими всего арсенала юридических средств. <...> право выступает средством определения целей и одновременно средством преодоления возникающих противоречий экономического и социального развития»¹⁰⁴.

При таком различии правовых научных позиций Д.А. Керимов полагал, что новое видение права в его широком социальном контексте не может не отразиться на определении его сущности. «В юридической науке, — пишет ученый, — сложилось такое положение, когда, с одной стороны, традиционное представление о праве существенно поколеблено, но не в такой степени, чтобы окончательно разрушиться, уступив место новому направлению; с другой стороны, новое направление в понимании права в силу своей недостаточной обоснованности не в состоянии полностью заменить традиционное представление»¹⁰⁵.

И действительно, в конце XX в. целый ряд известных ученых выходят с идеей признания за судебной практикой роли источника права (Р.З. Лившиц, В.М. Жуйков, С.А. Иванов)¹⁰⁶. Е.А. Лукашева и Л.С. Явич признавали правом объективные общественные отношения даже до их санкционирования законом.

Современное понимание права исходит из различных точек зрения: позитивистской, философской, социологической, интегративной и т.д. Неоднозначность в подходах к пониманию права существенно влияет на поиск истины этого явления.

Академик В.Н. Кудрявцев предупреждал и настаивал: «Неверно выхолащивать социальное содержание из понятия закона, превращать его в пустую формальность и насыщать этим содержанием только понятие права. Еще более неправильно представлять это содержание односторонне — только позитивным, всегда гуманным, справедливым и демократическим. В действительности содержание любой правовой системы обусловлено историческими закономерностями и не является

однозначным. Думается, нигде нет только “хорошего права” (и только “плохих законов”). В каждой правовой системе есть то и другое, иначе мы отходим от принципа историзма и конструируем чисто искусственные, умозрительные эталоны, не соответствующие действительной жизни.

С этой точки зрения не только законы, но и право было во все времена и у всех народов, имея различное содержание и разные исторические характеристики. <...> Никакая правовая система не является идеальной; принципы гуманизма и демократии воплощаются в ней постольку, поскольку демократичен и прогрессивен политический режим государства, его социально-экономический строй. <...> Что же касается правопонимания, то, конечно, теоретические изыскания в этом направлении должны быть продолжены, правовая система развивается, меняются и наши представления о правовых явлениях, которые содержат в себе еще много недостаточно изученных свойств и сторон»¹⁰⁷.

А.Я. Вышинский считал теорию государства и права теоретическим основанием отраслевых юридических наук. В тезисах доклада «Основные задачи науки советского социалистического права» он определил предмет этой науки следующим образом: «Теория государства и права должна иметь своим предметом по преимуществу разработку таких вопросов, как вопрос о сущности государства и права вообще и советского государства и права в особенности, как вопрос о развитии государства и права; об источниках и институтах права; об исторических типах государства и системах права, об особенностях советского государства и права, как государства и права социалистического типа; о советском праве и пролетарской диктатуре; о содержании и форме правоотношений в советском обществе; о закономерностях и путях развития и укрепления советского государства и советского права и т.п.»¹⁰⁸.

Дальнейшее доминирующее развитие в юридической науке эта научная позиция получила в утвержденном Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР для юридических высших учебных заведений учебнике «Теория государства и права» (1940) С.А. Голунского и С.М. Строговича: «Теория государства и права, основываясь на законах развития человеческого общества, изучает основные, важнейшие явления государственной и правовой жизни и устанавливает соответствующие этим явлениям основные,

¹⁰⁴ Тихомиров Ю.А. Закон, стимулы, экономика. М., 1989. С. 16.

¹⁰⁵ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. Гл. 5. С. 155.

¹⁰⁶ См.: Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. С. 3–15; Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Там же. С. 16–23; Иванов С.А. Судебные постановления как источник трудового права // Там же. Судебная практика как источник права. С. 24–33.

¹⁰⁷ Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 5, 6.

¹⁰⁸ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 265.

самые общие юридические понятия и принципы. Эти принципы и понятия являются руководящими для наук об отдельных отраслях права»¹⁰⁹. Подчеркивая важность этого определения и придавая ему догматический характер, авторы еще раз акцентируют внимание читателя: «Марксистско-ленинская теория государства и права определяет все основные принципы учения о государстве и праве и устанавливает все важнейшие юридические понятия, на основе которых изучаются отраслевые правовые дисциплины»¹¹⁰. Таким образом, в Институте складывалась научная школа теории государства и права в советский период.

Конкретно-отраслевые концепты А.Я. Вышинского

На общем фоне множества публикаций, принадлежащих перу акад. А.Я. Вышинского, особое значение всегда придавалось научным работам, посвященным теории судебного доказывания в советском праве, различным аспектам работы с доказательствами в ходе уголовного судопроизводства и других форм реализации судебной власти¹¹¹. Проблемы судебного доказывания традиционно характеризовались особой актуальностью, особенно в условиях необходимости обеспечения единства и устойчивости системы советского права, его применения судебными и прокурорско-следственными органами.

Широко распространилась дискуссия о роли признания самого обвиняемого как вида доказательств в уголовном процессе, поскольку именно оно фактически считалось формально необходимым для составления обвинительного заключения в ходе массовых репрессий в конце 20-х — начале 50-х годов, в том числе по делам, где обвинение поддерживал сам А.Я. Вышинский. Он цитировал А.Ф. Кони, выражая полное согласие с утверждением, что «собственное признание обвиняемого имеет очень часто пагубное влияние и на ход дела, и на его исход»¹¹², и настаивал, что «было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники»¹¹³. Критику Вышинского вызывает практика «отдаленных времен», когда «признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся

в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, “царицей доказательств” (regina probationem).

К этому в корне ошибочному принципу средневекового процессуального права либеральные профессора буржуазного права ввели существенное ограничение: “царицей доказательств” собственное признание обвиняемого становится в том случае, когда оно получено правильно, добровольно и является вполне согласным с другими установленными по делу обстоятельствами»¹¹⁴. Говоря о недостатках такого судопроизводства, А.Я. Вышинский указывал на коренным образом отличную от того единую цель советского уголовно-процессуального законодательства — «обеспечить возможную полноту следствия, не ставить следствие и суд в какую-либо зависимость от образа действий обвиняемого», а для этого требовать от следствия: «выяснения не только уличающих, но и оправдывающих обстоятельств, обстоятельств, не только усиливающих, но и смягчающих степень и характер ответственности обвиняемого; <...> полного и всестороннего расследования дела, запрещая следователю отказывать обвиняемому (или потерпевшему) в допросе свидетелей, экспертов, в собирании других доказательств, если только обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела; <...> производства допроса нескольких обвиняемых по одному уголовному делу порознь; <...> объявлять обвиняемому об окончании следствия с предъявлением ему всего следственного производства, чтобы обвиняемый мог дополнить следствие теми или другими материалами»¹¹⁵.

Он особенно подчеркивал, что «преступление всегда сопровождают либо видимые, либо невидимые “свидетели”. От искусства следователя зависит нередко выявить, сохранить и представить в суд этих “свидетелей”»¹¹⁶. И акцентировал внимание на специальном требовании закона — недопустимости для следствия «домогаться показаний или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер»¹¹⁷. Опаснейшим орудием против правосудия и опаснейшим средством в руках обвиняемого он называл оговор¹¹⁸.

Наделению обвиняемого процессуальными правами А.Я. Вышинский предавал чрезвычайно важное значение с точки зрения интересов как

¹⁰⁹ Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права: учеб. для юрид. высших учеб. заведений. М., 1940. С. 13.

¹¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹¹ См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.

¹¹² Там же. С. 84.

¹¹³ Там же. С. 177.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. С. 179.

¹¹⁶ Там же. С. 178.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См.: там же. С. 182.

обвиняемого, так и самого государства, с точки зрения интересов правосудия: «положение обвиняемого в процессе не только в качестве его объекта, но и в качестве субъекта процессуальных прав — одно из важнейших условий, обеспечивающих показания обвиняемого значение судебного доказательства»¹¹⁹.

В истории кодификации российского уголовного законодательства советского периода выделяют несколько этапов. Первый этап — это время становления советского государства и права, когда систематизированные акты были единичными. Уголовно-правовые нормы в наиболее обобщенном виде были закреплены в «Руководящих началах по уголовному праву» 1919 г., которые являлись не законом, а инструкцией Наркомата юстиции. Следующий этап — с 1922 до 1924 г. — характеризуется созданием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Принятие Конституции СССР 1924 г., установившей особый вид общесоюзных законов, за которыми впоследствии закрепилось собирательное название «Основы», открыло новый этап систематизации законодательства. В соответствии с конституционным требованием в октябре 1924 г. приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик¹²⁰, а 22 ноября 1926 г. с учетом их положений ВЦИК принят и вступил в силу с 1 января 1927 г. Уголовный кодекс РСФСР.

В этот республиканский Кодекс имплементирован основной методологический посыл Основ — отказ от понятия «наказания», как характерного для буржуазного права и связанного с возмездием, и замена его термином «меры социальной защиты». Кроме того, подтверждался закрепленный в предыдущих уголовных актах принцип, что при выборе санкции учитывается не столько вина, сколько социальная опасность и самого преступника, и совершенного им деяния. К концу 20-х годов уголовное законодательство было полностью кодифицировано.

Двухуровневая система источников уголовного права сохранялась до принятия Конституции СССР 1936 г., передавшей кодификацию уголовного законодательства в сферу общесоюзной компетенции. Усилия по подготовке Уголовного кодекса СССР предпринимались до пересмотра в конце 50-х годов конституционной нормы, вернувшей Уголовному кодексу статус республиканского закона. Восстанавливалась апробированная ранее двухуровневая модель структурирования

законодательства: в 1958 г. приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1960 г. — Уголовный кодекс РСФСР. До конца советского периода уголовное законодательство развивалось путем внесения изменений и дополнений в действующие акты.

22 мая 1938 г. на Всесоюзном прокурорском совещании А.Я. Вышинский раскритиковал попытку Н.В. Крыленко приписать советскому уголовному праву отрицание понятия вины, стремление подменить его понятием вреда. По словам Вышинского, Крыленко «пытался доказывать, что марксизм-ленинизм не знает понятия индивидуальной вины, что все дело сводится к вреду, что мы судим не того, кто виноват, а того, кто причинил вред»¹²¹ и тем самым грубо искажал марксистско-ленинскую методологию в таком важном вопросе советского уголовного права, каким является вопрос о вине и ответственности.

Эту правовую позицию Н.В. Крыленко в категоричной форме высказал в докладе «Принципы переработки уголовного кодекса» на заседании коллегии Наркомата юстиции 24 мая 1928 г.: «В нашем Уголовном кодексе <...> мы изъяли в 1924 году термины “наказание”, “вина” из нашего уголовного права <...> основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что “наказывать” классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом, не имеет никакого смысла»¹²².

«В пролетарских слоях, — рассуждал с трибуны Н.В. Крыленко перед работниками советской юстиции, — никто не будет протестовать против утверждения, что каждый может и должен быть осужден и изъят из общества, нового общества, постольку, поскольку он подозрителен по опасности. Этот принцип не является странным, это старый закон французской революции: ты подозрителен, и этого достаточно для того, чтобы принять против тебя репрессивные меры. Что же, этот принцип вызовет противоречие или возмущение в пролетарских кругах? Нет. Вызовет противоречия в нашем сознании? Нет. И этот правильный

¹¹⁹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. С. 184.

¹²⁰ См.: Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик: с приложением текста «Основных начал» и материалов. М. — Л., 1927.

¹²¹ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. 21 мая 1938 г. // Соц. законность. 1938. № 6. С. 9.

¹²² Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24/V — 1928 года) // Революция права. 1928. № 4. С. 3—19.

принцип уже в достаточной степени внедрен в сознание масс»¹²³.

В том же году вышла его работа «Суд и право в СССР», представляющая собой теоретический и практический комментарий к Основам судопроизводства, материального уголовного права СССР, где он писал: «Иначе, как метафизическим, нельзя назвать такое утверждение, что законодатель может и должен предусмотреть в Уголовном кодексе все до одного проявления классовой борьбы, какими по существу в эпоху революционной ломки представляются преступления. Исходя из этих соображений, политически неосторожным, нецелесообразным и прямо глупым явилось бы со стороны господствующего класса связать себе руки торжественным обещанием преследовать только за те действия, которые он заранее предусмотрел в законе»¹²⁴. С революционной категоричностью находил буржуазность «в известном принципе, формулированном еще со времен римского права: *nullum crimen sine lege*, или *nullum crimen — nulla poena*, т.е. нет преступления, если нет карающего закона»¹²⁵ и решительно утверждал, что «советское уголовное право принципиально <...> отвергает теорию *nullum crimen*, отнюдь не считая ее единственно исчерпывающей и единственно возможной теорией применения уголовных законов»¹²⁶. И наставлял: «Общественная опасность деяния должна быть единственным критерием при применении процессуальных и уголовных законов. Если суд признает то или другое действие опасным, он должен рассмотреть его даже при отсутствии специального закона»¹²⁷.

Однако уже в 1934 г. он же публично укорял себя в том, что «мы допустили и некоторые новые ошибки <...> утвердив вместо термина “наказание” термин “меры социальной защиты”»¹²⁸.

Выступая 25 декабря 1934 г. на совместном заседании президиума Комкадемии и Государственного института уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР с докладом о проекте Уголовного кодекса СССР, он говорил: «Кодекс должен быть достаточно гибким, чтобы обеспечить

суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном случае, в том числе тогда, когда необходимо судить по аналогии, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора наиболее целесообразной меры репрессии для каждого конкретного случая. Мы решили, что нельзя в этом отношении идти за либералами, которые тянут нас назад, отказываясь вообще, под предлогом борьбы за революционную законность, от определенной свободы суда, связывая тем самым руки судье в процессе классовой борьбы»¹²⁹. Необходимо подчеркнуть, что в тот период Н.В. Крыленко был Народным комиссаром юстиции РСФСР, а назвал «либералом» заместителя Прокурора СССР А.Я. Вышинского. Сам Крыленко являлся идеологом революционного направления в советском правоведении и наиболее убежденным и последовательным сторонником доктрины революционной целесообразности. Приверженцев этой доктрины было немало среди советских правоведов.

А.Я. Вышинский подчеркивал, что Н.В. Крыленко не принимал во внимание разницы между умыслом и неосторожностью, между неосторожностью и случаем, что исключало возможность «говорить об индивидуальной ответственности, об индивидуализации вины». В связи с этим дискредитировался суд и советский закон, прививалось «пренебрежительное отношение к требованиям закона и справедливости». Такая точка зрения, заключал Вышинский, «приводит к практике огульных приговоров, что дискредитирует наше правосудие, не говоря уже о том, что она в целом противоречит социалистическому правосознанию, являющемуся одним из важнейших элементов судебной и прокурорской деятельности»¹³⁰.

Научные позиции А.Я. Вышинского по проблемам понимания советского права¹³¹, обеспечения мира и безопасности средствами международного права¹³², теории и практики судебного доказывания в советском праве, различным аспектам работы с доказательствами в ходе уголовного и гражданского судопроизводства имеют познавательное значение для развития инструментария совершенствования современной правовой доктрины, законодательства и оптимизации

¹²³ Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24/V — 1928 года). С. 19.

¹²⁴ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судопроизводства и судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 2: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.; Л., 1928. С. 28.

¹²⁵ Там же. С. 27.

¹²⁶ Там же. С. 29.

¹²⁷ Там же. С. 30.

¹²⁸ Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. С. 87.

¹²⁹ Там же. С. 104.

¹³⁰ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. 21 мая 1938 г. С. 9.

¹³¹ См.: Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. М., 1937; Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад А.Я. Вышинского, прения и заключение на I совещании по вопросам науки сов. государства и права, 16—19. VII. 1938 г. М., 1938.

¹³² См.: Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. М., 1951.

правоприменительной практики. Идеи А.Я. Вышинского являются важной составляющей общей истории советского правоведения, отражают конкретно-исторические условия их формирования, проблематику строительства Советского государства, сохраняя связь с идейными и методологическими установками западноевропейской юриспруденции, социальной мысли и философии.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что академик А.Я. Вышинский фактически обосновал тезис не только о новом типе государства, но и о воспроизводимом им социалистическом праве как о наиболее совершенном механизме реализации демократических ценностей. Советское право, в его понимании, обеспечивает наивысшую степень прямого доступа народа ко всем видам власти и к управлению государством в целом. Речь идет о новом типе правопонимания, при котором право является действующим, а не декларативным. Оно позволяет реально достичь идеалов демократии, а не оставляет их на уровне юридических фикций. Однако в силу аскетичности своей натуры и скромности характера А.Я. Вышинский не осмелился забежать вперед и анонсировать зарождение нового типа правопонимания.

Если построение государства имело преимущественно материально-производственное выражение, вершилось на глазах юриста, советские учреждения на практике испытывались на прочность, а институты с его участием апробировались, то право и тем более правопонимание как явления духовные требовали более длительного временного лага для самореализации и, соответственно, объективации в жизни. Будучи приверженцем естественно-научной точности, академик не мог заявить о существовании того, для вызревания чего еще не прошло достаточное время. Вместе с тем колоссальный опыт А.Я. Вышинского подталкивал его к интуитивному пониманию того, что «на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина воздвигнут новый общественный строй — советский социалистический строй, опирающийся на общественную социалистическую собственность, на новую социалистическую дисциплину труда, на новую социалистическую культуру».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адоратский В.В.* О государстве (к вопросу о методе исследования). М., 1923. С. 32.
2. Андрей Януарьевич Вышинский: Основные даты жизни и научной деятельности. Указатель трудов / сост. В.Е. Кузяткина. М., 1941.

3. *Антонов-Саратовский В.П.* О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3, 4; № 3–4. С. 1–3.
4. *Биюшкина Н.И., Кодан С.В.* Политико-юридические механизмы обеспечения единства законности и системы законодательства РСФСР в 1917–1922 гг. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 66–75.
5. *Бранденбургский Я.Н.* Просто законность или революционная законность? // Еженедельник Сов. Юстиции. 1922. № 31–32. С. 1, 2.
6. В наступление по всему фронту // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 9, 10.
7. Вопросы права и государства у Маркса. Доклад на заседании Отделения общественных наук Академии наук СССР 27 апреля 1938 г. М., 1938.
8. Вопросы права и законности в первые годы советской власти: сб. науч. тр. М., 1984.
9. Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. 21 мая 1938 г. // Соц. законность. 1938. № 6. С. 9.
10. *Вышинский А.Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 6–12.
11. *Вышинский А.Я.* Вопросы международного права и международной политики. М., 1951.
12. *Вышинский А.Я.* Вопросы права и государства у К. Маркса. Доклад на заседании Отделения общественных наук 27 апреля 1938 г. М., 1938. С. 24.
13. *Вышинский А.Я.* Вопросы права у Карла Маркса // Известия. 1938. 23 мая.
14. *Вышинский А.Я.* Вопросы распределения и Революция. М., 1922.
15. *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории. М., 1937.
16. *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. Научно-Политической секцией Государственного Ученого Совета допущен в качестве учеб. пособия. М., 1927.
17. *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 265.
18. *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. М., 1938. № 4. С. 4, 13, 21, 22, 27.
19. *Вышинский А.Я.* Советское государство — государство нового типа. Доклад, прочитанный на Сессии Академии наук СССР 20 ноября 1942 г. М., 1943.
20. *Вышинский А.Я.* Суд и карательная политика советской власти. Л., 1925.
21. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 84, 177–179, 182, 184.
22. *Гойхбарг А.Г.* Несколько замечаний о праве // Сов. право. 1924. № 1 (7). С. 4.

23. *Голунский С.А., Строгович М.С.* Теория государства и права: учеб. для юрид. высших учеб. заведений. М., 1940. С. 13, 14.
24. *Доценко М.Н.* Советское социалистическое право // Сов. государство. 1936. № 3. С. 30.
25. *Жуйков В.М.* К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 16–23 (Сер.: Новое в юрид. науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин).
26. Записка Р.А. Руденко в ЦК КПСС о реабилитации Н.В. Крыленко. 11 мая 1955 г. // Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956 гг. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. Т. 1. С. 218.
27. *Иванов С.А.* Судебные постановления как источник трудового права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 24–33 (Сер.: Новое в юрид. науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин).
28. *Ильинский И.Д.* Категории «законности» и «справедливости» в советском праве // Сов. право. 1926. № 2. С. 3–24.
29. *Ильинский И.Д.* Право и быт. Л.; М., 1925. С. 16.
30. *Исаев М.М.* Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик: с приложением текста «Основных начал» и материалов. М. – Л., 1927.
31. *Калинин М.И.* О революционной законности. Речь на торжественном заседании в Комакадемии по поводу 10-летия советской прокуратуры. М., 1932.
32. *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. Гл. 5. С. 155.
33. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 195, 212.
34. *Кечекьян С.Ф.* Нормы права и правоотношения // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 23, 24.
35. *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 5.
36. *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 24, 25.
37. Коммунистический манифест и современность: материалы науч. конф., посвященной 125-летию «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва, 9–12 марта 1973 г. М., 1974.
38. *Крыленко Н.В.* Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924. С. 32, 33.
39. *Крыленко Н.В.* К положению на теоретическом правовом фронте (Тезисы) // Сов. юстиция. 1937. № 6. С. 7–9.
40. *Крыленко Н.В.* Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24/V – 1928 года) // Революция права. 1928. № 4. С. 3–19.
41. *Крыленко Н.В.* Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Сов. государство. 1935. № 1–2. С. 87, 88, 95–98, 104.
42. *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судостроительства и судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 2: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.; Л., 1928. С. 27–30.
43. *Крыленко Н.В.* Что такое революционная законность. М.; Л., 1927.
44. *Крыленко Н.В., Яхонтов В.И.* Статьи о революционной законности. М., 1926. С. 46–60.
45. *Кудрявцев В.Н.* О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 5, 6.
46. *Курский Д.И.* Ближайшие задачи изучения Советского Права // Сов. право. 1922. № 1.
47. *Курский Д.И.* На путях развития Советского права: статьи и речи, 1919–1926. М., 1927. С. 44–59.
48. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XX. С. 119; т. XXII. С. 456, 457; т. XXIII. С. 186; т. XXXIV. С. 287–339.
49. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма. М., 1963.
50. *Лившиц Р.З.* Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 3–13 (Сер.: Новое в юрид. науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин).
51. *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М., 1977. Гл. 3. С. 218.
52. *Марецкий Г.* К вопросу об эволюции самодержавия (По поводу книги М.Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России». Прибой. 1925 г.) // Большевик. 1926. № 5. С. 86–97.
53. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 376, 532; т. III. С. 144; т. VII. С. 254; т. XIV. С. 26; т. XXXVII. С. 348, 418.
54. *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992.
55. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
56. *Нерсесянц В.С.* Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34–41 (Сер.: Новое в юрид. науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин).
57. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 17, 20, 34–38.
58. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция: введение в курс общей теории права и государства: для юрид. вузов и фак-тов. М., 1998.
59. Общая теория права и государства: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 120.
60. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад А.Я. Вышинского, прения и заключ. слово на I совещании по вопросам науки сов. государства и права, 16–19. VII. 1938 г. М., 1938.
61. *Островский А.* О революционной законности: (Органы юстиции БАССР). Уфа, 1929.
62. От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А.Я. Вышинского. Т. 1. Исправительно-трудовая политика СССР. М., 1934.
63. *Пашуканис Е.Б.* Государство и право при социализме // Сов. государство. 1936. № 3. С. 4.

64. Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 43, 48, 49.
65. Пашуканис Е. Б., Ангаров А. И., Ашрафьян З. А., Доценко М. Н. Учение о государстве и праве: учеб. пособие для комвузов и втузов / под ред. Е. Пашуканиса. Л., 1932.
66. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Курск, 1924. Ч. 1 и 2.
67. Проблемы исторической науки и наши задачи. Редакционная статья // Сов. государство. 1936. № 2. С. 9–11.
68. Против исторической концепции М. Н. Покровского: сб. ст. Часть первая. Институт истории. М. – Л., 1939.
69. Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 5, 47, 50, 64, 65.
70. Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Сов. государство и революция права. 1931. № 3. С. 149.
71. Рейснер М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л., 1925. С. 35.
72. Рыбаков В. А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.
73. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.
74. Славин И. В. Вредительство на фронте советского уголовного права. М., 1931.
75. Слепков А. Н. Не согласны! (Ответ т. Покровскому) // Большевик. 1925. № 5–6. С. 65–72.
76. Слепков А. Н. Рецензия на книгу М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» // Большевик. 1924. № 14. С. 113–122.
77. Сольц А. А., Файнблит С. Д. Революционная законность и наша карательная политика. М., 1925. С. 5, 9.
78. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1953. С. 394.
79. Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 240.
80. Сталин И. В. Итоги первой пятилетки // Сталин И. В. Соч.: в 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 211.
81. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 22.
82. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б). II. Классовые сдвиги и наши разногласия. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1953. С. 247.
83. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б). II. Классовые сдвиги и наши разногласия. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И. В. Соч.: в 13 т. М., 1949. Т. 12.
84. Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 645, 646.
85. Сталин И. В. Соч. Т. VI. С. 119.
86. Стальгевич А. К. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 5. С. 49–51.
87. Стучка П. И. Право – закон – техника // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М., 1931. С. 198, 199.
88. Стучка П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и о государстве. I: Общее учение и праве. М., 1921.
89. Стучка П. И. Революция и революционная законность // Сов. государство и революция права. 1930. № 3. С. 22.
90. Тененбаум В. О. О сущности права // Правоведение. 1980. № 1. С. 35, 36.
91. Тихомиров Ю. А. Закон, стимулы, экономика. М., 1989. С. 16.
92. Томсинский С. Г. Рецензия «К вопросу о социальной природе русского самодержавия» (М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, «Прибой», 1925 г. Его же, Японская война, сб. «1905 г.», т. I) // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15. С. 253–283.
93. Трайнин А. Н. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. 1926. № 7–8. С. 1–3.
94. Трайнин А. Н. О революционной законности // Право и жизнь / под ред. А. М. Винавера, М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. М., 1922. Кн. 1. С. 5–8.
95. Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 41.
96. Троцкий Л. Д. Перманентная революция: сб. М., 2005. С. 307.
97. Энциклопедия государства и права: в 3 т. / под ред. П. Стучки. М., 1925. Т. 1. III, 1240 стб.
98. Яхонтов В. И. О революционной законности // Сов. право. 1926. № 1 (19). С. 3–12.

REFERENCES

1. Adoratsky V. V. On the state (on the question of the research method). М., 1923. P. 32 (in Russ.).
2. Andrey Yanuarievich Vyshinsky: The main dates of his life and scientific activity. Index of works / comp. V. E. Kuzyatina. М., 1941 (in Russ.).
3. Antonov-Saratovsky V. P. On revolutionary legality // Revolutionary legality. 1926. No. 1–2. Pp. 3, 4; No. 3–4. Pp. 1–3 (in Russ.).
4. Biyushkina N. I., Kodan S. V. Political and legal mechanisms for ensuring the unity of legality and the system of legislation of the RSFSR in 1917–1922 // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2021. No. 4. Pp. 66–75 (in Russ.).
5. Brandenburgsky Ya. N. Just legality or revolutionary legality? // The Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 31–32. Pp. 1, 2 (in Russ.).
6. On the offensive along the entire front // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 11–12. Pp. 9, 10 (in Russ.).
7. Questions of law and the State in Marx. Report at the meeting of the Department of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences on April 27, 1938. М., 1938 (in Russ.).

8. Issues of law and legality in the early years of Soviet power: collection of scientific papers. M., 1984 (in Russ.).
9. All-Union Prosecutor's Meeting. Report by A. Ya. Vyshinsky. May 21, 1938 // Social legality. 1938. No. 6. P. 9 (in Russ.).
10. *Vyshinsky A. Ya.* The XVIII Congress of the CPSU(b) and the tasks of the science of socialist law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. Pp. 6–12 (in Russ.).
11. *Vyshinsky A. Ya.* Questions of international law and international politics. M., 1951 (in Russ.).
12. *Vyshinsky A. Ya.* Questions of law and the state by K. Marx. Report at the meeting of the Department of Social Sciences on April 27, 1938. M., 1938. P. 24 (in Russ.).
13. *Vyshinsky A. Ya.* Questions of law from Karl Marx // Izvestia. 1938. May 23 (in Russ.).
14. *Vyshinsky A. Ya.* Questions of distribution and Revolution. M., 1922 (in Russ.).
15. *Vyshinsky A. Ya.* On the situation on the front of legal theory. M., 1937 (in Russ.).
16. *Vyshinsky A. Ya.* The course of criminal procedure. He was admitted as a student by the Scientific and Political Section of the State Academic Council manuals. M., 1927 (in Russ.).
17. *Vyshinsky A. Ya.* The main tasks of the science of Soviet socialist law. Report at the First Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938) // Abstracts of the report by Comrade A. Ya. Vyshinsky "The main tasks of the science of Soviet socialist law" // Issues of Jurisprudence. 2009. No. 2. P. 265 (in Russ.).
18. *Vyshinsky A. Ya.* The main tasks of the science of Soviet socialist law. An abridged transcript of the report at the First Meeting on the Science of Soviet Law and the State on July 16, 1938. M., 1938. No. 4. Pp. 4, 13, 21, 22, 27 (in Russ.).
19. *Vyshinsky A. Ya.* The Soviet state is a new type of state. Report read at the Session of the USSR Academy of Sciences on November 20, 1942. M., 1943 (in Russ.).
20. *Vyshinsky A. Ya.* Court and punitive policy of the Soviet government. L., 1925 (in Russ.).
21. *Vyshinsky A. Ya.* Theory of judicial evidence in Soviet law. M., 1941. Pp. 84, 177–179, 182, 184 (in Russ.).
22. *Goikhbarg A. G.* A few remarks on law // Soviet law. 1924. No. 1 (7). P. 4 (in Russ.).
23. *Golunsky S. A., Strogovich M. S.* Theory of the state and law: textbook for lawyers higher studies. M., 1940. Pp. 13, 14 (in Russ.).
24. *Dotsenko M. N.* Soviet socialist law // Soviet State. 1936. No. 3. P. 30 (in Russ.).
25. *Zhuikov V. M.* On the issue of judicial practice as a source of law // Judicial practice as a source of law. M., 1997. Pp. 16–23 (Ser.: New in Law science and practice / ed. by B. N. Topornin) (in Russ.).
26. A note by R. A. Rudenko to the Central Committee of the CPSU on the rehabilitation of N. V. Krylenko. May 11, 1955 // Rehabilitation: how it was. March 1953 – February 1956 Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials. M., 2000. Vol. 1. P. 218 (in Russ.).
27. *Ivanov S. A.* Judicial rulings as a source of Labor Law // Judicial practice as a source of law. M., 1997. Pp. 24–33 (Ser.: New in legal science and practice / ed. by B. N. Topornin) (in Russ.).
28. *Ilyinsky I. D.* Categories of "legality" and "justice" in Soviet law // Soviet law. 1926. No. 2. Pp. 3–24 (in Russ.).
29. *Ilyinsky I. D.* Law and Everyday Life. M., 1925. P. 16 (in Russ.).
30. *Isaev M. M.* The basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union republics: with the application of the text of the "Basic principles" and materials. M. – L., 1927 (in Russ.).
31. *Kalinin M. I.* On revolutionary legality. Speech at a solemn meeting at the Comcademy on the occasion of the 10th anniversary of the Soviet Prosecutor's office. M., 1932 (in Russ.).
32. *Kerimov D. A.* Philosophical foundations of political and legal research. M., 1986. Ch. 5. P. 155 (in Russ.).
33. *Kerimov D. A.* Philosophical problems of law. M., 1972. Pp. 195, 212 (in Russ.).
34. *Kechekyan S. F.* Norms of law and legal relations // Soviet State and Law. 1955. No. 2. Pp. 23, 24 (in Russ.).
35. *Kechekyan S. F.* Legal relations in a socialist society. M., 1958. P. 5 (in Russ.).
36. *Kozlovsky M. Yu.* The Proletarian revolution and Criminal Law // The Proletarian Revolution and law. 1918. No. 1. Pp. 24, 25 (in Russ.).
37. The Communist Manifesto and Modernity: proceedings of the scientific conference dedicated to the 125th anniversary of the Manifesto of the Communist Party by K. Marx and F. Engels. Moscow, March 9–12, 1973. M., 1974 (in Russ.).
38. *Krylenko N. V.* Conversations about law and the state. Lectures given at the courses of UKOM secretaries at the Central Committee of the Russian Communist Party (b.). M., 1924. Pp. 32, 33 (in Russ.).
39. *Krylenko N. V.* On the situation on the theoretical legal front (Theses) // Sov. Justice. 1937. No. 6. Pp. 7–9 (in Russ.).
40. *Krylenko N. V.* Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR (Report at the meeting of the Board of the NKJ dated 24/V – 1928) // Revolution of Law. 1928. No. 4. Pp. 3–19 (in Russ.).
41. *Krylenko N. V.* Draft Criminal Code of the USSR // Soviet State. 1935. No. 1–2. Pp. 87, 88, 95–98, 104 (in Russ.).
42. *Krylenko N. V.* Court and law in the USSR. Theoretical and practical commentary on the fundamentals of the judicial system and judicial proceedings and substantive Criminal Law of the USSR. Part 2: Fundamentals of criminal justice of the USSR and the Union Republics. M.; L., 1928. Pp. 27–30 (in Russ.).
43. *Krylenko N. V.* What is revolutionary legality. M.; L., 1927 (in Russ.).
44. *Krylenko N. V., Yakhontov V. I.* Articles on revolutionary legality. M., 1926. Pp. 46–60 (in Russ.).
45. *Kudryavtsev V. N.* On legal understanding and legality // State and Law. 1994. No. 3. Pp. 5, 6 (in Russ.).
46. *Kursky D. I.* The immediate tasks of studying Soviet Law // Soviet Law. 1922. No. 1 (in Russ.).
47. *Kursky D. I.* On the ways of development of Soviet law: articles and speeches, 1919–1926. M., 1927. Pp. 44–59 (in Russ.).

48. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. XX. Pp. 119; vol. XXII. Pp. 456, 457; vol. XXIII. P. 186; vol. XXXIV. Pp. 287–339 (in Russ.).
49. *Lenin V.I.* Three sources and three components of Marxism. M., 1963 (in Russ.).
50. *Livshits R.Z.* Judicial practice as a source of law // Judicial practice as a source of law. M., 1997. Pp. 3–13 (Ser.: New in legal science and practice / ed. by B.N. Topornin) (in Russ.).
51. *Maltsev G.V.* Social Justice and Law. M., 1977. Ch. 3. P. 218 (in Russ.).
52. *Maretsky G.* On the evolution of autocracy (Regarding the book by M.N. Pokrovsky “Marxism and features of the historical development of Russia”. Priboy. 1925) // Bolshevik. 1926. No. 5. Pp. 86–97 (in Russ.).
53. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. I. Pp. 376, 532; vol. III. P. 144; vol. VII. P. 254; vol. XIV. P. 26; vol. XXXVII. Pp. 348, 418 (in Russ.).
54. *Nersesyants V.S.* Our way to law. From socialism to civilization. M., 1992 (in Russ.).
55. *Nersesyants V.S.* Law – mathematics of freedom. The experience of the past and prospects. M., 1996 (in Russ.).
56. *Nersesyants V.S.* The court does not legislate or govern, but applies law // Judicial practice as a source of law. M., 1997. Pp. 34–41 (Ser.: New in legal science and practice / ed. by B.N. Topornin) (in Russ.).
57. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 1997. Pp. 17, 20, 34–38 (in Russ.).
58. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence: an introduction to the course of General theory of law and the state: for lawyers. M., 1998 (in Russ.).
59. General theory of law and the state: studies student’s handbook universities studying in the specialty “Jurisprudence” / ed. by V.V. Lazarev. 3rd ed., rev. and add. M., 2003. P. 120 (in Russ.).
60. The main tasks of the science of Soviet socialist law. A. Ya. Vyshinsky’s report, debates and conclusions the floor at the First meeting on science of the Soviet State and law, 16–19. VII. 1938. M., 1938 (in Russ.).
61. *Ostrovsky A.* On revolutionary legality: (BASSR judicial authorities). Ufa, 1929 (in Russ.).
62. From prisons to educational institutions: collection of articles / under the general ed. of A. Ya. Vyshinsky. Vol. 1. Correctional labor policy of the USSR. M., 1934 (in Russ.).
63. *Pashukanis E.B.* The state and law under socialism // Soviet State. 1936. No. 3. P. 4 (in Russ.).
64. *Pashukanis E.* The situation on the theoretical legal front (Towards some results of the discussion) // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 11–12. Pp. 43, 48, 49 (in Russ.).
65. *Pashukanis E.B., Angarov A.I., Ashrafyan Z.A., Dotsenko M.N.* The doctrine of the state and law: textbook for colleges and higher education institutions / ed. by E. Pashukanis. L., 1932 (in Russ.).
66. *Pokrovsky M.N.* An essay on the history of Russian culture. Kursk, 1924. Parts 1 and 2 (in Russ.).
67. Problems of historical science and our tasks. Editorial article // Soviet State. 1936. No. 2. Pp. 9–11 (in Russ.).
68. Against the historical concept of M.N. Pokrovsky: collection of articles. Part One. Institute of History, M., 1939 (in Russ.).
69. *Razumovsky I.P.* Problems of the Marxist theory of Law. M., 1925. Pp. 5, 47, 50, 64, 65 (in Russ.).
70. Resolution of the First All-Union Congress of Marxist Statesmen and Legal Experts on the reports of E. Pashukanis and Ya. Berman // Soviet State and the Revolution of Law. 1931. No. 3. P. 149 (in Russ.).
71. *Reisner M.A.* Law: Our law. Someone else’s law. Common law. M.; L., 1925. P. 35 (in Russ.).
72. *Rybakov V.A.* Revolutionary legality: a theoretical aspect // Law and the State: theory and practice. 2017. No. 12 (156). Pp. 58–62 (in Russ.).
73. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024 (in Russ.).
74. *Slavin I.V.* Sabotage on the front of Soviet Criminal Law. M., 1931 (in Russ.).
75. *Slepkov A.N.* Disagree! (Reply to a friend Pokrovsky) // Bolshevik. 1925. No. 5–6. Pp. 65–72 (in Russ.).
76. *Slepkov A.N.* Review of the book by M.N. Pokrovsky “Essays on the history of the revolutionary movement in Russia of the nineteenth and twentieth centuries” // Bolshevik. 1924. No. 14. Pp. 113–122 (in Russ.).
77. *Solts A.A., Finblit S.D.* Revolutionary legality and our punitive policy. M., 1925. Pp. 5, 9 (in Russ.).
78. *Stalin I.V.* Questions of Leninism. 11th ed. M., 1953. P. 394 (in Russ.).
79. *Stalin I.V.* Report on national moments in party and state building at the XII Congress of the RCP(b) on April 23, 1923 // Stalin I.V. Essays. M., 1947. Vol. 5. P. 240 (in Russ.).
80. *Stalin I.V.* Results of the first five-year plan // Stalin I.V. Essays: in 13 vols. M., 1951. Vol. 13. P. 211 (in Russ.).
81. *Stalin I.V.* On the Great Patriotic War of the Soviet Union. M., 1947. P. 22 (in Russ.).
82. *Stalin I.V.* On the right deviation in the CPSU(b). II. Class shifts and our differences. Speech at the plenum of the Central Committee and Central Committee of the CPSU(b) in April 1929 (Transcript) // Stalin I.V. Questions of Leninism. 11th ed. M., 1953. P. 247 (in Russ.).
83. *Stalin I.V.* On the right deviation in the CPSU(b). II. Class shifts and our differences. Speech at the plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU(b) in April 1929 (Transcript) // Stalin I.V. Essays: in 13 vols. M., 1949. Vol. 12 (in Russ.).
84. *Stalin I.V.* Report at the XVIII Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU(b). March 10, 1939 // Stalin I.V. Questions of Leninism. 11th ed. Pp. 645, 646 (in Russ.).
85. *Stalin I.V.* Essays. Vol. VI. P. 119 (in Russ.).
86. *Stalgevich A.K.* Ways of development of Soviet legal thought // Revolution of Law. 1928. No. 5. Pp. 49–51 (in Russ.).
87. *Stuchka P.I.* Law – law – technology // 13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: collection of articles, 1917–1930. M., 1931. Pp. 198, 199 (in Russ.).

88. *Stuchka P.I.* The revolutionary role of law and the state. The general doctrine of law and the state. I: General Doctrine and Law. M., 1921 (in Russ.).
89. *Stuchka P.I.* Revolution and revolutionary legality // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 3. P. 22 (in Russ.).
90. *Tenenbaum V.O.* About the essence of law // Law studies. 1980. No. 1. Pp. 35, 36 (in Russ.).
91. *Tikhomirov Yu.A.* Law, incentives, economics. M., 1989. P. 16 (in Russ.).
92. *Tomsinsky S.G.* Review "On the question of the social nature of the Russian autocracy" (M.N. Pokrovsky. Marxism and the peculiarities of the historical development of Russia, "Priboy". 1925 His own, the Japanese War, collection of 1905, vol. I) // Herald of the Communist Academy. 1926. No. 15. Pp. 253–283 (in Russ.).
93. *Trainin A.N.* On the question of class justice // Revolutionary legality. 1926. No. 7–8. Pp. 1–3 (in Russ.).
94. *Trainin A.N.* On revolutionary legality // Law and Life / ed. by A.M. Vinaver, M.N. Gernet, A.N. Trainin, M., 1922. Book 1. Pp. 5–8 (in Russ.).
95. *Trotsky L.D.* History of the Russian Revolution: in 2 vols. Vol. 1: The February Revolution. M., 1997. P. 41 (in Russ.).
96. *Trotsky L.D.* Permanent revolution: collection. M., 2005. P. 307 (in Russ.).
97. Encyclopedia of State and Law: in 3 vols / ed. by P. Stuchka. M., 1925 Vol. 1. III, 1240 stb. (in Russ.).
98. *Yakhontov V.I.* On the revolutionary legality // Soviet law. 1926. No. 1 (19). Pp. 3–12 (in Russ.).

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич — академик Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук, главный редактор журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Aleksander N. — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the journal "State and Law"; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

BOCHKAREV Sergey A. — Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

© 2025 г. Э. В. Кабурнеев

Следственный комитет Российской Федерации, г. Москва

E-mail: icrf@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.07.2025 г.

Аннотация. В статье с учетом актуальной нормативной базы, судебной и следственной практики, воззрений ученых, практического опыта и результатов научных исследований автора рассмотрены вопросы расследования Следственным комитетом Российской Федерации во взаимодействии с оперативными службами террористической деятельности киевского режима. На основе анализа материалов конкретных уголовных дел выявлены определенные особенности следственной работы по противодействию террористической активности военных органов и специализированных служб Украины. Возникающим проблемам дана соответствующая оценка и предложены пути их решения. Сделаны научно обоснованные выводы об изменении форм террора на современном этапе и предложены конкретные меры борьбы с данным явлением. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов и образовательном процессе.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, теракт, киевский режим, расследование преступлений, профилактика преступности, Следственный комитет РФ.

Цитирование: Кабурнеев Э. В. Научно-правовые аспекты противодействия террористической деятельности киевского режима // Государство и право. 2025. № 10. С. 39–49.

DOI: 10.31857/S1026945225100021

METHODOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE TERRORIST ACTIVITIES OF THE KIEV REGIME

© 2025 E. V. Kaburneev

Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow

E-mail: icrf@rambler.ru

Received 15.07.2025

Abstract. In this article, taking into account the current regulatory framework, judicial and investigative practice, the views of scientists, practical experience and research results of the author, the issues of investigation by the Investigative Committee of the Russian Federation in cooperation with the operational services of the terrorist activities of the Kiev regime are considered. Based on the analysis using the method of included observation of materials from specific criminal cases, certain features of investigative work on countering terrorist activity by military authorities and specialized services of Ukraine have been identified. The problems that arise are appropriately assessed and ways of solving them are proposed. Scientifically based conclusions have been drawn about the changing forms of terror at the present stage and specific measures have been proposed to counter them.

The results of the study can be applied in the activities of law enforcement agencies and the educational process.

Key words: terrorism, terrorist activity, terrorist attack, Kiev regime, crime investigation, crime prevention, Investigative Committee of the Russian Federation.

For citation: Kaburneev, E.V. (2025). Methodological and legal aspects of counteracting the terrorist activities of the Kiev regime // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 39–49.

Терроризм в современных реалиях стал одним из инструментов силового выражения воли и влияния отдельных социальных групп на руководство государств, а также мировое сообщество, получив особое место в политическом инструментарии отдельных стран¹. Использование подобных методов в борьбе за власть всегда связано с кровопролитием и не может адекватно восприниматься в цивилизованном обществе.

Российский законодатель понимает терроризм в следующей формулировке: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»².

¹ См.: Рагимов И. М., Голик Ю. В., Коробеев А. И., Лобач Д. В. Терроризм в России и мире на современном этапе: общая криминологическая характеристика и состояние политико-правового противодействия: аналитический доклад. СПб., 2018. С. 59–70.

² См.: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» (п. 1 ст. 3) // СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146; 2025. № 9, ст. 845.

Истоки противодействия терроризму можно увидеть еще в Библии, которая решительно осуждала пролитие невинной крови, в том числе с целью посеять страх среди мирных жителей³.

По мнению ряда ученых, укореняться террор начал в период постнаполеоновской реставрации в Европе в XIX в., когда правители стран были увлечены поисками новых форм мира, безопасности и справедливого порядка⁴.

Тогда за основу террористической идеологии был взят анархизм, имевший интернациональный и глобальный характер⁵.

Анархисты осуществляли свои кровавые акции на всем земном шаре, среди их жертв можно выделить президента США МакКинли, итальянского короля Умберто I, австрийскую императрицу

³ См., напр.: Второзаконие 27:25; Притчи 6:16–18; Иеремии 7:6; 19:4; 22:3,17.

⁴ См.: Naimark N. Terrorism and the fall of Imperial Russia // Terrorism: Critical Concepts in Political Science. Abingon, 2006. Pp. 269–292; Bergesen A.J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. 2004. Vol. 22. No. 1. Theories of Terrorism: A Symposium. Pp. 38–52.

⁵ См.: Freeland Ch. How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // Financing Terrorism / ed. M. Pieth. Dordrecht; Boston; London, 2004. Pp. 41–48.

Елизавету Баварскую. Это поставило терроризм в ранг проблемы международного характера⁶.

Россия также подвергалась подобным атакам. В марте 1881 г. члены террористической организации «Народная воля» в г. Санкт-Петербурге совершили нападение с помощью самодельных метательных снарядов, начиненных взрывчатым веществом, на императора Александра II. От полученных ранений государь позже скончался. Террористы намеревались таким путем вызвать революцию в стране и провести социальные преобразования.

Некоторые государства попытались адаптировать террористические методы под инструмент влияния на международной арене. Например, в ходе сепаратистского террора, осуществленного поляками на территории Российской Империи в 1863 г., зафиксированы факты материальной и идеологической поддержки повстанцев Англией и Францией⁷.

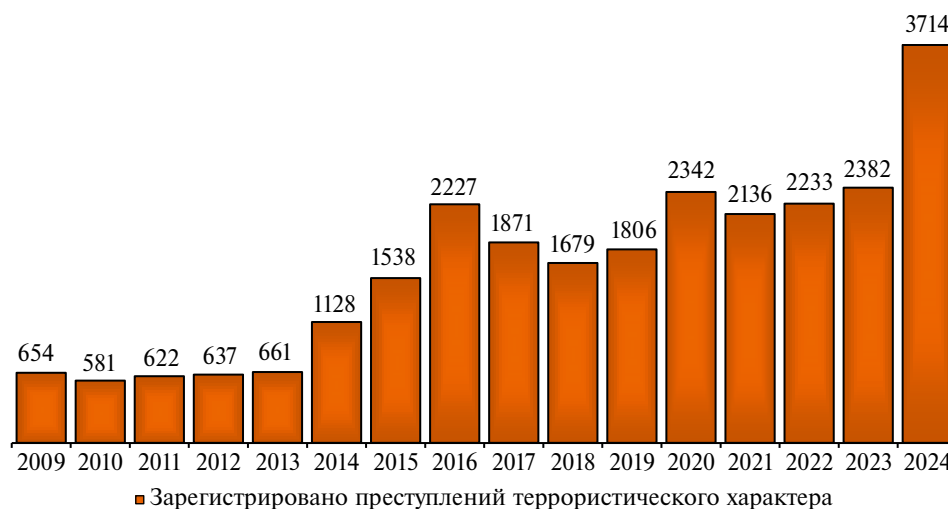
Можно констатировать, что неспособность правоохранительных органов государств бороться с трансграничной преступностью и шовинистские устремления лидеров отдельных стран явились одними из факторов развязывания Первой мировой войны после убийства наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супруги в июне 1914 г. представителем подпольной террористической организации «Млада Босна» (Сербия) на территории Дунайской империи⁸.

В целом к детерминантам терроризма можно отнести возникшие в середине XIX в. пороки общественного и государственного строя, которые выразились в неудачах буржуазных реформ. Общество дошло до точки кипения от несправности и бедности, разочаровавшись в возможностях массового восстания, готового к точечной борьбе с абсолютной монархией⁹. Это подтверждает теорию, что преступность стоит в прямой зависимости от социальных условий, в особенности от тяжелого экономического положения населения¹⁰.

Сейчас мир также переживает подобные волнения и терпит перекосы в социально-экономическом положении стран. Отсюда возникает желание отдельных государств действовать любыми, даже самыми гнусными и откровенно террористическими способами в борьбе с другими странами за первостепенное положение. При таких обстоятельствах современные формы террора имеют достаточно разрушительные перспективы, фатальные для всего человечества.

Анализ динамики террористической преступности на территории Российской Федерации показывает, что с 2014 г. наблюдается ее резкий скачок. Так, если в 2013 г. было зарегистрировано 661 преступление обозначенной категории, то по итогам 2014 г. их количество увеличилось практически вдвое и составило 1128 деяний, а на конец 2024 г. достигло отметки в 3714¹¹.

Динамика преступлений террористического характера в Российской Федерации за 2009–2024 гг.

⁶ См.: Шулов В.И. Терроризм. Социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2004. С. 14–28.

⁷ См.: Литвинов Н., Литвинова А. Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк // Новый мир. 2003. № 11. С. 124–151.

⁸ См.: Lampe J.R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge University Press, 2000. P. 90.

⁹ См.: Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 10–16.

¹⁰ См., напр.: Рагимов И.М. Преступность и наказание. М., 2012. С. 144.

¹¹ См.: Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год и задачах на 2025 год // Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации. М., 2025. С. 91–95.

Россияне гибли в результате терактов у концертного зала в г. Грозном (2014), на борту российского пассажирского самолета над Синайским полуостровом (2015), в супермаркете и метро в г. Санкт-Петербурге (2017), колледже в г. Керчи (2017), около здания консульского отдела посольства России в Кабуле (2022), в «Крокус Сити Холле» в Московской области (2024), преступной активности бандподполья на Северном Кавказе, непосредственных атак киевского режима и их пособников.

Актуальной остается угроза сепаратизма. Отдельные политические деятели призывают к нарушению суверенитета и целостности нашего государства. Их методами выступает возбуждение конфликтных отношений между федеральным центром и отдельными субъектами Российской Федерации, вплоть до вооруженного мятежа и развязывания гражданской войны¹².

Как утверждает А.И. Бастрыкин, «в сложившейся ситуации необходима четкая координация усилий всех противодействующих экстремизму и терроризму структур, активное пресечение вербовочной деятельности со стороны международных террористических организаций и ликвидация их финансовой поддержки»¹³.

Примечательно, что бурный всплеск террористической активности совпал с началом активной фазы боевых действий на юго-востоке Украины и присоединением Республики Крым и г. Севастополя к России, что повлекло введение западными странами масштабных санкций против нашего государства.

Сейчас отчетливо видно, что историческое желание отдельных стран использовать террористические методы для решения своих внешнеполитических задач никуда не делось, только изменились подходы. Если раньше задействовались отдельные радикально настроенные группы в стране — объекте воздействия, то сейчас кровавым актором выступает руководство целой страны — Украины.

Очевидно, что киевский режим установлен для расшатывания России, вовлечения ее в пучину социальных и экономических потерь, а украинский народ используется западными кукловодами в качестве разменной монеты. Подобные провокации в отношении ядерной державы не могут гарантировать мир и спокойствие на Земле, напротив, толкают все население планеты к глобальной катастрофе.

¹² См.: Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб., 2012. С. 16.

¹³ Бастрыкин А.И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 167–170.

Нет сомнения, что работа иностранных специальных служб по разжиганию нацизма и русофобии на Украине, созданию плацдарма, угрожающего национальной безопасности России, велась целенаправленно и масштабно. Активные террористические атаки в ближайших и исторически идентичных с Россией регионах Украины начались весной 2014 г. Русский народ последовательно стал подвергаться гнету украинскими властями.

Россия не могла оставаться в стороне, закрыв глаза на откровенный геноцид братского народа, осуществляемый террористическими способами. Следственный комитет РФ с самого начала данных событий проводит фиксацию и тщательное расследование преступных действий киевского режима¹⁴. По состоянию на июнь 2025 г. возбуждено уже свыше 7300 уголовных дел в отношении 1564 представителей украинского политического и военного руководства по фактам террористических атак на территории Донбасса и Новороссии.

Следователи в условиях постоянных обстрелов принимают исчерпывающие меры по установлению всех обстоятельств совершенных преступлений в отношении мирного населения и объектов гражданской инфраструктуры. С соблюдением необходимых мер безопасности проводятся осмотры мест происшествия с целью обнаружения и изъятия вещественных доказательств, а также сбора информации, необходимой для дальнейшего расследования. В ходе осмотра изымаются оставшиеся на месте происшествия фрагменты поражающих снарядов, фиксируются повреждения имущества. В случае установления места, с которого производился обстрел, и возможности доступа к нему производится осмотр и фиксация оставленной техники и вооружения, следов, свидетельствующих о ее наличии на конкретном участке местности, гильз от боеприпасов и иных предметов, указывающих на присутствие военнослужащих.

Следователями Следственного комитета РФ в рамках расследуемых уголовных дел о событиях на юго-востоке Украины проведено уже порядка 33 тыс. подобных осмотров мест происшествия. Установлено, что в ходе обстрелов населенных пунктов и мирного населения применяются системы залпового огня «Град», «Смерч» и «Ураган», авиационные неуправляемые ракеты, имеющие кассетную боеголовку (С-8), тактические ракетные комплексы «Точка-У», зажигательные боеприпасы, а также тяжелое наступательное вооружение неизбирательного действия иностранного производства, в том числе РСЗО М142 HIMARS, управляемые крылатые ракеты Storm Shadow,

¹⁴ См.: Бастрыкин А.И. Противодействие преступлениям неонацистов на Украине // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2017. № 2 (12). С. 20–23.

ракеты AGM HARM, имеющее высокие поражающие свойства.

Факты применения указанного вооружения подтверждаются полученными в ходе осмотров мест происшествия вещественными доказательствами и заключениями судебных (взрывотехнических) экспертиз. Так, проведенной при расследовании факта обстрела 5 декабря 2022 г. Алчевска ЛНР (погибли 11 человек, 29 получили ранения) взрывотехнической экспертизой установлено, что изъятые с места происшествия осколки являются фрагментами 227-мм управляемого реактивного снаряда GMLRS, используемого для стрельбы из реактивных систем залпового огня M124 HIMARS (США) и MARS2 (Германия). Такие снаряды оснащаются осколочно-фугасной проникающей боевой частью, снаряжаемой около 23 кг взрывчатого вещества на основе гексогена и алюминиевой пудры, их дальность стрельбы составляет от 15 до 84 км.

По заключению эксперта, боеприпасом, которым был нанесен удар 18 октября 2022 г. по стадиону «Энергия» в г. Новая Каховка Херсонской области, унесший жизни двух мирных жителей, является противорадиолокационная ракета HARM AGM-88 с массой боевой части осколочно-фугасного типа 68 кг, максимальная дальность их пуска составляет 80 км. В ходе проведения взрывотехнического исследования по факту обстрела со стороны ВСУ 12 мая 2023 г. г. Луганска, в результате которого погибли двое мирных жителей, а еще семь получили ранения, эксперт установил высокую степень идентичности обнаруженных на месте происшествия фрагментов многоцелевой высокоточной крылатой ракеты большой дальности с автономным наведением Storm Shadow, с массой боевой части до 180 кг, радиус их действия в экспортном варианте до 250 км.

В рамках расследования уголовного дела о событиях на Украине установлено, что в вооруженном конфликте погибли свыше 7 тыс. человек, в том числе 220 несовершеннолетних, почти 19 000 мирных жителей получили ранения, из них 1071 ребенок.

Осуществляется работа по установлению на территории новых российских регионов мест стихийных захоронений гражданских лиц, погибших в результате преступных действий киевских военнослужащих. Следствием проводятся масштабные работы по исследованию и эксгумации тел погибших мирных жителей в новых освобождаемых районах ДНР, Херсонской и Запорожской областей. По результатам экспертиз уже идентифицировано свыше 6300 личностей погибших.

Например, в 2024 г. на территории Луганской Народной Республики в населенных пунктах с. Кудряшовка, пос. Лесная дача, г. Северодонецк, г. Попасная, г. Рубежное, г. Ирмино и иных

обнаружены места массовых (стихийных) захоронений, проведены осмотры мест происшествий, в ходе которых эксгумировано 236 останков. По каждому извлеченному трупу проведены медицинская и генетическая судебная экспертизы, установлены генетические профили.

В рамках расследования допрошено свыше 265 тыс. человек, признано потерпевшими более 132 тыс. лиц, в том числе 24 340 несовершеннолетних. Указанные лица дают показания, подтверждающие проявление особого цинизма со стороны украинской военщины. Так, одна из потерпевших показала, что в январе 2015 г. киевским режимом намерено обстреливались артиллерией жилые кварталы в г. Угледорске ДНР, в результате которых под завалами их общего дома погибли ее малолетние дети.

Типичным примером циничного и бесчеловечного отношения представителей украинских силовых структур к мирному населению являются материалы уголовного дела по факту обстрела из артиллерийского орудия калибра 100 мм утром 9 мая 2017 г. объектов гражданской инфраструктуры, расположенных в с. Безыменное Новоазовского района ДНР, в том числе местной школы, во дворе которой в это время проводилось построение учеников для торжественного шествия и возложения цветов к братской могиле красноармейцев и советских воинов. Здание школы было значительно повреждено, вместе с тем никто из участвующих в мероприятии 56 учеников (с 3 по 11 классы) и шести учителей не пострадал благодаря укрытию в подвале здания.

Из показаний директора школы П.: *«Традиционно 9 мая школьники участвуют в митинге, посвященном Великой Победе. В этот день 2017 года примерно в 9 часов 40 минут школьники выстроились колонной для участия в мероприятии в школьном дворе.., начался обстрел. Мы сразу перешли в холл школы, затем обстрел начал усиливаться.., и мы (учителя и школьники) спустились в подвальное помещение (убежище). Около двух часов мы провели в убежище, обстрел был очень сильный, дети плакали. Что-то взрывалось, разрывы были очень серьезные, потому что здание школы буквально все тряслось. Родители прибегали в школу, чтобы забрать своих детей, но детей мы не отпускали до тех пор, пока не окончился обстрел. Родители вместе с нами прятались от обстрелов в убежище. Плакали все, кричали, и взрослые, и дети. Свет погас во всем селе, но у нас были фонарики и вода... После этого случая на парад 9 мая никто не ходит, потому что мы боимся...».*

Из показаний несовершеннолетней потерпевшей Н., которая на момент обстрела училась в 3 классе: *«9 мая утром я вместе с мамой пришла в школу, для того чтобы всей школой колонной пойти на шествие к мемориальному комплексу возложить*

цветы... Примерно в 9 часов 30 минут все учащиеся школы собрались вначале в холле школы, а затем вышли на построение колонной на улицу..., примерно через 5 минут мы слышали в небе сильные хлопки и звук, как будто что-то сыпется, вначале мы подумали, что это салюты. В толпе началась паника, учителя сразу же завели всех детей обратно в школу...в убежище..., мне было страшно, я переживала за свою жизнь, поскольку в любой момент в нас могла попасть ракета, и мы все могли погибнуть под обломками школы...».

За совершение указанного преступления к уголовной ответственности привлечены военнослужащие гаубичного артиллерийского дивизиона полка особого назначения «Азов»¹⁵ нацгвардии Украины: командир расчета Иванцов и подчиненные ему Гочалиев и Кукурика. Верховным судом ДНР Гочалиев и Кукурика приговорены к 15 годам лишения свободы. В отношении Иванцова вынесен заочный обвинительный приговор, в соответствии с которым он осужден к 22 годам 6 месяцам лишения свободы.

С начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине следователи Следственного комитета РФ во взаимодействии с подразделениями Минобороны, ФСБ и МВД осуществляют задержания украинских военнослужащих, причастных к совершению преступлений против мирного населения. С указанными лицами проводится необходимая следственная и оперативная работа в целях получения сведений об анкетных данных, должности, дислокации, командном составе, численности подразделения, обстоятельствах их участия в боевых действиях, применяемых позывных. Указанная информация систематизируется и анализируется. Кроме того, все украинские военнослужащие проходят процедуру геномной и дактилоскопической регистрации, фиксируются их внешность, ведется картотечный учет лиц.

Данный комплекс мер позволяет оперативно идентифицировать лиц, причастных к убийствам мирных жителей, и проводить иные процессуальные действия, направленные на окончание расследования и предание виновных суду.

В результате данной работы Следственного комитета РФ и оперативных служб судами уже вынесены приговоры в отношении 580 киевских военнослужащих и наемников, 63 из которых назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Следствием продолжается работа по установлению в том числе ключевых украинских фигур, развязавших террор в отношении русского народа.

¹⁵ Признан террористической организацией, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

С учетом совокупности собранных доказательств за совершение террористических атак и иных преступлений против мира и безопасности человечества на территории Донбасса и Новороссии следователями вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых свыше 70 лиц из числа высшего военного и политического руководства Украины, в том числе бывшим членам Совета национальной безопасности и обороны Украины Яценюку, Пашинскому, Наливайченко, Литвиненко и Дешице, принимавшим в 2014 г. преступное решение о проведении т.н. антитеррористической операции на юго-востоке Украины, а также генералам Лещинскому, Вишневскому и иным украинским военнослужащим, руководившим и отдававшим приказы о нанесении кровавых ударов.

«Антитеррористическая операция» уже вполне очевидно прикрывала далеко идущие планы по втягиванию России в конфронтацию с соседним государством, что также не могло иметь пользы для Украины. Значит, украинское руководство осознанно приняло на себя роль террористической организации, начав истреблять собственное население, чтобы потом объявить агрессором Россию, пришедшую на помощь братскому народу. Данная схема действий открывает новую форму террора, которая нуждается в глубоком научном осмыслении.

Чтобы наверняка реализовать план по вовлечению российских войск в боевые действия на юго-востоке Украины, киевские наместники решили расширить зону своей террористической активности на приграничные территории России. Так, в период с 19 февраля 2022 г. по 21 февраля 2022 г. украинские военнослужащие предприняли атаки Ростовской области и, вступив в бой с российскими пограничниками, совершили попытку перехода государственной границы Российской Федерации.

С указанного периода Следственным комитетом РФ возбуждено уже свыше 3160 уголовных дел по фактам артиллерийских обстрелов и атак беспилотными летательными аппаратами объектов жизнедеятельности и инфраструктуры, находящихся на территории городов федерального значения: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, Республики Крым, Краснодарского края, Московской, Ленинградской, Тульской, Калужской, Воронежской, Волгоградской, Ивановской, Владимирской, Нижегородской, Липецкой, Самарской, Тверской, Орловской, Оренбургской, Рязанской, Псковской, Смоленской, Ростовской, Ярославской, Курской, Брянской, Белгородской областей и иных регионов.

По данным следствия, в результате обстрелов российской территории установлена гибель свыше 740 мирных жителей (из них 21 ребенок), не менее

3260 лиц получили ранения различной степени тяжести (в том числе 197 несовершеннолетних).

В результате террористических атак уничтожено и повреждено более 21 200 объектов гражданской инфраструктуры, в том числе свыше 100 медицинских учреждений, 230 детских садов и школ.

Следствием на данном этапе установлены и признаны в качестве потерпевших 8800 физических и представителей юридических лиц. Допрошено более 5300 очевидцев и свидетелей.

Яркими примерами демонстрации террористических устремлений киевского режима служат обстрелы мест массового скопления мирного населения в момент проведения праздничных мероприятий и густонаселенных жилых кварталов, крупных торговых центров в городах России. Так, в результате массированного обстрела украинскими военными из реактивной системы залпового огня 30 декабря 2023 г. места массового скопления жителей в Центральном районе г. Белгорода погибли 25 человек, включая четырех несовершеннолетних, 112 мирным гражданам, в том числе 16 детям, причинены телесные повреждения различной степени тяжести. Осколками разорвавшихся боеприпасов повреждены не являющиеся военными целями свыше 23 социальных и административных зданий и сооружений, более 900 квартир в 100 многоквартирных жилых домах, 20 частных домовладений, 27 мест общего пользования, имущество 81 организации, свыше 350 транспортных средств.

Согласно выводам взрывотехнических судебных экспертиз, обнаруженные на местах происшествия боеприпасы являются фрагментами промышленно изготовленных взрывных устройств неуправляемых реактивных снарядов реактивной системы залпового огня европейского производства, содержащие маркировки “roxel Found AR PHENIX A0016C832-03 Lot ROXEL 01ROX5-18”.

Задokumentированы факты применения украинской военизированной при обстрелах гражданской инфраструктуры артиллерийского и ракетного вооружения иностранного производства: 155-мм высокоточных управляемых активно-реактивных снарядов увеличенной дальности «Эскалибур» (США), реактивной системы залпового огня калибра 122 мм RM-70 «Вампир» (Чехия), тактических баллистических ракет класса «земля–земля» ATACMS для реактивных систем залпового огня M270 MLRS, M142 HIMARS (США). Использование подобного оружия невозможно без инструктажа представителями стран-изготовителей, что лишний раз подтверждает осуществление терактов в отношении России фактически управленцами киевского режима из западных стран.

Кроме того, «иностранцы специалисты» участвуют в вооруженном конфликте на стороне Украины в качестве наемников. Следствием уже установлено свыше 3500 таких лиц из более чем 70 стран. К настоящему времени из них осуждено 125 человек, в отношении 938 вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых, 718 объявлены в международный розыск, 281 заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

С учетом развития новых видов вооружения следует констатировать, что на первый план при нанесении со стороны противника террористических ударов вглубь территории России вышло применение беспилотных воздушных судов самолетного, квадрокоптерного, гексакоптерного типа, FPV-дронов, несущих на своем корпусе смертоносные взрывные устройства (далее – БПЛА).

Следователями Следственного комитета РФ по указанной категории уголовных дел проведено свыше 2300 осмотров мест происшествия, которые имеют специфику и методику проведения.

Так, одно из главных условий – неукоснительное соблюдение требований безопасности. Каждый осмотр такой категории предусматривает обязательное участие специалистов-взрывотехников, которыми выполняется предварительное обследование местности.

На практике встречаются случаи «прилетов» и поражения БПЛА средствами противовоздушной обороны без детонации взрывных устройств, в связи с чем обязательны оцепление территории «приземления», эвакуация рядом находящихся граждан и обеспечение охраны места обнаружения объекта.

Противник действует подло, в соответствии с выбранной им террористической тактикой, не считаясь с жизнями обычных людей, поэтому необходимо учитывать при проведении осмотров фактор возможной повторной атаки БПЛА спустя короткий промежуток времени. Отмечаются факты атак машин скорой помощи, сотрудников МЧС, прибывающих на место для ликвидации последствий теракта и оказания помощи пострадавшим. Силowymi структурами Украины используются БПЛА с отсроченным таймером детонации и самоликвидации. Так, 1 сентября 2024 г. противником совершено нападение с применением БПЛА на нефтеперерабатывающий завод в московском регионе двумя «волнами» в течение короткого времени. Повторная атака произведена в момент работы пожарных расчетов по ликвидации последствий. В связи со своевременным поступлением соответствующей информации от Минобороны России в экстренном порядке была организована эвакуация пожарных расчетов, позволившая избежать жертв.

В октябре 2023 г. зафиксирован факт совершения со стороны представителей киевского режима попытки «ядерного терроризма» путем атаки БПЛА объекта атомной энергии – территории Курской АЭС, повлекшей повреждение хранилища отработанного ядерного топлива.

Следователями Следственного комитета РФ во взаимодействии с экспертными подразделениями ФСБ России сформирована база стоящих на вооружении силовых структур Украины беспилотных воздушных судов различного вида. По результатам проведенных экспертиз установлены типы БПЛА, наиболее часто используемые украинскими вооруженными формированиями при нанесении ударов по территории России: АН-196 «Лютый», UJ-26 Beaver («Бобер»), «Чаклун-В», «Спис» украинского производства, ударное беспилотное воздушное судно Lord (Швейцария), БПЛА Sticker (на основе планера Corgo PPDS фирмы SYPAQ (Австралия)). Укомплектованы данные летательные средства преимущественно из деталей, произведенных в странах НАТО.

Одним из обстоятельств, способствующих совершению киевским режимом терактов на российской территории, нанесению ударов по гражданской инфраструктуре с использованием БПЛА, является активное вовлечение украинскими спецслужбами в совершение преступлений граждан России. В качестве примера может служить расследованное Следственным комитетом РФ во взаимодействии с оперативными службами ФСБ России и направленное в суд уголовное дело в отношении жителя московского региона М., который по заданию спецслужб Украины 27 августа 2023 г. при помощи технических устройств, имеющих специальное программное обеспечение, осуществил передачу географических координат для нанесения ударными БПЛА атаки по инфраструктуре аэродрома Курск (Восточный). В результате по переданным координатам один из аппаратов совершил столкновение с многоквартирным жилым домом, а второй БПЛА взорвался в воздухе при пролете над городом, что повлекло повреждение жилых помещений, административного здания Курского государственного аграрного университета и гражданских транспортных средств.

Кроме того, киевская хунта активно применяет диверсионно-террористические методы агрессии против России, посягая на жизнь военных, политических и общественных деятелей, а также подрывая объекты критически важной государственной инфраструктуры.

При расследовании данной категории преступлений следователю необходимо установить способ совершения теракта, использованное при этом оборудование, источники его получения

и финансирования террористов¹⁶, организаторов, руководителей и исполнителей теракта, роль каждого в совершении преступления, их цели и мотивы, объем и характер причиненного вреда, что во многом зависит от грамотно спланированных и проведенных первоначальных следственных действий, а по делам о терактах одним из самых значимых является осмотр места происшествия¹⁷. Так, суд по расследованному Следственным комитетом РФ уголовному делу приговорил к 22 годам лишения свободы гражданина Украины и Российской Федерации Б., осуществившего 9 июля 2022 г. вблизи села Робчик Брянской области подрыв полотна железной дороги, в результате которого получил повреждение проходящий в этот момент грузовой поезд из Республики Беларусь, что повлекло прекращение на длительный период движения железнодорожного транспорта.

Б. еще в 2019 г. был завербован представителями Главного управления разведки Украины и за денежное вознаграждение прошел обучение террористической деятельности, где получил навыки обращения со взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, управляемыми по радиоканалу, знания о тактике ведения разведки, конспирации, сборе и передаче информации. В июне 2022 г. Б. прибыл на территорию России, где с помощью участников организованной группы отыскал оборудованный ими тайник со взрывчатыми веществами, изготовил из них взрывное устройство с дистанционным управлением, которое и установил на железнодорожный путь, а затем привел в действие.

В Следственном комитете РФ завершены расследования и переданы в суд уголовные дела по обвинению четверых граждан России в совершении террористических актов на объектах железнодорожной инфраструктуры, а также принадлежащих Минобороны России в Брянской, Белгородской, Калужской и Рязанской областях. Все обвиняемые действовали под контролем их «кураторов» из Главного разведывательного управления Министерства обороны Украины.

В Следственном комитете РФ продолжается сбор доказательств деятельности украинской террористической организации, незаконного вооруженного формирования «Русский добровольческий

¹⁶ См.: Бастрыкин А. И. О практике выявления и расследования следственными органами СК РФ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 9–15.

¹⁷ См.: Бастрыкин А. И. Противодействие Следственным комитетом Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 836–846.

корпус»¹⁸, созданного в июле 2022 г. при поддержке ГУР МО Украины.

В настоящее время завершено расследование в отношении организаторов и руководителей данной организации, которые 2 марта 2023 г. в составе диверсионно-разведывательной группы, имея при себе стрелковое и крупнокалиберное огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, в том числе производства стран НАТО (США, ФРГ, Бельгии, Швеции), проникли на территорию Брянской области и совершили нападение на российские населенные пункты Любечане и Сушаны Климовского района. В результате целенаправленного расстрела из автоматов и гранатометов гражданских транспортных средств, объектов критически важной инфраструктуры двое мирных жителей погибли, четверо получили ранения, в том числе один ребенок. Кроме этого получили ранения девять военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, уничтожено частное домовладение, повреждены гражданские транспортные средства, разрушены объекты гражданской инфраструктуры.

За совершение указанных преступлений участники террористической организации приговором суда осуждены к пожизненному лишению свободы (заочно). Установление других соучастников продолжается.

По результатам расследования убийства блогера Фомина (псевдоним Владлен Татарский) непосредственный исполнитель теракта россиянка Т. и укрывавший ее в своей квартире К. осуждены к различным срокам лишения свободы.

К пожизненному лишению свободы осужден П. — непосредственный исполнитель теракта, в котором получил множественные телесные повреждения писатель Прилепин, а его водитель Шубин погиб.

Расследование в отношении организаторов из числа украинских спецслужб и иных соучастников указанных преступлений продолжается.

Продолжается расследование убийств журналиста Дугиной, военнослужащих Минобороны России: начальника войск радиационной и биологической защиты И.А. Кириллова и заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба Вооруженных Сил РФ Я.Я. Москалика.

* * *

Резюмируя изложенное, следует отметить, что Россия встала в противостояние самой изощренной форме терроризма — деятельности террористического государства под руководством киевского режима, управляемого покровителями из стран

западной коалиции. Учитывая масштаб террора, собранные Следственным комитетом РФ в ходе расследования уголовных дел факты украинских злодеяний, представляется, должны стать предметом рассмотрения международного трибунала, созданного по образу и подобию Нюрнбергского процесса по итогам Второй мировой войны.

Объективной площадкой для обеспечения законности и справедливости на межгосударственном уровне без политических окрасок видится БРИКС с перспективой добровольного присоединения других государств, разделяющих наши взгляды.

Объединение БРИКС включает в себя уже 10 государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия, Египет, Иран и Эфиопия) — влиятельных участников ООН, в которых живет почти 45% населения нашей планеты на более трети площади земной суши (36%).

В правовом плане достаточно интересно отсутствие формализма при создании и функционировании БРИКС.

Неформальный клуб действует на основе Устава ООН и норм международного права без каких-либо учредительных документов, руководствуясь убеждениями суверенного равенства, уважения выбора собственного пути развития каждого из государств, взаимного учета интересов и открытости.

Этот юридический вид международных образований не является новшеством. Например, с 70-х годов прошлого века функционирует на подобных основаниях т.н. Большая семерка (Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония и США), однако сейчас вполне очевидно, что внутри данного объединения имеет доминирующую позицию США, оказывая давление на иных участников, в том числе по вопросам введения санкций против России.

БРИКС не нацелен на альянс против отдельного государства или их объединения, а напротив, стремится к формированию многополярного мироустройства и справедливой модели глобальной финансовой и торговой системы, поиску коллективных решений наиболее острых проблем современности, нейтрализации вызовов и угроз.

Нельзя не отметить, что подобная организация партнерства вызывает недовольство у руководства коллективного Запада, привыкшего диктовать всем свои «правила», которые явно идут вразрез с нормами международного права и не учитывают интересы государств с развивающимися экономиками, которыми являются все участники БРИКС.

¹⁸ Внесен в список террористических организаций, запрещенных на территории Российской Федерации.

Желание все большего количества стран прикнуться к БРИКС показывает всеобщую «усталость» от преобладания западных гегемонов.

Создание на площадке данной организации межгосударственного судебного органа, одним из первых дел которого станет суд над киевскими нацистскими преступниками, видится надежным гарантом многополярного мира.

Важно также сконцентрировать усилия российского правоохранительного блока на упреждении деструктивных действий киевского режима на территории нашей страны. Необходимо признать, что противник использует достаточно изощренную тактику ведения подрывной деятельности с применением отвлекающих маневров и агентурной сети из числа россиян, не согласных с проведением специальной военной операции. В этой связи требуется сосредоточить усилия прежде всего на охране стратегических объектов инфраструктуры государства, в первую очередь связанных с обороной. Здесь видится продуктивным задействовать максимальные силы и средства ФСБ России, МВД России, Росгвардии и Минобороны России, а на объектах транспорта, энергетической и иной стратегической промышленности — охранных предприятий соответствующих госкомпаний (Роснефть, Газпром, РЖД и т.д.). Для эффективной координации данной работы может быть организован соответствующий постоянно действующий штаб.

Хорошим подспорьем может служить организация на автомобильных трассах, проходящих вблизи обозначенных объектов, мобильных постов ДПС с системами видеонаблюдения и, насколько это возможно, рентгенконтролем, уделив особое внимание проверке большегрузных транспортных средств.

Действенной мерой является обследование складских помещений (в том числе заброшенных) предприятий с целью отождествления их деятельности с официально заявленной и выявления нелегальных производств, в том числе по созданию ресурсов для террористических актов.

Населению важно разъяснять (с использованием всех возможных средств массовой информации) фатальные риски выстраивания контактов с лицами, настраивающими на деструктивный лад по отношению к собственной стране, и незамедлительно пресекать подобные проявления.

В целях возмещения урона, причиненного отдельным отраслям экономики нашей страны действиями киевского режима, представляется, будет полезным создать межведомственную комиссию, которая сможет принимать оперативные исчерпывающие меры по воссозданию разрушенных или поврежденных стратегических объектов инфраструктуры государства.

Следственным органам необходимо проявлять предельную внимательность при организации первоначальных процессуальных действий на местах происшествий, учитывая террористическую тактику киевских приспешников по нанесению точечных повторных ударов по местам, где уже работают оперативные и иные службы, для увеличения численности и значения потерь.

Только слаженная работа всех правоохранительных органов России и поддержка партнеров по БРИКС позволяют достойно справляться с террористическими выпадами украинской хунты под руководством их правителей и не допустить разрушения основ суверенитета нашего Великого Отечества!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бастрыкин А.И.* О практике выявления и расследования следственными органами СК РФ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 9–15.
2. *Бастрыкин А.И.* Противодействие преступлениям неонацистов на Украине // *Вестник Московской академии Следственного комитета РФ*. 2017. № 2 (12). С. 20–23.
3. *Бастрыкин А.И.* Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // *Вестник СПбУ. Право*. 2021. Т. 12. № 4. С. 836–846.
4. *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // *Актуальные проблемы рос. права*. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 167–170.
5. *Будницкий О.В.* История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 10–16.
6. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб., 2012. С. 16.
7. *Литвинов Н., Литвинова А.* Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк // *Новый мир*. 2003. № 11. С. 124–151.
8. *Рагимов И.М.* Преступность и наказание. М., 2012. С. 144.
9. *Рагимов И.М., Голик Ю.В., Коробеев А.И., Лобач Д.В.* Терроризм в России и мире на современном этапе: общая криминологическая характеристика и состояние политико-правового противодействия: аналитический доклад. СПб., 2018. С. 59–70.
10. *Шулов В.И.* Терроризм. Социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2004. С. 14–28.
11. *Bergesen A.J., Lizardo O.* International Terrorism and the World-System // *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. Theories of Terrorism: A Symposium. Pp. 38–52.
12. *Freeland Ch.* How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // *Financing Terrorism* / ed. M. Pieth. Dordrecht; Boston; London, 2004. Pp. 41–48.
13. *Lampe J.R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge University Press, 2000. P. 90.

14. *Naimark N.* Terrorism and the fall of Imperial Russia // Terrorism: Critical Concepts in Political Science. Abingon, 2006. Pp. 269–292.

REFERENCES

1. *Bastrykin A.I.* On the practice of identifying and investigating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism by the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 7 (176). Pp. 9–15 (in Russ.).
2. *Bastrykin A.I.* Counteracting the crimes of neo-fascists in Ukraine // Herald of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017. No. 2. Pp. 20–23 (in Russ.).
3. *Bastrykin A.I.* Counteracting terrorism and extremism by the Investigative Committee of the Russian Federation // Herald of the St. Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 836–846 (in Russ.).
4. *Bastrykin A.I.* Modern methods of countering terrorism and extremism // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 6. Pp. 167–170 (in Russ.).
5. *Budnitsky O.V.* History of terrorism in Russia in documents, biographies, studies. Rostov-on-Don, 1996 (in Russ.).
6. *Dyakov S.V.* Crimes against the foundations of the constitutional order and state security. SPb., 2012. P. 16.
7. *Litvinov N., Litvinova A.* Anti-state terror in the Russian Empire. Historical essay // Novy mir. 2003. No. 11. Pp. 24–151 (in Russ.).
8. *Ragimov I.M.* Crime and punishment. M., 2012. P. 144 (in Russ.).
9. *Ragimov I.M., Golik Yu. V., Korobeev A.I., Lobach D.V.* Terrorism in Russia and the world at the present stage: general criminological characteristics and the state of political and legal counteraction: analytical report. SPb., 2018 (in Russ.).
10. *Shulov V.I.* Terrorism. Social and philosophical analysis: dis. ... Candidate of the Philosophical Sciences. Perm, 2004 (in Russ.).
11. *Bergesen A.J., Lizardo O.* International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. 2004. Vol. 22. No. 1. Theories of Terrorism: A Symposium. Pp. 38–52.
12. *Freeland Ch.* How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // Financing Terrorism / ed. M. Pieth. Dordrecht; Boston; London, 2004. Pp. 41–48.
13. *Lampe J.R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge University Press, 2000. P. 90.
14. *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism: Critical Concepts in Political Science. Abingon, 2006. Pp. 269–292.

Сведения об авторе

КАБУРНЕЕВ Эдуард Валерьевич —
доктор юридических наук, доцент,
первый заместитель Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации;
119146 г. Москва, 1-я Фрунзенская ул., д. 3А

Authors' information

KABURNEEV Eduard V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
First Deputy Chairman
of the Investigative Committee
of the Russian Federation;
3A 1st Frunzenskaya str., 119146 Moscow, Russia

УДК 340

ИСКАЖЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

© 2025 г. А. В. Малько^{1, *}, А. Н. Зрячкин^{2, **}, А. А. Мусаткина^{3, ***}

¹Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саратов

²Саратовская государственная юридическая академия

³Тольяттинский государственный университет

* E-mail: alex25-58@mail.ru

** E-mail: alnikol@yandex.ru

*** E-mail: alamus13@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.03.2025 г.

Аннотация. В статье освещается проблематика различных проявлений искаженного правосознания в Российской Федерации и их влияние на состояние духовно-нравственных ценностей. Подчеркивается деструктивный характер проникновения деформированных позиций в законодательство и юридическую практику нашей страны, ставится акцент на необходимости комплексного воспитания населения в свете традиционных правовых и моральных начал. Показано, что наличие единых духовных начал и ценностей, выступающих в качестве объединяющих факторов, находится в одном ряду с политической и экономической стабильностью и обеспечивают ее. Делается вывод о том, что традиционные российские духовно-нравственные ценности — это наш культурно-исторический и социально-психологический код, наша «комбинированно-конструктивная» идеология, противодействующая идеологии деструктивной.

Ключевые слова: искаженное правосознание, правовой инфантилизм, правовой идеализм, правовой нигилизм, правовой субъективизм, правовой релятивизм, аномичное правосознание, правовое воспитание, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Цитирование: Малько А. В., Зрячкин А. Н., Мусаткина А. А. Искаженное правосознание и традиционные российские духовно-нравственные ценности // Государство и право. 2025. № 10. С. 50–59.

DOI: 10.31857/S1026945225100034

DISTORTED LEGAL CONSCIOUSNESS AND TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

© 2025 A. V. Mal'ko^{1, *}, A. N. Zryachkin^{2, **}, A. A. Musatkina^{3, ***}

¹Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saratov

²Saratov State Law Academy

³Togliatti State University

* E-mail: alex25-58@mail.ru

** E-mail: alnikol@yandex.ru

*** E-mail: alamus13@yandex.ru

Received 16.03.2025

Abstract. The article highlights the problems of various manifestations of distorted legal awareness in modern Russia and their impact on the state of spiritual and moral values. The destructive nature of the penetration of deformed positions into the legislation and legal practice of our country is emphasized, emphasis is placed on the need for comprehensive education of the population in the light of traditional legal and moral principles. It is shown that the presence of common spiritual principles and values acting as unifying facts are on a par with political and economic stability and ensure it. The conclusion is drawn that the traditional Russian spiritual and moral values are our cultural, historical and socio-psychological code, our “combined constructive” ideology that counteracts destructive ideology.

Key words: distorted legal consciousness, legal infantilism, legal idealism, legal nihilism, legal subjectivism, legal relativism, abnormal legal consciousness, legal education, traditional Russian spiritual and moral values.

For citation: Mal'ko, A.V., Zryachkin, A.N., Musatkina, A.A. (2025). Distorted legal consciousness and traditional Russian spiritual and moral values // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 50–59.

В Российской Федерации в результате «рыночных и демократических реформ» общественное сознание было подвергнуто значительным испытаниям: стремление идеологов «преобразований» устроить жизнь в соответствии с западным укладом и либеральными ценностями вступило в противоречия с фундаментальными чертами российского социального менталитета, на которых основывалось жизнеустройство в нашей стране. Когда на смену организации важнейших сфер человеческой деятельности пришли «свободы», позволяющие воспринимать происходящее под противоположным углом зрения, называть позитивное негативным, а разрушительное, наоборот, оправдывать, произошел такой распад социального устройства, который в 2005 г. был назван крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены. Многие учреждения — распущены или реформировались на «скорую руку»¹. Не осталась в стороне и такая форма общественного сознания, как сознание правовое, под которым зачастую понимают совокупность представлений и чувств, взглядов и установок, выражающих отношение субъектов к действующему и желаемому праву, включающее «интеллектуальную и эмоциональную обработку и оценку юридически значимой информации»².

Природа данного феномена такова, что в нормальном состоянии его можно считать корнем добра и справедливости³, а при появлении различных деформаций оно способно стать источником многих бед. Налицо, соответственно, глубокий психологизм этого феномена, с одной стороны,

и значительная его зависимость от индивидуальных личностных качеств — с другой.

В.С. Горбань и А.В. Нерсисянц, анализируя духовно-религиозные истоки российского правосознания, указывают, что осмысление цивилизационной самобытности отечественной правовой культуры в полной мере «невозможно без включения в сферу таких исследований религиозных и космогонических представлений древних славян, без анализа под этим углом зрения устного мифологического и фольклорного творчества, образцов изобразительного искусства, иных способов выражения религиозно-мифологической символики и т.д.»⁴. С этой позицией следует согласиться, поскольку она позволяет значительно расширить взгляд на роль права в российской исторической парадигме, прояснить отношение людей к соответствующим нормативным положениям в различные исторические периоды. В частности, обращено внимание на то, что в дохристианский период право (правь) — а следовательно, и правосознание — обладало не индивидуальным, а коллективистским наполнением. С приходом христианства и распространением соответствующих ценностей одним из символов отечественного правосознания начал выступать православный крест — как способ взаимосвязи различных миров: земного и небесного, человеческого и божественного, бренного и вечного, он служил формой для воплощения сакрального, духовно-мистического опыта, выступал посредником, который помогал человеку проникнуть в скрытые тайны мироздания⁵. А существование в правовой практике Древней Руси суда земного и Суда Божьего давало дополнительные аргументы в пользу вывода о том, что в русском правосознании была заложена идея

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2005 года // Росс. газ. 2005. 25 апр.

² Кунц Д.А. Правосознание: понятие и сущность. Особенности становления правосознания на примере правосознания юристов // NovaUm.Ru. 2017. № 7.

³ См.: Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2015.

⁴ Горбань В.С., Нерсисянц А.В. Духовно-религиозные истоки отечественного правосознания // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 5. С. 53–78.

⁵ См.: Тен Ю.П. Место и роль символа в современной культуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2007. № 6. С. 14.

Божественного правосудия, которая в течение ряда веков осуществляла регулятивную функцию.

К сожалению, в современный период правосознание немалого количества граждан и должностных лиц в силу ряда произошедших трансформаций в социальной жизни претерпело существенные изменения и приобрело искаженный характер. Как отмечает А.Н. Савенков, в России и на постсоветском пространстве выросло не одно поколение людей, которые не знают или плохо знают историю собственной страны⁶. Соответственно, их правосознание стали отличать следующие признаки:

1) отсутствие адекватной реакции субъекта на юридические предписания при необходимости их соблюдения, исполнения и использования;

2) негативные последствия выбранной линии поведения, затрагивающие не только интересы личности — носителя искаженного правосознания, но и различные аспекты жизнедеятельности окружающих;

3) многообразие форм проявления, часть из которых отличается явной деструктивностью (например, правовой нигилизм и его ведомственная разновидность, а также правовой идеализм), другие же на первый взгляд чуть менее опасны (правовой инфантилизм, субъективизм, релятивизм), но их пагубность становится очевидной, когда носители подобных установок занимают активную позицию при решении жизненно важных вопросов.

Следовательно, искаженное правосознание — это деформированная (ложная, неправильная, извращенная, дефектная и т.п.) реакция субъектов на действующее и желаемое право, влекущая негативные последствия как для его носителя, так и для общества в целом. Не зря же в словарях искажение понимается как «неправильность, ошибка», а исказить — значит «представить в ложном, неправильном виде; резко ухудшить»⁷, исказить же — «извращать, вывертывать, превратно толковать; портить, уродовать, коверкать, обезобразивать»⁸.

Разумеется, деформации правосознания присутствуют в любом обществе и в любое время. Никто еще этого не избежал и вряд ли избежит. И нужно признать, что есть искажения, которые передаются, что называется, «по наследству», лишь с разной степенью своего проявления. Существовали «свои» искажения правового сознания и в дореволюционной России, и в СССР. Существуют они и в постсоветский период нашей жизнедеятельности. В частности,

«ожившая» в сознании людей установка, выраженная в пословице: «Закон что дышло: куда поверотишь, туда и вышло». Или, например, убеждение, согласно которому право выступает не главным, базовым регулятором общественного взаимодействия, а представляет собой нечто относительное, далекое от реальной жизни и деятельности личности и общества — такое суждение приводит к тому, что происходит подрыв доверия к представителям управленческих и юридических структур и отчуждение общества от власти»⁹.

Искажения правосознания в переживаемые Россией переходные периоды развития общества «возникают вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций, сознательных и правовых образов субъектов правовых отношений»¹⁰. При этом люди с дефектностью морального и правового сознания относительно легко вовлекаются в преступную деятельность, особенно связанную с причинением имущественного и информационного вреда¹¹. Эти акты совершаются тогда и в тех условиях, где ранее не было принято достаточных мер воспитательного характера, которые позволили бы вырастить психологически здоровую ответственную личность, где сложилась атмосфера безответственности и вседозволенности.

Начальная стадия искажений правосознания, получившая название правового инфантилизма, определяется как несформированность, обусловленная недостаточностью правовых знаний, отсутствием четких правовых установок¹². Надо оговориться, что это не только психологическая проблема современного индивида, это «радикальный парадигмальный сдвиг в культуре. <...> Если чтение книг, начиная с эпохи Нового времени, делало человека взрослым, то сегодня телевидение и Интернет не позволяют человеку взрослеть»¹³, т.е. в контексте современной правовой реальности брать на себя ответственность за собственную жизнь, не говоря о судьбах родных и близких. Данная патология проявляется «отсутствием у субъекта права потребности в юридической

⁹ См.: Байтасов Р.Р. Правовой нигилизм и релятивизм сотрудников правоохранительной системы, как факторы, сдерживающие построение гражданского общества в стране // Архонт: электронный науч. журнал: [сайт]. 2019. № 3 (12). С. 73–82.

¹⁰ Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юрид. наука. 2016. № 1. С. 41–48.

¹¹ См.: Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В. Ценностные ориентации у лиц, совершающих преступления экономической направленности и в сфере компьютерной информации // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 168–182.

¹² См.: Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 482.

¹³ Аленкова Ю.В. Инфантилизм в парадигме советской и постсоветской культуры // Куляшоўскія чытанні — 2017: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова. 2017. С. 21–27.

⁶ См.: Савенков А.Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть 1) // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 17–43.

⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 253.

⁸ Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М., 2021. С. 215.

осведомленности, а также готовности поступать в соответствии с четкими правовыми предписаниями». Этот дефект «существенно затрудняет возможность осуществления правосознанием его познавательной, оценочной и регулятивной функций. Четкая правовая установка на совершение как правомерных, так и противоправных деяний у субъекта в данном случае отсутствует»¹⁴.

Инфантилизм (в том числе его правовую разновидность) сложно выявить на начальных этапах жизни, потому что детям и подросткам свойственно не принимать важных решений, не думать о последствиях, не контролировать эмоции. Ребенку сложнее учиться и развиваться в реальном мире, предпочтения ограничиваются играми и фантазиями. Без коррекции модели поведения эти черты переносятся во взрослую жизнь, где доставляют много проблем, затрудняя в том числе адекватное восприятие традиционных духовно-нравственных, а также юридических ценностей.

Правовые установки инфантильным субъектом воспринимаются искаженно — не через собственный проживаемый опыт, а преимущественно через советы других лиц, не всегда подходящие к жизненным ситуациям данного конкретного человека. Поэтому на определенном этапе жизненного пути соответствующие установки могут привести к формированию такого искажения правосознания, как правовой субъективизм, носитель которого акцентирует внимание на личных правах, но психологически отрицательно воспринимает собственные обязанности. На это, в частности, прямо указал Председатель первого судебного состава ФАС Московского округа С.В. Алексеев, отвечая на вопросы шеф-редактора журнала «Закон» В. Румака¹⁵.

Вне всякого сомнения, личный опыт субъекта влияет на его интерпретацию того или иного контекста, в том числе духовно-нравственных ценностей. Так, человек, выросший в определенной культуре или регионе, как правило, более осведомлен о принятых там социальных нормах, которые могут быть релевантны для интерпретации тех или иных утверждений. Личный опыт эксперта способен также напрямую влиять на его выводы. Например, эксперт, сформировавший сильные убеждения по определенной теме, может быть более склонен к интерпретации текста, поддерживая эти аргументы¹⁶. Поэтому

становится исключительно важно, чтобы в сфере духовно-нравственных ценностей, как и в других социально значимых отраслях жизни и деятельности, позиции человека носили конструктивный характер, подавая положительный пример представителям его окружения.

Субъективизм опасен тем, что его носители часто способны вступать в конфликт, последствия которого бывают особенно заметны в сфере образования. При этом учащиеся зачастую могут и не вспомнить истинную причину назревшего конфликта, но отчетливо помнят конфликтогены учителя, которые могут надолго остаться в их памяти и оказывать эмоциональное напряжение и психологическое давление¹⁷. Соответственно, преподаваемый педагогом материал при наличии психологически конфликтной ситуации полноценно усвоен быть не сможет, что вместо нормального восприятия духовно-нравственных ценностей будет способствовать формированию новых патологий правосознания и проявлению поведенческих аномий.

Не последнее место в ряду искажений правосознания на сегодняшний день занимает релятивизм. В отношении духовно-нравственных ценностей его дефектный характер весьма заметен, потому что субъекты-носители подобных установок относятся к соответствующим институтам как к чему-то далекому, не имеющему точек соприкосновения с реальной жизнью. Л.А. Микешина при этом полагает, что релятивизм «не является самостоятельной тенденцией, а тем более направлением среди других, но настойчиво проявляется как свойство познания вообще, что стало явным особенно в современном познании, где плюрализм и “множественность миров”, подходов, критериев, систем ценностей парадигм становятся общепризнанными»¹⁸.

В литературе обращается внимание на то, что некоторые релятивистские позиции проникли и в отечественное законодательство, и в юридическую практику, что не может не сказываться на духовно-нравственных ценностях. Как правило, местные обычаи отражены в нормах о брачном возрасте, порядке заключения брака и обстоятельствах, препятствующих ему, основаниях и порядке расторжения брака¹⁹. В частности, согласно ст. 13 СК РФ брачный возраст устанавливается в 18 лет (достижение полной дееспособности, совершеннолетия),

¹⁴ Малиновский А.А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правового сознания // Правоведение. 2008. № 6 (281). С. 171–181.

¹⁵ См.: Алексеев С.В. Законодательство обладает признаками субъективизма и во многом зависит от уровня законодателя // Закон. 2012. № 6. С. 30–34.

¹⁶ См.: Короткова О.А., Терентьева Н.Ю., Терентьев Д.Е. Субъективизм при проведении экспертизы законодательства // Вестник Калужского ун-та. 2023. № 3 (60). С. 30–32.

¹⁷ См.: Минакова С.С., Николаева А.А. Субъективизм учителя как фактор конфликтности // Дискурс. 2019. № 12 (38). С. 69–79.

¹⁸ Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1. С. 53.

¹⁹ См.: Титенко Ю.Е., Чекулаев С.С. Влияние культурного релятивизма на институт брака: сравнительно-правовой анализ семейного законодательства Российской Федерации и стран Азии // Дневник науки. 2021. № 1 (49). С. 61.

однако не только органы местного самоуправления могут при наличии уважительных причин снизить брачный возраст до 16 лет, но и законом субъекта Российской Федерации, исходя из особенностей и традиций данного региона, может быть установлен более ранний возраст, позволяющий вступить в брак.

Например, в начале 2025 г. в Астрахани прошла символическая детская свадьба: восьмилетний мальчик стал мужем тринадцатилетней девочки. В соответствии с положениями Семейного кодекса РФ такой брак является незаконным. ЗАГСы, по словам представителя УМВД России по региону, регистрируют подобный союз только после достижения несовершеннолетними разрешенного для этого возраста²⁰. Вместе с тем органы опеки часто закрывают глаза на «культурные обычаи» некоторых народов, создавая почву для новых проявлений правового релятивизма. Понимание же относительности права, формирование убеждения, согласно которому «закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло», отнюдь не повышает авторитета традиционных ценностей, приводя в итоге к формированию таких искажений правосознания, как правовой идеализм и правовой нигилизм.

Но если идеализм влечет «отрыв от реальности» с возложением на юридические предписания и культурно-нравственные ценности неоправданно высоких надежд, которые могут быть «оборваны или развенчаны самой судьбой» (например, к сожалению, в условиях современного общества среди молодежи редкостью становится создание семьи единой и на всю жизнь), то нигилизм становится символом отрицательного отношения к юридическим нормам, которое во многом носит безосновательный характер.

Нравственное неблагополучие — отличительная характеристика российского общества девяностых годов прошлого века. Оно заключалось в нивелировании значения нравственных норм, принижении значения института семьи, высоком уровне сиротств, криминализации целых социальных групп населения, высоком уровне коррупции и других формах проявления правового нигилизма²¹. Поэтому далеко не случайно в тот период (помимо вышеуказанных аномалий) стали просматриваться новые искажения правосознания, в частности аномичные.

Аномичное правосознание проявлялось не только как сознание в состоянии безумия (патологическая форма сознания), но и как сознание

с неустойчивыми моральными принципами, как сознание человека, который перестает видеть разницу между добром и злом и утратил критерии их разграничения. То место в психическом мире личности, которое в нормальных условиях должно быть заполнено структурами смыслов, норм и ценностей — как юридических, так и иных, — остается незаполненным. В утратившем логику рациональных императивов поведении начинает господствовать хаос иррациональности²². Подобная крайняя форма искаженного правового сознания складывалась в нашем обществе во многом в результате механического заимствования чуждых нам ценностей и отхода от своих исторических корней, когда произошли существенные и быстрые изменения, затронувшие большинство людей и нормы, ослабляющие интегрирующие связи в социально-правовой жизни. Это привело к массовым отклонениям в нормативно-ценностной системе, что как раз и характерно для аномичных процессов²³.

Кроме того, аномичное правосознание может включать в себя и такие искажения, как запредельный нигилизм, как некое массовое пренебрежение требованиями, что связано с резко отрицательным отношением к имеющимся юридическим нормам и во многом «вытекает» из современной идеологии западных стран, которые «довели» неолиберализм до крайности (свободу возвели во вседозволенность). Базируясь на идеях постмодернизма, к имеющимся нормам права относиться с уважением вряд ли получится. Они представляются как пережиток (и потому препятствие) для их якобы нового уровня свободы (на самом деле — вседозволенности). И такое отношение и есть высшая форма пренебрежения к имеющимся нормам права.

Тот нигилизм, который обычно присущ нашему правосознанию и который постоянно критикуют за недооценку права в жизни общества (с чем в определенной части можно согласиться), лишь «цветочки» по сравнению с нигилизмом западных государств. Тут уже явно «проглядываются ягодки», ибо подобное отношение к праву основывается на эгоистическо-неоколониальной позиции Запада по «признанию» собственной исключительности. Это и есть запредельный нигилизм, выражающийся, с одной стороны, в «любви к себе», а с другой — в «ненависти к остальным». «Запредельнее» сложно что-то представить, ибо

²⁰ См.: *Казанцев А.* Полиция прокомментировала цыганскую свадьбу между детьми в Астраханской области // Росс. газ. 2025. 25 янв.

²¹ См.: *Юревич А.В.* Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179.

²² См.: *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 61; см. также: *Липинский Д.А., Иванов А.А.* Правосознание и юридическая аномия // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 116.

²³ См. об этом подр.: *Малько А.В.* Юридическая аномия: понятие и соотношение со схожими категориями // Государство и право. 2024. № 1. С. 9.

идеология неолиберализма, доведенная до крайности (до вседозволенности), превращается в свою тоталитарную противоположность.

В западных обществах, по сути, во многом пренебрегают не только юридическими, но и устоявшимися моральными и религиозными нормами. В них дело дошло до предложения множества гендеров, извращения брачных отношений, когда родителей одного пола считают нормальной семьей и т.д. Таким образом, как верно замечено, «вопрос, какую семью вы считаете нормальной, уже становится политическим, способным расколоть общество. Потому многие ученые подчеркивают: ЛГБТ-тема сегодня стала идеологией, не имеющей никакого отношения к защите прав униженных и оскорбленных»²⁴.

Отсюда носители такой «передовой» идеологии насаждают неолиберальные и прочие ценности, которые во многом прямо противоположны человеческой природе, традиционным семейным устоям, базовым нравственно-религиозным нормам и принципам права. Они это делают в том числе и для того, чтобы манипулировать обществом, которым заниматься гораздо легче с лицами, имеющими искаженное правосознание.

В Российской Федерации для полноценного воспитания зрелой личности, способной нести ответственность за выбираемый образ жизни и его последствия, имеют значение те духовно-нравственные ценности, на которых основано формирование личности. Согласно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁵ под последними понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

А вышеназванные (прежде всего анонимные) искажения правового сознания признаны деструктивной идеологией. В ст. 14 Указа установлено, что «идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей

(далее — деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Верно подмечено, что принятие данного Указа является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом их социокультурной, цивилизационной самобытности, может считаться началом формирования новой правовой идеологии, в основе которой будет лежать не только верховенство прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности²⁶.

Действительно, если рассматривать сегодняшнюю Россию, то вся наша государственность встает на сторону юридических норм, выражающих именно традиционные ценности. Это же готово делать и уже делает и большинство граждан. В частности, социологами подчеркивается, что «основные дискуссии об отношении к публичной, манифестированной гомосексуальности разворачивались у нас лет 5–6 назад, в связи с подготовкой соответствующих законопроектов. Тогда исследования показывали, что значительное большинство россиян поддерживало официальную позицию: однополые отношения — дело частное, приватное, но вот публично демонстрировать их, а тем более приравнивать к брачным, не нужно. Сейчас тематика “другой” нестандартной любви и отношений не в повестке, у нашего общества другие заботы. Но есть... общественные группы, которых сложившийся статус-кво не устраивает, они бы хотели его изменить. Пример для них — США, Франция и другие западные страны. Они хотели бы снять все ограничения на гомосексуальные отношения, легализовать однополые браки, разрешить усыновление детей гомосексуальными парами и т.д.»²⁷. Однако в нынешнем российском обществе все больше растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и возрастает вовлеченность граждан в этот процесс, ведь борьба за собственные ценности не только формирует национальный характер, но и определяет траекторию развития государства в целом.

²⁶ См.: Кроткова Н. В., Орехова Т. Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 194.

²⁷ Емельяненко В., Новоселова Е., Яковлева Е. Лайки для собачьего сердца. Почему скандальные трансгендерные темы навязываются возмущенному обществу // Росс. газ. 2021. 8 июля.

²⁴ Куликов В. Научат главному. Именитые правоведы и философы предложили преподавать Конституцию в школе // Росс. газ. 2022. 12 дек.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Один из основных конфликтов, существующих между западными и иными странами, воплощается в соперничестве носителей соответственно неолиберальных и традиционных ценностей. Для обеспечения последних в современной России выстраивается специальная государственная политика, что и отражено в обозначенном Указе Президента РФ. В ст. 9 прямо установлено, что «государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей... представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей».

Естественно, для наиболее полного осуществления рассматриваемых ценностей в правовой жизни общества мало только их простого закрепления в Указе. Важно детализировать конкретные процедуры их обеспечения в других нормативных и иных правовых актах. И это уже делается. В частности, в 2022 г. был принят Закон о защите традиционных ценностей, в котором запрещены пропаганда ЛГБТ, трансгендерности и педофилии; демонстрация ЛГБТ среди несовершеннолетних, а также информация, побуждающая детей к смене пола. У нас законодательно закреплены понятия «отец» и «мать», а не «родитель № 1» и «родитель № 2». В добавлении к этому Верховный Суд РФ в конце ноября 2023 г. признал движение ЛГБТ экстремистским и запретил его деятельность на территории нашей страны в силу того, что в ней выявлены различные признаки и проявления экстремистской направленности, в том числе возбуждение социальной и религиозной розни.

Кроме детализации законодательства нужна системная и масштабная разъяснительная и воспитательная деятельность государственных и общественных структур. Можно в полной мере согласиться с мнением о том, что «необходимы разносторонняя спланированная и продуманная работа государства и общества по внедрению в общественное сознание этих ценностей, государственное обеспечение массовой солидарности с ними, проведение комплекса мероприятий по превращению их в ориентиры деятельности государственных органов и должностных лиц. И здесь незаменимыми оказываются такие социально-правовые инструменты, как правовое воспитание, правовое просвещение, правовая пропаганда»²⁸.

²⁸ Жинкин С.А. Роль права как средства сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: некоторые аспекты // Юрид. наука. 2025. № 1. С. 8.

Исходя из всего сказанного, видно, что если западный неолиберализм практически дошел до отрицания реальности человеческой природы, предлагая, по сути, отторгаемую естеством антикультуру, то традиционные духовно-нравственные ценности стоят на страже нашей природной нормальности и обеспечиваются юридическими средствами: нормативными правовыми (Конституцией РФ, законами, Указами Президента РФ и т.д.) и правоприменительными актами (решениями Верховного Суда РФ и т.п.) и в целом всеми компонентами правовой культуры нашего общества²⁹.

Вот в том числе и почему юридическая наука и практика нуждаются в концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве. Если таковых не придерживаться, слепо следуя кажущимся привлекательными образцам, идеям и идеалам, правосознание субъекта начинает приобретать искаженный характер. А любая поломка, дефект, аномия, препятствующие адекватной оценке реальной ситуации, могут стать источником многих проблем как в настоящем, так и в будущем. Именно поэтому важно уделять внимание формированию высокого уровня правосознания, уважительного отношения к юридическим предписаниям и умения корректно использовать их в те моменты жизни, которые требуют юридического вмешательства. Ведь если правосознание деформировано, искажено, характеризуется различными дефектами (неважно, идет ли речь об идеологическом его компоненте, психологической составляющей или же обеих этих позициях вместе взятых), ситуация должна подлежать корректировке и совершенствованию в сторону формирования духовно-нравственных ценностей, адекватного восприятия правовых установок соответствующим субъектом.

Воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и уважения к традиционным ценностям — процесс сложный, требующий освоения соответствующих курсов при получении различных уровней образования. Благодаря чему должно происходить усвоение и осознание культуры страны, ее места в современном мире, традиционных ценностей и т.п. Кроме того, следует прививать уважение и чувство заботы к представителям старшего поколения, что в свою очередь выступает показателем духовности и высокой культуры общества³⁰.

²⁹ См.: Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А. Правовая культура, антикультура и юридическая аномия // Основы теории юридической аномии / под ред. Д.А. Липинского. М., 2025. С. 215–217.

³⁰ См.: Мамаева М.Э. Формирование духовно-нравственных ценностей молодежи, наследуя моральные ценности старшего поколения // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. № 1 (4). С. 56–58.

В области образования и развития личности на сегодняшний день внесены значительные изменения в действующее законодательство, уделено много внимания вопросам формирования духовно-нравственных ценностей именно в воспитательном процессе. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»³¹ обязательным требованием образовательной программы в учебных заведениях является программа воспитания и календарный план воспитательной работы, представляющий собой перечень заблаговременно спланированных мероприятий воспитательного характера. Целый комплекс мер, направленных на совершенствование искаженного правосознания, предложен и в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан³².

Все эти шаги исключительно важно выполнять, ибо традиционные российские духовно-нравственные ценности — это наш культурно-исторический и социально-психологический код, наша «комбинированно-конструктивная» идеология, которая противодействует идеологии деструктивной (неолиберальной и т.п.). Повредив данные «корни», легче будет манипулировать нашим сознанием, создавая различные риски и угрозы для развития российского общества. Вот почему необходимо сохранять эти ценности, которые, как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин 7 ноября 2024 г. на Валдайском форуме, мы будем защищать «всеми доступными нам средствами». Как отмечает А.Н. Савенков, необходимо понимать, что Россия преодолела все напасти, ответственна в политике и праве, как и положено великой державе, и на сегодняшний день является надеждой и лидером всего человечества в деле устройства современного мирового порядка, где будут торжествовать безопасность, справедливость, верховенство права, мораль и общепризнанные духовно-нравственные ценности³³. По этой причине важно максимально содействовать государству в его стремлении как оберегать собственные ценности, заложенные в самобытной культуре, так и отстаивать свою историю от фальсификаций и манипуляций.

* * *

Наличие единых духовных начал в обществе выступает значимой детерминантой его развития, находясь в одном ряду с политической

и экономической стабильностью, которые в своей совокупности направлены на решение масштабных задач.

С проблемой духовно-нравственных ценностей связана и историческая память о победе многонационального советского народа в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.В. Законодательство обладает признаками субъективизма и во многом зависит от уровня законодателя // Закон. 2012. № 6. С. 30–34.
2. Аленькова Ю.В. Инфантилизм в парадигме советской и постсоветской культуры // Куляшоўскія чытанні — 2017: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова. 2017. С. 21–27.
3. Байтасов Р.Р. Правовой нигилизм и релятивизм сотрудников правоохранительной системы, как факторы, сдерживающие построение гражданского общества в стране // Архонт: электронный науч. журнал: [сайт]. 2019. № 3 (12). С. 73–82.
4. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 482.
5. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 61.
6. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М., 2021. С. 215.
7. Горбань В.С., Нерсисянц А.В. Духовно-религиозные истоки отечественного правосознания // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 5. С. 53–78.
8. Емельяненко В., Новоселова Е., Яковлева Е. Лайки для собачьего сердца. Почему скандальные трансгендерные темы навязываются возмущенному обществу // Росс. газ. 2021. 8 июля.
9. Жинкин С.А. Роль права как средства сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: некоторые аспекты // Юрид. наука. 2025. № 1. С. 8.
10. Казанцев А. Полиция прокомментировала цыганскую свадьбу между детьми в Астраханской области // Росс. газ. 2025. 25 янв.
11. Короткова О.А., Терентьева Н.Ю., Терентьев Д.Е. Субъективизм при проведении экспертизы законодательства // Вестник Калужского ун-та. 2023. № 3 (60). С. 30–32.
12. Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 194.
13. Куликов В. Научат главному. Именитые правоведы и философы предложили преподавать Конституцию в школе // Росс. газ. 2022. 12 дек.
14. Кунц Д.А. Правосознание: понятие и сущность. Особенности становления правосознания на примере правосознания юристов // NovaUm.Ru. 2017. № 7.

³¹ См.: СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4408.

³² См.: Росс. газ. 2011. 14 июля.

³³ Савенков А.Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть 1) // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 28

15. *Липинский Д.А., Иванов А.А.* Правосознание и юридическая аномия // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 116.
16. *Малиновский А.А.* Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правового сознания // Правоведение. 2008. № 6 (281). С. 171–181.
17. *Малько А.В.* Юридическая аномия: понятие и соотношение со схожими категориями // Государство и право. 2024. № 1. С. 9.
18. *Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А.* Правовая культура, антикультура и юридическая аномия // Основы теории юридической аномии / под ред. Д.А. Липинского. М., 2025. С. 215–217.
19. *Мамаева М.Э.* Формирование духовно-нравственных ценностей молодежи, наследуя моральные ценности старшего поколения // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. № 1 (4). С. 56–58.
20. *Микешина Л.А.* Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1. С. 53.
21. *Минакова С.С., Николаева А.А.* Субъективизм учителя как фактор конфликтности // Дискурс. 2019. № 12 (38). С. 69–79.
22. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991. С. 253.
23. *Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.* Ценностные ориентации у лиц, совершающих преступления экономической направленности и в сфере компьютерной информации // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 168–182.
24. *Савенков А.Н.* Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть 1) // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 17–43.
25. *Самигуллин В.К.* Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2015.
26. *Стругова Е.В.* О правосознании и его деформации // Юрид. наука. 2016. № 1. С. 41–48.
27. *Тен Ю.П.* Место и роль символа в современной культуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2007. № 6. С. 14.
28. *Титенко Ю.Е., Чекулаев С.С.* Влияние культурного релятивизма на институт брака: сравнительно-правовой анализ семейного законодательства Российской Федерации и стран Азии // Дневник науки. 2021. № 1 (49). С. 61.
29. *Юревич А.В.* Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179.
30. *Kuleshov Mogilev State University.* 2017. Pp. 21–27 (in Russ.).
31. *Baitasov R.R.* Legal nihilism and relativism of law enforcement officers as factors constraining the building of civil society in the country // Archon: electronic scientific journal: [website]. 2019. No. 3 (12). Pp. 73–82 (in Russ.).
32. *Baranov P.P.* Legal awareness and legal education // General theory of law: a course of lectures / ed. by V.K. Babaev. Nizhny Novgorod, 1993. P. 482 (in Russ.).
33. *Bachinin V.A.* Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. SPb., 2006. P. 61 (in Russ.).
34. The Big dictionary of synonyms and antonyms of the Russian language. M., 2021. P. 215 (in Russ.).
35. *Gorban V.S., Nersesyants A.V.* Spiritual and religious origins of national legal consciousness // Proceedings of the IGP RAS. 2024. Vol. 19. No. 5. Pp. 53–78 (in Russ.).
36. *Emelianenko V., Novoselova E., Yakovleva E.* Huskies for a dog's heart. Why scandalous transgender topics are being imposed on an outraged society // Ross. gaz. 2021. July 8 (in Russ.).
37. *Zhinkin S.A.* The role of law as a means of preserving and protecting traditional Russian spiritual and moral values: some aspects // Legal science. 2025. No. 1. P. 8 (in Russ.).
38. *Kazantsev A.* The police commented on the Gypsy wedding between children in the Astrakhan region // Ross. gaz. 2025. January 25 (in Russ.).
39. *Korotkova O.A., Terentyeva N. Yu., Terentyev D.E.* Subjectivism during the examination of legislation // Herald of Kaluga University. 2023. No. 3 (60). Pp. 30–32 (in Russ.).
40. *Krotkova N.V., Orekhova T.R.* Interuniversity scientific and practical conference "Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the 21st century" // State and Law. 2023. No. 3. P. 194 (in Russ.).
41. *Kulikov V.* They will teach the main thing. Eminent jurists and philosophers proposed to teach the Constitution at school // Ross. gaz. 2022. Dec. 12 (in Russ.).
42. *Kunts D.A.* Legal awareness: concept and essence. Features of the formation of legal awareness on the example of legal awareness of lawyers // NovaUm.Ru. 2017. No. 7 (in Russ.).
43. *Lipinsky D.A., Ivanov A.A.* Legal awareness and legal anomie // Legal science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (67). P. 116 (in Russ.).
44. *Malinovsky A.A.* Legal egocentrism as a type of deformation of individual legal consciousness // Law studies. 2008. No. 6 (281). Pp. 171–181 (in Russ.).
45. *Mal'ko A.V.* Legal anomie: the concept and correlation with similar categories // State and Law. 2024. No. 1. P. 9 (in Russ.).
46. *Mal'ko A.V., Lipinsky D.A., Ivanov A.A.* Legal culture, anti-culture and legal anomie // Fundamentals of the theory of legal anomie / ed. by D.A. Lipinsky. M., 2025. Pp. 215–217 (in Russ.).
47. *Мамаева М.Е.* The formation of spiritual and moral values of youth, inheriting the moral values of the older generation // Science in the modern world: theory and practice. 2016. No. 1 (4). Pp. 56–58 (in Russ.).

REFERENCES

20. *Mikeshina L.A.* Relativism as an epistemological problem // Epistemology and philosophy of science. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 53 (in Russ.).
21. *Minakova S.S., Nikolaeva A.A.* Teacher subjectivism as a conflict factor // Scientific journal "Discourse". 2019. No. 12 (38). Pp. 69–79 (in Russ.).
22. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1991. P. 253 (in Russ.).
23. *Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.* Value orientations among persons committing crimes of economic orientation and in the field of computer information // Psychology and Law. 2024. Vol. 14. No. 1. Pp. 168–182 (in Russ.).
24. *Savenkov A.N.* National political and legal development and the main ideas of the philosophy of law in Russia (part 1) // Legal policy and legal life. 2024. No. 4. Pp. 17–43 (in Russ.).
25. *Samigullin V.K.* Legal awareness: the root of goodness and justice. Ufa, 2015 (in Russ.).
26. *Strugova E.V.* On legal consciousness and its deformations // Legal science. 2016. No. 1. Pp. 41–48 (in Russ.).
27. *Ten Yu.P.* The place and role of the symbol in modern culture // Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Ser.: Social Sciences. 2007. No. 6. P. 14 (in Russ.).
28. *Titenko Yu. E., Chekulaev S.S.* The influence of cultural relativism on the institution of marriage: a comparative legal analysis of the family legislation of the Russian Federation and Asian countries // Diary of science. 2021. No. 1 (49). P. 61 (in Russ.).
29. *Yurevich A.V.* Empirical assessments of the moral state of modern Russian society // Yaroslavl Pedagogical Herald. 2018. No. 4. Pp. 168–179 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ЗРЯЧКИН Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104

МУСАТКИНА Александра Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента бакалавриата Тольяттинского государственного университета; 445020 Самарская обл., г. Тольятти, Белорусская ул., д. 14

Authors' information

MAL'KO Alexander V. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); 55 Radishcheva A.N. str., 410003 Saratov, Russia

ZRYACHKIN Alexander N. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy; 104 Chernyshevskogo str., 410056 Saratov, Russia

MUSATKINA Aleksandra A. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Undergraduate Studies, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Russia

УДК 340.5; 349.2

ЭФФЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТРИПАРТИЗМА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© 2025 г. Юань Ван^{1, *}, Г. А. Василевич^{2, **}, Сянь Лю^{1, ***}

¹Шанхайский университет политических наук и права, КНР

²Белорусский государственный университет, г. Минск

*E-mail: wangyuanbsu@163.com

**E-mail: Gregory5581@yamdex.by

***E-mail: 1964347670@qq.com

Поступила в редакцию 12.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательства, конвенций и рекомендаций Международной организации труда, а также доктринальных источников, касающихся развития социального партнерства в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Республике Беларусь. Отражена роль государства, профсоюзов и предпринимателей в обеспечении устойчивого развития общества и государства. Подчеркнуто, что в развитии социального партнерства государства ориентируются на достигнутый уровень социально-экономического развития и дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: бипартизм, трипартизм, Международная организация труда, профсоюзы.

Цитирование: Ван Юань, Василевич Г.А., Лю Сянь. Эффективное функционирование системы трипартизма – важный фактор устойчивого развития современного общества // Государство и право. 2025. № 10. С. 60–69.

DOI: 10.31857/S1026945225100041

THE EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE TRIPARTISM SYSTEM IS AN IMPORTANT FACTOR IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

© 2025 Yuan Wang^{1, *}, G. A. Vasilevich^{2, **}, Xian Liu^{1, ***}

¹Shanghai University of Political Science and Law, China

²Belarusian State University, Minsk

*E-mail: wangyuanbsu@163.com

**E-mail: Gregory5581@yamdex.by

***E-mail: 1964347670@qq.com

Received 12.08.2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of legislation, conventions and recommendations of the International Labour Organization, as well as doctrinal sources concerning the development of social partnership in the Russian Federation, the People's Republic of China, and the Republic of Belarus. The role of the state, trade unions and entrepreneurs in ensuring the sustainable development of society and the state is reflected. It was emphasized that in developing social partnership, states are guided by the achieved level of socio-economic development and future prospects.

Key words: bipartism, tripartism, International Labour Organization, trade unions.

For citation: Wang Yuan, Vasilevich, G.A., Liu Xian (2025). The effective functioning of the tripartism system is an important factor in the sustainable development of modern society // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 60–69.

Введение

В современных условиях, когда проявились новые вызовы и угрозы стабильному развитию национальных государств, управление разрабатывает эффективный способ взаимодействия государства, общества и рынка, предполагающий сотрудничество, основанное на рыночных принципах, а также учете общественных интересов, общественном консенсусе¹. Существенную роль в обеспечении сотрудничества играют профессиональные союзы, объединения предпринимателей, которые конструктивно взаимодействуют с органами государственного управления.

Основная часть. Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Беларусь являются участниками практически всех основных конвенций Международной организации труда (далее – МОТ). Например, Республика Беларусь является участницей Конвенции свободы ассоциаций и защиты права на организацию (Конвенция № 87), защиты заработной платы (№ 97), о трудящихся-мигрантах (пересмотренной в 1949 году), Конвенции относительно ежегодных оплачиваемых отпусков (№ 52), Конвенции «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю» (№ 47), Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (№ 182), о безопасности и гигиене труда в строительстве (№ 167) и др. Используются также рекомендации МОТ: № 86 «О трудящихся-мигрантах», пересмотренная в 1949 г. (вместе с «Типовым договором о временной и постоянной миграции трудящихся, включая миграцию беженцев и перемещенных лиц»), № 188 «О частных агентствах занятости», № 164 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде», № 163 «О содействии коллективным переговорам», № 159 «О процедурах определения условий занятости на государственной службе».

Еще более широк перечень конвенций и рекомендаций, участницей которых является Российская Федерация.

Российская Федерация, КНР, Республика Беларусь имплементировали в свою национальную правовую систему основные международные

документы, принятые на уровне ООН, а также Международной организации труда. Эффективная реализация конвенций и рекомендаций МОТ требует социального сотрудничества и взаимодействия между основными акторами этого процесса – правительством, профсоюзами, объединениями предпринимателей.

На примере Республики Беларусь обратим внимание на попытки официально незарегистрированных профсоюзов представлять интересы работников в МОТ. Однако только официальные структуры, в том числе профсоюзы, легально зарегистрированные в Республике Беларусь, могут быть представителями в МОТ. Без этого невозможно представить реализацию актов (конвенций и рекомендаций) МОТ в нормотворческой и правоприменительной сферах.

Традиционно еще в период советского строя профсоюзы играли важную роль в защите социально-экономических прав таких категорий, как рабочие и служащие. В настоящее время, хотя статус профсоюзов в Российской Федерации и Беларуси по сравнению с советским периодом несколько ослаблен, однако по ряду вопросов они совместно с объединениями предпринимателей играют ключевую роль в принятии решений по развитию социальной сферы, осуществляют защитную функцию. То же можно сказать о профессиональных союзах КНР, где законодательно профсоюзы наделены правом решать не только свои внутренние организационные вопросы, но и обеспечивать эффективную защиту интересов сотрудников². В соответствии с китайским законодательством китайские профсоюзы решают, в частности, следующие задачи: организация сотрудников и рабочих для участия в демократическом управлении и демократическом надзоре за предприятиями; заключение и подписание коллективных договоров, в которых содержатся нормы о равных условиях оплаты труда, продолжительности рабочего времени, времени отдыха, посредничестве в разрешении трудовых споров и др.³

Подчеркнем, что не только в российской и белорусской доктрине уделяется внимание предшествующему опыту, но его анализируют и представители китайской науки. Отмечается, что китайские

¹ См.: Wu Wenfang. The path of the rule of law in China for the participation of employers' organizations in the tripartite mechanism // Journal of Wenzhou University (Social Science Edition). 2024. Vol. 37. No. 5.

² См.: Мартынов П. Профсоюзы в Китае: функции и обязанности. URL: <https://chinalogist.ru/articles/profsoyuzy-v-kitae-funkcii-i-obyazannosti-22071>

³ См.: там же.

исследователи «проводят довольно серьезный анализ как реформ профсоюзов Советского Союза в период перестройки, так и преобразований функций профсоюзов постсоветской России. Большинство из них оценивают эти трансформации позитивно, однако возникшие проблемы российских профсоюзов и причины этих проблем исследованы пока недостаточно. В фокусе внимания специалистов КНР находятся процессы преобразования профсоюзов в период перехода России к рыночной экономике. Анализ этого опыта, его заимствование, учет возникших проблем в экономике переходного типа и подходов к их решению имеет для Китая большое значение. Подчеркивается, что исторической науке Китая предстоит продолжить и углубить изучение деятельности российских профсоюзов в новом историческом периоде, выявить общее и особенное в характере переходных процессов, протекающих в обеих странах»⁴.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что нормотворческая деятельность и правоприменение осуществляются в русле указанных актов МОТ, а также таких основополагающих актов ООН, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.

Российская Федерация и Республика Беларусь по состоянию на 2022 год имели среди наших стран несколько лучшие показатели по индексу человеческого развития. Однако Китай лидирует по приросту индекса человеческого развития и по прогнозу в ближайшее время займет место среди стран с высоким индексом человеческого развития⁵.

Приведем несколько показателей, характеризующих Беларусь. По рейтингу процветания стран мира (Legatum Global Prosperity, 2021) Беларусь занимает 1-е место среди 167 стран по такому показателю, как «Террористическая безопасность» субиндекса «Безопасность». Из 179 государств Беларусь занимает 25-е место в рейтинге самых комфортных для материнства стран. Этот ряд достижений в сфере трудовых и иных социально-экономических прав можно продолжать. Так, Беларусь вошла в топ стран по уровню IQ. В рейтинге уровня интеллекта населения Республика Беларусь занимает 16-е место из 126 государств, по другим данным — 7-е место в мире и 1-е место в Европе (согласно результатам, опубликованным независимой организацией World Population Review).

⁴ Ян Чжэ. Социально-экономические аспекты деятельности профсоюзов СССР и России в зеркале китайской историографии // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 47–53.

⁵ См.: Ши Ш. Индекс человеческого развития Китая и экономический рост: ретроспективный анализ и глобальная перспектива // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 1. С. 76–91.

Российской Федерации, КНР и Республике Беларусь удалось выйти на достаточно спокойный уровень безработицы, хотя проблемы с трудоустройством остаются, в том числе в Китае, где в последние годы наблюдается прирост специалистов с высоким уровнем образования, что затрудняет поиск квалифицированной работы из-за высокого предложения рабочих рук. В Беларуси официально зарегистрированных безработных менее одного процента. Хотя по методике МОТ их число составляет около 4%. В Китае по официальным данным уровень безработицы в мае 2025 г. составил более 5%⁶. Наши государства принимают активные меры по обеспечению полной занятости. При желании рабочее место всегда можно найти. Для сравнения: уровень безработицы в Испании вырос до 11.36% в первом квартале 2025 г. Уровень безработицы среди молодежи в Испании составляет 25.30%. Как успех объявляется его снижение на 0.1%. Уровень безработицы среди молодежи в Португалии составляет 20.5%. Успехом также считается снижение ее на 0.5%. В Евросоюзе средний показатель безработицы на первый квартал 2025 г. стабильно составляет 14.6%. В связи высочайшим уровнем безработицы среди молодежи в западных странах весьма странно выглядит периодическая критика распределения молодых специалистов в Беларуси. Ведь, по сути, речь идет о гарантированном предоставлении первого рабочего места.

Российская Федерация и Беларусь за счет собственных интеллектуальных и организационных ресурсов пережили трудные времена: высокий уровень безработицы, инфляцию, задержки с выплатой пенсий и заработной платы и др.

В эти непростые времена от МОТ, хотя бы на уровне разумных рекомендаций, значительной помощи для Беларуси не было.

Именно благодаря совместным усилиям государства, профсоюзов, объединений работодателей в Российской Федерации, Беларуси и КНР удалось стабилизировать ситуацию. Это плоды социального партнерства.

Трипартизм является одним из механизмов социального партнерства. Развитие трипартизма обусловлено рядом факторов, в том числе не только признание государством в качестве фактора устойчивого развития социального партнерства, но и фиксация в конституциях важности реализации этой политики при регулировании трудовых отношений и разрешении конфликтов, развитие принципов социальной ответственности и солидарности, что получило конституционное закрепление благодаря коррективам основных

⁶ См.: В Китае уровень безработицы в мае составил 5.2%. URL: <https://lprime.ru/20250616/kitaj-858513220.html>

законов в России и Беларуси соответственно в 2020 и 2022 гг. В Конституции КНР содержится ряд статей, посвященных обязанностям граждан и государственных органов, что также можно рассматривать как проявление общей социальной ответственности. Потенциально сильной является норма ст. 27 Конституции, согласно которой все государственные органы отвечают за систему служебной ответственности, систему подготовки и аттестации работников, неуклонно повышают качество и эффективность работы, борются с бюрократизмом.

В наших государствах создана необходимая правовая основа для свободного функционирования и взаимодействия сторон в рамках социального партнерства. Например, для Беларуси помимо Конституции можно, в частности, упомянуть законы «О профессиональных союзах», «Об объединениях нанимателей», указы Президента РБ от 15 июля 1995 г. № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» и от 5 мая 1999 г. № 252 «О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам» и др.

В Российской Федерации 12 января 1996 г. принят Федеральный закон № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». В нем, как и в аналогичном Законе Республики Беларусь, определены схожие направления правового регулирования: закон устанавливает правовые основы создания профсоюзов, их права и гарантии деятельности, регулирует отношения профсоюзов с органами государственной власти, органами местного самоуправления, работодателями, их объединениями (союзами, ассоциациями), другими общественными объединениями, юридическими лицами и гражданами, а также определяет правовое положение профессиональных союзов (профсоюзных организаций) и их объединений, в том числе особенности их гражданско-правового положения как видов общественных организаций, ассоциаций и союзов соответственно.

В Российской Федерации, Республике Беларусь и Китае действуют акты, которые направлены на регулирование широкого спектра трудовых и связанных с ними отношений. Так, в России и Беларуси действуют трудовые кодексы, которые законодательные органы стремятся совершенствовать с учетом новых складывающихся потребностей. Трудовое право Китая также динамично развивается. Как отмечает Е.В. Сыченко, с конца 1990-х годов в законодательстве и на практике стала получать большее распространение идея свободы найма и определения условий труда. Трудовое право Китая не кодифицировано, однако есть несколько базовых законов; обращает на себя внимание тот факт, что источниками трудового права

Китая являются Конституция, законы, административные правила, принимаемые Государственным советом, приказы и иные акты министерств, местное законодательство, внутренние правила, коллективные договоры. Что касается места международных договоров в правовой системе Китая, то в силу исторических причин их применение происходит в следующих основных формах: прямое закрепление норм международного права в китайском законодательстве; внесение изменений в законодательство на основании заключенного международного договора; закрепление в законодательстве подзаконных актов; в судебной практике; общих принципов применения норм международного права и даже наделение норм международных договоров способностью прямого действия. Минимальный срок для приема на работу по общему правилу составляет 15 лет. Трудовые договоры могут быть трех видов: срочные; без фиксированного срока; на срок выполнения определенной работы. Трудовое законодательство Китая предусматривает необходимость детального определения условий труда: имени (наименования) сторон трудового договора, его срока действия, содержания и места работы, времени работы, отдыха, вознаграждения, социального обеспечения, охраны труда и др. Допускается установление испытательного срока. В Китае нет единого стандарта минимальной заработной платы; минимальный размер оплаты труда устанавливается провинциальными органами для каждой из категорий работников. Детально регулируется рабочее время и время отдыха, в Китае установлена 40-часовая рабочая неделя, восьмичасовой рабочий день. Законодательно закрепляется право работников участвовать в профсоюзах и организовывать их в соответствии с законодательством, принимать участие в управлении предприятиями, в консультациях с представителями работодателя⁷.

В конституциях трех государств имеются статьи, посвященные праву на труд. В Конституции КНР наиболее тесно увязано право на труд с обязанностью трудиться. Так, согласно ст. 42 граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязаны трудиться. Государство различными путями создает условия для трудоустройства, улучшает охрану и условия труда, а также на основе развития производства повышает оплату труда и материальное благосостояние трудящихся. Труд — почетная обязанность всех трудоспособных граждан. Трудящиеся предприятий государственной собственности и коллективных хозяйственных организаций города и деревни должны относиться к своему труду как хозяева страны. Государство поощряет социалистическое трудовое соревнование, награждает отличников труда и передовиков.

⁷ См.: Сыченко Е.В. Трудовое право зарубежных стран. М., 2023.

Государство поощряет занятие граждан добровольным безвозмездным трудом. Государство осуществляет необходимое трудовое обучение граждан до устройства их на работу.

Емкое определение права на труд содержится в Конституции Республики Беларусь. Согласно ч. 3 ст. 41 Конституции РБ граждане также имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы (профсоюзы).

Профессиональный союз является добровольной общественной организацией, объединяющей граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (граждан), в том числе получающих профессионально-техническое, среднее специальное, высшее, научно ориентированное образование, связанных общими интересами по роду деятельности как в производственной, так и непроизводственной сферах, для защиты и реализации трудовых, социально-экономических прав и интересов (ст. 1 Закона РБ о профсоюзах).

Профсоюзы являются некоммерческими организациями. При этом они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность только для достижения целей их создания и соответствующую этим целям (ч. 3 п. 1 ст. 117 ГК РБ).

Согласно Федеральному закону «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» граждане Российской Федерации, проживающие вне ее территории, могут состоять в российских профсоюзах. Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Российской Федерации, то они также могут состоять в российских профсоюзах, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами Российской Федерации.

В количественном плане Беларусь занимает лидирующее место по уровню членства в профсоюзах среди работающих в экономическом секторе. По состоянию на окончание 2024 года в экономике Беларуси было занято 4 129 700 чел.⁸ Членами профсоюза являются около 4 млн чел. Национальным профцентром является Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ), самая массовая общественная организация. В нее входят 15 отраслевых профсоюзов, действующих во всех отраслях экономики, шесть областных и Минское городское объединение профсоюзов, а также организации, созданные на основе собственности ФПБ: Международный университет «МИТСО», унитарное предприятие

«Издательский Дом “Проф-Пресс”»; санаторно-курортное унитарное предприятие «Белпрофсоюз-курорт» (12 санаториев), туристско-экскурсионное унитарное предприятие «Беларустурист», учреждения «Республиканский Дворец культуры профсоюзов», «Спортивный клуб Федерации профсоюзов Беларуси» и др.⁹

Для сравнения: в Германии плотность профсоюзов составляет 16% и она существенно снизилась за последние годы. Лишь в странах Северной Европы уровень профсоюзного членства отличается в позитивную сторону в сравнении с иными западными странами, но и он значительно ниже того, что есть в Беларуси.

В Республике Беларусь действуют программы социально-экономического развития, в обсуждении содержания которых постоянно участвуют профессиональные союзы. Принимаются генеральные, тарифные, местные соглашения с участием профессиональных союзов, представителей работодателей, государственных органов, органов местного самоуправления.

В настоящее время действует Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025–2027 гг.

Уже в преамбуле Генерального соглашения отражены основные идеи и предопределено его содержание. Так, подчеркнута важность данного трехстороннего документа для достижения целей в области устойчивого развития, которые зафиксированы в принятой 25 сентября 2015 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Обращено внимание на внедрение принципов достойного труда, сохранения согласия в обществе, обеспечения баланса интересов сторон коллективных трудовых отношений, представительства и защиты прав и законных интересов работников и нанимателей, государственных минимальных социальных стандартов и гарантий для граждан Республики Беларусь, экономических гарантий деятельности нанимателей с учетом их статуса и отраслевой принадлежности, стремление повысить общественный статус и значимость нанимателей и профсоюзов (их объединений) в социально-экономическом развитии страны др. Указанные положения получили развитие в самом тексте Соглашения, ознакомление с которым позволяет увидеть значительную роль Федерации профсоюзов Беларуси, объединения предпринимателей в определении основных аспектов социально-экономической сферы, в защите трудовых и иных

⁸ См.: В Беларуси продолжает расти число занятых в экономике. URL: <https://1prof.by/news/ekonomika-i-biznes/v-belarusi-prodolzhaet-rasti-chislo-zanyatyh-v-ekonomike/?ysclid=mb2b7ul89h487949946> (дата обращения: 10.05.2025).

⁹ См.: URL: <https://fpb.1prof.by/oficialnaya-informaciya/?ysclid=mb2awl4fob691206094> (дата обращения: 10.05.2025).

прав работников. Уделяется внимание развитию творческих способностей человека.

В Российской Федерации в настоящее время действует Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024–2026 годы (далее – Генеральное соглашение).

Согласно Генеральному соглашению стороны признают главной целью этого документа рост благосостояния населения, социальной защищенности работников путем повышения эффективности российской экономики и стимулирования внутреннего спроса, улучшения делового климата. Это предполагает проведение политики, способствующей развитию человеческого потенциала, внедрению принципов достойного труда, социальной справедливости, ответственности, повышению эффективности государственного управления и расширению на всех уровнях практики социального партнерства в сфере труда. В Генеральном соглашении подчеркнуто стремление объединить усилия для создания в социально-трудовой сфере условий, обеспечивающих динамичное развитие Российской Федерации, преодоление препятствий, обусловленных недружественным воздействием зарубежных стран на экономику и граждан Российской Федерации. На основе важности социального партнерства, получившего отражение в конституционном тексте, стороны приняли на себя обязательство развивать взаимоотношения на основе принципов социального партнерства, коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений, необходимости соблюдать зафиксированные в Соглашении обязательства и договоренности.

В случае возникновения необходимости принятия неотложных решений в условиях новых вызовов, санкционных ограничений, пандемии и иных масштабных событий, оказывающих существенное влияние на развитие Российской Федерации, стороны договорились осуществлять оперативное взаимодействие с учетом требований законодательства о социальном партнерстве для минимизации влияния вышеуказанных событий на экономику страны и реализации соответствующих мер по защите прав работников и обеспечения деятельности организаций.

В Республике Беларусь действует Закон «О нормативных правовых актах», которому во взаимосвязи с конституционными нормами можно выстроить иерархию нормативных правовых актов. К сожалению, в нем не подчеркнуто место в правовой пирамиде совместных актов, принятых органами государственного управления, профсоюзными органами и объединениями предпринимателей.

Полагаем, что такого рода акты должны обладать более высокой юридической силой, чем одноуровневые акты, издаваемые, например, Правительством, министерствами, государственными комитетами. Согласно белорусскому Закону новый акт обладает более высокой юридической силой, чем ранее принятый. Однако нами имеется в виду, что такое правило не должно действовать, когда после совместного трехстороннего акта либо двухстороннего акта (правительство и министерство, а также соответствующие профсоюзные инстанции) издается по тому же вопросу акт органа государственного управления до отмены совместного акта либо внесения в него изменений.

Трипартизм выступает как один из видов социального партнерства, которое можно рассматривать в виде системы институтов, механизмов и процедур, направленных на обеспечение баланса интересов работодателей, работников, государства как субъектов переговорного процесса по таким важным вопросам, как оплата и условия труда, достижение оптимального для них компромисса во имя реализации корпоративных и общегосударственных целей¹⁰.

Более широкое определение трипартизма дает А.П. Великанов, рассматривающий его как «институционализированное взаимодействие представителей трудящихся, бизнеса, органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам регулирования общественно-трудовых отношений, ориентированного на согласование индивидуальных интересов с целью достижения максимальной социальной полезности»¹¹.

Значение развития социального партнерства состоит в предсказуемости социально-трудовых отношений. При этом, по мнению М. Шмакова, предпочтительны коллективные договоры, заключаемые на более продолжительный, чем один год, период, так как это устанавливает ясную и приемлемую перспективу совместной продуктивной работы. Особенно это важно для работников, которые заинтересованы в предсказуемости трудовых отношений, что усиливает их мотивацию к высокопроизводительному труду. Социальное партнерство он рассматривает в качестве важнейшего способа поддержания согласия на «фронте» трудовых отношений¹².

¹⁰ См.: Комаровский В., Садовская Е. Объединения работодателей в системе социального партнерства: опыт развитых стран и России. М., 2010. С. 52.

¹¹ Великанов А.П. Принципы государственного участия в системе трипартизма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10.

¹² См.: Шмаков М. Система трипартизма: сто лет усилиям по повышению прогнозируемости и предсказуемости в социально-трудовых отношениях. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/SHmakovMV_plen_rus_izd.pdf?ysclid=magpfllro0433650258 (дата обращения: 10.05.2025).

Касаясь механизма социального партнерства, в литературе обращается внимание на такие направления деятельности, как согласование между заинтересованными субъектами участия в решении социально-экономических вопросов; определение порядка ведения коллективных переговоров; проведение консультаций с основными субъектами трудовых отношений относительно условий и оплаты труда; участие представителей работников в управлении предприятиями и организациями; внесудебные процедуры разрешения между сторонами споров¹³.

Отдельные авторы толкуют социальное партнерство, не ограничиваясь сферой социально-трудовых отношений, и рассматривают его как взаимодействие не только в социальной, но и в политической и иных сферах регулирования, имеющее целью нахождение компромисса, выработку устраивающих различных субъекты договоренностей и их реализацию¹⁴.

Социальное партнерство можно классифицировать по различным признакам, включая и форму его реализации. Но оно всегда отражает в той или иной степени взаимодействие между различными субъектами, что наиболее явственно проявляется в целях и стратегиях¹⁵.

В зависимости от характера и степени участия государства в социальном партнерстве выделяют бипартизм и трипартизм¹⁶. При обеих формах участниками социального партнерства являются работодатели и работники, представителями которых обычно являются профессиональные союзы.

Идея трипартизма более продуктивна, так как участие государства в социальном партнерстве нивелирует соперничество между субъектами, превращая его в социальный диалог, обеспечивает максимальную общественную полезность. Именно социальный диалог, предполагающий постоянные консультации при активном участии в нем государства, работодателей и профсоюзов, позволил в последние десятилетия решить множество острых социальных проблем, к которым индифферентно относились ранее организации МОТ, не замечая безработицу, задержки с выплатой заработной платы, пенсий и др. Сейчас, когда ситуация стала

стабильной, ясны направления развития, стремление активизировать человеческий потенциал, кому-то необходима нестабильность. Однако нам не нужны «ни великие», ни иные потрясения. Нам нужны процветающие государства.

На социальную стабильность влияют складывающаяся объективная общественно-политическая ситуация, а также субъективные действия институтов власти и общества¹⁷.

Такая модель социального партнерства, как трипартизм, реализуется в России, Дании, Голландии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

В развитии социального партнерства Россия, Беларусь и Китай ориентируются на достигнутый уровень социально-экономического развития и дальнейшие перспективы.

Именно защита прав и законных интересов наиболее экономически слабой стороны — работника — предопределяет всю систему отношений в данной области, т.е. модель социального партнерства.

Конечно, одним из дискуссионных является вопрос о пределах влияния (иногда в литературе пишут о пределах «вторжения») государства на социальное партнерство¹⁸.

В условиях трипартизма проявляется двойственная роль государства: оно — равноправный участник социального партнерства и в то же время является субъектом нормотворческой деятельности, принимая на уровне органов представительной власти законы, реализуя их посредством деятельности исполнительной власти, находящейся под контролем избранных непосредственно гражданами органами (парламентом, местными представительными органами и др.), а также общественными организациями, включая системные из них — профсоюзы. Государство по Конституции является гарантом социально-экономических и иных прав и свобод.

В системе трипартизма государство, в отличие от профсоюзов и работодателей, является своего рода контрагентом, выступающим одновременно от имени всего народа¹⁹. Оно умеряет необоснованные притязания других сторон. При этом вполне можно утверждать, что трипартизм повышает статус профсоюзов, выступающих контрагентом работодателей.

¹³ См.: Радченко А. Н. Категориально-теоретические аспекты изучения феномена трипартизма в современной России // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 35, 36.

¹⁴ См.: Модель И. М., Модель Б. С. Социальное партнерство при федерализме // Полис. 2000. № 2. С. 172–177.

¹⁵ См.: Шипитко А. Б. Современные модели партнерства в социально-трудовой сфере // Известия Саратовского ун-та. Т. 13. Сер.: Социология. Политология. 2013. Вып. 1. С. 36.

¹⁶ См.: Аверин А. Социальное партнерство и его основные виды // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 3. С. 37.

¹⁷ См.: Перегудов С. П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // ПОЛИС. 2007. № 3. С. 78–90.

¹⁸ См.: там же; Осипов Е. М. Особенности становления социального партнерства в современной России // Социология власти. 2010. № 2. С. 190–195.

¹⁹ См.: Перегудов С. П. Указ. соч.

В этой связи консолидируемся с высказанной в литературе позицией, согласно которой государство обязано обеспечивать эффективное нормативное правовое регулирование, оно осуществляет координацию и при необходимости контроль за действиями иных участников социального партнерства, прежде всего работодателей, выполнении достигнутых соглашений, стремится к примирению сторон социального конфликта, обеспечивая компромиссные решения²⁰.

Государственная социальная политика гарантирует бесплатное пользование медицинской помощью, обеспечивает доступность культурных благ, социальное страхование²¹.

Принципы социального партнерства были зафиксированы в Уставе Международной организации труда в 1919 г. Среди них:

принцип равноправия сторон, недопустимость дискриминации;

принцип уважения и учет интересов сторон, несмотря на наличие у каждой из сторон собственных интересов, взаимовыгодное сотрудничество, стремление конструктивно разрешать противоречия;

обеспечение интересов сторон на основе договорных отношений (коллективных на микро- и макроуровнях);

содействие со стороны государства в развитии социального партнерства на демократической основе;

обладание представителями сторон полномочиями действовать, представлять интересы;

свобода обсуждения относящихся к сфере труда вопросов;

добровольное, если иное не предусмотрено законодательством (работодатель не вправе отказываться от переговоров, обязан заключать коллективный договор), взятие обязательств (недопустимость незаконного давления с целью принять обязательства);

реальность принятых обязательств;

обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений;

контроль за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений;

ответственность за невыполнение коллективных договоров, соглашений.

²⁰ См.: Делегеоз Е. Г. Трипартизм как политика активного партнерства // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 71.

²¹ См.: Комаровский В., Садовская Е. Указ. соч. С. 70.

Согласны с позицией, высказанной в литературе, что изложенные выше принципы есть руководство к действию всех сторон социального партнерства, включая государство, являющегося гарантом трипартизма²².

Заключение

Основой социальной политики Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Беларусь являются принцип гуманизма, учет традиционных общечеловеческих ценностей; солидарность и социальная ответственность каждого; социальная справедливость, в том числе равенство возможностей; исключение избыточной поляризации общества при распределении доходов; демократический способ принятия решений, участие в их принятии широкого круга граждан; учет мнения граждан при принятии актов законодательства в сфере социальной политики; адресность оказываемой помощи как метода обеспечения эффективной помощи нуждающимся в ней гражданам.

Государство и граждане с особым уважением относятся к профессиональным союзам, действующим в наших странах. Свидетельство тому — создание прочной нормативной правовой базы для их деятельности, наличие у профсоюзов прочной материальной базы, наделение профсоюзов мощными контрольными полномочиями над деятельностью органов исполнительной власти, включая ценообразование, охрану труда, тарифную политику, дополнительную защиту членов профсоюзов от увольнения, наложения дисциплинарных взысканий и др.

Разрешая споры (трудовые конфликты), корректируя стихийные процессы, вводя их в легитимное русло, субъекты трипартизма обеспечивают устойчивое общественное развитие, на что направлены Цели устойчивого развития, утвержденные принятой 25 сентября 2015 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Таким образом, Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Республика Беларусь следуют «ООН-центристскому» вектору действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин А. Социальное партнерство и его основные виды // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 3. С. 37.
2. Великанов А. П. Принципы государственного участия в системе трипартизма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10.
3. Делегеоз Е. Г. Трипартизм как политика активного партнерства // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 71.

²² См.: Великанов А. П. Указ. соч.

4. Комаровский В., Садовская Е. Объединения работодателей в системе социального партнерства: опыт развитых стран и России. М., 2010. С. 52, 70.
5. Мартынов П. Профсоюзы в Китае: функции и обязанности. URL: <https://chinalogist.ru/articles/profsoyuzu-v-kitae-funkcii-i-obyazannosti-22071>
6. Модель И.М., Модель Б.С. Социальное партнерство при федерализме // Полис. 2000. № 2. С. 172–177.
7. Осипов Е.М. Особенности становления социального партнерства в современной России // Социология власти. 2010. № 2. С. 190–195.
8. Перегудов С.П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // ПОЛИС. 2007. № 3. С. 78–90.
9. Радченко А.Н. Категориально-теоретические аспекты изучения феномена трипартизма в современной России // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 35, 36.
10. Сыченко Е.В. Трудовое право зарубежных стран. М., 2023.
11. Ши Ш. Индекс человеческого развития Китая и экономический рост: ретроспективный анализ и глобальная перспектива // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 1. С. 76–91.
12. Шипитко А.Б. Современные модели партнерства в социально-трудовой сфере // Известия Саратовского ун-та. Т. 13. Сер.: Социология. Политология. 2013. Вып. 1. С. 36.
13. Шмаков М. Система трипартизма: сто лет усилиям по повышению прогнозируемости и предсказуемости в социально-трудовых отношениях. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/SHmakovMV_plen_rus_izd.pdf?ysclid=magpfllro0433650258 (дата обращения: 10.05.2025).
14. Ян Чжэ. Социально-экономические аспекты деятельности профсоюзов СССР и России в зеркале китайской историографии // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 47–53.
15. Wu Wenfang. The path of the rule of law in China for the participation of employers' organizations in the tripartite mechanism // Journal of Wenzhou University (Social Science Edition). 2024. Vol. 37. No. 5.
2. Velikanov A.P. Principles of state participation in the system of tripartism // Theory and practice of social development. 2012. No. 10 (in Russ.).
3. Delegeoz E.G. Tripartism as a policy of active partnership // Socio-economic and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2018. No. 2. P. 71 (in Russ.).
4. Komarovskiy V., Sadovskaya E. Employers' associations in the social partnership system: the experience of developed countries and Russia. M., 2010. Pp. 52, 70 (in Russ.).
5. Martynov P. Trade unions in China: functions and responsibilities. URL: <https://chinalogist.ru/articles/profsoyuzu-v-kitae-funkcii-i-obyazannosti-22071> (in Russ.).
6. Model I.M., Model B.S. Social partnership under federalism // Polis. 2000. No. 2. Pp. 172–177 (in Russ.).
7. Osipov E.M. Features of the formation of social partnership in modern Russia // Sociology of Power. 2010. No. 2. Pp. 190–195 (in Russ.).
8. Peregudov S.P. Tripartist institutions in the West and in Russia: problems of renewal // POLIS. 2007. No. 3. Pp. 78–90 (in Russ.).
9. Radchenko A.N. Categorical and theoretical aspects of studying the phenomenon of tripartism in modern Russia // Scientific thought of the Caucasus. 2012. No. 2. Pp. 35, 36 (in Russ.).
10. Sychenko E.V. Labor Law of foreign countries. M., 2023 (in Russ.).
11. Shi Sh. China's Human Development Index and Economic Growth: a retrospective analysis and a global perspective // The economy of the region. 2024. Vol. 20. No. 1. Pp. 76–91 (in Russ.).
12. Shipitko A.B. Modern models of partnership in the social and labor sphere // Izvestiya of the Saratov University. Vol. 13. Ser.: Sociology. Political science. 2013. Iss. 1. P. 36 (in Russ.).
13. Shmakov M. The system of tripartism: one hundred years of efforts to increase predictability and predictability in social and labor relations. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/SHmakovMV_plen_rus_izd.pdf?ysclid=magpfllro0433650258 (accessed: 05.10.2025) (in Russ.).
14. Yang Zhe. Socio-economic aspects of the activities of the trade unions of the USSR and Russia in the mirror of Chinese historiography // Economic history. 2013. No. 2 (21). Pp. 47–53 (in Russ.).
15. Wu Wenfang. The path of the rule of law in China for the participation of employers' organizations in the tripartite mechanism // Journal of Wenzhou University (Social Science Edition). 2024. Vol. 37. No. 5.

REFERENCES

Сведения об авторах

ВАН ЮАНЬ —
преподаватель факультета экономики
и управления Шанхайского университета
политических наук и права;
7989 Wai Qing Song Road, Шанхай, КНР

Authors' information

WANG YUAN —
Lecturer, Faculty of Economics
and Management, Shanghai University
of Political Science and Law;
7989 Wai Qing Song Road, Shanghai, P.R. China

Сведения об авторах

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич —
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент
Национальной академии наук Беларуси,
заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета
Белорусского государственного университета;
220030 Республика Беларусь, г. Минск,
проспект Независимости, д. 4

ЛЮ СЯНЬ —
профессор,
декан факультета экономики
и управления Шанхайского университета
политических наук и права;
7989 Wai Qing Song Road, Шанхай, КНР

Authors' information

VASILEVICH Grigory A. —
Doctor of Law, Professor,
Corresponding Member
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Head of the Department of Constitutional Law,
Faculty of Law
of the Belarusian State University;
4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, Belarus

LIU XIAN —
Professor,
Dean of the Faculty of Economics
and Management, Shanghai University
of Political Science and Law;
7989 Wai Qing Song Road,
Shanghai, P.R. China

УДК 342

ВЕРНА ЛИ КАТЕГОРИЧНОСТЬ ФОРМУЛЫ «ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»?

© 2025 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 14.07.2025 г.

Аннотация. В статье анализируется формула правоспособности, провозглашенная в п. 2 ст. 17 ГК РФ: «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Автор считает неверной категоричность этого законодательного постулата, причем — в обоих векторах. В первом обосновывается положение, при котором человек в своем развитии проходит две стадии: от момента своего зачатия до момента своего рождения и от момента своего рождения до своей смерти. И на обеих стадиях его надлежит рассматривать как носителя субъективных прав. При этом если вторая стадия всегда и везде была в центре внимания законодателя, то первая, за незначительными исключениями, находится вне правового обеспечения. Тем не менее человеческий эмбрион в чреве беременной женщины находится совместно с ней в правовом поле уголовного, трудового, семейного, наследственного, жилищного и гражданского законодательства. Во втором — с учетом достижений современной биологической (и иных отраслей) науки автор полагает, что крионизированный, смертельно больной человек, считающийся в юридическом смысле умершим, через сто, к примеру, лет может быть разморожен и вылечен. Отмечается, что действуют, в том числе в России, клиники, специализирующиеся на этом. Автор считает необходимым соответствующим образом расширить, в обоих направлениях, понятие правоспособности.

Ключевые слова: правоспособность, рождение и смерть человека, права человеческого эмбриона, права крионизированного человека.

Цитирование: Клеандров М. И. Верна ли категоричность формулы «правоспособность человека»? // Государство и право. 2025. № 10. С. 70–82.

DOI: 10.31857/S1026945225100054

IS THE “HUMAN CAPACITY” FORMULA CATEGORICAL?

© 2025 M. I. Kleandrov

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: mklean@bk.ru*

Received 14.07.2025

Abstract. The article analyzes the formula of legal capacity, proclaimed in Part 2 of Art. 17 of the Civil Code of the Russian Federation: “The legal capacity of a citizen arises at the time of his birth and ends with death”. The author considers the categorical nature of this legislative postulate to be incorrect, moreover, in both postulates. The first substantiates the situation in which a person in his development goes through two stages: from the moment of his conception to the moment of his birth, and from the moment of his birth to his death. And at both stages it must be regarded as a bearer of subjective rights. Moreover, if the second stage has always and everywhere been in the center of attention of the legislator, then the first, with minor exceptions, is outside legal support. Nevertheless, the human embryo in the womb of a pregnant woman is, together with her, in the legal field of criminal, labor, family, inheritance, housing, and civil legislation. In the second, taking into account the achievements of modern biological (and other industries) science, the author believes that a cryonized, terminally ill person, who is considered, in the legal sense, dead, after a hundred, for example, years, can be thawed and cured. It is noted that there are, including in Russia, clinics specializing in this. The author considers it necessary to expand accordingly, in both directions, the concept of legal capacity.

Key words: human capacity, human birth and death, human embryo rights, cryonized human rights.

For citation: Kleandrov, M.I. (2025). Is the “human capacity” formula categorical? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10. pp. 70–82.

Являясь в силу ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 7 Конституции РФ правовым и социальным государством, наша страна, руководствуясь ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Но что в данном случае означает «каждому»? В социальном и правовом планах?

Если любому взрослому человеку задать вопрос: чем различаются две женщины, если одна беременная (с явно выраженной беременностью), а вторая не беременная, то ответ практически всегда будет: беременная женщина имеет плод (человеческий эмбрион) в себе. И это — абсолютно верно.

Но если этому же взрослому человеку задать вопрос: беременная женщина одна или их двое (с учетом плода внутри нее), то ответ вряд ли будет определенный: она и одна, и их двое (слава богу, не полтора, ибо эмбрион не делится).

Таким образом, можно констатировать с чисто бытовой, житейской точки зрения: человеческий эмбрион — заведомо живой организм, неотъемлемый плод женщины, его носящей.

Но с правовой точки зрения это не так очевидно, если не сказать более категорично. Статья 17 ГК РФ провозглашает: «1. Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. 2. Правоспособность гражданина

возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Сама приведенная формула провозглашает, причем в императивной, категорической форме: родился человек — приобрел правоспособность, умер — ее утратил. А что — с правовых позиций — до того и после того?

Получается, если исходить из формулы, провозглашенной в упомянутой п. 2 ст. 17 ГК РФ, то до рождения и после смерти — ничего. Но ведь это совсем не так, в том числе с правовых, с законодательных позиций, да и с позиции судебной практики.

Вначале рассмотрим ситуацию с точки зрения «до» (исходя из формулы п. 2 ст. 17 ГК РФ, до рождения).

Автор этих строк данной проблемой заинтересовался давно, что вылилось в научную публикацию 30 лет назад¹. Тогда там было отмечено: «Закон о гражданстве РСФСР от 22 января 1992 г. в числе оснований приобретения гражданства называл рождение (но не более раннюю стадию)». И перечень этот можно продолжить, в том числе со ссылкой

¹ См.: Kleandrov M.I. Правовой статус эмбриона человека // Проблемы формирования, сохранения, восстановления и укрепления здоровья (медицинские, биологические, экологические, психолого-педагогические, социально-экономические, философские, правовые аспекты валеологии): сб. науч. тр. М.; Тюмень, 1995. Вып. IX. С. 181–185.

на не только российское законодательство. Статья 6 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., гласит: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности», а в преамбуле этой декларации говорится, что человек — общественное существо, он — член «человеческой семьи».

Это позволило в то время сделать вывод о том, что опорой законодателю в данном подходе служит взгляд на человека как существо, соединяющее в себе биологические и социальные начала, с присущей ему высшей формой развития психики — сознанием. Что означает: с точки зрения права человек таковым, т.е. в юридическом смысле, становится в момент рождения; сам же этот момент иными способами, кроме как следованием определению медицинской науки, установить в каждом конкретном случае невозможно. Хотя римские юристы моментом рождения ребенка последовательно считали отделение ребенка от чрева матери и издание ребенком крика, подчеркивая, что у мертворожденного ребенка правоспособность не возникла. Таким образом, можно сказать, что свою правоспособность (а это отнюдь не естественное свойство человека, наподобие зрения, и приобретает она не от природы, а в силу закона и представляет собой общественно-юридическое свойство) человек приобретает в момент, определяемый по показателям медицинской науки.

Однако если сам момент рождения, т.е. появления ребенка на свет, параметрами медицинской науки определить несложно, с вопросом определения момента появления сознания у человека дело обстоит сложнее. Хорошо известно — именно медицинской наукой это установлено однозначно — что когда человек рождается, его отношение к миру уже сформировано, что вообще нервная система ребенка закладывается в первые недели беременности, а трехмесячный эмбрион чувствителен к прикосновению, свету, теплу, шуму. Значит, ни жизнеспособность как параметр качества родившегося (определяемого в граммах), ни срок беременности (развития эмбриона) до родов мерой, обосновывающей наличие права на жизнь — в юридическом значении — не важны?

Но может определяющим является сам факт появления на свет, покидание матки матери, перерезания пуповины? Вне зависимости от возраста эмбриона? Но как охарактеризовать тогда рожденных «в колбе»? И кто у ребенка считается матерью, если донорами яйцеклеток и спермы для лабораторного оплодотворения являлись двое — мужчина и женщина, а вынашивалась эта оплодотворенная яйцеклетка (и рождался развившийся из нее эмбрион) третьим человеком-женщиной? Кроме того, как указывается в отечественных СМИ, Илон Маск объявил о создании робота-инкубатора, который может зачать

и выносить в течение положенных девяти месяцев «человеческого детеныша», полностью заменив женщину. От родителей потребуются только предоставить биоматериалы — яйцеклетку и сперматозоиды, а оплодотворение и вся «беременность», как и завершающие ее роды, произойдут с помощью робота-инкубатора². Тогда может быть следует констатировать, что с биологической точки зрения рождение ребенка — это всего лишь перемена места жительства, иногда вторая?

Если посчитать, что начинается человеческая жизнь с момента зачатия, то тогда да. Но само зачатие — в рассматриваемом плане — это оплодотворение, то есть соединение мужской спермы (до того принадлежащей отцу, и являющейся его генетической сущностью и без оплодотворения погибающей) и женской яйцеклетки (также до того принадлежащей женщине, являющейся ее генетической сущностью и также без оплодотворения погибающей), и возникновение нового, третьего организма, генетически соединяющего отца и мать, но третьего отнositельно пока самостоятельного.

Главное здесь — определить, когда у эмбриона появляется сознание, но этот процесс не одномоментен. Тогда по логике получается (с медицинской, точнее медико-философской, точки зрения), что человек в своем развитии проходит две основные стадии: от момента своего зачатия до рождения (и эту стадию при искусственном оплодотворении и помещении для донашивания в другую женщину можно разделить на два этапа) и от рождения до смерти. Примерно по такой же схеме развитие человека, видимо, следует рассматривать и с правовой точки зрения, точнее с точки зрения наделения человека — на обеих стадиях его развития — определенными субъективными правами. И если вторая стадия не обойдена законодателем вниманием — всегда, во все времена человек уже рожденный был в центре внимания законодателя, другое дело, что в зависимости от массы переменчивых факторов эти права у разных людей различались, то первая стадия за редким исключением находится вне правового обеспечения. Строго говоря, понятийный юридический аппарат здесь практически отсутствует, терминология слабо разработана и специального термина, определяющего наличие прав у эмбриона человека (наподобие понятия правоспособности у уже родившегося человека), нет.

Однако суровые реалии жизни вынуждают законодателя, причем издавна, заполнять правовую пробельность в этом вопросе. Известный древнеримский юрист Павел (сочинения которого, наряду с трудами Папиниана Ульпиана, Гая и Модестина, на основе принятого в 426 г. Закона «О цитировании

² См.: Невинная И. Не женское дело. Создается робот, который сможет вынашивать и рожать детей. Реально ли это? // Росс. газ. — неделя. 2024. 7 нояб.

юристов» могли быть положены в основу судебных решений) писал: «Кто находится во чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, поскольку дело идет о выгодах самого плода». А в 1917 г. известный русский ученый Е.Н. Трубецкой полагал: «Утверждение, что субъектом права может быть только живой человек, тесно связано с узко-реалистическим пониманием права»³. Современные отечественные юристы-ученые также не обходят вниманием проблематику правового статуса человеческого эмбриона⁴. Ведь никого не удивляет и никто не возражает против того, что делают в некоторых клиниках. Речь об искусственном оплодотворении: некоторые эмбрионы там хранятся в жидком азоте, и немало людей уже родились из таких размороженных яйцеклеток. В медицинской практике они используются в рамках процедуры ЭКО для лечения бесплодия⁵. Н.А. Белобрагина полагает, что человеческий эмбрион необходимо наделить статусом живого существа⁶.

Сегодня ряд правовых норм, причем различных отраслей законодательства, так или иначе регулирует отношения с участием эмбриона человека.

Статья 102 УК РФ как умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах квалифицирует умышленное убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, а ст. 108 к умышленным тяжким телесным повреждениям, опасным для жизни, относит те, которые повлекли прерывание беременности. Статья 145 УК РФ гласит: «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности... наказывается...» (ред. от 07.12.2011 № 420-ФЗ). Эта ответственность наступает только в случаях, когда работодатель руководствовался дискриминационным мотивом, связанным с беременностью женщины, — п. 16 постановления Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях

против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)». А п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» указал, что отбывание наказания согласно ст. 82 УК РФ может быть отсрочено беременной женщине.

Обширно законодательное поле трудовых правоотношений, где «фигурирует» человеческий эмбрион. Разумеется, регулируются трудовым законодательством не отношения с самим эмбрионом, а с беременной этим эмбрионом женщиной, но ведь не было бы эмбриона — не было бы и правового регулирования этих отношений.

Так, ст. 259 ТК РФ (ред. от 08.08.2024) запрещено направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин. Статья 261 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 12.11.2012 № 188-ФЗ) целиком посвящена гарантиям беременной женщине при расторжении трудового договора. Там установлено, что расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем. Федеральным законом от 29 июня 2015 г. эта норма была дополнена положением, по которому в случае истечения срочного трудового договора в период беременности женщины работодатель обязан по ее письменному заявлению и при предоставлении медицинской справки, подтверждающей состояние беременности, продлить срок действия трудового договора до окончания беременности, а при предоставлении ей в установленном порядке отпуска по беременности и родам — до окончания такого отпуска. Женщина, срок действия трудового договора с которой был продлен до окончания беременности, обязана по запросу работодателя, но не чаще чем один раз в три месяца, предоставлять медицинскую справку, подтверждающую состояние беременности. Если при этом женщина фактически продолжает работать после окончания беременности, то работодатель имеет право расторгнуть трудовой договор с ней в связи с истечением срока его действия в течение недели со дня, когда работодатель узнал или должен был узнать о факте окончания беременности.

Установлено также, что допускается увольнение женщины в связи с истечением срока трудового договора в период ее беременности, если трудовой договор был заключен на время исполнения обязанностей отсутствующего работника и невозможно с письменного согласия женщины перевести ее до окончания беременности на другую имеющуюся

³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 166.

⁴ См.: Еремеева О.И., Сайфуллина Н.А. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека // Инновационная наука. 2016. № 3 (где рассмотрены правовые статусы эмбриона: абсолютистский, либеральный, умеренный); Шиндяпин С.Э. К вопросу о моменте признания правоспособности эмбриона человека // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 12 (140); Ярош А.В. Правовой статус эмбриона как объект семейных ценностей // Государство и право. 2021. № 5. С. 136—143; Мохов А.А. Неродившийся ребенок — субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4.

⁵ См.: Лебедева Д.А. Правовая модель регулирования криоконсервированных эмбрионов // Медицинское право и практика. 2022. № 3—4.

⁶ См.: Белобрагина Н.А. Правовой статус эмбриона // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1—2. С. 36.

у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации женщины, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую женщина может выполнять с учетом ее состояния здоровья. При этом работодатель обязан предлагать ей все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности. Предлагать вакансии в других местностях работодатель обязан, если это предусмотрено коллективным договором, соглашениями, трудовым договором.

Следует сказать, что в юридической литературе отмечаются и факты злоупотребления названными трудовыми правами⁷.

Статьей 11 СК РФ установлено, что заключение брака производится по истечении месяца со дня подачи заявления в орган ЗАГСа, но при наличии особых обстоятельств, в т.ч. беременности, брак может быть заключен в день подачи заявления. В силу ст. 17 СК РФ муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены. Частью 1 ст. 90 СК РФ установлено, что право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеет бывшая жена в период беременности, наступившей в период брака.

Весьма обширно регулирование в правовом поле наследственных отношений, касающихся человеческого эмбриона⁸. Эмбрион человека может быть наследником по закону: к числу наследников первой очереди относится также ребенок умершего, родившийся после его смерти. Кстати, в древнеримском наследственном праве существовал даже применимый и в нашем случае специальный термин «постум», означавший лицо, зачатое при жизни завещателя, но рожденное после его смерти, и Юстиниан признавал возможным назначать и этих лиц наследниками по завещанию.

Наша судебная практика здесь такова, что если ребенок, которому, когда он был еще эмбрионом, было завещано имущество, родился живым и сразу умер, то этот ребенок становится сам наследодателем (по закону, разумеется, не по завещанию), но если он родился мертвым, то считается, что он не вступил в наследство со всеми вытекающими последствиями. Раньше в России, до последнего времени из-за незначительности накоплений и, соответственно, наследственной массы у подавляющего большинства

населения, подобные вопросы наследования имущества эмбрионом человека были попросту неактуальны; но со временем значимость этого института права наследования возрастает.

Весьма значимый интерес в плане рассматриваемой в настоящей статье проблемы статуса человеческого эмбриона имеет постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой»⁹.

Фабула дела такова.

Решением Котласского городского суда Архангельской области от 7 июня 2021 г. в пользу сына М.В. Григорьевой, родившегося 12 апреля 2015 г., взыскана компенсация морального вреда в связи со смертью его отца, наступившей до его рождения — 17 марта того же года в результате случившегося 5 марта дорожно-транспортного происшествия. Суд, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, при определении размера компенсации учел обстоятельства, свидетельствующие о причинении сыну потерпевшего нравственных страданий (ребенок лишился возможности общения с отцом, его заботы), индивидуальные особенности ребенка, включая возраст, а также фактические обстоятельства, при которых был причинен вред, и тот факт, что в соответствии со вступившими ранее в силу решениями суда с виновника аварии в пользу старшего сына потерпевшего, его супруги, отца и брата взыскана компенсация морального вреда в размере 200 тыс. руб. каждому из них.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 7 октября 2021 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2022 г., решение суда первой инстанции отменено, в иске отказано. При этом суды указали на отсутствие достаточных оснований для удовлетворения заявленного требования, поскольку в момент смерти отца ребенок еще не родился, правоспособностью не обладал, а гибель отца не могла вызвать физические и нравственные страдания у неродившегося ребенка. Кроме того, как отметил суд кассационной инстанции, не представлено доказательств причинения несовершеннолетнему физических и нравственных страданий, связанных со смертью отца. В передаче кассационной жалобы на определения судов апелляционной и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ отказано Определением судьи этого суда от 7 июня 2022 г.

⁷ См.: *Офман Е.М.* Злоупотребление правом беременными женщинами // *Кадровик. Трудовое право для кадровика.* 2010. № 4. С. 13–19.

⁸ См.: *Афанасьев И.В., Машков А.В.* Статус человеческого эмбриона в наследственном праве и вытекающие из него юридические проблемы // *Современное право.* 2022. № 1.

⁹ См.: *Росс. газ.* 2023. 10 марта.

В названном Постановлении Конституционный Суд РФ отметил следующее. В силу ст. 17 (ч. 2) Конституции РФ момент возникновения основных прав совпадает с моментом рождения человека, что отражает представление о его основных правах и свободах как о естественных и необходимость признания объективных свойств личности в качестве непосредственно обеспечивающих гарантии таких фундаментальных ценностей, которые находятся под охраной закона и к которым относятся жизнь человека, его достоинство, свобода и личная неприкосновенность, частная собственность, возможность участвовать в управлении делами государства, свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и др.

Гражданский кодекс РФ в п. 1 ст. 17 признает в равной мере за всеми гражданами способность иметь гражданские права и нести обязанности — гражданскую правоспособность. В силу прямого указания п. 2 этой статьи гражданская правоспособность возникает с момента рождения, но понятия «рождение» данный Кодекс не раскрывает. Моментом рождения ребенка в соответствии со ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является момент отделения плода от организма матери посредством родов; при рождении живого ребенка медицинская организация, в которой произошли роды, выдает документ установленной формы; медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. В настоящее время медицинские критерии рождения утверждены приказом Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н. Следовательно, для возникновения у физического лица правоспособности с момента рождения оно должно родиться живым, что определяется медицинскими, а не юридическими критериями. Однако медицинские критерии, по которым устанавливается рождение живого ребенка, имеют важное правовое значение: если ребенок родился живым, но умер, то правоспособность у него возникла, а если родился мертвым, то правоспособность не возникает. Тем самым положение п. 2 ст. 17 ГК РФ, согласно которому правоспособность гражданина возникает в момент его рождения, может быть истолковано исключительно в соответствии с его буквальным смыслом, что не предполагает ни отступления от его содержания, ни поиска вариантов в выявлении и придании ему какого-либо иного смысла, отличного от сложившегося в российской правовой системе.

Далее Конституционный Суд РФ указал, что законодателем закреплены особенности правового

регулирования в отношении таких элементов правоспособности, как наследование и завещание имущества. Граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, могут призываться к наследованию (п. 1 ст. 1116 ГК РФ). При наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника (ст. 1166 ГК РФ). Однако завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме, причем только лично, поскольку совершение завещания через представителя не допускается (п. 2, 3 ст. 1118 ГК РФ), т.е. с момента рождения возможность завещать имущество не может быть восполнена действиями других лиц.

Соответственно, положение п. 2 ст. 17 ГК РФ о возникновении правоспособности в момент рождения не предreshает, какие именно субъективные права возникают на основе правоспособности как предпосылки правообладания, приобретенной в момент рождения. Создавая базовую возможность обладать конкретными, определенными по содержанию правами, правоспособность остается открытой для наполнения ее всеми предусмотренными законом элементами (ст. 18 ГК РФ), основанными на нормах Конституции РФ (ст. 17, 20–24, 27, 30, 34, 35, 44 и др.). При этом правоспособность, возникающая по буквальному смыслу п. 2 ст. 17 ГК РФ в момент рождения, сама по себе не изменяется при реализации ее носителем того или иного субъективного права, продолжая существовать как возможность правообладания и несения юридических обязанностей, в то время как конкретное субъективное право становится реализацией одного из элементов ее содержания. Действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился. Те же принципы положены в основу регулирования возмещения имущественного вреда ребенку потерпевшим (кормильца), родившемуся после его смерти (п. 1 ст. 1088 ГК РФ).

При этом согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 33 постановления от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина», право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом (ст. 138 СК РФ). При рассмотрении же дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего членам

его семьи — иждивенцам суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий; наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда (п. 32 названного Постановления).

Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, сказано в этом Постановлении Конституционного Суда РФ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и от обоснования размера денежной компенсации. Однако, как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении № 45-П от 26 октября 2021 г., обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении гражданину физических и нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага. Эта позиция в полной мере применима в конкретной жизненной ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился. Иной подход к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности прав таких детей, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить эффективную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь — самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав детей на особую защиту и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со ст. 2, 7 (ч. 2), 21 (ч. 1), 38 (ч. 1, 2), 45 (ч. 1), 56 (ч. 3) и 67¹ (ч. 4) Конституции РФ.

Таким образом, делает вывод Конституционный Суд РФ, положение п. 2 ст. 17 ГК РФ о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения не предполагает его применения в качестве основания для отказа в реализации субъективного права ребенка, родившегося после смерти отца, требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, принадлежащих ему от рождения или в силу закона, неотчуждаемых

и непередаваемых иным способом (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Другое истолкование п. 2 ст. 17 ГК РФ означает придание ему смысла, противоречащего тому, который, вытекает из его системной обусловленности, вопреки сути правоотношений, возникающих на основе данных законоположений. Это недопустимо с точки зрения правовой логики и ведет к ситуации, при которой умаляется юридическая и социальная значимость родственных связей между погибшим отцом и родившимся после его смерти ребенком, в том числе — в нарушение принципа юридического равенства, закрепленного в ст. 19 (ч. 1, 2) Конституции РФ, по сравнению с ситуацией, когда ребенок родился до смерти отца.

В то же время Конституционный Суд РФ в этом Постановлении указал, что само по себе законоположение, которое является предметом рассмотрения по настоящему делу, основано на норме ст. 17 (ч. 2) Конституции РФ о принадлежности каждому основных прав и свобод от рождения и ей не противоречит. С учетом этого Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что оспариваемая норма в системе действующего правового регулирования, в частности в контексте рассматриваемого дела о компенсации морального вреда, соотносится с конституционными установлениями, которым оно должно следовать. Вместе с тем применение оспариваемой нормы должно быть скорректировано в рамках конституционно-правового истолкования, с тем чтобы полностью исключалась — при причинении морального вреда ребенку потерпевшего, родившегося после его смерти, — возможность нарушения прав, поставленных под защиту Конституции РФ, ее ст. 2, 7 (ч. 2), 19 (ч. 1, 2), 21 (ч. 1), 38 (ч. 1, 2), 45 (ч. 1), 56 (ч. 3) и 67¹ (ч. 4).

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд РФ названным Постановлением постановил: признать п. 2 ст. 17 ГК РФ не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эта норма не предполагает ее применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл п. 2 ст. 17 ГК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике. А судебные постановления, принятые в отношении несовершеннолетнего сына Григорьевой М.В. на основании п. 2 ст. 17 ГК РФ в истолковании, расходящемся с конституционно-правовым смыслом этой нормы, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Другой пример из судебной практики Конституционного Суда РФ. Заявительница *Ш.* в ноябре 2017 г. обратилась в клинику для проведения экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), а для зачатия использовала замороженный биоматериал супруга, скончавшегося в 2016 г., годом ранее. В результате ЭКО *Ш.* родила в сентябре 2018 г. двойню, а в 2020 г. через суд подтвердила отцовство.

После этого она обратилась в Пенсионный фонд с просьбой назначить детям выплаты по факту потери кормильца. Однако в суде получила отказ, который *Ш.* попыталась оспорить в судах, но суды согласились с решением Пенсионного фонда, сославшись на ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», где в ч. 1 этой статьи указывается, что право на страховую пенсию по потере кормильца имеют лишь члены семьи, состоявшие на его иждивении. В ч. 3 ст. 10 говорится о том, что иждивенцами признаются только те родственники, которые находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию. Суды посчитали, что эти условия в данном случае не соблюдены, поскольку супруг *Ш.* скончался до фактического зачатия детей и не успел полностью содержать их.

Не добившись успеха в судах общей юрисдикции, *Ш.* обратилась в Конституционный Суд РФ, указав в обращении, что нормы Закона «О страховых пенсиях» не соответствуют конституционному принципу равенства. Она посчитала, что «имеет место дискриминация по признаку происхождения, так как сам по себе способ и момент зачатия не могут быть достаточными дифференцирующими основаниями. Кроме того, нарушается и конституционный принцип недопустимости принятия законов, умаляющих права и свободы человека и гражданина, поскольку законодательство, допуская посмертную репродукцию, в то же время усекает права таким образом рожденных детей».

Как отмечалось в отечественных СМИ по этому обращению *Ш.*, в публичном слушании представителями государственных органов были высказаны различные аргументы, как поддерживающие *Ш.* (недопустима дискриминация разных объемов прав у детей, рожденных естественным способом, и детей, зачатых после смерти отца с помощью вспомогательных репродуктивных технологий; закон предусматривает пенсию по потере кормильца для детей, рожденных в течение 300 дней с момента смерти родителя, хотя они также фактически не находились на его иждивении и др.), так и, с осторожностью, не поддерживающие ее (дети имеют право на обязательную долю наследства родителей, и стоит задуматься, распространяется ли это положение на ребенка, зачатого после смерти отца: а если ребенок будет рожден через 10 лет, через 20? если у ребенка

не было кормильца, то как можно назначать ему пенсию по потере кормильца? и т.д.)¹⁰.

Конституционный Суд РФ Постановлением от 10 февраля 2025 г. обращение *Ш.* удовлетворил, оспоренные нормы признал неконституционными и констатировал, что «научно-технический прогресс привел к развитию вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ)», которые «позволяют сохранять биологический материал годы и даже десятилетия». Но законодателем до сих пор не урегулированы юридические последствия «постмортальной репродукции, предполагающей рождение детей, зачатых после смерти отца, который предоставил генетический материал и выразил желание на их рождение даже в случае своей смерти». Закон же «не содержит прямых предписаний на этот случай».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, формула в части «до» п. 2 ст. 17 ГК РФ не только не соответствует действующим правовым полям ряда отраслей законодательства и судебной практике, но и элементарной житейской практике. Сама жизнь заставляет (как минимум побуждает) к этой компоненте правотворческого процесса отнестись с большим вниманием. Исходная посылка здесь такова: человек зачатый и человек родившийся — это один и тот же человек, в своем развитии проходящий две стадии. И различные права и законные интересы этого человека на обеих стадиях его развития должны быть надежно охраняемы законом. Успехи медицины сегодня таковы, что вероятность нормального перехода развития человека из первой во вторую стадию практически близка к ста процентам. Правовое обеспечение статуса человека это обстоятельство должно учитывать и, в свою очередь, быть комплексным и последовательным на обеих стадиях.

Пока же в законодательстве нет норм, закрепляющих положение, согласно которому само репродуктивное право — личное неимущественное право, замороженные яйцеклетки — не имущество и по наследству другим лицам не переходят. Нет и хоть какого-либо регулирования отношений в случае, если донор спермы болеет какой-либо наследственной болезнью и передал таким образом эту болезнь эмбриону.

А теперь перейдем ко второй половине формулы п. 2 ст. 17 ГК РФ, к тому, что «после...».

Строго говоря, в сугубо юридическом смысле это «после», т.е. прекращение правоспособности смертью гражданина, предусмотрено действующим законодательством. В определенных случаях умершим человека признает суд — при отсутствии подтверждения его смерти в биологическом смысле (практически — когда

¹⁰ См.: Габдуллина Э. Закон не заметил потери отца. КС рассматривает право на поддержку для детей, зачатых от спермы умершего // Коммерсантъ. 2024. 23 окт.

нет трупа). В целом этому вопросу посвящена гл. 3 ГК РФ, именуемая «Признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление гражданина умершим».

А конкретно — ст. 45 «Объявление гражданина умершим» ГК РФ устанавливает: гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, — в течение шести месяцев. При этом военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий.

Днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. В случае объявления умершим гражданина, пропавшего без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание полагать его гибель от определенного несчастного случая, суд может признать днем смерти этого гражданина день его предполагаемой гибели и указать момент его предполагаемой гибели (в ред. Федерального закона от 30.03.2016 № 79-ФЗ).

Регулируются в этой главе (в ст. 46) и вопросы последствий явки гражданина, объявленного умершим. Установлено, что в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, объявленного умершим, суд отменяет решение об объявлении его умершим. При этом независимо от времени своей явки гражданин может потребовать от любого лица возврата сохранившегося имущества, которое безвозмездно перешло к этому лицу после объявления гражданина умершим, за исключением отдельных случаев, предусмотренных п. 3 ст. 302 ГК РФ. А лица, к которым имущество гражданина, объявленного умершим, перешло по возмездным сделкам, обязаны возвратить ему это имущество, если доказано, что, приобретая имущество, они знали, что гражданин, объявленный умершим, находится в живых. При невозможности возврата такого имущества в натуре возмещается его стоимость.

Важно, что в силу ст. 47 ГК РФ государственной регистрации подлежит и такой акт гражданского состояния, как смерть гражданина. Сама регистрация актов гражданского состояния производится органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния путем составления соответствующих записей актов гражданского состояния. Органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния, выдаются гражданам свидетельства на основании этих записей (в ред. Федерального

закона от 27.01.2023 № 3-ФЗ). При этом исправление и изменение записей актов гражданского состояния производятся органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния, при наличии достаточных оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами. А при наличии спора между заинтересованными лицами либо отказе органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния, в исправлении или изменении записи спор разрешается судом. Аннулирование же и восстановление записей актов гражданского состояния производятся органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния, на основании решения суда (в ред. Федерального закона от 27.01.2023 № 3-ФЗ).

Но этот вектор утраты юридически умершим и юридически же «воскресшим» правоспособности и ее восстановления законодательством урегулирован и научного интереса — в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы — не представляет, поскольку здесь речь не идет о смерти человека в биологическом смысле. А вот в случае смерти в биологическом смысле налицо лакуны — и правовые, и биологические, и философские, и мировоззренческие, и иные.

Когда наступает смерть человека, при каких условиях и т.д., то есть когда прекращается его правоспособность? Этот вопрос не обойден вниманием отечественной юридической науки¹¹.

В США, указывает В.Б. Паничкин, содержащий понятие смерти § 1-107 Единообразного наследственного кодекса (Uniform Probate Code, U.P.C.) основан на Единообразном законе об определении смерти (Uniform Determination of Death Act). Там смерть наступает в момент бесповоротного прекращения кровообращения, дыхания и всех функций мозга. Таким образом, в США закон связывает смерть с необратимой гибелью мозга и однозначным наступлением биологической смерти, т.е. прекращением биологической деятельности в клетках и тканях организма. В нашей же стране, в силу Инструкции по констатации смерти человека на основании смерти мозга в соответствии с принципами Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», биологическая смерть может быть констатирована на основании прекращения сердечной деятельности (в течение 30 минут), дыхания и функций головного мозга. Смерть же мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции

¹¹ См.: Паничкин В.Б. Смерть как основание прекращения правоспособности: сравнительный анализ права России и США. URL: <https://online11.consultant.ru/cqi/online.cqi?req=doc&ts=8EU5JtYZO83Pwt1&cacheid=9C7FB2A0E1FE9F5055BAFBBB16AFB634&mode=spl...>

легких. Смерть мозга эквивалентна смерти человека. Именно с этого момента прекращается правоспособность умершего лица. Решающим для ее констатации является сочетание факта прекращения функций всего головного мозга с доказательством необратимости этого прекращения. Право на установление диагноза смерти мозга дает наличие точной информации о причинах и механизмах развития этого состояния.

В других странах момент смерти наверняка определяется по иным основаниям. Но в принципе неважно: момент смерти человека наступил при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга при работающем сердце и искусственной вентиляции легких, либо смерть может быть констатирована на основании прекращения сердечной деятельности (в течение 30 минут), дыхания и функций головного мозга и т.п. Разница здесь по времени незначительна, да и несущественна: если прекратились функции головного мозга, то свое предсмертное волеизъявление человек никак не сможет выразить, не смотря на работу своих легких и сердца.

Но уже не все однозначно именно в вопросе: человек умер/не умер. Во всяком случае — в отношении иных биологических объектов. Так, сотрудники лаборатории криологии почв Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (ИФХиБПП РАН) в Пушкино в 2023 г. изучали древних нематод и их потомков совместно с коллегами из МГУ им. М.В. Ломоносова и международным коллективом исследователей из Германии, Великобритании и Ирландии. На севере Якутии, на берегу реки Колыма на глубине 40 м в образцах почв, отобранных в вечномёрзлых отложениях, ими были обнаружены жизнеспособные нематоды (микроскопические многоклеточные организмы, относящиеся к типу круглых червей) возрастом 46 тыс. лет. И эти нематоды успешно были выведены из состояния криптобиоза (в переводе с древнегреческого «тайная жизнь»), т.е. анабиоза, и они смогли развиваться и размножаться в лабораторных условиях. В 2021 г. той же лабораторией были обнаружены — с тем же результатом — коловратки (также многоклеточные микроскопические), пережившие криптобиоз длительностью 24 тыс. лет¹².

Как это расценить? Если же нематоды спали, а потом проснулись (точнее — их ученые разбудили), то этого просто не может быть: при любом, сколь угодно глубоком сне, даже летаргическом (хотя у нематод, скорее всего, таких снов не бывает), жизненные процессы хотя и замедляются, может, даже очень основательно, но совсем не прекращаются, и 46 тыс. лет они никак не могли продолжаться.

Если же эти нематоды прекратили свое брренное существование (от старости, от голода, от недостатка

воздуха и пр.) и 46 тыс. лет были мертвыми, а потом ученые их оживили, в прямом смысле слова, то это — прекрасный образец для подражания, уже относительно человека.

Вообще-то люди о чем-то подобном издавна мечтали, достаточно обратиться к сказочному фольклору, например к сказке о спящей царевне. Фантастика эту тему обыграла неплохо, есть, например, художественные фильмы («Бегство мистера Мак-Кинли» с Донатосом Банионисом в главной роли, польский фильм «Новые амазонки»), в фильме «Звездные войны» героя Харрисона Форда спокойно заморозили и разморозили и т.д.

Дело за сравнительно новым направлением в науке — крионикой (от греч. «криос» — холод). Это технология охлаждения человека до сверхнизких температур, что позволяет хранить его в прежнем состоянии продолжительное время. Особый интерес, буквально жизненно значимый, эта технология представляет для смертельно, безнадежно больных людей. Здесь надежда на то, что такого «замерзшего» через определенный промежуток времени, когда медицина научится надежно излечивать указанную смертельную болезнь, «разморозят» (оживят) и излечат. А что успехи медицины уже сегодня впечатляющи, и этот процесс будет бурно продолжаться — неоспоримый факт.

Поэтому-то у умирающих от неизлечимых болезней есть, по сути, выбор: умереть безвозвратно или «заморозиться», пусть даже вероятность «разморозки» невелика или даже ничтожна. Ведь в принципе «заморозку» можно рассматривать и как разновидность обычных похорон (кремации). Но при «заморозке» есть хоть какой-то шанс на будущую жизнь, а при похоронах (кремации) никакого шанса нет.

И естественно, в начале 1960-х годов стали создаваться специализирующиеся на такой «заморозке» центры криогенизации. Первым таким крионированным в 1967 г. стал психолог Джеймс Бедфорд (США), смертельно больной раком. Потом таких центров появилось несколько в разных странах, крионированных в них — сотни, но о случае «разморозки» пока неизвестно.

В 2003 г. в США был впервые крионирован гражданин Российской Федерации, а в 2006 г. в России появилась первая коммерческая организация, занимающаяся крионированием человека, о чем сообщалось в отечественных СМИ¹³.

¹³ См.: Чебышева К. Клиенты верят в бессмертие. Их обещают разбудить лет эдак через 50... // Труд. 2006. 17 мая; Писаренко Д. Люди-консервы. Сперма, яйцеклетка, мозг — далее все тело // Аргументы и факты. 2006. № 22; Виноградов А. Некоторые любят похолоднее. Уже четыре человека разрешили заморозить себя в жидком азоте, надеясь на будущее воскрешение // Росс. газ. 2007. 31 авг.

¹² См.: Роговая М. Выжившие в мерзлоте // Коммерсантъ-Наука. 2023, нояб.

Речь идет об ООО «КриоРус», зарегистрированном в установленном порядке и дислоцирующемся в Подмоскowie. При этом важно, что размещенный на сайте этого ООО текст договора между ООО «КриоРус» как Исполнителем и Заказчиком от 2014 г. (примерного) с указанием почтового адреса общества, банковских и прочих реквизитов, но без указания данных об Уставе — это, по сути, единственный регулятор отношений в сфере крионирования; это договорное регулирование — при отсутствии иного. По сути, договор между его сторонами по заморозке человека в отсутствие какого-либо регулирования является единственным — договорным — регулированием.

Что в этом договоре представляется — в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы — наиболее важным? Это следующие его положения.

Пунктом 2 установлено: под «Криосохранением» понимается экспериментальная научная процедура сохранения мозга, головы или тела человека при сверхнизких температурах. Криосохранение состоит из двух этапов: «крионирование» (подготовка тела к охлаждению и охлаждение) и «криохранение» (долгосрочное хранение при сверхнизких температурах). Исполнитель обязуется принять все возможные меры для крионирования и криохранения Криопациента, используя те методы (учитывая финансовые ограничения, налагаемые суммой, уплаченной Заказчиком, задержки оповещения, удаленное местоположение Криопациента, юридические препятствия и другие обстоятельства), которые Исполнитель сочтет необходимыми для наиболее полного сохранения Криопациента и которые наиболее вероятно сохранят потенциал Криопациента к функционированию после оживления в качестве живого человека. Вместе с тем в договоре сказано: понимая невозможность точной оценки шансов на успешное оживление Криопациента в будущем, стороны признают, что мнение о низкой вероятности оживления со стороны Исполнителя, Заказчика, их представителей или третьих лиц не может служить основанием для невыполнения экспериментальных работ по Криосохранению. И исключительно важным является п. 2.3 договора, где указано: Исполнитель выполняет все действия с Криопациентом только после регистрации его юридической смерти. Подготовительные действия до наступления его юридической смерти проводятся, только если законодательство страны, в которой проводится процедура, разрешает это.

Есть в договоре и положения о будущем, когда Криопациенту пора размораживаться. В п. 3.11 договора сказано: «В то время в будущем, когда Исполнитель решит, что Криопациент может быть удовлетворительно оживлен и вылечен с использованием доступных медицинских технологий, и когда оживление Криопациента и его лечение явятся

экономически оправданными (с учетом суммы, уплаченной Заказчиком), Исполнитель примет все возможные меры для осуществления цели оживления и излечения Криопациента». Правда, этим данное ООО берет на себя обязательство продолжать свою деятельность следующие сто лет (минимум), как это вытекает из п. 7.2 договора. Не слишком ли смело? При том, что в п. 5.3 договора предусмотрено: «Признавая, что технологии, необходимые для оживления Криопациента, еще не разработаны, но могут быть разработаны в будущем, а также признавая вероятность значительных экономических и социальных изменений в обществе, стороны соглашаются, что характер дополнительных работ по оживлению Криопациента, связанные с ними расходы и размер гонорара будут определяться дополнительным соглашением в связи с будущими реалиями на момент оживления. Заказчик может на свое усмотрение передать Исполнителю дополнительные денежные средства сверх цены Договора для финансирования будущих экспериментальных работ по оживлению или научных исследований по разработке технологий, необходимых для оживления. Передача средств для этих целей регулируется отдельным договором».

Нельзя не обратить внимание и на некоторую подстраховку со стороны названного ООО. Пунктом 8.2 договора откровенно предусмотрено: «Заказчик признает, что Исполнитель не дает гарантий оживления Криопациента», а п. 8.3, что: «Заказчик также признает, что Исполнитель не дает гарантий успешного сохранения Криопациента» (со ссылкой на п. 3.9 и 3.10 договора).

Деятельность ООО «КриоРус» набрала обороты, заморожены (целиком тела, или только головы, или только мозг) около сотни человек (и примерно в полтора раза меньше животных — коты, собаки, попугаи и др.). Известно, в частности, что писатель-фантаст Юрий Никитин, скончавшийся в 2025 г. в возрасте 86 лет, завещал перед смертью заморозить свое тело для его возможного воскрешения в будущем.

Вместе с тем имеют место и внутренние «разборки» между его членами — арбитражные суды рассматривали требования об исключении участника ООО из общества и прекращении полномочий генерального директора (решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.02.2023 г. по делу № А40-132603/2021, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2022 г. по делу № 40-182974/2022; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.08.2023 г. по делу № Ф05-18243/2023).

Не исключено, что для некоторых скептически относящихся к достижениям научно-технического прогресса нашей современной цивилизации людей деятельность организаций, занимающихся крионированием человека, проблематична с позиции наличия в ней признаков мошенничества.

В принципе сторонники необратимости процесса биологической и юридической смерти могут добиться законодательного запрещения крионирования человека и ликвидации криодепозитария, руководствуясь известным лозунгом «Этого (благополучных замораживания и размораживания) не может быть, потому что не может быть никогда». Но, во-первых, это только с сегодняшней точки зрения, с позиции сегодняшнего состояния технологий, основанной на современном состоянии научных достижений. Через сто лет ситуация может (и должна) радикально, принципиально измениться. А во-вторых, поскольку желающие получить последний шанс и нежелающие умереть безвозвратно идут на криозаморозку сознательно и целеустремленно, индустрия крионирования попросту уйдет в тень. Со всеми отрицательными из этого последствиями.

Кроме того, рано или поздно будут открыты и разработаны и иные пути преодоления смертельных болезней (не путем их излечения) и продления жизни. Уже сейчас можно предположить, что на первом этапе сознание человека будет перемещено в робота (а это — механическое устройство; футурологи как постчеловеческое будущее цифровое бессмертие обещают к 2045 г., но ведь нужно будет перенести в робота всю личность человека — воспоминания, сознание, предпочтение, а главное — душу), а на втором — в клона умирающего человека (а это уже биологический объект). И здесь тоже встанет вопрос о правоспособности этих новых сущностей.

Потребность в изменениях понимания и законодательной корректировки правоспособности человека появилась не сегодня. Если обратить внимание на эту проблему, то можно обнаружить некоторую динамику.

Так, в древних рабовладельческих государствах жители разделялись на определенные слои в зависимости от объема имеющихся у них прав (и реальных возможностей этими правами пользоваться, а при нарушениях прав — их защитить). В Древнем Риме, как известно, изначально было три таких слоя: патриции, плебеи и рабы. Но вот появились рабы, которые владели рабами (такая складывалась «матрешка»), и у раба-рабовладельца, естественно, было существенно больше прав (и возможностей, на этих правах основанных), чем у раба, которым владел раб-рабовладелец. Таково в определенном смысле было развитие законодательства (и практики его применения) в рабовладельческих государствах.

А сравнительно совсем недавно, где-то лет 150 назад, женщины (за отдельными исключениями) практически во всем мире не имели многих прав, имеющихся у мужчин, прежде всего права быть избранными (в демократическом понимании), да и вообще участвовать в избирательном процессе, т.е. права избирать. Но человечество развивалось, и сейчас

правоспособность от гендерных особенностей не зависит (за исключением отдельных местностей, например в Республике Афганистан). Различия объемов правоспособности между мужчинами и женщинами уже практически исчезло.

К настоящему времени наступила пора (как попытался обосновать в настоящей статье автор данных строк) расширить закрепленное российским гражданским законодательством понятие правоспособности — в обоих векторах.

Но и после этого нововведения процесс совершенствования (в том числе расширение понятия) правоспособности не остановится. С очевидностью, претендовать на обладание правоспособностью будут роботы (искусственный интеллект, нейросети), и начнется это уже в обозримом будущем. Определенный прецедент в этом вопросе недавно имел место — в Саудовской Аравии, как известно, право гражданства этого государства в 2017 г. получила роботесса София, а быть — в юридическом смысле — в гражданском государстве, не обладая при этом правоспособностью, невозможно по определению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев И.В., Машков А.В.* Статус человеческого эмбриона в наследственном праве и вытекающие из него юридические проблемы // Современное право. 2022. № 1.
2. *Белобрагина Н.А.* Правовой статус эмбриона // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1—2. С. 36.
3. *Виноградов А.* Некоторые любят похолоднее. Уже четыре человека разрешили заморозить себя в жидком азоте, надеясь на будущее воскрешение // Росс. газ. 2007. 31 авг.
4. *Габдуллина Э.* Закон не заметил потери отца. КС рассматривает право на поддержку для детей, зачатых от спермы умершего // Коммерсантъ. 2024. 23 окт.
5. *Еремеева О.И., Сайфуллина Н.А.* К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека // Инновационная наука. 2016. № 3.
6. *Клеандров М.И.* Правовой статус эмбриона человека // Проблемы формирования, сохранения, восстановления и укрепления здоровья (медицинские, биологические, экологические, психолого-педагогические, социально-экономические, философские, правовые аспекты валеологии): сб. науч. тр. М.; Тюмень, 1995. Вып. IX. С. 181—185.
7. *Лебедева Д.А.* Правовая модель регулирования криоконсервированных эмбрионов // Медицинское право и практика. 2022. № 3—4.
8. *Мохов А.А.* Неродившийся ребенок — субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 10—18.
9. *Невинная И.* Не женское дело. Создается робот, который сможет вынашивать и рожать детей. Реально ли это? // Росс. газ. — неделя. 2024. 7 нояб.

10. *Офман Е.М.* Злоупотребление правом беременными женщинами // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 4. С. 13–19.
11. *Паничкин В.Б.* Смерть как основание прекращения правоспособности: сравнительный анализ права России и США. URL: <https://online11.consultant.ru/cqi/online.cqi?req=doc&ts=8EU5JfTuYZO83Pwt1&cacheid=9C7FB2A0E1FE9F5055BAFBBB16AFB634&mode=spl...>
12. *Писаренко Д.* Люди-консервы. Сперма, яйцеклетка, мозг — далее все тело // Аргументы и факты. 2006. № 22.
13. *Роговая М.* Выжившие в мерзлоте // Коммерсантъ-Наука. 2023, нояб.
14. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 166.
15. *Чебышева К.* Клиенты верят в бессмертие. Их обещают разбудить лет эдак через 50... // Труд. 2006. 17 мая.
16. *Шиндяпин С.Э.* К вопросу о моменте признания правоспособности эмбриона человека // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 12 (140).
17. *Ярош А.В.* Правовой статус эмбриона как объект семейных ценностей // Государство и право. 2021. № 5. С. 136–143.
5. *Eremeeva O.I., Sayfullina N.A.* To the question of the concept and legal status of a human embryo // Innovative Science. 2016. No. 3 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* Legal status of a human embryo // Problems of formation, preservation, restoration and promotion of health (medical, biological, environmental, psychological and pedagogical, socio-economic, philosophical, legal aspects of valeology): sat. scientific works. M.; Tyumen, 1995. No. IX. Pp. 181–185 (in Russ.).
7. *Lebedeva D.A.* Legal model for the regulation of cry preserved embryos // Medical Law and Practice. 2022. No. 3–4 (in Russ.).
8. *Mokhov A.A.* Unborn child — subject of legal relations? // Family and Housing Law. 2019. No. 4. Pp. 14–78 (in Russ.).
9. *Nevinnaya I.* Not a woman's business. A robot is being created that can carry and bear children. Is it real? // Ross. gaz. — week. 2024. 7 November (in Russ.).
10. *Ofman E.M.* Abuse of the right to pregnant women // Personnel. Labor Law for a personnel officer. 2010. No. 4. Pp. 13–19 (in Russ.).
11. *Panichkin V.B.* Death as a basis for termination of legal capacity: a comparative analysis of the law of Russia and the USA. URL: <https://online11.consultant.ru/cqi/online.cqi?req=doc&ts=8EU5JfTuYZO83Pwt1&cacheid=9C7FB2A0E1FE9F5055BAFBBB16AFB634&mode=spl...> (in Russ.).
12. *Pisarenko D.* Canned people. Sperm, egg, brain — then the whole body // Arguments and facts. 2006. No. 22 (in Russ.).
13. *Rogovaya M.* Survivors in the permafrost // Kommersant-Nauka. 2023. November (in Russ.).
14. *Trubetskoy E.N.* Lectures on the Encyclopedia of Law. M., 1917. P. 166 (in Russ.).
15. *Chebysheva K.* Clients believe in immortality. They promise to wake them up in 50 years ... // Labor. 2006. 17 May (in Russ.).
16. *Shindyapin S.E.* On the issue of the moment of recognition of the legal capacity of a human embryo // Herald of TSU. 2014. No. 12 (140) (in Russ.).
17. *Yarosh A.V.* The legal status of the embryo as an object of family values // State and Law. 2021. No. 5. Pp. 136–143 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Afanashev I.V., Mashkov A.V.* The status of a human embryo in hereditary law and the legal problems arising from it // Modern law. 2022. No. 1 (in Russ.).
2. *Belobragina N.A.* Legal status of the embryo // News of TulaSU. Economic and legal sciences. 2013. No. 1–2. P. 36 (in Russ.).
3. *Vinogradov A.* Some love colder. Already four people were allowed to freeze themselves in liquid nitrogen, hoping for a future resurrection // Ross. gaz. 2007. 31 August (in Russ.).
4. *Gabdullina E.* The law did not notice the loss of his father. The Constitutional Court is considering the right to support for children conceived from the sperm of the deceased // Kommersant. 2024. 23 October (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
 Corresponding Member of the RAS,
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher, Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

ФЕНОМЕН ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

© 2025 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025 г.

Аннотация. В статье проводится мысль о том, что юридическая терминология имеет важное значение для законодателя, судьи, органов исполнительной власти и пр. Она ценна и для формирования и развития теоретических представлений о том или ином социально-правовом явлении. Автор ставит своей задачей постигнуть, дойти до сути понятия и содержания феномена «ответственность». В статье дается общее представление об ответственности, анализируется понимание термина «ответственность» в философии, психологии, социальной сфере. Свои рассуждения автор основывает на исследовании лингвистических словарей, изучении трудов античных мыслителей, философов права и пр. Проведенное исследование позволило выявить наличие в отдельных случаях языково-понятийных проблем, основанных на ошибочном переводе или терминологическом выражении сущности анализируемого понятия. В заключение сделаны выводы, соответствующие цели и задаче данной работы. Статья является вводной. Она знаменует начало большой работы, продолжением которой станет публикация серии статей о содержании понятия «ответственность», «юридическая ответственность», «административная ответственность».

Ключевые слова: ответственность, феномен, правовой институт, обязательство, свобода, правонарушение, наказание, ответственность в философии, социальная ответственность, мораль.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М.Н. Феномен ответственности (историографическое и теоретико-правовое исследование) // Государство и право. 2025. № 10. С. 83–91.

DOI: 10.31857/S1026945225100062

THE PHENOMENON OF RESPONSIBILITY (HISTORIOGRAPHIC AND THEORETICAL-LEGAL RESEARCH)

© 2025 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 01.08.2025

Abstract. The article suggests that legal terminology is important for the legislator, judge, executive authorities, etc. It is also valuable for the formation and development of theoretical ideas about a particular socio-legal phenomenon. The author sets the task of comprehending, getting to the essence of the concept and content of the phenomenon “responsibility”. The article gives a general idea of responsibility, analyzes the understanding of the term “responsibility” in philosophy, psychology, and social sphere. The author bases his arguments on the study of linguistic dictionaries, the study of the works of ancient thinkers, etc. The conducted research allowed us to identify the presence of linguistic and conceptual problems in individual cases based on an erroneous translation or terminological expression of the essence of the analyzed concept. In conclusion, conclusions are made that correspond to the goal and objective of this work. The article is introductory. It marks the beginning of a large work, the continuation of which will be the publication of a series of articles on the content of the concept of “responsibility”, “legal responsibility”, “administrative responsibility”.

Key words: responsibility, phenomenon, legal institution, obligation, freedom, offense, punishment, responsibility in philosophy, social responsibility, morality.

For citation: *Kobzar-Frolova, M.N. (2025). The phenomenon of responsibility (historiographic and theoretical-legal research) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 83–91.*

Введение

Для юриста-теоретика, законодателя и правоприменителя суть и содержание терминов имеет определяющее значение. Поскольку это оказывает зачастую непосредственное влияние на зримое воплощение природы права в различных областях.

Содержание юридического термина, образующего правовой институт (субинститут), важно для формирования и развития теоретических представлений о нем, о том, какие юридические связи и конструкции образует, с какими иными правовыми институтами связан и пр. Для законодателя юридическая терминология имеет важное значение для формулирования основных понятий закона, закрепления правил соблюдения правовой нормы, установления запрета и введения наказания за его несоблюдение.

Важнейшая задача ученого-теоретика, имеющего отношение к академической науке, — дать доктринальное толкование термина, объяснить его суть и назначение, показать его общественную значимость. К сожалению, далеко не всякое юридическое исследование основано на глубоком погружении авторов в истоки и понимание того феномена (явления), которое они анализируют в своей работе. Теоретики отмечают наличие языково-понятийных проблем, основанных на ошибочном терминологическом

выражении сущности юридических понятий (явлений)¹. Своевременно обратил внимание на необходимость улучшения и совершенствования языка правотворчества в одной из своих статей В.В. Путин. Язык закона, подчеркнул Президент РФ, должен быть понятным адресатам норм².

Вне сомнения, первоочередным критерием сути и содержания термина является то его исходное, первоначальное значение, которое можно найти в лингвистических, терминологических и орфологических словарях. Важно историческое понимание сути и содержания термина. Важны черты, способные преломлять суть и содержание термина, приспособлявая его к реалиям современной действительности.

Данная работа посвящена выявлению истинного содержания понятия «ответственность» как правового феномена.

Общие представления о феномене «ответственность»

Термин «ответственность» широко распространен и известен каждому человеку, даже не имеющему юридического образования. Но у каждого

¹ См.: Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2017. С. 3, 4, 17, 18.

² См.: Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.

свое представление об ответственности. В реальной жизни любой человек достаточно часто встречается с данным понятием в различных жизненных ситуациях. Одинаково ли воспринимается человеком этот термин? Даже при первом приближении к процессу познания очевидно, что «ответственность» — понятие сложное и многогранное.

Российские ученые проявляют широкий интерес к данному термину. Ответственность рассматривается ими как философская, психологическая, социальная, моральная категория, наконец, как категория правовая.

Прежде всего, обратимся к работам известных составителей словарей русского языка. Например, в словаре В.И. Даля термина «ответственность» нет. Но В.И. Даль рассматривает близкие к нему термины «ответовать», «отвечать» в значении: «дать ответ, подать весть, отозваться, возразить, отповеждать». И приводит примеры: «Я отвечу на это не словом, а делом. Спроси громом — ответят ливнем. Не торопись отвечать, торопись слушать». И еще: «Отвечать за что, за кого, быть повинным, давать отчет, ручаться, подлежать ответственности, быть обязану». «За себя легче отвечать, чем за других. Перед начальством один за всех отвечает»³. В.И. Даль впервые издал свой словарь в полном объеме в 1863 г. (это важно). Позже будет дано объяснение, почему нет в данном словаре искомого термина.

Несколькими десятилетиями ранее был издан «Словарь Академии Российской» (1789–1794), который был составлен на основе светских и духовных книг, а также памятников древнерусской письменности. Слово «ответственность» Словарь не содержит. Но обратим внимание — в нем имеются слова: вина, кара, ответ⁴. В Евангелии от Луки имеется правило: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут»⁵.

Наиболее известный толковый словарь, вышедший в Советской России, — это Словарь Д.Н. Ушакова (1935–1940). В нем уже имеется слово «ответственность» (жен. род, множ. числа нет). Употребляется в следующих значениях⁶: ответственным является лицо, выполняющее какую-либо работу, это лицо должно давать полный отчет о своих действиях, принять на себя вину за последствия.

Приводятся примеры: моральная ответственность, материальная ответственность, полная ответственность за возложенное дело. Еще ответственность педагога, ответственность момента. Д.Н. Ушаков также дает краткий комментарий к термину: «привлечь к (судебной) ответственности кого» — считать виновным, дать отчет в совершенных действиях (перед судом, органами власти и т.п.)⁷.

В Толковом словаре известного советского лингвиста С.И. Ожегова (1949) слово «ответственность» присутствует и разъясняется как «необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет в своих действиях, поступках»; «нести ответственность за что-нибудь. Привлечь к ответственности — глагол (действие) — означает заставить дать ответ за поступки; возложить ответственность на кого-либо (офиц.). Под вашу ответственность. Отвечать будете вы. И проч.»⁸.

Современные словари, коих не мало, трактуют искомый термин через понятие «обязательство» и последствие его неисполнения — вину. А именно «возлагаемое на кого-либо, взятое кем-либо обязательство отчитываться в своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия»⁹.

Вопросом о сути и содержании термина «ответственность» задавались многие ученые и исследователи. Известный правовед чл.-корр. АН СССР, проф. С.С. Алексеев подметил многообразие этого термина: есть чувство ответственности, а есть ответственное поведение. Одни поступают ответственно, другие занимают ответственное положение. Можно повысить ответственность лиц или взять на себя ответственность. Привлечь к ответственности или освободить от нее и пр.¹⁰ Ученый был убежден в том, что важно разобраться и иметь понимание того, что объединяет и в чем разница в этих социальных понятиях, употребляемых с одним термином — человеческое бытие или его поведение. «В этом понятии отражены взаимосвязи всего общества и каждого человека в отдельности»¹¹, — писал С.С. Алексеев. В социальной среде ответственность воспринимается через модель: ответственность перед... и ответственность за.... В юриспруденции присутствует третья модель: ответственность в связи с ... — и пр.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2023.

⁴ См.: Словарь Академии Российской. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10109/#page/741/mode/lup>

⁵ Евангелие от Луки, Новый Завет. От Луки Святое благое вествование. Глава 12, ст. 48. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tsitaty-iz-biblii/375>

⁶ См.: Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/>

⁷ См.: там же.

⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19009>

⁹ Ответственность // Словарь современного русского литературного языка. URL: <https://dic.academic.ru/>

¹⁰ См.: Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 2000. С. 433.

¹¹ Там же.

«Позор — знать настоящее людей и небожителей..., а правды не познать!»¹². Это изречение Гуго Гроция глубоко верно отражает актуальность заявленной темы, позволяет открыть широкую научную дискуссию.

Философское понимание ответственности

Философия — одна из древнейших отраслей знания, которая основной своей задачей ставила познание мира, познание человеком себя самого и себя в окружающем мире. Именно труды философов начиная со времен Античности дают первые представления, так или иначе связанные с исследуемым понятием. Вместе с тем следует заметить, что в трудах Платона, Аристотеля, Гераклита, Сократа рассуждения об ответственности в ее современном понимании не отмечены.

В энциклопедическом словаре философское понимание ответственности дается через «отношение зависимости человека от чего-то, что воспринимается им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий»¹³. Объектом ответственности могут выступать люди (настоящее, прошлое и будущее поколение), коллективы, общности, животные, окружающая среда, материальные, духовные, социальные и иные ценности.

В других философских источниках ответственность определяется как категория этики и права. Понятие «ответственность» отражает особое социальное и морально-правовое отношение человека к обществу, социальной среде и характеризуется выполнением личностного нравственного долга и правовых норм¹⁴. В этом смысле ответственность определяется через такие понятия, как «долг», «девиантность», «законность».

Исторически идея ответственности развивалась применительно к понятиям «свобода», «вменение» и «вина». Чаще всего в соотношении с такими понятиями, как «свобода воли», «свобода принятия решения», «свобода как выбор действия».

Древнегреческий философ Эпикур говорил о том, что свобода человека — это его ответственность за разумный выбор своего пути и образа жизни. Сфера человеческой свободы проявляется в его ответственности за себя; она во вне необходимости, поскольку необходимость не подлежит ответственности¹⁵.

Рассуждая о свободах, Т. Гоббс пишет, что «никто не имеет свободы оказывать сопротивление мечу государства, в целях защиты другого человека, виновного или невинного, ибо такая свобода лишает суверена возможности защищать нас»¹⁶. Интересен факт — Т. Гоббс допускал наказание за обнаружение умысла¹⁷.

В классической философии ответственность рассматривалась только применительно к понятию «свобода» и такого его проявления, как «автономия», где «свобода — одно из обязательных условий наступления ответственности». Согласно рассуждениям Аристотеля, ответственность — произвольное, т.е. свободное действие, совершенное в неведении, свидетельствует о порочности действия, а то и испорченности самого деятеля¹⁸. В цивилизованном правовом обществе любой человек вправе принимать решения и действовать согласно своей воле и своим предпочтениям. Именно это и накладывает на него обязанность отвечать за последствия своих действий и решений, не перекладывая вину на другое лицо. Последнее связано и с социальным, и с правовым и моральным содержанием понятия «ответственность».

Отсылки в некоторых научных работах к «Законам» Платона не соответствуют разумному. Поскольку употребление в «Законах» терминов «величайшее наказание за злодеяние», «бесчестность», «несправедливые поступки», «правосудие» есть не что иное, как рассуждения о каре и страданиях, посланных Богом¹⁹. Так, в «Законах» сказано, что «всякий человек по природе любит самого себя... Но поистине в каждом отдельном случае виновником всех проступков человека выступает как раз его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо и прекрасно, но всегда склонен отдавать предпочтение перед истиной тому, что ему присуще. Но это вещи скорее божественные...»²⁰. По Платону, «жизнь любого человека от природы заключена в определенные пределы». Мыслитель подчеркивал: «Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания». Платон употребляет уклончивые выражения, например жизнь других «безрассудных». От них избавляясь, законодатель должен удовлетвориться

¹² Гроций Г. О праве войны и мира. М., 2023.

¹³ Ответственность // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

¹⁴ См.: Философский словарь. URL: <https://spravochnik.ru/lektoriy/socialnaya-otvetstvennost-obschestvennye-i-lichnostnye-izmereniyaeto9x/>

¹⁵ См.: Материалисты древней Греции: собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М.А. Дынника. М., 1955. С. 212.

¹⁶ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 159.

¹⁷ См.: там же. С. 225, 226.

¹⁸ См.: Ответственность // Философский словарь. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/otvetstvennost>

¹⁹ См.: Платон. Законы. Кн. 4–5. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>

²⁰ Там же.

способами очищения, подобно таким, когда принимают горькое лекарство²¹.

Рассуждая о правосудии, Платон говорит: «Правосудие влечет за собой справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более мягкий способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут из-за недостатка воспитания склонность выступить против имущих, это станет болезнью, вкравшейся в государство»²².

Поэтому нет оснований полагать, что Платон ввел термин «ответственность». Очевидно, этот термин в Древней Греции был не в ходу.

Марк Тулий Цицерон, будучи приверженцем стоицизма в философии, написал трактат в трех книгах «Об обязанностях, об обязательствах или о моральной ответственности», изданный уже после его смерти. В первой книге он рассуждает о том, что является почетным, каким истинным образом обязанности человека основаны на чести и добродетели. Мыслитель выводит формулу добродетели, состоящую из четырех составных частей: истина, справедливость, стойкость и приличия и наши обязанности²³. В книге второй он повествует об обязанностях, которые связаны с личной выгодой и улучшением жизни. В третьей книге Цицерон пишет о том, что человеку нужно сделать выбор, когда возникает очевидный конфликт между добродетелью и целесообразностью. Сущность ответственности философ раскрывает через обязанности индивида перед обществом. Как убежденный стоик, он утверждал, что общественные обязанности отвечают самой человеческой природе. Разум и душа должны подсказать человеку, что из всех общественных связей и привязанностей (родители, дети, друзья) наиболее важны и дороги связи с государством. Разум человека должен находить компромисс в его стремлениях, предпочитая поступки, которые не принесут ни зла, ни обмана. Если человек связан обязательствами, но их исполнение может принести больше зла, чем пользы, то такими обязательствами можно пренебречь.

Таким образом, античные мыслители употребляли термин «обязательство», который был тесно связан с вопросами взаимодействия человека, государства и общества. В отдельных переводных

изданиях трудов античных мыслителей (например, Гераклита и Сократа) данный термин встречается, но, как видится, — это проблемы не вполне точного перевода.

Вообще, в древнегреческой философии большое место занимала проблема соблюдения морально-правовых установок и оценки поведенческих поступков человека. Такая оценка должна была осуществляться на основе и в сравнении с установлениями законов и на основе существующих религиозных канонов. В учениях Платона встречается написание о том, что Бог видит все и дает моральную оценку всем поступкам. А если несправедливые поступки останутся в тайне, так такому человеку будет от этого только хуже²⁴. А потому оправдываться и объяснять свое поведение было лишним. Наказание могло быть в этом случае более строгим, как это было, например, с древнегреческим философом Сократом, которого казнили не за его преступления, а за то, что он пытался доказать безосновательность обвинений²⁵.

Между тем учение Платона было воспринято Христианской церковью. Одним из постулатов христианской доктрины стало то, что верующий должен отчитываться в своих поступках, т.е. давать отчет, держать ответ. Имеются высказывания, что термин «ответственность» произошел именно отсюда, так и был дан соответствующий перевод с латинского *periculum* — ответ, отчет.

Есть мнение, что впервые понятие ответственность вводит в своем произведении «Левиафан» (1651) Т. Гоббс. Но если вникнуть в суть его учения, то ответственность по Гоббсу связывается с неисполнением обязательства, долженствованием, способностью принять на себя право быть в ответе за действия других и вопросами наказания. Например, доверителя или лицо, которое выполняет обязательство за другого человека, он называет «...условно ответственные лица ...»²⁶. «Ответственные», т.е. способные принять на себя обязательство.

Австрийский неотомист И. Месснер, основываясь на работах Платона и Аристотеля, разработал антропологическую концепцию естественного права, согласно которой специфика поведения человека обусловлена его самоопределением и ответственностью, и это и есть предмет исследования

²¹ Платон. Законы. Кн. 4–5. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>

²² Там же.

²³ См.: Цицерон М. Т. Избр. произв. / пер. П. Уолш. 2001. С. 157, 158.

²⁴ См.: Этика Платона. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe405eba-67a3892d-b39a4164-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/plato-ethics/

²⁵ Сократа оправдал Афинский суд лишь в 2012 г., признав обвинения против него несостоятельными (см.: Дергачев С. URL: https://pikabu.ru/story/za_chto_kaznili_drevnegrecheskogo_filosofa_sokrata_7083001).

²⁶ Гоббс Т. Указ. соч. Гл. 26. С. 119.

естественного закона человека²⁷. «Нравственная ответственность» рассматривается им в качестве связующего понятия, «которое ведет от нравственности к праву». Ибо смысл и возможность осуществления нравственной обязанности предполагают наличие определенного порядка межличностных и общественных отношений²⁸.

В научной литературе высказываются предположения, что термин «ответственность» как правовую категорию впервые ввел философ, мыслитель эпохи просвещения И. Кант²⁹. Однако, читая его произведения, приходится признать, что с этим утверждением тоже сложно согласиться. Кант, развивая идеи французских просветителей, писал об утверждении личной свободы, равенстве перед законом и ответственности, но как содержательной части морали. То есть Кант признавал право на свободное высказывание своего мнения, но с оговоркой: «рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь»³⁰. Юридическую сторону ответственности Кант не затрагивал. Это были исключительно философские рассуждения. Он пытался объяснить взаимосвязь между разумом и человеческим опытом. В своем эссе «Критика чистого разума» (1781) Кант пишет: «В каждой из областей существует свое законодательство: царство природы регулируется физическими законами и принципами естествознания, а царство свободы определяется нравственными законами, моралью. Природу человек познает через причинность (то есть закономерность и взаимосвязь природных явлений), а свободу — через нравственные законы. При этом законы морали зависят от поступков субъекта и субъективного взгляда на свободу»³¹.

В трудах современных философов вопросы вины и ответственности также нередко оказываются в сфере внимания. Развивая теорию философии права, акад. РАН В.С. Нерсисянц писал: «Исследуя смысл права, его сущности и понятий, ценности и значимости, неизменно исследуем свободы». И далее специально подчеркивал, что «свобода приходит в мир и утверждается в нем в невидимом, но прочном одеянии права. Это, конечно, более скучная материя, чем правопорядок, дозволения и запреты, правонарушения, ответственность и т.д. Но такова действительность свободы. <...> несвобода — всегда произвол»³².

Другой представитель академической науки чл.-корр. АН СССР В.М. Чхиквадзе свои рассуждения о взаимной ответственности личности и государства строил на единстве элементов «закон — свободы — меры ответственности»³³.

Таким образом, большинство рассуждений философов об ответственности сводится к тому, что ответственность тесным образом связана с действием свобод. Свобода выступает одним из условий ответственности. Поэтому ответственность есть одно из проявлений свободы.

Ответственность в психологии

Психология — молодая наука, возникшая в конце XIX — начале XX в. Такие личностные образования, как ответственность, нравственный выбор, поступок ученые относят к ключевым характеристикам человека. При этом они отмечают, что изучение данного феномена осложнено слабой разработанностью общей теории ответственности. Данная проблема имеет деликатный характер, обусловленный такой психологической составляющей, как личный долг, осознание вины и пр. Ответственность в психологии рассматривается как высшее личностное образование, сложный феномен, который характеризует не только личностную, но и социальную зрелость человека, определяет человеческое бытие и нравственность.

Ответственность также связывают со специфической для зрелого человека формой саморегуляции, с понятием «причина». Ответственность есть осознание себя как причины совершаемых поступков и их последствий и осознание, способность контролировать себя и выступать причиной изменений (или противодействием им) в окружающем мире и в личной жизни. Отсюда ответственность в психологии воспринимается как осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью человека с точки зрения выполнения им принятых норм и правил, а также самоконтроль.

Психолог акад. С.В. Быков пишет: ответственность «представляет собой личностный интеграл способа самовыражения»³⁴. Психологический эквивалент ответственности начинается с осознания ребенком себя как личности — «я», «я сам». Во взрослой жизни более твердое: «я знаю, что делаю», «я имею право ...». Таким образом, ответственность можно представить через интеграл инициативы, складывающийся в систему «желание, долг, необходимость, обязанность» и пр. Часто ответственность становится синонимом полезности семье, обществу.

²⁷ См.: Messner I. Das Naturrecht. 3. Aufl. Innsbruck, 1958. S. 55.

²⁸ См.: ibid. S. 234.

²⁹ См.: Полякова М.К. Разнообразие подходов к концепции ответственности // Портал научно-практических публикаций. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2015/09/2867>

³⁰ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М., 2020.

³¹ См.: Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.

³² Нерсисянц В.С. Философия права: учеб. для студ. высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2005. С. 3–7.

³³ См.: Чхиквадзе В.М. Личность и государство, взаимная ответственность // Сов. государство и право. 1971. № 1. С. 19–26.

³⁴ См.: Быков С.В. Проблемы психологии ответственности личности / под общ. ред. Г.В. Аكوпова. Тольятти, 2004.

При всем различии в подходах в психологии и социологии суть понятия «ответственность» имеет много общего.

Социальная ответственность изначально рассматривалась как форма моральной, затем ее разновидности — юридической, ответственности. Социальная ответственность предполагает наличие склонности человека разумного в обществе вести себя в соответствии с интересами других людей, придерживаться морали, обычаев общества и исполнять существующие в данном конкретном обществе обязанности, принимать на себя ответственность за свои активные действия, совершенные в тех или иных социальных ситуациях. Так, австрийский психолог, философ В.Э. Франкл связывал социальную ответственность с одним из «экзистенциалов» человека и его существования, связанным с бременем несения свободы, необходимостью делать выбор вариантов поведения и действий. Например, с ответственностью он связывал выбор, нахождение и реализацию смысла личной жизни. Принятие ответственности перед своей совестью, как конечной моральной инстанцией, за которой у религиозных людей стоит Бог³⁵.

В социальной среде ответственность может быть обусловлена наличием определенного статуса лица. В связи с чем она осознается человеком как призвание, обусловленное соглашением, и/или как обязанность. Отсюда ответственность может быть следствием служебных обязанностей или восприниматься человеком в качестве личного долга. Ответственность не следует отождествлять с понятием «убежденность», хотя они имеют общие черты. Это разные типы поведенческой ориентации. Первое понятие связано с обязательством и/или виной, второе — более позитивное и связано с целями, устремлениями.

Ответственность как социальная категория, пишет Н.В. Витрук, выполняет важную функцию регулятора общественных отношений, контроля поведения людей и отражает возникающие в обществе многосторонние связи его субъектов в отношении сложившихся норм (правил, стандартов). С одной стороны, данная связь проявляется в требованиях, которые ставит общество (общность), с другой — это отношение (реакция) каждого члена общества к установленным правилам. Существует и обратная реакция общества на поведение людей: одобрение, поощрение поведения либо негативное при нарушении установленных социальными нормами запретов³⁶.

Листая словари латинских слов и терминов, древнегреческих слов, не обнаруживаем искомый термин. И это объяснимо. Основой правовых отношений

в римском праве было «обязательство» и все что с ним связано. В юридическом смысле в римском праве термин «ответственность» как таковой не употреблялся, а нарушение принятых обязательств рассматривалось через понятие «деликт» (*delictum*), т.е. как обязательства (гражданско-правовые), возникающие вследствие причинения вреда. Обязательство было неизменным атрибутом гражданского римского права. Однако можно встретить такое понятие, как *periculum*, которое имеет множество значений, одно из них — «ответ, отчет», а также *respondere* (тоже со множеством значений) — «обещать», «давать взамен».

В «Институциях» Гая (II в н.э.) содержится правило “*omnis enim obligatio vel ex contractu nascitur vel ex delicto*” — всякое обязательство возникает или из контракта, или из неправомерного действия (деликта)³⁷. Под деликтом понималось причинение вреда гражданину, его семье или имуществу вследствие нарушения прав этого лица и возникшей обязанности возместить вред или уплатить штраф. Были разработаны правовые последствия возмещения вреда сначала только гражданам, а впоследствии, в период либерализации отношений, и негражданам.

В Древнем Риме все право разделяли на публичное и частное, это было связано с разграничением частного и общественного интереса. При этом *понятие частного не совпадало с понятием гражданского (ius civile — от лат. civitas — город)*, поскольку не все жители Рима были гражданами. Публичное право защищало интересы государства, а частное — складывалось относительно пользы граждан³⁸. Обязательства возникали в силу сделок, заключенного контракта, а позже возникла обязанность по сделкам купли-продажи, мены и пр. заключать договоры, за неисполнение обязательств по которым нарушитель наказывался штрафом или нес иное наказание. Договоры с негражданами не заключались. Но в силу того что негражданин мог причинить вред имуществу гражданина, возникал деликт³⁹.

Термин «ответственность» впервые упоминается в римском праве во второй половине XV столетия в результате его рецепции в контексте неисполнения обязательств и искупления вины.

Как философско-правовая категория термин «ответственность» начинает употребляться лишь во второй половине XVIII в. Однако изучение научной литературы по вопросу о возникновении данного термина позволило с сожалением констатировать то, что

³⁷ См.: Гай Ю. Институции. Кн. 2: Памятники римского права. М., 1997. С. 204, 205.

³⁸ См.: Мозолин В.П., Масляев А.И. Гражданское право. Часть первая: учеб. М., 2005. С. 251.

³⁹ См.: Кобзарь-Фролова М.Н. Административный деликт: самозванец или правовой феномен? // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 262–272.

³⁵ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М., 1990.

³⁶ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 6, 7.

его историография изучена не в полной мере. Преимущественно авторы отождествляют понятия «ответственность» и «наказание», «вина» и пр., с чем нельзя согласиться⁴⁰. Отсюда приходит объяснение, почему те же разделы об административной ответственности в учебниках и научной литературе начинаются с рассмотрения вопроса о правонарушении и наказании, как, впрочем, и в действующем КоАП РФ (гл. 2). То есть действующий Кодекс, как и его предшественник КоАП РСФСР 1984 г., не содержит дефиниции «административная ответственность».

Об ответственности как составляющей морали, личных свободах, поведенческого состояния, личностного становления писали М. Вебер, Г. Гегель, К. Корсгаард, Ф. Хайдер, К. Хелкман, А. Макинтайр, Ч. Тейлор и другие философы и социологи своего времени.

Краткие выводы

Таким образом, можно заключить, что в античные времена, в эпоху Средневековья и даже Просвещения термин «ответственность» не применялся в понимании несения, претерпевания наказания, кары. Искомое содержание термина применялось исключительно во взаимосвязи с понятием «мораль», «право на личные свободы и личностные ориентиры».

Установлено, что исторически философское, социальное, психологическое и иное понимание термина «ответственность» развивалось в тесной взаимосвязанности с другим понятием — «обязательство». Соответственно, то, что понималось под ответственностью, исходило из личных, договорных, служебных и иных отношений и часто обозначало правомочного субъекта, способного отвечать за выполнение взятых на себя обязательств.

Ответственность во всех ее разновидностях выступает как некое качество человека (свободного, независимого), характеризующее его социальную сущность, свободу выбора личного пути. Только свободный человек может принимать на себя ответственность.

Исследование юридической ответственности — отдельная, сложная тема. Она требует обстоятельного подхода. Работа в этом направлении будет продолжена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Теория государства и права. М., 2000. С. 433.
2. *Быков С.В.* Проблемы психологии ответственности личности / под общ. ред. Г.В. Аكوпова. Тольятти, 2004.
3. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 6, 7.
4. *Гай Ю.* Институции. Кн. 2: Памятники римского права. М., 1997. С. 204, 205.
5. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 119, 159, 225, 226.
6. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 2023.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2023.
8. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М., 2020.
9. *Кант И.* Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
10. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Административный деликт: самозванец или правовой феномен? // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 262–272.
11. Материалисты древней Греции: собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М.А. Дынина. М., 1955. С. 212.
12. *Мозолин В.П., Масляев А.И.* Гражданское право. Часть первая: учеб. М., 2005. С. 251.
13. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для студ. высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2005. С. 3–7.
14. *Ожегов С.И.* Толковый словарь. URL: <https://slova-rozhgova.ru/word.php?wordid=19009>
15. Ответственность // Словарь современного русского литературного языка. URL: <https://dic.academic.ru/>
16. Ответственность // Философский словарь. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/otvetstvennost>
17. Ответственность // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
18. *Платон.* Законы. Кн. 4–5. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>
19. *Полякова М.К.* Разнообразие подходов к концепции ответственности // Портал научно-практических публикаций. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2015/09/2867>
20. *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
21. Словарь Академии Российской. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10109/#page/741/mode/lup>
22. *Туранин В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2017. С. 3, 4, 17, 18.
23. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/>
24. Философский словарь. URL: <https://spravochnik.ru/lektoriy/socialnaya-otvetstvennost-obschestvennye-i-lichnostnyezmereniyactio9x/>
25. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М., 1990.
26. *Цицерон М.Т.* Избр. произв. / пер. П. Уолш. 2001. С. 157, 158.

⁴⁰ См., напр.: *Чепус А.Б.* Генезис понятия и сущность ответственности в истории политико-правовой мысли // Современное право. 2012. № 11. С. 160–163.

27. Чепус А.Б. Генезис понятия и сущность ответственности в истории политико-правовой мысли // Современное право. 2012. № 11. С. 160–163.
28. Чхиквадзе В.М. Личность и государство, взаимная ответственность // Сов. государство и право. 1971. № 1. С. 19–26.
29. Этика Платона. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe405eba-67a3892d-b39a4164-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/plato-ethics/
30. Messner I. Das Naturrecht. 3. Aufl. Innsbruck, 1958. S. 55, 234.
15. Responsibility // Dictionary of modern Russian literary language. URL: <https://dic.academic.ru/> (in Russ.).
16. Responsibility // Philosophical dictionary. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/otvetstvennost> (in Russ.).
17. Responsibility // Philosophy: Encyclopedic Dictionary / ed. by A.A. Ivin. M., 2004 (in Russ.).
18. Plato. Laws. Books 4–5. Electronic library “Civil Society”. URL: <http://www.civisbook.ru> (in Russ.).
19. Polyakova M.K. A variety of approaches to the concept of responsibility // The portal of scientific and practical publications. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2015/09/2867> (in Russ.).
20. Putin V.V. Democracy and the quality of the state // Kommersant. 2012. February 6 (in Russ.).
21. Dictionary of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10109/#page/741/mode/lup> (in Russ.).
22. Turanin V. Yu. Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research): abstract ... PhD in Law. Belgorod, 2017. Pp. 3, 4, 17, 18 (in Russ.).
23. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/> (in Russ.).
24. Philosophical Dictionary. URL: <https://spravochnik.ru/lektoriy/socialnaya-otvetstvennost-obschestvennye-i-lichnostnye-izmereniya> (in Russ.).
25. Frankl V. Man in search of meaning: collection / transl. from English and German by D.A. Leontiev, M.P. Papusha, E.V. Eidman. M., 1990 (in Russ.).
26. Cicero M. T. Selected works / transl. by P. Walsh. 2001. Pp. 157, 158 (in Russ.).
27. Chepus A.B. The genesis of the concept and essence of responsibility in the history of political and legal thought // Modern Law. 2012. No. 11. Pp. 160–163 (in Russ.).
28. Chkhikvadze V.M. Personality and the state, mutual responsibility // Soviet State and Law. 1971. No. 1. Pp. 19–26 (in Russ.).
29. Plato's Ethics. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe405eba-67a3892d-b39a4164-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/plato-ethics/ (in Russ.).
30. Messner I. Das Naturrecht. 3. Aufl. Innsbruck, 1958. S. 55, 234.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Theory of the state and law. M., 2000. P. 433 (in Russ.).
2. Bykov S.V. Problems of psychology of personal responsibility / under the general ed. of G.V. Akopov. Tolyatti, 2004 (in Russ.).
3. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility. 2nd ed., rev. and add. M., 2009. Pp. 6, 7 (in Russ.).
4. Guy J. Institutions. Book 2: Monuments of Roman Law. M., 1997. Pp. 204, 205 (in Russ.).
5. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, form and power of the state of the church and civil // Hobbes T. Selected essays: in 2 vols. M., 2001. Vol. 2. Pp. 119, 159, 225, 226 (in Russ.).
6. Grotius G. On the law of War and Peace. M., 2023 (in Russ.).
7. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. M., 2023 (in Russ.).
8. Kant I. Criticism of pure reason / transl. from German by N.O. Lossky. M., 2020 (in Russ.).
9. Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965. Vol. 4, part 1 (in Russ.).
10. Kobzar-Frolova M.N. Administrative tort: impostor or legal phenomenon? // Siberian Law Review. 2020. Vol. 17. No. 2. Pp. 262–272 (in Russ.).
11. The Materialists of ancient Greece: collected works. texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus / general ed. and the introductory article by M.A. Dynnik. M., 1955. P. 212 (in Russ.).
12. Mozolin V.P., Maslyayev A.I. Civil Law. Part one: textbook. M., 2005. P. 251 (in Russ.).
13. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: textbook for students higher studies institutions studying in the specialty “Jurisprudence”. M., 2005. Pp. 3–7 (in Russ.).
14. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19009> (in Russ.).
15. Responsibility // Dictionary of modern Russian literary language. URL: <https://dic.academic.ru/> (in Russ.).
16. Responsibility // Philosophical dictionary. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/otvetstvennost> (in Russ.).
17. Responsibility // Philosophy: Encyclopedic Dictionary / ed. by A.A. Ivin. M., 2004 (in Russ.).
18. Plato. Laws. Books 4–5. Electronic library “Civil Society”. URL: <http://www.civisbook.ru> (in Russ.).
19. Polyakova M.K. A variety of approaches to the concept of responsibility // The portal of scientific and practical publications. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2015/09/2867> (in Russ.).
20. Putin V.V. Democracy and the quality of the state // Kommersant. 2012. February 6 (in Russ.).
21. Dictionary of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10109/#page/741/mode/lup> (in Russ.).
22. Turanin V. Yu. Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research): abstract ... PhD in Law. Belgorod, 2017. Pp. 3, 4, 17, 18 (in Russ.).
23. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/> (in Russ.).
24. Philosophical Dictionary. URL: <https://spravochnik.ru/lektoriy/socialnaya-otvetstvennost-obschestvennye-i-lichnostnye-izmereniya> (in Russ.).
25. Frankl V. Man in search of meaning: collection / transl. from English and German by D.A. Leontiev, M.P. Papusha, E.V. Eidman. M., 1990 (in Russ.).
26. Cicero M. T. Selected works / transl. by P. Walsh. 2001. Pp. 157, 158 (in Russ.).
27. Chepus A.B. The genesis of the concept and essence of responsibility in the history of political and legal thought // Modern Law. 2012. No. 11. Pp. 160–163 (in Russ.).
28. Chkhikvadze V.M. Personality and the state, mutual responsibility // Soviet State and Law. 1971. No. 1. Pp. 19–26 (in Russ.).
29. Plato's Ethics. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe405eba-67a3892d-b39a4164-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/plato-ethics/ (in Russ.).
30. Messner I. Das Naturrecht. 3. Aufl. Innsbruck, 1958. S. 55, 234.

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. — Doctor of Law, Professor, Chief Scientist of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34

ON THE DISCUSSION REGARDING THE LEGAL CONCEPTUAL FRAMEWORK IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

© 2025 V. B. Naumov^{1,*}, G. G. Kamalova^{2,**}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Udmurt State University, Izhevsk*

*E-mail: nau@russianlaw.net

**E-mail: gulfia.kamalova@gmail.com

Received 11.08.2025

Abstract. The research is devoted to the topical issue of the formation of the legal conceptual framework in connection with the regulation of public relations in the field of development and implementation of artificial intelligence. The research uses general scientific methods of analysis, synthesis, description, as well as formal logical and comparative legal methods on the basis of system approach. The research addresses existing legal approaches to the definition of artificial intelligence as a generic concept in the relevant subject area that are enshrined in strategic planning documents, Russian and foreign legislation, technical regulation documents and scientific sources. On the basis of the presented research, the authors substantiate the advisability of understanding artificial intelligence as a type of information system with certain characteristics. The authors have found that the autonomy of the system, collection and assessment of digital data, self-learning and other characteristics of artificial intelligence are secondary, but at the same time they are also significant for legal regulation. The research has made it possible to draw conclusions about the advisability of forming an ordered system of legal norms-definitions in the area under consideration worldwide and in Russia.

Key words: artificial intelligence, robotics, digitalisation, Information Law, conceptual framework, information system.

For citation: Naumov, V.B., Kamalova, G.G. (2025). On the discussion regarding the legal conceptual framework in the field of artificial intelligence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 92–97.

DOI: 10.31857/S1026945225100073

К ДИСКУССИИ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2025 г. В. Б. Наумов^{1,*}, Г. Г. Камалова^{2,**}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

*E-mail: nau@russianlaw.net

** E-mail: gulfia.kamalova@gmail.com

Поступила в редакцию 11.08.2025 г.

Аннотация. Исследование посвящено актуальной теме формирования правового понятийного аппарата в связи с регулированием общественных отношений в области разработки и внедрения искусственного интеллекта. В работе на основе системного подхода используются общенаучные методы анализа, синтеза, описания, а также формально-логический и сравнительно-правовой методы. Рассмотрены существующие в праве подходы к определению искусственного интеллекта как родового понятия в соответствующей предметной области, закрепленные в документах стратегического планирования, законодательстве России и за рубежом, в документах технического регулирования и научных источниках. На основе приведенного исследования обоснованы целесообразность понимания искусственного интеллекта как разновидности информационной системы, обладающей определенными свойствами. Авторами выявлено, что автономность системы, сбор и оценка цифровых данных, самообучение и иные признаки искусственного интеллекта являются вторичными, но вместе с тем также значимыми для правового регулирования. Исследование позволило прийти к выводам о целесообразности формирования упорядоченной системы правовых норм-дефиниций в рассматриваемой области в мире и в России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, цифровизация, информационное право, понятийный аппарат, информационная система.

Цитирование: Naumov V.B., Kamalova G.G. On the discussion regarding the legal conceptual framework in the field of artificial intelligence // Государство и право. 2025. № 10. С. 92–97.

Introduction

The development of modern reality is determined by a number of key determinants, and among them an important role belongs to the processes of digitalisation, changes in the world order in the aspect of state-to-state relations in the formation of a multipolar world. At the same time, the impact of digitalisation on society, which has been developing revolutionarily for decades, is associated both with the introduction of innovative digital technologies and with the further dynamic of information and communication technologies that have already become traditional. This has a transformative impact on social relations, which requires scholarly understanding on the part of the legal community in the context of the necessary legal, technical and ethical regulation of relations in connection with digitalisation processes.

One of the most challenging aspects of this process is the formation of appropriate and effective regulation in connection with the development, implementation, use and commercialisation of solutions and devices based on artificial intelligence.

At the same time, it should be understood that, on the one hand, the technology under consideration has been developing with varying intensity for more than half

a century (for example, in Russia, scientific research has been actively conducted since the 1970⁸), and on the other hand, mass implementation of the results of scientific developments into practice began only in the 21st century. At present, artificial intelligence technologies have penetrated almost all spheres of human activity, and a significant growth in the use of artificial intelligence technology and robotics is predicted by 2030, including such spheres as industry, transport, healthcare, education, insurance, banking and financial services, marketing, which already demonstrate significant dynamic today¹.

It is obvious that many countries have actively joined the global race for leadership in the field of artificial intelligence. For most countries, this is one of the factors of achieving technological leadership in general, and it also contributes to scientific and technological co-operation with the leading economies of the world².

¹ See: 22 main facts and trends in the field of AI // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/advisor/business/ai-statistics/> (accessed: 29.07.2025); Artificial Intelligence Statistics (2025) // Inclint. URL: <https://inclint.ru/ai-stats/> (accessed: 29.07.2025).

² See: Route without a map // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7674104?ysclid=mdrboza18a334315129> (accessed: 29.07.2025).

Thus, issues of legal support for artificial intelligence have received considerable attention in the world in recent decades, but there are still significant legal problems, which determined the authors' interest and relevance of the present research, including the problem of the lack of a generally recognised consistent conceptual framework in the field of artificial intelligence.

Main part

Despite the considerable attention of researchers to the issues of legal regulation of artificial intelligence, there are still a number of debatable issues that need to be addressed at the scientific and practical level. Among them, the most significant issues are the ones related to the formation of legal conceptual and categorical framework in this area, limits of legal regulation of public relations in connection with the artificial intelligence technology, role of ethics and technical regulation, legal personality of artificial intelligence, information security, distribution of legal liability for offences, development of trusted artificial intelligence technologies, and others.

In Russia, for example, priorities in the field of regulation of the technology in question are enshrined in the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence Technologies and Robotics until 2024³ (hereinafter — the Concept). It is interesting that the new version of the Concept defines its goal as the formation of legal conditions for safe and trusted artificial intelligence. At the same time, it should be noted that the tasks formulated in the original version of the Concept were not actually fulfilled by the end of 2024, which, on the one hand, makes it possible to expect possible problems of implementation of the new version of this document as well, and on the other hand, raises the question of the need for further development of organisational and legal mechanisms to promote the tasks of legal regulation of artificial intelligence. At present, the work on the new concept is in progress.

Analysing the emerging and prospective conceptual framework in the field of artificial intelligence, it is necessary to admit the need to differentiate and streamline a set of interrelated and at the same time different concepts (artificial intelligence, artificial intelligence technology, robot, robotics, cyber-physical system, neural network, etc.), among which artificial intelligence as a generic concept plays a key role. With regard to the latter, a certain trend has emerged in the Russian regulation.

The National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation⁴ defines artificial intelligence through a set of technological solutions that imitate human cognitive functions. A similar approach is demonstrated in the content of the Model Law of the Member States of the Commonwealth of Independent States “On Artificial Intelligence Technologies” adopted in spring 2025, where artificial intelligence is defined through a set of technological solutions that make it possible to obtain results comparable to or superior to the results of human intellectual activity when performing specific tasks⁵, similar approaches are used in a number of other countries. This approach is also reflected in technical regulation documents⁶. Consequently, at present, Russia's strategic planning documents, model legislation and technical regulation documents are moving towards enshrining modelling of human cognitive functions as the key characteristic of artificial intelligence. At the same time, we believe that it is inadvisable to consider this characteristic as perfectly corresponding to the characteristic of this technology in law, as well as to the prospects of using the definition and challenges of the present and the future.

It is important to note that the formation of a system of concepts in a certain subject area of science and practice is always the result of research of the objects of this area and their interrelations, identification of significant characteristics, their detailed study and comparison with others in order to identify common and distinctive features. At the same time, the definition of the object under research corresponds to reality to the extent to which the researchers managed to get to the essence of the object, generalise the obtained knowledge and reflect it in the proposed definition. For the legal definition of artificial intelligence, it is necessary to highlight the most essential characteristics for the law, and in all their entirety⁷.

Defining artificial intelligence as a generic legal concept for the area of scientific knowledge and practice under consideration, it should be noted that the use of such

⁴ See: Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (ed. of 15.02.2024) “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.

⁵ See: Model Law “On Artificial Intelligence Technologies”: an annex to the resolution of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States of 18.04.2025 No. 58-8. URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292?ysclid=mdrai7e0d912467984 (accessed: 29.07.2025).

⁶ See, for example: GOST R59277-2020. Artificial intelligence systems. Classification of artificial intelligence systems. Approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of 23.12.2020 No. 1372-st. M., 2021.

⁷ See: Naumov V.B., Kamalova G.G. Issues of building legal definitions in the field of artificial intelligence // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 85.

³ See: Order of the Government of the Russian Federation of 19.08.2020 No. 2129-r “On approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence Technologies and Robotics until 2024” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.

a characteristic as realisation of human cognitive functions is traditional. For instance, back in the early days of the formation of artificial intelligence technology, one of the leading scientists in this field D.A. Pospelov wrote that artificial intelligence is an imitation of the human psyche in technical systems⁸. However, this characteristic does not cover all aspects of the object of scientific research. Moreover, in this case artificial intelligence is contrasted with not fully studied natural intelligence, which is expressed not only in human cognitive functions, but also in the ability to make and implement decisions that are appropriate for the situation. It should also be taken into account that the development of artificial intelligence technology is carried out in many directions and is essentially interdisciplinary, which entails a significant diversity of approaches to the research thereof.

The study of scientific sources shows that in the scientific community, in addition to the realisation of cognitive functions, there is also a discussion on the use of such characteristics of artificial intelligence as:

ability to purposefully build functioning by selecting algorithms for solving a task;

collection, accumulation, and processing of data relevant to the task;

computer modelling of natural intelligence and human actions;

rationality of realisation of intellectual functions and actions;

autonomy of the system;

availability of self-learning and self-control on digital data;

ability to support dialogue in a natural language;

ability of the system to produce non-deterministic results⁹.

These characteristics of artificial intelligence as a set of technologies reflect its various characteristics, which makes it possible to largely abstract from the essence of artificial intelligence and its comparison with natural human intelligence when it comes to its definition. We believe that the most important characteristic from the

legal perspective should be the rationality of decisions made by artificial intelligence and its actions, since it can be assessed in law enforcement. The assessment of rationality of decisions and actions of devices and software solutions based on artificial intelligence technologies is possible in disputable situations through the use of tools developed in the law to involve knowledgeable persons – specialists, expert evaluation, and others, so it seems very promising for legal regulation. Meanwhile, the assessment of the level of realisation of cognitive functions appears to be at least problematic due to the lack of assessment criteria. In this regard, it is worth admitting the fact that “reference to human cognitive abilities is not a good way to distinguish artificial intelligence from related phenomena”¹⁰.

When considering the definitions of the concept of artificial intelligence and referring to foreign experience, one cannot ignore the construction used in the USA. It is of scientific interest due to the fact that it lists all the key characteristics, including: autonomy of the system in solving the task, which is inherent in a human in conditions of variability and unpredictability; software or hardware-software implementation; use of cognitive structures and neural networks; ability to present knowledge, process natural language and provide argumentation, self-learning, search for the optimal solution to a cognitive problem, etc¹¹. It should be noted that this approach corresponds to the rule-making practice adopted in this country. By way of comparison, in Great Britain artificial intelligence is defined as a technology expressed in the ability of a computer system based on software tools to think independently, function autonomously and adapt to the conditions of functioning, making it possible to train a programme or a device, reflect the environment in data, process and interpret this data, develop recommendations, solutions and forecasts to solve a specific task¹². Public relations in connection with artificial intelligence are regulated by many countries. Another example that is worth mentioning is Japan, where artificial intelligence is defined as a digital technology that implements certain intellectual functions on the basis of artificial means, including the ability to learn, make judgements and draw conclusions¹³.

⁸ See: *Pospelov D.A.* Fantasy or science: on the way to artificial intelligence. M., 1982. P. 224.

⁹ *Arkhipov V.V., Braginets A. Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B.* On the way to the legal definition of artificial intelligence // *Information Law*. 2021. No. 4. Pp. 22–26; *Morkhat P.M.* Artificial intelligence: a legal view. M., 2017. Pp. 39, 40; *Ponkin I.V., Redkina A.I.* Artificial intelligence from the legal perspective // *Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences*. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 94, 95; *Smolin D.V.* Introduction to artificial intelligence: lecture notes. M., 2004. Pp. 15–17; *Humerick M.* Taking AI Personally: How the EU must learn to balance the interests of personal data and privacy and artificial intelligence // *Santa Clara High Technology Law Journal*. 2018. Vol. 34. No. 4. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1633&context=chtlj> (accessed: 14.02.2025); et al.

¹⁰ *Arkhipov V.V., Braginets A. Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B.* Op. cit. P. 22.

¹¹ See: S.2217 – FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217/text> (accessed: 20.02.2025).

¹² See: Artificial Intelligence (Regulation) Bill [HL]. Ordered to be Printed, 22 November 2023. URL: <https://bills.parliament.uk/publications/53068/documents/4030> (accessed: 30.07.2025).

¹³ See: Basic Act of Japan of 14.12.2016 No. 103 “On the Advancement of the Use of Public and Private Sector Data” [Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilisation No. 103 of December 14, 2016]. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp> (accessed: 04.10.2019).

It should be kept in mind that a distinction is made between “weak” and “strong” artificial intelligence and only the former is currently presented. Although intuitively artificial intelligence is often understood as something more, namely “a high-level technical system equipped, in addition to sensors for information perception <...>, with such ‘mental’ abilities, such experience, knowledge, expertise that enable it to analytically assess any situation, any input information, find solutions to any problems, predict the course of events in various conditions and for various everyday scenarios as well as, if not better than, a human”¹⁴, the modern state in the area under consideration is somewhat different from such a description.

Weak artificial intelligence, which exists and is exploited today, does not demonstrate such abilities, but is, according to a number of researchers, a system built on the basis of a set of “complex and interconnected conditioned reflexes produced in response to repeated stimuli, to external and internal challenges”¹⁵. Consequently, the question of cognitive functions of artificial intelligence comparable with or exceeding human abilities is still premature. However, it is certainly necessary to take into account the prospects and future risks in the course of development of digital technologies and formation of the foundations of legal regulation of social relations in connection with artificial intelligence. For instance, at present, unexpected results have already been obtained in the form of “hallucination” of neural networks, i.e. issuing uncontrolled results that do not correspond to reality and initial digital data¹⁶. These “cognitive” effects increase the importance of such a characteristic as rationality in the legal definition of artificial intelligence.

When analysing the legal regulation of public relations in connection with artificial intelligence, it is also necessary to take into account the current information legislation in the world and a set of enshrined concepts, including the legal concept of information system¹⁷, which is widely used in the law of a number of countries. Taking into account that the implementation of artificial intelligence as a set of technological solutions is carried out on the basis of software or hardware-software and database, the legal approach to artificial intelligence as an information system

seems to be scientifically grounded¹⁸. Moreover, such an approach makes it possible to consistently incorporate the concept of artificial intelligence and interrelated concepts into the system of norms-definitions of information legislation, including the legislation of Russia¹⁹.

It is important to note that the Digital Code of the Kyrgyz Republic has recently been adopted, which implements the described approach:

Artificial intelligence system is a digital technological system that, on the basis of digital data and a number of goals set by a human, is capable of (with a certain degree of autonomy) forming forecasts, recommendations or making decisions that have an impact on the state of subjects or objects of the external environment (Article 1 of the Code).

If we use generally accepted concepts of the information law system, this definition can be modified:

Artificial intelligence system is an information system that, on the basis of data and by means of machine learning algorithms or other artificial intelligence technologies, with a certain degree of autonomy performs the formation of forecasts, recommendations, decision-making or content generation, which has an impact on the physical or information environment.

A substantive adjustment to this position is also possible. It was proposed back in 2021:

Artificial intelligence is an information system, the results of the functioning of which are unpredictable for a human due to the ability of the relevant system to independently determine the order of solving the tasks set for it (in particular, by virtue of the application of self-learning technologies)²⁰.

Although legal definitions play a huge role, it is also necessary to note the practical importance of the legal regime of artificial intelligence and the advisability of enshrining in the legislation a differentiated special legal regime of strong and weak artificial intelligence that is formed with due consideration of the peculiarities of implementation and the scope of application.

Conclusion

Based on the conducted research, the following conclusions should be made: the formation of the definition of artificial intelligence in legal science is complicated by a significant variety of existing approaches and distinguished characteristics of this object; the current information legislation and the norms-definitions

¹⁴ Rogatkin D. Will artificial intelligence lose consciousness? // Science and Life. 2018. No. 10.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ See: Neural network hallucinations: what they are, why they occur and what to do about them // Habr. URL: <https://habr.com/ru/companies/altcraft/articles/764464/> (accessed: 30.07.2025); It made it up itself: what hallucinations of artificial intelligence are about // RBC. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/6800c23b9a7947848b0cd716?from=copy> (accessed: 30.07.2025).

¹⁷ See: Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (ed. of 24.06.2025) “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3448.

¹⁸ See: Arkhipov V.V., Braginets A. Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B. Op. cit. P. 24.

¹⁹ See: The first version of the Digital Code will become available in the middle of 2025. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_new/s/~2024/05/28/263903?ysclid=mdsg531o99841809171 (accessed: 30.07.2025).

²⁰ See: Arkhipov V.V., Braginets A. Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B. Op. cit. P. 23.

enshrined in it are not always taken into account; it is advisable to form an ordered system of legal norms that are incorporated into the system of information legislation of Russia and do not require revision in the event of further development of technologies based on scientifically grounded forecasting; the advisability of the systemic development of ethical, technical and legal regulation in the field of artificial intelligence.

From the legal perspective, the following characteristics should be recognised as essential intrinsic characteristics of artificial intelligence: its “intelligence” expressed in the non-deterministic nature of algorithms and results, rationality of decisions and actions, as well as implementation in the form of an information system. In addition, important intrinsic characteristics include the autonomy of the system, accumulation and assessment of data, possibility of self-learning, many of which are secondary in relation to the use of non-deterministic decision-making process.

REFERENCES

1. *Arkhipov V.V., Braginets A. Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B.* On the way to the legal definition of artificial intel-

ligence // *Information Law*. 2021. No. 4. Pp. 22–26 (in Russ.).

2. *Humerick M.* Taking AI Personally: How the EU must learn to balance the interests of personal data and privacy and artificial intelligence // *Santa Clara High Technology Law Journal*. 2018. Vol. 34. No. 4. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1633&context=chtlj> (accessed: 14.02.2025).
3. *Morkhat P.M.* Artificial intelligence: a legal view. M., 2017. Pp. 39, 40 (in Russ.).
4. *Naumov V.B., Kamalova G.G.* Issues of building legal definitions in the field of artificial intelligence // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 85 (in Russ.).
5. *Ponkin I.V., Redkina A.I.* Artificial intelligence from the legal perspective // *Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences*. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 94, 95 (in Russ.).
6. *Pospelov D.A.* Fantasy or science: on the way to artificial intelligence. M., 1982. P. 224 (in Russ.).
7. *Rogatkin D.* Will artificial intelligence lose consciousness? // *Science and Life*. 2018. No. 10 (in Russ.).
8. *Smolin D.V.* Introduction to artificial intelligence: lecture notes. M., 2004. Pp. 15–17 (in Russ.).

Authors' information

NAUMOV Victor B. —

Doctor of Law,
Chief Researcher of the Sector of Information Law
and International Information Security,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
Professor of the Department of Information Law
and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9, bld. 2 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

KAMALOVA Gulfiya G. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Information Security
in Management, Udmurt State University;
1, bld. 2 Universitetskaya str.,
426034 Izhevsk, Russia

Сведения об авторах

НАУМОВ Виктор Борисович —

доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора информационного права
и международной информационной
безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10;
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2

КАМАЛОВА Гульфия Гафиятовна —

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой информационной
безопасности в управлении
Удмуртского государственного университета;
426034 г. Ижевск,
ул. Университетская, д. 1, корп. 2

УДК 342.9

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ДОЛЖНОСТЯМ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2025 г. М. В. Пресняков^{1, *}, С. Е. Чаннов^{2, 3, **}

¹Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов

²Саратовская государственная юридическая академия

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru

**E-mail: sergeychannov@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2025 г.

Аннотация. В связи с конституционным признанием местного самоуправления в качестве одной из составляющих единой системы публичной власти в Российской Федерации назрела проблема пересмотра уровней и разграничения полномочий между федерацией и ее субъектами в сфере регулирования муниципальной службы. Особенно остро эта проблема стоит в области формирования квалификационных требований к должностям муниципальной службы. Этот вопрос напрямую затрагивает конституционный принцип равного доступа к муниципальной службе, а также принцип единства правового статуса граждан на всей территории Российской Федерации. По мнению авторов, чрезмерно широкие полномочия, предоставленные в данном вопросе субъектам Российской Федерации, не соответствуют ни указанным принципам, ни публичному характеру муниципальной службы. В статье обосновывается необходимость федерализации основных квалификационных требований к должностям муниципальной службы, прежде всего, к необходимому для замещения должности образованию и стажу. При этом авторы отмечают проблему, связанную с наличием квалифицированных кадров в различных муниципальных образованиях, вплоть до осязаемого «кадрового голода» в некоторых из них. Указанная проблема должна решаться на основе дифференциации квалификационных требований по уровню образования и по стажу для замещения должностей муниципальной службы может основываться на сочетании трех критериев: вида муниципального образования (при сохранении двухуровневого деления муниципалитетов); численности населения, а также плотности населения обслуживаемых территорий (последний критерий может применяться не только для муниципального образования в целом, но и для входящих в их состав территориальных единиц). При этом такая дифференциация должна быть заложена на федеральном уровне.

Ключевые слова: муниципальная служба, публичная власть, квалификационные требования, образование, стаж, федерализация, дифференциация квалификационных требований.

Цитирование: Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Квалификационные требования к должностям муниципальной службы: концептуальные вопросы формирования // Государство и право. 2025. № 10. С. 98–107.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Совершенствование практики регулирования муниципальной службы в России» № 12.14-2025-1.

DOI: 10.31857/S1026945225100083

QUALIFICATION REQUIREMENTS FOR MUNICIPAL SERVICE POSITIONS: CONCEPTUAL ISSUES OF FORMATION

© 2025 M. V. Presnyakov^{1, *}, S. E. Channov^{2, 3, **}

¹*Stolypin Volga Region Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov*

²*Saratov State Law Academy*

³*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow*

*E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru

**E-mail: sergeychannov@yandex.ru

Received 19.02.2025

Abstract. In connection with the constitutional recognition of local self-government as one of the components of a unified system of public authority in the Russian Federation, there is a problem of revising the levels and delimitation of powers between the federation and its subjects in the field of regulation of the municipal service. This problem is especially acute in the field of forming qualification requirements for municipal service positions. This issue directly affects the constitutional principle of equal access to municipal service, as well as the principle of the unity of the legal status of citizens throughout the Russian Federation. According to the authors, the overly broad powers granted in this matter to the constituent entities of the Russian Federation do not correspond to either these principles or the public nature of the municipal service. The article justifies the need to federalize the basic qualification requirements for municipal service positions, primarily for the education and seniority necessary to fill the position. At the same time, the authors note the problem associated with the availability of qualified personnel in various municipalities, up to a tangible “personnel hunger” in some of them. This problem should be solved on the basis of differentiation of qualification requirements for the level of education and by length of service for filling positions in the municipal service can be based on a combination of three criteria: the type of municipal formation (while maintaining a two-level division of municipalities); population size, as well as the population density of the serviced territories (the latter criterion can be applied not only for the municipality as a whole, but also for the territorial units included in their composition). Moreover, such differentiation should be laid down at the federal level.

Key words: municipal service, public power, qualification requirements, education, length of service, federalization, differentiation of qualification requirements.

For citation: Presnyakov, M.V., Channov, S.E. (2025). Qualification requirements for municipal service positions: conceptual issues of formation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 98–107.

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme “Improvement the practice of municipal service regulation in Russia” No. 12.14-2025-1.

Местное самоуправление является уровнем публичной власти, наиболее приближенным к населению. Соответственно, эффективная и качественная работа органов местного самоуправления положительно влияет на отношение граждан к властным структурам в целом¹. Но для этого муниципалитеты должны быть обеспечены квалифицированными кадрами. Одним из основных способов решения данной задачи является нормативное закрепление квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы.

¹ См.: Lipchanskaya M. et al. Legal Regulation of the Digital Transformation of Local Self-Government in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 113.

Основное предназначение квалификационных требований, как известно, заключается в том, чтобы обеспечить органы публичной власти кадрами, обладающими знаниями и навыками, достаточными для обеспечения реализации возложенных на данные органы полномочий. С момента выделения государственной службы как особого вида профессиональной деятельности в соответствующих нормативных актах указывалось, что претенденты на замещение соответствующих должностей должны соответствовать определенным квалификационным требованиям (п. 6 Положения о федеральной государственной службе, утв. Указом Президента РФ от 22.12.1993 № 2267²;

² См.: САПП РФ. 993. № 52, ст. 5073.

ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.07.1995 № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»³ (оба акта в настоящее время утратили силу); и др.). Вполне логично, что с момента появления в отечественном правовом поле первого в истории страны законодательного акта о муниципальной службе в нем был использован аналогичный подход (ч. 2 ст. 8 и ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 08.01.1998 № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации»⁴ (утратил силу)).

При этом с течением времени законодательство о квалификационных требованиях менялось и совершенствовалось, что нашло проявление прежде всего в увеличении количества квалификационных требований, их детализации и повышении разнообразия. Так, если первоначально выделялись требования по уровню образования, стажу и уровню знаний законодательства, то, помимо этого, например, на гражданской службе выделяются отдельно требования к специальности (направлению подготовки, к укрупненным группам специальностей и направлений подготовки), к квалификации, полученной по результатам освоения дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки, а также к профессиональному уровню (фактически — это требования к знаниям и умениям, однако все равно намного шире, чем ранее требования только к знаниям законодательства). Схожие процессы (хотя и со своей спецификой) шли и на муниципальной службе.

Несмотря на это, как представляется, в настоящее время система формирования квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы далека от совершенства. В значительной степени это обусловлено отсутствием четкого разграничения полномочий по регулированию данного вопроса между различными уровнями публичной власти. Другой проблемой, на наш взгляд, является отсутствие декларируемого в законодательстве единства основных квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской и муниципальной службы. Обратимся к рассмотрению этих вопросов более подробно.

Правовое регулирование квалификационных требований: проблемы федерализации

Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о муниципальной службе) предполагает установление трех блоков квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы: к уровню

профессионального образования; к стажу муниципальной службы или стажу работы по специальности; к знаниям и умениям, непосредственно необходимым для выполнения должностных обязанностей. Одновременно ч. 2 ст. 9 названного Закона предусматривает возможность предъявления еще одного блока дополнительных требований: не к уровню образования, но к специальности и направлению подготовки, т.е., по сути, к конкретному виду профессионального образования (юридическому, экономическому, техническому и т.п.) или укрупненной группе специальностей (например, психологические науки). В целом это тоже требование к образованию, которое может существенно сузить число потенциальных кандидатов, при этом его применение всецело зависит от воли представителя нанимателя (работодателя).

На государственной гражданской службе аналогичные в целом требования к квалификации⁶ закрепляются на трех уровнях правового регулирования. Требования к уровню образования устанавливаются для всех гражданских служащих непосредственно Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁷. В отношении служебного стажа или стажа работы по специальности правовое регулирование также осуществляется на одном уровне для каждой категории служащих: для федеральных госслужащих требования устанавливаются Указом Президента РФ⁸, а для региональных — законами субъектов Российской Федерации. И наконец, на локальном (ведомственном) уровне устанавливаются требования к профессиональному уровню (знаниям и умениям), которые закрепляются в должностном регламенте по решению представителя нанимателя.

На муниципальной службе законодатель использовал несколько иной подход, обусловив это необходимостью децентрализации правового регулирования: основные квалификационные требования (к уровню образования и стажу)

⁶ Не так давно в нормативный обиход в системе государственной гражданской службы вошло понятие «профессиональный уровень», которое по своей сути тождественно используемому в Законе о муниципальной службе понятию «знания и умения». Данная ситуация лишней раз иллюстрирует наличие проблемы расхождения базовой терминологии при декларируемом единстве основных подходов и обозначает в числе задач по гармонизации законодательства распространение понятия «профессиональный уровень» на муниципальную службу.

⁷ См.: СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

⁸ См.: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ. 2017. № 4, ст. 640.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 31, ст. 2990.

⁴ См.: СЗ РФ. 1998. № 2, ст. 224.

⁵ См.: СЗ РФ. 2007. № 10, ст. 1152.

устанавливаются муниципальными правовыми актами, но **на основе** типовых квалификационных требований, закрепленных законами субъектов Российской Федерации. И лишь требования к знаниям и умениям, а также отмеченные выше дополнительные требования к профилю образования (специальности, направлению подготовки) определяются представителем нанимателя (работодателем) на локальном уровне (в должностной инструкции).

Следует отметить некоторую неопределенность используемой терминологии: в частности, не вполне понятно, в каких пределах муниципальным нормотворцем может осуществляться конкретизация установленных регионом типовых квалификационных требований, что означает используемое законодателем выражение «на основе»?

Так, в законодательстве Архангельской области⁹ прямо закреплено, что квалификационные требования, устанавливаемые муниципальными правовыми актами, не должны быть **ниже** типовых требований. Действительно, если допустить, что муниципалитеты могут предусматривать более низкие требования к квалификации в сравнении с определенными законом, то это обесмысливает сам факт регионального регулирования данного вопроса: зачем устанавливать типовые квалификационные требования, если они не имеют обязательного значения?

Следовательно, правотворческая компетенция муниципального образования в этом вопросе ограничена только возможностью повышения требований к квалификации муниципальных служащих по сравнению с типовыми. Однако на практике большинство муниципалитетов исходя из соображений практического характера (в силу кадрового голода или желания упростить процедуру назначения) не используют такую возможность, вследствие чего в большинстве случаев квалификационные требования устанавливаются ими не «на основе», а в точном соответствии с типовыми.

Иными словами, управление системой квалификационных требований к образованию муниципальных служащих осуществляется исключительно на региональном уровне, а муниципалитеты (свыше 17 тыс. субъектов правового регулирования!) вынуждены «перепринимать» данные свыше законоположения, занимаясь явно избыточным нормотворчеством. Сказанное справедливо и в части установления квалификационных требований к стажу муниципальной службы. Представляется,

что данный подход не в полной мере обеспечивает равный доступ к муниципальной службе.

Проблема равного доступа к муниципальной службе

Несмотря на то что Конституция РФ закрепляет принцип равного доступа только применительно к государственной службе, Конституционный Суд РФ полагает¹⁰, что из систематического толкования конституционных норм, гарантирующих каждому гражданину право распоряжаться своими способностями к труду, с одной стороны, и право на участие в управлении делами государства — с другой, во взаимосвязи с конституционным же принципом равенства прямо следует конституционное право гражданина на равный доступ и к муниципальной службе.

Таким образом, данный принцип признается на конституционном уровне, а Закон о муниципальной службе (в ст. 4) и вовсе называет его в числе основных начал муниципальной службы¹¹. Существующее же правовое регулирование допускает возможность безосновательного установления в регионах различных квалификационных требований к равнозначным должностям муниципальной службы. К примеру, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) для замещения должностей высшей и главной групп категории руководители (должности муниципальной службы в ЯНАО дополнительно подразделяются на категории) требуется наличие высшего образования не ниже специалитета или магистратуры, а также не менее четырех лет стажа муниципальной службы или стажа работы по специальности¹².

А в г. Москве для замещения аналогичных должностей достаточно высшего образования уровня бакалавриата, а квалификационные требования к стажу и вовсе не предъявляются. Даже учитывая, что органы местного самоуправления в столице вынуждены бороться за кадры с государственными и бизнес-структурами, предъявление столь низких требований для замещения высокопоставленных должностей в муниципалитетах

¹⁰ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2003 № 19-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области “О муниципальной службе Ивановской области” в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

¹¹ См.: Пресняков М. В. Право равного доступа к муниципальной службе: проблема ограничительного регулирования // Местное самоуправление в системе публичной власти: сб. науч. тр. Саратов, 21 января 2015 года. Саратов, 2015. С. 5–7.

¹² См.: Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.06.2007 № 67-ЗАО «О муниципальной службе в Ямало-Ненецком автономном округе» // Ведомости Государственной думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 2007. № 6.

⁹ См.: Закон Архангельской области от 27.09.2006 № 222-12-ОЗ «О правовом регулировании муниципальной службы в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов четвертого созыва. 2006. № 12.

мегаполиса выглядит по крайней мере неоднозначно. Интересно при этом, что в Московской области требования к квалификации руководящих кадров аналогичны установленным в ЯНАО¹³.

При этом, по данным НИУ ВШЭ, всего лишь 1% молодежи ЯНАО получает высшее образование, тогда как в остальных регионах доля студенческой молодежи в среднем составляет 27%, а лидерами рейтинга являются Москва, Санкт-Петербург и Томская область¹⁴.

Но пример Москвы является скорее исключением из общего правила. В большинстве регионов в качестве типовых требований для замещения должностей муниципальной службы воспроизводят свои требования для замещения должностей государственной гражданской службы («кальку» с федеральных), в связи с чем возникает вопрос о целесообразности передачи полномочий по регулированию квалификации муниципальных служащих на региональный уровень ввиду их неостребованности. Еще одним аргументом в пользу централизации правового регулирования выступает необходимость обеспечения взаимосвязи муниципальной и государственной гражданской службы в контексте единства квалификационных требований, как того требует ст. 5 Закона о муниципальной службе.

На единство государственной гражданской и муниципальной службы давно указывается многими специалистами¹⁵, однако в условиях, когда органы государственной власти и органы местного самоуправления провозглашены элементами единой системы публичной власти, существенное различие в подходах к их правовому регулированию выглядит совершенно неоправданным и противоречит как букве закона (в смысле уже закрепленных в законодательстве положений о взаимосвязи различных видов службы), так и духу конституционных преобразований на основе поправки, внесенной в 2020 г. в Основной Закон нашей страны, формирующих прочную основу не только для дальнейшей унификации служебного законодательства,

но и для построения новой модели публичной службы¹⁶.

Уровни правового регулирования квалификационных требований

Выделение законодателем четырех блоков квалификационных требований, один из которых (требования к специальности или направлению подготовки) является факультативным (может устанавливаться, а может и не устанавливаться), в отношении госслужащих вызывает критику некоторых специалистов, которые полагают, что необязательный характер указанного требования, позволяя назначать на должности государственной гражданской службы лиц, имеющих «непрофильное» образование, снижает «значение предусмотренного п. 4 ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ принципа профессионализма и компетентности гражданских служащих»¹⁷.

Вследствие этого указанные авторы предлагают предусмотреть обязательную детализацию требований к образованию в зависимости от специальности. Данное мнение видится весьма спорным, поскольку при определенных обстоятельствах установление требований к специальности может быть не только нецелесообразно, но и даже невозможно по объективным причинам. Например, в случае реализации данного предложения с дефицитом руководящих кадров может столкнуться ЯНАО, где доля студентов в целом крайне невелика. Кадровый голод также может быть вызван отсутствием образовательных программ по востребованным специальностям и направлениям подготовки или недостатком в регионе специалистов, имеющих соответствующее образование¹⁸.

При отсутствии требований к специальности или направлению подготовки может возникнуть вопрос о способах обеспечения надлежащего исполнения обязанностей по должности муниципальной службы, однако ответом на него будет корректное установление следующего (обязательного)

¹³ См.: Закон Московской области от 24.07.2007 № 137/2007-ОЗ «О муниципальной службе в Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2007. № 137.

¹⁴ См.: URL: <https://life.ru/p/1365737> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁵ См.: Еремян В. В. Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы как двух видов публичной службы и профессиональной деятельности (к постановке проблемы) // Право и политика. 2006. № 5; Старилов Ю. Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал рос. права. 2004. № 9; Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. 2003. № 1. С. 23; и др.

¹⁶ См.: Чаннов С. Е. Публичная власть — публичная служба — служебное право // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина (VII Саратовские административно-правовые чтения) (8 июня 2021 г., Саратов) / под общ. ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2021. С. 128–131.

¹⁷ Башуров В. Б., Косицин И. А. Квалификационные требования для замещения должности государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 2. С. 82–86.

¹⁸ См.: Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы (версия 4.0), подготовленный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации // Документ опубликован не был.

блока квалификационных требований к знаниям и умениям, которыми должен владеть муниципальный служащий в зависимости от предусмотренного по конкретной должности функционала. Индивидуализация, тесная связь с существом должностных обязанностей не по абстрактной, а по вполне определенной должности муниципальной службы — вот то, что объединяет квалификационные требования к знаниям и умениям и требования к наличию специальности или направления подготовки. Именно поэтому установление квалификационных требований к специальности, направлению подготовки не только не является обязательным, но и осуществляется по усмотрению представителя нанимателя (работодателя).

Вследствие многообразия полномочий органов местного самоуправления даже аналогичные по наименованию и месту в служебной иерархии должности могут иметь совершенно различный функционал. К примеру, требования, предъявляемые к квалификации консультанта отдела жилищно-коммунальному хозяйству и консультанта отдела по физической культуре и спорту, должны существенно различаться несмотря на то, что оба эти подразделения входят в структуру одной и той же местной администрации.

При этом в ряде же случаев — особенно это характерно для администраций поселений с небольшим штатом — муниципальный служащий вынужден совмещать выполнение целого круга должностных обязанностей, различных по своей сути, в силу чего в качестве квалификационного требования к специальности и направлению подготовки для данной должности может быть установлено наличие только какого-то «универсального» вида образования («менеджмент» или «государственное и муниципальное управление») либо такое требование вовсе не устанавливается. Детализация специальности и направления подготовки будет и вовсе избыточной, если для выполнения должностных обязанностей муниципальному служащему достаточно освоить базис знаний и умений, получаемый в рамках освоения практически любых образовательных программ высшего образования (например, когда функционал исчерпывается организацией документооборота в качестве секретаря или помощника руководителя).

При этом квалификационные требования к уровню образования или к стажу отличаются значительно большей универсальностью. Так, на наш взгляд, любая руководящая работа (а должность высшей группы — это всегда руководство) объективно требует наличия определенного стажа службы или стажа работы по специальности, в связи с чем требование о наличии определенного стажа

службы или стажа работы по специальности является вполне обоснованным.

Следствием вышеизложенного, как представляется, является вывод о том, что квалификационные требования к уровню образования, а также к служебному или профессиональному стажу должны быть едины для всей системы муниципальной службы и закрепляться не на региональном, а на федеральном уровне. В то же время квалификационные требования к знаниям и умениям, а также к специальности, направлению подготовки целесообразно определять на локальном уровне (в органе местного самоуправления) в силу их индивидуального характера, т.е., как и в настоящее время, фиксировать в должностной инструкции.

Разумеется, при реализации такого подхода встает закономерный вопрос о соотношении единых общефедеральных квалификационных требований к стажу и образованию и местных особенностей при прохождении муниципальной службы. Причем с учетом существующего фактического разнообразия среди муниципалитетов, существенно отличающихся между собой по экономическому, социальному, демографическому и иным потенциалам. Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, заключается в том, что предлагаемое единство требований к квалификации должно применяться для сопоставимых между собой муниципальных образований. Для этого в федеральное законодательство о муниципальной службе должен быть заложен основанный на дифференциации различных муниципальных образований подход в целях последующего учета их специфики.

Учет специфики муниципального образования

Ранее в своих работах мы уже отмечали, что «во многих муниципальных образованиях (в первую очередь в сельских поселениях) наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров»¹⁹. Понятно, что эта проблема требует в целом комплексного решения, и не чисто правовыми, а в большей степени социально-экономическими средствами.

Очевидным решением является дифференциация требований к квалификации по видам муниципальных образований, с установлением повышенных требований к муниципалитетам, потенциал которых позволяет претендовать на высококвалифицированные кадры (прежде всего городских округов), и преференций для органов местного самоуправления, страдающих от кадрового голода, к которым могут быть отнесены

¹⁹ Чаннов С.Е. Правовое регулирование установления квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы // Современное общество и право. 2011. № 2 (3). С. 50.

не только сельские, но и городские поселения, где совокупность экономических, социальных и иных факторов ставит, к сожалению, перед ними вопрос о приеме на муниципальную службу лиц, которые хотя бы в принципе способны выполнять должностные обязанности надлежащим образом.

Какие же критерии могут быть положены в основу подобной дифференциации? Примеры такого регулирования можно найти лишь в нескольких регионах. Так, в Республике Бурятия²⁰ для замещения высших должностей муниципальной службы в городских и сельских поселениях достаточно двух лет стажа. Для замещения главных должностей подойдет высшее образование любого уровня, включая бакалавриат, требования же к стажу не предъявляются. Одновременно для замещения высших и главных должностей в муниципальных районах, городских и муниципальных округах кандидаты должны соответствовать требованиям для замещения аналогичных должностей федеральной государственной гражданской службы.

Однако в результате реализуемой в настоящее время муниципальной реформы и принятия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»²¹ сельские и городские поселения как самостоятельные муниципалитеты сохранятся далеко не во всех регионах (решение данного вопроса отдано на откуп субъектам Российской Федерации). Соответственно, во многих из них критерий вида муниципального образования будет применим только к муниципальным образованиям одного уровня (прежде всего, к городским и муниципальным округам), но существующие между ними различия несопоставимы с «пропастью» кадрового дефицита, который разделяет, скажем, столичный городской округ и отдаленное сельское поселение.

При этом муниципальные образования даже одного вида могут значительно отличаться в зависимости от размера, численности населения и иных условий, что объективно будет приводить к различному уровню обеспеченности кадрами. В той же Республике Бурятия в сельском поселении Гурульбинское проживает более 20 тыс. человек, а в Окинском муниципальном районе — чуть больше 5 тыс. человек. В каком из этих муниципальных образований сложатся более благоприятные условия для кадрового обеспечения муниципальной службы, гадать не приходится.

Поэтому нельзя не отметить, что численность населения муниципального образования в ряде регионов уже используется для дифференциации квалификационных требований к должностям муниципальной службы. Например, такой подход использован в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (ХМАО)²²: для замещения любых должностей муниципальной службы в муниципальных образованиях с численностью населения менее 20 тыс. человек требования к стажу не предъявляются, а для замещения должностей ведущей, старшей и младшей групп достаточно среднего профессионального образования.

Указанная численность населения также выступает критерием для смягчения паритета в соотношении должностей государственной гражданской и муниципальной службы: в муниципалитетах, где численность населения составляет менее 20 тыс. человек, должности муниципальной службы высшей группы соответствуют должностям государственной гражданской службы не высшей, а главной группы должностей.

Кроме того, в небольших муниципалитетах по решению представителя нанимателя допускается замещение должностей высшей и главной групп лицами, не имеющими высшего образования, если они в данный момент обучаются в организациях высшего образования или имеют определенный стаж муниципальной службы или работы по специальности (семь лет — для высшей группы, пять лет — для главной группы).

В отдельных субъектах Российской Федерации учитывают сразу несколько критериев для установления типовых квалификационных требований. Например, в Калужской области для разграничения используются не только вид муниципального образования и численность населения²³, но и категории должностей²⁴. В результате используемого подхода в муниципальных образованиях со статусом «городской округ» и «муниципальный район», а также в муниципальных образованиях со статусом «городское поселение» и «сельское поселение», но с численностью постоянного населения свыше 5 тыс. человек, установлены следующие типовые

²² См.: Закон ХМАО — Югры от 20.07.2007 № 113-оз «Об отдельных вопросах муниципальной службы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» // СЗ ХМАО — Югры. 2007. № 7, ст. 927.

²³ См.: Закон Калужской области от 03.12.2007 № 382-ОЗ «О муниципальной службе в Калужской области» // Весть. 2007. № 406—407.

²⁴ Установлены Законом Калужской области от 27.12.2006 № 276-ОЗ «О Реестре муниципальных должностей и муниципальных должностей муниципальной службы и отдельных вопросах регулирования оплаты труда лиц, замещающих муниципальные должности в Калужской области» (см.: там же. 2006. № 422—423).

²⁰ См.: Закон Республики Бурятия от 10.09.2007 № 2431-III «О муниципальной службе в Республике Бурятия» // СЗ Республики Бурятия. 2007. № 8—9 (101—102).

²¹ См.: СЗ РФ. 2025. № 12, ст. 1200.

квалификационные требования к уровню профессионального образования для замещения должностей муниципальной службы: 1) для замещения должностей категории «руководители» высшей и главной групп должностей необходимо наличие высшего образования не ниже уровня специалитета, магистратуры; 2) для замещения должностей категорий «руководители», «помощники (советники)» ведущей группы должностей, а также категории «специалисты» ведущей и старшей групп должностей необходимо наличие высшего образования уровня бакалавриата; 3) для замещения должностей категории «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп достаточно наличия среднего профессионального образования.

В муниципальных же образованиях со статусом «городское поселение» и «сельское поселение» с численностью постоянного населения до 5 тыс. человек в число типовых квалификационных требований к уровню профессионального образования для замещения должностей муниципальной службы категории «руководители» высшей группы должностей, категории «специалисты» старшей группы должностей, а также «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей достаточно наличия любого профессионального образования, включая среднее! Аналогичным образом квалификационные требования к стажу для замещения должностей высшей группы в муниципальных образованиях со статусом «городское поселение» и «сельское поселение» с численностью постоянного населения до 5 тыс. человек снижены с четырех до трех лет.

В целом мы придерживаемся мнения о том, что именно сочетание нескольких критериев должно быть положено в основу дифференциации квалификационных требований к уровню профессионального образования и стажу для замещения должностей муниципальной службы. В то же время, помимо обозначенных, небезынтесным видится использование других критериев. Так, к ним может быть отнесена плотность населения муниципального образования, которая сегодня применяется при решении вопросов территориальной организации местного самоуправления, однако является достаточно показательным критерием и применительно к определению кадрового потенциала муниципальных образований (особенно если анализировать его не отдельно, а в купе с другими критериями). Представляется очевидным, например, что в муниципальном округе может проживать достаточно большое (по сравнению с соседями) число жителей, однако при значительной площади, особенно если на территории округа располагается множество относительно малочисленных населенных пунктов (иными словами, если округ имеет низкую плотность населения), с поиском подходящих кадров также могут возникнуть проблемы.

Более того, если смотреть глубже, то можно сформулировать вывод о том, что дифференциация квалификационных требований возможна и целесообразна не только между муниципальными образованияами, но и внутри самих муниципальных образований. Городские и муниципальные округа, как правило, занимают достаточно значительную территорию, чтобы в их состав входили как городские, так и сельские населенные пункты (соответственно, с существенно разными кадровыми возможностями). При этом крупное муниципальное образование не может эффективно управляться исключительно из административного центра: неизбежным в таком случае является создание исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления (в том числе на базе упраздняемых городских и сельских поселений при преобразовании муниципалитетов). Собственно, эти процессы и можно наблюдать с 2019 года: при укрупнении муниципальных образований путем объединения муниципальных районов и входящих в их состав поселений в муниципальный округ, администрации указанных поселений чаще всего не ликвидируются как управленческие звенья, а приобретают статус территориальных подразделений окружной администрации.

Соответственно, допустимым видится установить на федеральном уровне право субъектов Российской Федерации вводить дифференциацию квалификационных требований по уровню образования и по стажу для замещения должностей муниципальной службы для отдельных территорий внутри муниципального образования (на которых имеются территориальные подразделения местной администрации и/или иные органы местного самоуправления либо их территориальные подразделения) в зависимости от плотности населения обслуживаемой территории. При этом сами критерии дифференциации и квалификационные требования должны быть четко определены на федеральном уровне, чтобы регионы могли принимать решения только по одному вопросу: применять установленные критерии к своим муниципальным образованиям или нет.

Разумеется, можно рассматривать введение иных критериев дифференциации квалификационных требований к должностям муниципальной службы. Так, соблазнительным на первый взгляд видится введение финансово-экономических критериев (уровень бюджетной обеспеченности муниципальных образований, их ВВП, доход на душу населения и т.п.), поскольку они довольно явно влияют на наличие высококвалифицированных кадров (упрощенно, в «богатом» муниципальном образовании их больше, а вакантные должности являются более привлекательными, чем у малобюджетных соседей). Однако, во-первых, связь эта все-таки не всегда однозначная (в подобных муниципальных образованиях органы местного

самоуправления в силу различных причин могут оказаться неконкурентоспособны по уровню заработной платы с коммерческими структурами). Во-вторых, что еще важнее данные показатели являются слишком динамическими и могут существенно меняться в зависимости от различных факторов, что делает их непригодными для использования при решении рассматриваемых вопросов.

Таким образом, мы полагаем, что дифференциация квалификационных требований по уровню образования и по стажу для замещения должностей муниципальной службы может основываться на сочетании трех критериев: вида муниципального образования (при сохранении двухуровневого деления муниципалитетов), численности населения, а также плотности населения обслуживаемых территорий (последний критерий может применяться не только для муниципального образования в целом, но и для входящих в их состав территориальных единиц). В рамках настоящей статьи мы не можем предложить соответствующую классификацию для закрепления в окончательном виде, так как это требует отдельных исследований, в том числе социологического характера. Однако полагаем, что на федеральном уровне такие исследования должны быть проведены и подобная система должна быть установлена в целом по Российской Федерации.

Муниципальное регулирование квалификационных требований к должностям

Не следует забывать, что помимо принципа равного доступа к государственной и муниципальной службе, в Конституции РФ гарантируется еще и самостоятельность местного самоуправления, что предполагает наличие у муниципальных образований определенных полномочий, в том числе и в сфере муниципальной службы. Заметим, что «перекалывание» нормативного регулирования муниципальной службы с федерального уровня на региональный, как это сделано в Федеральном законе о муниципальной службе (принятие типовых положений и т.п.), совершенно не направлено на обеспечение самостоятельности муниципальных образований. Как справедливо отмечает Д.А. Карев, закрепление квалификационных требований на уровне субъекта Российской Федерации «с одной стороны, ограничивает самостоятельность органов местного самоуправления в сфере правового регулирования муниципальной службы, а с другой — противоречит принципу единства основных требований к муниципальной службе»²⁵.

²⁵ Карев Д.А. Принципы организации и функционирования муниципальной службы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2020. С. 115.

В отличие от квалификационных требований к уровню образования и стажу квалификационные требования к виду профессионального образования, а также к знаниям и умениям на муниципальной службе должны устанавливаться на локальном уровне. В то же время оставить решение данного вопроса всецело на усмотрение представителя нанимателя (работодателя) также представляется неверным: установление необоснованных квалификационных требований к специальности или направлению подготовки также может не только нарушать равный доступ к муниципальной службе, но и содержать коррупциогенные факторы.

Так, например, если должностная инструкция работника отдела муниципальной службы и кадров местной администрации безальтернативно предусматривает наличие образования по специальности «учитель математики», то это серьезный повод задуматься: для кого конкретно такое квалификационное требование было в свое время предусмотрено.

Вариантом решения этой проблемы видится закрепление на уровне субъектов Российской Федерации типовых перечней соответствия различных должностей муниципальной службы возможным видам профессионального образования (по направлениям деятельности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башуров В.Б., Косицин И.А. Квалификационные требования для замещения должности государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 2. С. 82–86.
2. Еремян В.В. Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы и профессиональной деятельности (к постановке проблемы) // Право и политика. 2006. № 5.
3. Карев Д.А. Принципы организации и функционирования муниципальной службы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2020. С. 115.
4. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. 2003. № 1. С. 23.
5. Пресняков М.В. Право равного доступа к муниципальной службе: проблема ограничительного регулирования // Местное самоуправление в системе публичной власти: сб. науч. тр. Саратов, 21 января 2015 года. Саратов, 2015. С. 5–7.
6. Стариков Ю.Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал рос. права. 2004. № 9.
7. Чаннов С.Е. Правовое регулирование установления квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы // Современное общество и право. 2011. № 2 (3). С. 50.

8. *Чаннов С.Е.* Публичная власть — публичная служба — служебное право // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина (VII Саратовские административно-правовые чтения) (8 июня 2021 г., Саратов) / под общ. ред. А.Ю. Соколова. Саратов, 2021. С. 128–131.
9. *Lipchanskaya M. et al.* Legal Regulation of the Digital Transformation of Local Self-Government in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 113.
4. *Kozbanenko V.A.* Legal provision of the status of state and municipal employees: general and special // State and Law. 2003. No. 1. P. 23 (in Russ.).
5. *Presnyakov M.V.* The right of equal access to municipal service: the problem of restrictive regulation // Local self-government in the system of public authority: collection of scientific works. Saratov, January 21, 2015. Saratov, 2015. Pp. 5–7 (in Russ.).
6. *Starilov Yu. N.* What is happening with the Institute of Russian Civil Service? // Journal of Russ. law. 2004. No. 9 (in Russ.).
7. *Channov S.E.* Legal regulation of the establishment of qualification requirements for the replacement of municipal service positions // Modern society and law. 2011. No. 2 (3). P. 50 (in Russ.).
8. *Channov S.E.* Public power — public service — official law // Public power in modern Russia: problems and prospects: collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Doctor of Law Vasily Mikhailovich Manokhin, Honored Scientist of the RSFSR (VII Saratov Administrative and Legal Readings) (June 8, 2021, Saratov) / under the general ed. of A. Yu. Sokolov. Saratov, 2021. Pp. 128–131 (in Russ.).
9. *Lipchanskaya M. et al.* Legal Regulation of the Digital Transformation of Local Self-Government in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 113.

REFERENCES

1. *Bashurov V.B., Kositsin I.A.* Qualification requirements for filling the position of the state civil service of the Russian Federation // Herald of Omsk Law Academy. 2017. No. 2. Pp. 82–86 (in Russ.).
2. *Eremyan V.V.* Interrelation of state civil and municipal service as two types of public service and professional activity (towards problem formulation) // Law and Politics. 2006. No. 5 (in Russ.).
3. *Karev D.A.* Principles of organization and functioning of municipal service in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Penza, 2020. P. 115 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПРЕСНЯКОВ Михаил Вячеславович —

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры служебного
и трудового права
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
410031 г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич —

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права
и цифровых технологий
Саратовской государственной
юридической академии; 410056 г. Саратов,
ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104, стр. 3;
ведущий научный сотрудник Научно-
экспертного центра государственной
и муниципальной службы
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
119571 г. Москва, проспект Вернадского, д. 82
ORCID: 0000-0002-3342-7487

Authors' information

PRESNYAKOV Mikhail V. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department
of Service and Labor Law,
Stolypin Povolzhsky
Institute of Management —
Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration;
23/25 Sobornaya str., 410031 Saratov, Russia

CHANNOV Sergey E. —

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Information Law
and Digital Technologies,
Saratov State Law Academy;
104, bld. 3, N.G. Chernyshevskogo str.,
410056 Saratov, Russia;
Leading Researcher of the Scientific Expert Center
for Public and Municipal Service,
Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration;
82 Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russia

УДК 342

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ СОВЕТОВ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2025 г. В. А. Кряжков^{1, *}, О. В. Брежнев^{2, **}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

**E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.06.2025 г.

Аннотация. В статье раскрываются основные черты, характеризующие преемственность и новизну в организации и деятельности конституционных советов, созданных в четырех республиках в составе Российской Федерации. Преемственность затрагивает нормативно-правовые аспекты их статуса, порядок образования, отдельные вопросы организации и компетенции, а также связана с сохраняющими юридическую силу решениями региональных конституционных судов. Новизна обусловлена несудебной природой конституционного совета. Она предполагает возможность установления республиками различных моделей его статуса, основанных на придании данному органу полномочий в сфере конституционного контроля, конституционного надзора или сочетании и тех и других, предоставления ему права в инициативном порядке проверять на конституционность отдельные правовые акты, использовать неюрисдикционные полномочия для обеспечения конституционной законности.

Ключевые слова: конституция, контроль, надзор, конституционный суд, конституционный совет, республика, государственно-правовая преемственность и новизна.

Цитирование: Кряжков В. А., Брежнев О. В. Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов республик в составе Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 10. С. 108–117.

DOI: 10.31857/S1026945225100093

CONTINUITY AND NOVELTY IN THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF CONSTITUTIONAL COUNCILS OF THE REPUBLICS WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2025 V. A. Kryazhkov^{1, *}, O. V. Brezhnev^{2, **}

¹National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

²Lomonosov Moscow State University

*E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

**E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Received 11.06.2025

Abstract. The article reveals the main features characterizing the continuity and novelty in the organization and activities of constitutional councils created in four republics within the Russian Federation. Continuity affects the normative legal aspects of their status, the procedure for their formation, individual issues of organization and competence, and is also associated with decisions of regional constitutional courts that retain legal force. Novelty is due to the non-judicial nature of the constitutional council. It implies the possibility of establishing by the republics various models of its status based on giving this body powers in the sphere of constitutional control, constitutional supervision or a combination of both, granting it the right to proactively review the constitutionality of individual legal acts, and use non-jurisdictional powers to ensure constitutional legality.

Key words: constitution, control, supervision, constitutional court, constitutional council, republic, state-legal continuity and novelty.

For citation: Kryazhkov, V.A., Brezhnev, O.V. (2025). Continuity and novelty in the organization and activities of constitutional councils of the republics within the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 108–117.

Введение

Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»¹, следуя обновленной Конституции РФ², признал утратившими силу положения Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³, касающиеся конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Этим же Законом (ст. 5) определялось:

отмененные положения о конституционных (уставных) судах вступают в силу с 1 января 2023 г. и до указанного срока названные суды должны быть упразднены;

субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

К моменту упразднения конституционных (уставных) судов их было 15⁴. Конституционные суды функционировали в 12 республиках: Адыгее (с 1997 г.), Башкортостане (с 1996 г.), Дагестане (с 1991 г.), Ингушетии (с 2009 г.), Кабардино-Балкарии (с 1993 г.), Карелии (с 1994 г.), Коми (с 1994 г.), Марий Эл (с 1998 г.), Саха (Якутия) (с 1992 г.), Северной Осетии — Алании

(с 2002 г.), Татарстане (с 2000 г.) и Чеченской Республике (с 2006 г.), а уставные суды — в Калининградской области (с 2003 г.), Свердловской области (с 1998 г.) и г. Санкт-Петербурге (с 2000 г.). Их ликвидация была проведена региональными законами в установленный срок без общественных дискуссий и видимого сопротивления со стороны субъектов Российской Федерации⁵.

К настоящему времени конституционные советы созданы в республиках Адыгея (2022), Башкортостан (2022), Саха (Якутия) (2021) и Татарстан (2023).

Конституционные (уставные) советы приходят на смену конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации. Это обстоятельство обуславливает необходимость прояснить связи между данными институтами, допустимость и необходимость заимствований советами отдельных характеристик судов с позиций государственно-правовой преемственности и обретения создаваемыми конституционными советами специфических черт, соотносящихся с их природой. Как подобное отражается в правовом регулировании — предмет анализа настоящей статьи.

Преемственность конституционных советов по отношению к конституционным судам

Преемственность в рассматриваемом аспекте предполагает установление связи между схожими национальными государственными структурами —

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 1), ст. 8029.

² Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ (см.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416) была обновлена редакция ч. 3 ст. 118 Конституции РФ с перечнем судов, образующих судебную систему Российской Федерации без включения в неё конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16.03.2020 № 1-3 (см.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855) констатировал, что данный перечень судов является исчерпывающим.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

⁴ Отметим, что ранее были упразднены конституционные суды Мордовии (1993–1994), Бурятии (1995–2018), Тывы (2003–2018) и Уставный суд Челябинской области (2012–2014).

⁵ О причинах упразднения конституционных (уставных) судов и о том, как это происходило, см.: *Кряжков В.А.* Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74; *Малютин Н.С., Сергеев С.Л.* Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2022. № 4. С. 26–37; Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий / отв. ред. А.Н. Медушевский. М., 2025. С. 271–277; *Курятников В.В.* Конституционный (уставной) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. С. 50–71.

упраздненными конституционными (уставными) судами и создаваемыми вместо них конституционными (уставными) советами, воспринимающими отдельные элементы своих предшественников⁶. Эта связь обнаруживается в разных проявлениях (видах преемственности), которые можно проследить на примере уже функционирующих конституционных советов республик.

Прежде всего, принимая во внимание правовой подход федерального законодателя, совместившего упразднение конституционных (уставных) судов с признанием возможности создания вместо них конституционных (уставных) советов, можно сделать вывод, что названные советы воспринимаются им в качестве альтернативы ликвидированным судам, органами, способными вместо них осуществлять полномочия по правовой охране региональных основных законов⁷. То есть, говоря иначе, эти советы призваны обеспечивать *преемственность функции конституционного контроля (надзора)* в субъектах Российской Федерации.

Преемственность усматривается и в том, что первые конституционные советы появились в республиках, где ранее функционировали конституционные суды. В этом проявляется стремление к *сохранению традиции* институционального специализированного обеспечения верховенства и прямого действия конституции в системе республиканского законодательства.

Созданные конституционные советы демонстрируют *преемственность в восприятии образа упраздненных конституционных судов*. Это вполне естественно, поскольку данные суды существовали в России почти 30 лет (1991–2020) и, по сути, представляют собой уникальный исторический фрагмент российской государственности, достойный внимания и использования в своих апробированных и наиболее жизнеспособных проявлениях.

Преемственность в данном случае находит свое воплощение в различных элементах построения возникших советов⁸. В частности, по образцу региональных конституционных судов:

⁶ О понимании преемственности в общетеоретическом плане см.: Сайбулаева С.А. Преемственность в государственно-правовом строительстве: некоторые вопросы теории // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 68–76; Ряховская Т.И. Преемственность в конституционном праве России: связь с предшествующей доктриной и практикой // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 453. С. 253–257.

⁷ См. также: Курятников В.В. Указ соч. С. 4.

⁸ Об организационно-правовых основах данных органов см.: Брежнев О.В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 21–30; Его же. Конституционный (уставной) совет субъекта Российской Федерации: модель

положения о советах (за исключением Адыгеи) включены в республиканские конституции. Полнее всего они прописаны в Конституции Республики Саха (Якутия), согласно которой Конституционный совет учреждается как постоянно действующий государственный орган, осуществляющий деятельность в целях соблюдения верховенства и прямого действия Конституции Республики в системе ее законодательства, укрепления конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей правового демократического государства в Республике Саха (Якутия) (ст. 67.1). В Конституции Республики Татарстан в гл. 4 «Судебная власть. Прокуратура. Конституционный совет Республики Татарстан» устанавливается, что в целях укрепления конституционной законности в Республике может быть образован Конституционный совет Республики Татарстан (ст. 114.1). Конституция Республики Башкортостан не учреждает Конституционный совет, но закрепляет, что он образуется Государственным собранием, его состав, порядок деятельности и полномочия определяются республиканским законом (ст. 78.1);

статус конституционных советов оформляется специальными законами, в которых фиксируются материальные и отдельные процессуальные нормы их деятельности. Такими законами являются: в Адыгее — Закон от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея»⁹, Якутии — Конституционный закон от 26 мая 2021 г. № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)»¹⁰, Башкортостане — Закон от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан»¹¹, Татарстане — Закон от 13 июня 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан»¹². Дополняют эти законы (за исключением Республики Адыгея) регламенты советов, регулирующие процессуальные и не только аспекты их деятельности¹³;

конституционные советы формируются посредством взаимодействия высшего должностного лица и парламента республики. В Адыгее он

Татарстана // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 17–20; Курятников В.В. Указ соч. С. 101–219.

⁹ См.: Сов. Адыгея. Майкоп. 2022. 7 мая.

¹⁰ См.: Якутские ведомости. 2021. № 20.

¹¹ См.: Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2022. № 36 (762), ст. 2193.

¹² См.: СЗ Республики Татарстан. 2023. № 48, ст. 1430..

¹³ См.: Регламент Конституционного совета Республики Саха (Якутия), утв. решением Конституционного совета от 28.10.2021 РКС № 2-1; Регламент Конституционного совета Республики Башкортостан, утв. решением Конституционного совета от 15.03.2023 № 1-Р; Регламент Конституционного совета Республики Татарстан, утв. решением Конституционного совета от 11.10.2023 № 2-Р.

состоит из 14 человек-общественников, представляющих на равной основе (по семь человек) законодательную и исполнительную власть Республики; в Якутии Конституционный совет состоит из девяти конституционных советников (четыре из них — его руководство — работают на постоянной профессиональной основе), назначаемых Государственным собранием по представлению Главы Республики; в Татарстане Совет состоит из трех членов, работающих на профессиональной постоянной основе, назначаемых на должность Государственным советом по представлению Главы Республики (одна кандидатура) и Председателя Государственного собрания (две кандидатуры); в Башкортостане Совет имеет «плавающий» количественный состав — от трех до пяти профессионально работающих его членов, которые назначаются на должность Государственным собранием по представлению Главы Республики. В Якутии, Башкортостане и Татарстане установлено, что члены конституционных советов должны быть в возрасте не моложе 35–40 лет, иметь высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее десяти лет, т.е. требования по отношению к ним приближены к тем, которые предъявлялись для кандидатов на должность судьи конституционного (уставного) суда;

конституционные советы наделяются юрисдикционными полномочиями¹⁴. По обращениям уполномоченных субъектов они толкуют конституцию, осуществляют предварительный и последующий нормоконтроль в процедурах, напоминающих конституционное судопроизводство, с вынесением соответствующих решений, публикуемых в официальных изданиях (Якутия, Татарстан).

Конституционные советы названных республик как преемники конституционных судов могут и должны опираться на их решения, обеспечивая тем самым *содержательную преемственность* в понимании и применении региональных основных законов и законодательства в целом. При этом, как показал наш анализ, по состоянию на 2020 г. — к моменту упразднения конституционных (уставных) судов суммарно ими было принято 967 постановлений, в том числе: Конституционный суд Адыгеи за 23 года вынес 34 постановления; Конституционный суд Башкортостана за 24 года вынес 39 постановлений; Конституционный суд Республики Саха (Якутия) за 28 лет вынес 140 постановлений;

Конституционный суд Республики Татарстан за 20 лет вынес 85 постановлений¹⁵.

Данные постановления, по смыслу Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 6, ч. 4 ст. 27), имели обязательную силу на территории субъекта Российской Федерации для всех органов публичной власти, юридических и физических лиц, а положения актов, признанные ими неконституционными, утрачивали силу. При таких характеристиках решения конституционных (уставных) судов становились неотъемлемой частью региональной правовой системы, они принимались во внимание при осуществлении нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Возникает вопрос: сохраняют ли свое юридическое значение решения упраздненных конституционных (уставных) судов? На наш взгляд, ответ должен быть утвердительным с учетом, что данные решения, являясь источником права, по общему правилу продолжают действовать постольку, поскольку они не противоречат Конституции РФ и федеральному законодательству, конституции (уставу) соответствующего субъекта Российской Федерации и этим субъектом не принято иное решение.

Такое понимание находит нормативное подтверждение в Якутии. Конституционный закон Республики от 26 мая 2021 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Республики Саха (Якутия)»¹⁶, упраздняя Конституционный суд Республики, непосредственно определил, что ранее принятые им решения обязательны на всей территории Республики и для всех республиканских органов государственной власти, а также судебных органов, иных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений (ч. 3 ст. 2). Разъясняя приведенное положение, Конституционный совет Якутии в своем ежегодном Докладе 2022 г. обратил внимание на то, что этим установлением правовые позиции Конституционного суда наделяются перманентной юридической силой в правовой системе Республики, продолжают оставаться актуальным легальным элементом ее конституционно-правовой основы. Указанные позиции, особенно содержащиеся в постановлениях Суда толкование норм Конституции Республики Саха (Якутия), общеобязательны, императивны, нормативны, обладают свойством прецедентов

¹⁴ Таковые отсутствуют у Конституционного совета Адыгеи, назначение которого состоит исключительно в том, чтобы готовить рекомендательные заключения по внесенным в Государственный совет проектам конституционных законов — законов о поправках к республиканской Конституции.

¹⁵ Данные в разрезе иных, кроме названных судов, см.: Кряжков В.А., Митюков М.А. История конституционного правосудия в России / отв. ред. В.М. Сырых. М., 2022. С. 618, 619.

¹⁶ См.: Якутские ведомости. 2021. № 20.

и заполняют пробелы в конституционно-правовом регулировании¹⁷.

В Башкортостане и Татарстане нет подобных норм. Однако это не означает, что решения и правовые позиции конституционных судов названных республик утратили силу. Они признаются действующими, что подтверждает практика их использования в заключениях конституционных советов данных республик¹⁸.

Конституционный Суд РФ, по сути, исходит из такой же трактовки: решения органов конституционного контроля субъектов Российской Федерации, прекративших свою деятельность, продолжают действовать. Это следует из его Определения от 11 июня 2024 г. № 1438-О¹⁹, которым он отказал в принятии запроса о проверке постановлений правительства Дагестана (от 16.12.1999 № 276 и от 18.07.2000 № 126), поскольку они утратили силу (были отменены) во взаимосвязи с вынесенным по ним Постановлением Конституционного суда Республики Дагестан от 13 октября 2021 г. № 10-П, признавшего положения названных актов правительства не соответствующими Конституции Республики Дагестан.

Констатация того факта, что решения конституционных (уставных) судов и заключенные в них правовые позиции не утратили своего юридического значения, предполагает, что конституционные советы:

не могут игнорировать данные решения и правовые позиции, они связаны ими;

опираются на них, используя в качестве правового аргумента и усиливая тем самым обоснованность своих решений;

могут применительно к рассматриваемому случаю в толковательном ключе конкретизировать — сужать или расширять (универсализировать) — судебные правовые позиции;

могут отступать от этих правовых позиций, если они не согласуются с новым правовым регулированием (изменениями Конституции РФ и федерального законодательства, конституции и законодательства субъекта Российской Федерации, правовых позиций Конституционного Суда РФ и установлений Верховного Суда РФ), и должны выносить решение, соотносясь с этим новым регулированием.

¹⁷ См.: Доклад о состоянии и развитии конституционно-го законодательства Республики Саха (Якутия). Якутск, 2022. С. 117–119.

¹⁸ См.: Заключение Конституционного совета Республики Башкортостан от 27.09.2023 № 1; Заключение Конституционного совета Республики Татарстан от 25.12.2023 № 1.

¹⁹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

Для более полного использования правового наследия конституционных судов в практике конституционных советов и других региональных органов публичной власти было бы целесообразно опубликовать постановления и содержательные определения указанных судов в виде специального издания, а также провести работу по систематизации правовых позиций, заключенных в этих решениях²⁰.

Новизна конституционных советов в сравнении с конституционными судами

Новизна статуса конституционных советов республик в составе Российской Федерации обусловлена прежде всего тем, что они, в отличие от ранее действовавших конституционных судов, являются *несудебными* органами.

Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ, как уже упоминалось, содержит положение о том, что субъекты Российской Федерации вправе создавать конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных органах соответствующих субъектов Российской Федерации. Данную норму необходимо воспринимать в системном единстве с положениями ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, а также ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»²¹, предусматривающей правомочие субъектов Российской Федерации создавать «иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации». Из приведенных установлений вытекает самостоятельность субъекта Российской Федерации в определении организационно-правовых форм охраны своей конституции (устава). При этом вышеуказанная норма о создании конституционных (уставных) советов при законодательных органах субъектов Российской Федерации — лишь федеральная рекомендация, касающаяся выбора соответствующей формы. В условиях конкретного субъекта Российской Федерации возможно отступление от ее содержания: например, Конституционный совет Республики Татарстан учрежден не как контрольный орган при парламенте субъекта Российской Федерации, а как обособленный институт, осуществляющий свою деятельность на началах организационной самостоятельности и функциональной независимости (ч. 1 ст. 2, ст. 4 Закона

²⁰ В качестве примера такой систематизации см.: *Лонская С.В., Герасимова Е.В., Ландау И.Л., Кузнецов А.В.* Правовые позиции Уставного суда Калининградской области. 2003–2018 гг.: науч.-практ. изд. М., 2020.

²¹ См.: СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973.

Республики Татарстан «О Конституционном совете Республики Татарстан»).

Таким образом, положительными сторонами нового регулирования является появившаяся у субъектов Российской Федерации возможность более гибко соотнести статус специализированного органа правовой охраны конституции (устава) со спецификой организации государственной власти в субъекте Российской Федерации, с особенностями его законодательства и др. факторами регионального характера.

С учетом сказанного следует признать допустимость конституирования субъектами Российской Федерации различных моделей статуса конституционного (уставного) совета.

Во-первых, данный орган может быть наделен полномочиями по конституционному контролю, т.е. правомочием лишать юридической силы нормы законодательства субъекта Российской Федерации, противоречащие его конституции (уставу), ибо вопрос о порядке и способах утраты юридической силы региональными нормативными правовыми актами, как и их принятия в пределах установленной компетенции, находится в ведении соответствующего субъекта Российской Федерации. Это не затрагивает полномочий федеральных судов общей юрисдикции осуществлять нормоконтроль в соответствующем субъекте Российской Федерации: они, даже при наличии конституционного совета, также вправе рассматривать и разрешать в порядке административного судопроизводства дела о соответствии конституции (уставу) законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, муниципальных актов и признавать их недействующими, не подлежащими применению.

Во-вторых, конституционный (уставный) совет может наделяться полномочиями органа конституционного надзора, т.е. правом указать только на несоответствие регионального и муниципального акта конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, устранение которого находится на усмотрении органа, принявшего соответствующий акт. Эта модель в настоящий момент реализована в Татарстане, Башкортостане и Саха (Якутии).

В-третьих, конституционный (уставный) совет может стать органом, сочетающим в рамках своей компетенции полномочия, связанные как с конституционным контролем, так и с конституционным надзором. На возможность подобного достаточно гибкого подхода указывал Д. Н. Миронов: по его мнению, данный орган мог бы осуществлять функции конституционного надзора по отношению к законам субъекта Российской Федерации и конституционного контроля — применительно

к подзаконным нормативным правовым актам регионального и муниципального уровня²².

Несудебная природа конституционных советов республик отражается на их *юрисдикционных полномочиях*. Они имеют некоторую внешнюю схожесть с полномочиями упраздненных конституционных судов, но различаются по видам и содержанию. В частности, данные советы:

осуществляют в расширенном спектре предварительный нормоконтроль (это было нетипично для конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации) проектов законов о принятии конституции республики, внесению в нее изменений и дополнений (Татарстан, Якутия), проектов обычных законов (Якутия, Башкортостан), а также законов до их подписания и обнародования Главой Республики (Якутия);

наделяются полномочиями по осуществлению последующего нормоконтроля в отношении законов республик, нормативных правовых актов высших должностных лиц, органов исполнительной власти республик, органов местного самоуправления (Башкортостан, Татарстан, Якутия), в том числе в процедуре конституционной жалобы (Башкортостан, Татарстан);

дают толкование конституции республики (Якутия), разъясняют ее (Татарстан) или готовят проект толкования конституции для парламента (Башкортостан).

Как реализуются названные полномочия конституционными советами? Представление об этом дают их решения. Например, по состоянию на июнь 2025 г. Конституционный совет Саха (Якутии) принял 14 итоговых решений, в том числе четыре постановления, о толковании Конституции Республики (трижды — по инициативе народных депутатов Республики Саха (Якутия) и одно — по инициативе прокурора Республики Саха (Якутия)), 10 заключений — четыре о проверке проектов законов (по обращениям парламента Республики и его постоянных комитетов) и шесть касались действующих законов (по обращениям народных депутатов Республики Саха (Якутия)); Конституционный совет Татарстана по жалобам граждан дал четыре заключения о проверке конституционности действующих законов и муниципальных нормативных правовых актов; Конституционный совет Башкортостана по обращениям Президиума Государственного собрания — Курултая в трех заключениях оценил соответствие проектов законов Конституции Республики.

²² См.: Миронов Д. Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.

Иногда высказывается мнение, что заявительный порядок ограничивает возможности конституционных советов по осуществлению конституционного контроля. В этой связи, например, Конституционный совет Татарстана обосновывает предложение о необходимости предоставления ему полномочия по собственной инициативе принимать к рассмотрению нормативные правовые акты, что стало бы, как он полагает, формой реагирования на конституционно-правовые проблемы, в том числе затрагиваемые в запросах и обращениях граждан²³. В прошлом подобное полномочие было у Комитета конституционного надзора СССР (ст. 125 Конституции СССР²⁴), а также у Комитета конституционного надзора Республики Татарстан²⁵. Возможно, названное полномочие совмещается с природой несудебного органа и способно повысить его контрольно-надзорную активность, но при условии определения четких правовых критериев и процедур отбора для проверки соответствующих актов, исключения ситуации появления «неприкасаемых» нормотворческих субъектов и втягивания Совета в политико-правовые властные отношения.

Юрисдикционные полномочия конституционных советов коррелируют с *юридической силой* принимаемых ими решений. В отличие от решений конституционных (уставных) судов, которым федеральными законоположениями гарантировалась обязательность и невозможность их пересмотра иными государственными органами, акты конституционных советов не обладают такими свойствами. Согласно законам республик Саха (Якутия) и Татарстана решения конституционных советов подлежат обязательному рассмотрению органами публичной власти, должностными лицами, которых они касаются, в течение трех месяцев. Данные органы вправе, но не обязаны вносить изменения в нормативные правовые акты, которые признаны конституционными советами полностью или в части не соответствующими конституции

республики. В Башкортостане указанный срок рассмотрения не установлен, но предусмотрено, что заключения Конституционного совета носят рекомендательный характер. Из сказанного следует, что решения действующих конституционных советов республик имеют надзорно-рекомендательный характер. Это существенно снижает эффективность полномочий советов, их потенциал конституционно-охранительной деятельности на региональном уровне²⁶.

Для исправления ситуации было бы целесообразно:

допустить придание обязательной силы решениям конституционных советов при проверке подзаконных нормативных правовых актов регионального и муниципального уровня (Д.Н. Миронов);

с учетом опыта Комитета конституционного надзора СССР²⁷, признать, что если заключением конституционного совета констатируется нарушение основных прав и свобод граждан нормативным правовым актом или его отдельными положениями, то такой акт или его отдельные положения утрачивают силу;

расширять практику участия прокуратуры субъекта Российской Федерации в реализации принятых конституционным советом решений. Она появилась в Якутии, где прокуратура Республики, содействуя исполнению постановления Конституционного совета Республики от 18 апреля 2024 г. № 3-П «О толковании части 2 статьи 62 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия)», потребовала от Государственного собрания (Ил Тумэн) привести Закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2004 г. 135/1-3 № 275-III «О государственных наградах Республики Саха (Якутия)» в соответствие с законодательством в истолковании, данном Конституционным советом. Необходимые изменения были внесены в указанный акт Законом Республики Саха (Якутия) от 14 мая 2025 г. 2822-3 № 319-VII²⁸.

Иногда для усиления эффективности решений конституционных советов предлагается наделить их полномочием по обращению в суды

²³ См.: Доклад о состоянии конституционной законности в Республике Татарстан. Казань, 2025. С. 60.

²⁴ См.: Закон СССР от 01.12.1988 № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости СНД и Верховного Совета СССР. 1988. № 49, ст. 727. Для справки: за время работы почти 80% всех вопросов Комитет конституционного надзора СССР рассмотрел по собственной инициативе (см.: Митюков М.А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30-е — начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 117).

²⁵ См.: Закон Республики Татарстан от 13.12.1990 № 524-XII «О конституционном надзоре в Республике Татарстан» (ст. 11, 12) // Ведомости Верховного совета Республики Татарстан. 1992. № 1. С. 68–77. По нашим подсчетам, Комитет конституционного надзора Республики Татарстан за весь период работы (1990–2000) по собственной инициативе рассмотрел около 40% всех вопросов.

²⁶ Подтверждением данного вывода может служить факт, приведенный в Докладе о состоянии конституционной законности в Республике Татарстан: муниципальный орган исполнительной власти, нормативный правовой акт которого проверялся Конституционным советом Республики, уведомил его об отказе вносить необходимые изменения в этот акт, сославшись на то, что заключения Совета не имеют обязательной юридической силы (с. 30, 31).

²⁷ См.: Закон СССР от 23.12.1989 № 972-I «О конституционном надзоре в СССР» (ст. 21) // Ведомости СНД и Верховного Совета СССР. 1989. № 29, ст. 372.

²⁸ См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400202505160011> (дата обращения: 11.06.2025).

общей юрисдикции с административными исками об оспаривании нормативных правовых актов, которые они признали противоречащими конституции (уставу) соответствующего субъекта Российской Федерации, или по обращению к иным органам и лицам, наделенным правом предъявления подобных исков²⁹. Однако такой подход, на наш взгляд, существенно снижает значимость проверки нормативного правового акта конституционным (уставным) советом. Зачем гражданину или институту публичной власти вообще обращаться в этот орган как некую «промежуточную» инстанцию, если можно сразу направить административный иск в суд? Кроме того, «понууждение» каких-либо иных органов (законодательный орган, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, федеральные органы государственной власти) конституционными (уставными) советами на обращение в суды общей юрисдикции существенно умаляло бы самостоятельность «понууждаемых» органов и в конечном счете противоречило бы принципам осуществления правосудия по административным делам.

Несудебная организационно-правовая форма конституционных (уставных) советов способствует возложению на них разнообразных *неюрисдикционных полномочий*. К одному из таких полномочий относится ежегодное представление на заседании регионального парламента докладов о состоянии и развитии конституционного законодательства (Якутия) или о состоянии конституционной законности (Татарстан) в республике. Конституционный совет Республики Саха (Якутия) делал это уже четырежды — в 2022, 2023, 2024 и 2025 гг., Конституционный совет Республики Татарстан — в 2025 г.

Доклад разрабатывается, утверждается и обнародуется Конституционным советом в установленном его регламентом порядке. Он является аналитическим правовым документом, в котором Совет на основе обобщения своей практики раскрывает тенденции развития республиканского конституционного законодательства, рассматривает результаты его реализации, указывает на имеющиеся в этой области проблемы и возможные пути их решения региональными органами власти.

Анализ подготовленных Конституционным советом Республики Саха (Якутия) докладов — его практика в данном отношении может характеризоваться как вполне устоявшаяся и показательная — позволяет отметить две особенности.

Во-первых, в докладах затрагиваются многие актуальные проблемы регионального и муниципального управления без «привязки» к конкретным решениям Конституционного совета. Правовые

позиции, заключенные в них, занимают в докладах достаточно скромное место. Основное внимание уделяется общим аспектам развития законодательства в той или иной области. Иными словами, Конституционный совет использует форму доклада как трибуну для того, чтобы выразить свою позицию по волнующим региональное общество вопросам, имеющим законодательное выражение. В частности, в Докладе 2022 г. — это эволюция государственности народа Якутии с 1922 г., в Докладе 2023 г. — проблемы общегражданской идентичности и воспитания граждан, развития законодательства об Арктической зоне, в Докладе 2024 г. — трудовая занятость и образование, в Докладе 2025 г. — вопросы цифровизации экономики, социальной сферы и публичного управления на региональном уровне.

Во-вторых, в докладах Конституционного совета содержится анализ, оценка (как позитивная, так и негативная) и рекомендации, касающиеся отдельных положений Конституции Республики Саха (Якутия), проектов и действующих актов республиканского законодательства, которые потенциально могут стать в дальнейшем предметом проверки данного органа. В частности, Советом формулировались рекомендации: по внесению изменений и дополнений в восемь статей и в одну главу Основного Закона Республики, о необходимости принятия четырех новых законов и внесения изменений в 17 действующих региональных законов³⁰.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что полномочие по представлению докладов, по сути, используется Конституционным советом Республики Саха (Якутия) для осуществления своего рода «мониторингового нормоконтроля», т.е. проверки нормативных правовых актов вне надлежащей юрисдикционной процедуры. Хотя на первый взгляд подобный подход несколько усиливает роль данного органа в обеспечении конституционной законности, но возникают вопросы о том, насколько «докладная» форма нормоконтроля совместима с юрисдикционной проверкой, не подменяет ли она ее фактически, являются ли правовые позиции, выраженные в докладах, обязательными для самого Конституционного совета и иных субъектов? Поставленные вопросы пока не получили законодательного решения.

Отметим, что к неюрисдикционным полномочиям конституционных советов относятся также:

осуществление научно-методического обеспечения развития регионального законодательства (Якутия, Татарстан);

²⁹ См.: Курятников В. В. Указ соч. С. 13, 14, 198–201.

³⁰ Подсчитано авторами по материалам, представленным Конституционным советом Республики Саха (Якутия).

оказание экспертной помощи в подготовке обращения законодательного органа субъекта Российской Федерации в Конституционный Суд РФ. Подобные отношения де-факто складываются в Татарстане;

оказание правовой помощи населению, в том числе посредством ведения приема граждан и рассмотрения их обращений в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³¹;

содействие правовому просвещению, формированию и развитию правовой культуры населения (Татарстан, Якутия), пропаганда конституционных ценностей (Башкортостан). Эта задача решается на основе соглашений, заключаемых конституционными советами с муниципальными и иными органами публичной власти, объединениями граждан, а также путем проведения по конституционной тематике конкурсов творческих работ среди учащихся и студентов, чтения лекций для населения членами советов.

Надо понимать, что неюрисдикционные полномочия в широком смысле встроены в систему деятельности конституционных советов по обеспечению верховенства и прямого действия конституций республик. Они в определенной степени компенсируют ослабленные их возможности как контрольно-надзорных органов.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в субъектах Российской Федерации вместо упраздненных конституционных (уставных) судов начинают создаваться (пока в республиках) конституционные советы, что свидетельствует о новом этапе в развитии региональной правовой охраны основных законов. Необходимость данных преобразований официально не объяснялась, не имела доктринальных и эмпирических обоснований. При этом, однако, можно констатировать, что переход от судов, осуществлявших конституционный контроль, к несудебным органам — советам с надзорными полномочиями — означает существенное понижение уровня специализированной защиты конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, демонстративное отрицание более высоких государственно-правовых стандартов и регресс в названной сфере.

Вместе с тем, как показал проведенный анализ, субъекты Российской Федерации не лишены возможности учреждать жизнеспособные модели конституционных советов, в том числе заимствуя отдельные элементы конституционных судов и комитетов конституционного надзора. Они вполне

могут служить целям обеспечения конституционной законности при предоставлении им надлежащих полномочий и гарантий определенной обязательности их решений, имплементировать в региональное законодательство общедоверительные конституционно-правовые ценности³².

Представленный опыт функционирования конституционных советов республик через призму преемственности и новизны важен как пилотный проект. Его успешность может стать ориентиром для других субъектов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брежнев О.В.* Конституционный (уставной) совет субъекта Российской Федерации: модель Татарстана // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 17–20.
2. *Брежнев О.В.* Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 21–30.
3. Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий / отв. ред. А.Н. Медушевский. М., 2025. С. 271–277.
4. *Кряжков В.А.* Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74.
5. *Кряжков В.А., Митюков М.А.* История конституционного правосудия в России / отв. ред. В.М. Сырых. М., 2022. С. 618, 619.
6. *Кураятников В.В.* Конституционный (уставной) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. С. 4, 13, 14, 50–71, 101–219.
7. *Лонская С.В., Герасимова Е.В., Ландау И.Л., Кузнецов А.В.* Правовые позиции Уставного суда Калининградской области. 2003–2018 гг.: науч.-практ. изд. М., 2020.
8. *Малютин Н.С., Сергеев С.Л.* Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2022. № 4. С. 26–37.
9. *Миронов Д.Н.* Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.

³² Отчасти подобное уже происходит, если иметь в виду практику Конституционного совета Республики Саха (Якутия), который, по нашим подсчетам, в каждом втором своем решении опирался на правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в 62 его постановлениях, используя их как правовой аргумент в обосновании собственных выводов и рекомендаций. Это, в свою очередь, свидетельствует и о том, что деятельность Совета выходит за республиканские рамки, она обретает общероссийское значение.

³¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

10. Митюков М.А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30-е — начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 117.
11. Ряховская Т.И. Преемственность в конституционном праве России: связь с предшествующей доктриной и практикой // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 453. С. 253–257.
12. Сайбулаева С.А. Преемственность в государственно-правовом строительстве: некоторые вопросы теории // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 68–76.
5. Kryazhkov V.A., Mityukov M.A. The history of constitutional justice in Russia / ed. by V.M. Syrykh. M., 2022. Pp. 618, 619 (in Russ.).
6. Kuryatnikov V.V. The Constitutional (statutory) Council as a specialized body for the legal protection of the Constitution (charter) of the subject of the Russian Federation Federations: dis. ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2024. Pp. 4, 13, 14, 50–71, 101–219 (in Russ.).
7. Lonskaya S.V., Gerasimova E.V., Landau I.L., Kuznetsov A.V. Legal positions of the Statute Court of the Kaliningrad region. 2003–2018: scientific and practical ed. M., 2020 (in Russ.).
8. Malyutin N.S., Sergevnin S.L. Institute of Regional Constitutional (statutory) Justice in Russia: the end of history? // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2022. No. 4. Pp. 26–37 (in Russ.).
9. Mironov D.N. Constitutional Council at the Parliament of the subject of the Russian Federation (on the issue of the intellectual model) // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 9. Pp. 71–75 (in Russ.).
10. Mityukov M.A. The forerunner of constitutional justice: views, projects, and institutional prerequisites (30^s — early 90^s of the 20th century). M., 2006. P. 117 (in Russ.).
11. Ryakhovskaya T.I. Continuity in the constitutional law of Russia: relation to previous doctrine and practice // Herald of Tomsk State University. 2020. No. 453. Pp. 253–257 (in Russ.).
12. Saibulaeva S.A. Continuity in state-legal construction: some issues of theory // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. Pp. 68–76 (in Russ.).

REFERENCES

1. Brezhnev O.V. Constitutional (statutory) council of a subject of the Russian Federation: a model of Tatarstan // State power and local self-government. 2024. No. 7. Pp. 17–20 (in Russ.).
2. Brezhnev O.V. Problems of organization and competence of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation (on the example of the Republics of Adygea, Sakha (Yakutia), Bashkortostan) // Actual problems of the Russian law. 2023. Vol. 18. No. 4 (149). Pp. 21–30 (in Russ.).
3. The Constitution of Russia after the reform of 2020: a problematic commentary / ed. by A.N. Medushevsky. M., 2025. Pp. 271–277 (in Russ.).
4. Kryazhkov V.A. Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: what it can be like after the abolition of constitutional (statutory) courts // State and Law. 2021. No. 9. Pp. 65–74 (in Russ.).

Сведения об авторах

КРЯЖКОВ Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор-исследователь департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

БРЕЖНЕВ Олег Викторович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Authors' information

KRYAZHKOV Vladimir A. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

BREZHNEV Oleg V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Law Faculty, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory str., 119991 Moscow, Russia

УДК 343.36

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ И СУБЪЕКТА ЗАВЕДОМО НЕЗАКОННОГО ЗАДЕРЖАНИЯ (Ч. 1 СТ. 301 УК РФ)

© 2025 г. Е. А. Мельников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Поступила в редакцию 12.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемным вопросам объективной стороны и субъекта состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ. Разъяснения Верховного Суда РФ, данные в 2022 г., во многом устранили ряд дискуссионных вопросов, существовавших в доктрине. Например, Верховный Суд РФ расширил число субъектов данного преступления, а также указал, что данное преступление может быть совершено в том числе в форме бездействия. Однако отдельные проблемные вопросы Верховный Суд РФ оставил без внимания, а некоторые его разъяснения являются дискуссионными. К последним, в частности, можно отнести наличие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, в случае если задержание произведено в отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела. Этот и иные проблемные вопросы заведомо незаконного задержания рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: незаконное задержание, процессуальное задержание, задержание подозреваемого, состав преступления, преступление, преступления против правосудия, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Цитирование: Мельников Е. А. Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта заведомо незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Государство и право. 2025. № 10. С. 118–125.

DOI: 10.31857/S1026945225100101

SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE OBJECTIVE SIDE AND SUBJECT OF OBVIOUSLY ILLEGAL DETENTION (PART 1 OF ARTICLE 301 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

© 2025 Е. А. Melnikov

Lomonosov Moscow State University

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Received 12.08.2025

Abstract. The article is devoted to certain problematic issues of the objective side and the subject of the corpus delicti provided for in part 1 of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation. The clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, given in 2022, largely eliminated a number of controversial issues that existed in the doctrine. For example, the Supreme Court of the Russian Federation expanded the number of subjects of this crime, and also indicated that this crime can be committed, including in the form of inaction. However, the Supreme Court of the Russian Federation ignored certain problematic issues, and some of its clarifications are debatable. The latter, in particular, include the presence of corpus delicti provided for in part 1 of article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation, if the arrest was carried out in the absence of a decision to institute criminal proceedings. This and other problematic issues of deliberately unlawful detention are discussed in this article.

Key words: illegal detention, procedural detention, detention of a suspect, corpus delicti, crime, crimes against justice, object, objective side, subject, subjective side.

For citation: Melnikov, E.A. (2025). Some controversial issues of the objective side and subject of obviously illegal detention (part 1 of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 118–125.

С 2010 года по ч. 1 ст. 301 УК РФ ни одно лицо не было осуждено. Тем не менее исследование объективной стороны, субъекта и других элементов состава незаконного задержания представляется актуальным, в том числе с точки зрения анализа причин, по которым привлечение к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 301 УК РФ сведено на нет.

В ст. 301 УК РФ содержится, по существу, три самостоятельных состава преступления — заведомо незаконное задержание (ч. 1), заведомо незаконное заключение под стражу (ч. 2) и заведомо незаконное содержание под стражей (ч. 2). Между ними имеются как сходство (во всех случаях речь идет о незаконном лишении свободы), так и ряд различий, касающихся объективной стороны и субъекта данных деяний.

Уголовный кодекс РФ не конкретизирует, о каком виде задержания идет речь в диспозиции ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Действующее российское законодательство предусматривает несколько видов задержаний: административное задержание (ст. 27.3–27.6 КоАП РФ); задержание подозреваемого (ст. 91–96 УПК РФ); задержание обвиняемого, который скрылся от органов расследования или суда, если в отношении этого лица была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК) и оно было объявлено в розыск на основании ст. 210 УПК РФ; задержание лица на основании ходатайства иностранного государства (ч. 1 ст. 466 УПК РФ)¹. В данном случае протокол задержания составляется также в соответствии с требованиями ст. 92 УПК РФ, с отметкой о разъяснении задержанному лицу его прав, а также уведомления о задержании согласно ст. 96

УПК РФ²; задержание, связанное с обеспечением исполнения судебного приговора — задержание осужденных, злостно уклоняющихся от наказаний, не связанных с изоляцией от общества, на срок до 48 часов (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60², ч. 2 ст. 60¹⁷ УИК РФ), задержание осужденного, уклонившегося от получения предписания для следования в колонию-поселение или не прибывший к месту отбывания наказания в установленный срок (ч. 6 ст. 75¹ УИК РФ), задержание, осуществляемое при уклонении осужденного от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение (ч. 11 ст. 97 УИК РФ). Особенно сильно данному задержанию является то, что по своему характеру оно является мерой процессуального принуждения при исполнении приговора, основания такого задержания установлены Уголовно-исполнительным кодексом РФ, при этом порядок частично урегулирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ч. 4¹ ст. 396, п. 5 ч. 1 ст. 399); задержание осужденного, не прибывшего в двухнедельный срок со дня его освобождения из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию или скрывшегося от контроля после постановки его на учет (ч. 9 ст. 178¹ УИК РФ).

В связи с этим в ряде исследований формулируется вопрос о том, какой именно вид задержания имеется в виду в ч. 1 ст. 301 УК РФ.

В научной литературе основная дискуссия идет вокруг возможности квалифицировать по ч. 1 ст. 301 УК РФ наряду с незаконным уголовно-процессуальным задержанием и незаконное административное задержание. Ряд ученых

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 333-О-П // В официальных источниках опубликовано не было.

² См.: п. 1.2.2. Указания Генеральной прокуратуры РФ от 05.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора // Законность. 2018. № 4.

склоняются в пользу такой возможности³. Такая позиция представляется не в полной мере обоснованной, так как из содержания ст. 301 УК РФ следует, что в ней идет речь о незаконном применении именно уголовно-процессуальных мер принуждения и пресечения. Большинство специалистов также полагают, что имеется в виду только уголовно-процессуальное задержание, предусмотренное нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ⁴. Сходная позиция содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20), в котором содержится лишь упоминание о задержании подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91–96 УПК РФ.

Однако в судебной практике имеются единичные примеры (датированные до разъяснений Верховного Суда РФ 2022 г.), когда должностное лицо было привлечено к уголовной ответственности за заведомо незаконное административное задержание:

«Согласно приговору Краснодарского краевого суда от 13 мая 2011 г. действия Ильина А.Е., связанные с помещением Х. 27 сентября 2006 года в комнату для административно задержанных и его содержание там более 48 часов, квалифицируются по ч. 1 ст. 301 УК РФ как заведомо незаконное задержание, так как он не имел законных оснований для задержания Х., однако по его указанию составлялись заведомо подложные протоколы об административных правонарушениях, вследствие чего потерпевший был незаконно лишен свободы. Вместе с тем, поскольку это преступление согласно ст. 15 УК РФ является преступлением небольшой тяжести, то в силу ст. 78 УК РФ и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ Ильин А.Е. подлежит освобождению от уголовного наказания за это деяние

³ См.: *Дадаев Х.М.* Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 17–19; *Дворянсков И.В.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 50; Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. В.П. Ревина. М., 2009; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко: науч. ред. А.С. Михлин. М., 2000. С. 727.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015; Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012; Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 741.

вследствие истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности»⁵.

Проблема с видом задержания, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, видится гораздо шире ввиду неоднозначности термина «уголовно-процессуальное задержание», используемого в доктрине.

В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 указано, что как «заведомо незаконное задержание должны квалифицироваться, в частности, умышленные действия, совершаемые с целью незаконного применения к лицу данной меры процессуального принуждения, в результате которых лицо задерживается по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном статьей 92 УПК РФ».

В других положениях Постановления Пленума также идет речь лишь о задержании подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91–96 УПК РФ. Однако, как было показано выше, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ имеются и иные виды задержания как меры уголовно-процессуального принуждения: задержание обвиняемого, который скрылся от органов расследования или суда, если в отношении этого лица была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (п. 4 ч. 1 ст. 108) и оно было объявлено в розыск на основании ст. 210 УПК РФ; задержание лица на основании ходатайства иностранного государства (ч. 1 ст. 466).

С учетом того что преступления, посягающие на общественные отношения, характеризующие обязательность процессуальных актов, расположены также в гл. 31 «Преступления против правосудия», а исполнение судебных решений можно в целом рассматривать как отдельную функцию уголовного судопроизводства⁶, то задержание, связанное с обеспечением исполнения судебного приговора, вполне можно отнести к мерам процессуального принуждения, направленным на решение задач уголовного судопроизводства и реализацию его назначения.

Поэтому представляется, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 уголовно-процессуальное задержание подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91–96 УПК РФ, приведено лишь в качестве наиболее распространенного вида уголовно-процессуального задержания (п. 11 ст. 5 УПК РФ). Кроме этого при

⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Издание проф. Малинина. СПб., 2017. С. 378, 379.

⁶ Во Франции некоторые ученые признают существование самостоятельной уголовно-процессуальной функции исполнения судебных решений (см.: *Rassat M.-L.* Traite de procedure penale. 3^e ed. Paris, 2001. P. 53).

применении именно этой меры процессуального принуждения должностные лица, как представляется, обладают наиболее широкими дискреционными полномочиями, что создает предпосылки для возможных злоупотреблений.

Поэтому при характеристике объективной стороны заведомо незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) мы будем также опираться именно на уголовно-процессуальный порядок задержания подозреваемого (ст. 91–96 УПК РФ).

Для характеристики объективной стороны заведомо незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) необходимо обратиться к определению задержания подозреваемого, которое содержится в п. 11 ст. 5 УПК РФ, — это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а в условиях военного положения — на срок не более 30 суток с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Нельзя считать процессуальным задержанием непосредственно захват лица во время или после совершения им преступления, когда целью задержания является доставление задержанного в орган дознания и следователю⁷. В этих случаях моментом задержания следует считать время, когда задержанный был доставлен в орган дознания или к следователю. Если же задержание производится на основании вынесенного ранее постановления об этом начальника органа дознания, следователя или дознавателя (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1¹ ч. 3 ст. 41, п. 6 ч. 1 ст. 40² УПК РФ), то моментом задержания следует считать уже фактическое задержание, т.е. фактический захват лица⁸.

Понятие подозреваемого в совершении преступления дано в ст. 46 УПК РФ, где подозреваемым называется лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо которое задержано в соответствии со ст. 91–92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 108 УПК РФ.

Основания, порядок и сроки задержания предусмотрены в ст. 91–92 УПК РФ.

⁷ См.: *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 71–84.

⁸ См.: *Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // *Росс. следователю*. 2023. № 2; *Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М.* Комментарий к положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления / под ред. С. В. Мурашова. М., 1982. С. 10, 11.

В соответствии со ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю не позднее чем через три часа должен быть составлен протокол задержания, где должны быть указаны данные, предусмотренные ч. 2 ст. 92 УПК РФ. О задержании дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания. Представляется, что нарушение данных требований процессуального закона, например составление протокола задержания через шесть часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, а не через три часа, может грозить должностному лицу лишь мерами дисциплинарной ответственности, однако при условии, что данное нарушение не повлияет на фактическую продолжительность максимального срока задержания.

По общему правилу максимальный срок задержания — 48 часов с момента задержания. В условиях военного положения в отношении лиц, подозреваемых в совершении тяжкого или особо тяжкого преступлений, максимальный срок задержания составляет 30 суток с момента задержания.

Однако если в суд направляется ходатайство об избрании в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу, то судья может, отложив принятие решения по этому ходатайству, продлить срок задержания еще на 72 часа для представления дополнительных доказательств, причем в постановлении указываются дата и время, до которых продлен срок задержания (п. 3 ч. 6 ст. 108 УПК РФ). Если по истечении указанных сроков судья не принял решения о заключении подозреваемого под стражу, то задержанный подлежит немедленному освобождению (п. 3 ст. 94 УПК).

Задержание является незаконным при отсутствии фактических оснований, когда нет достаточных доказательств того, что имеются обстоятельства, указанные в ст. 91 УПК РФ: отсутствует вынесенное органом дознания, дознавателем, следователем или руководителем следственного органа в соответствии с требованиями ст. 146 УПК РФ постановление о возбуждении уголовного дела; санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ за преступление, в котором подозревается задержанный, не предусмотрено наказание в виде лишения свободы; отсутствуют данные о том, что задержанное лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, либо о том, что потерпевшие или очевидцы указали на него как на совершившего преступление, либо о том, что на этом лице, его одежде, при нем или в его жилище были обнаружены явные следы преступления и т.д.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 92 УПК РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ

от 28 июня 2022 г. № 20 осталась без внимания — Пленум Верховного Суда РФ не привел примеры «иных данных» (ч. 2 ст. 91 УПК РФ), дающих основания подозревать лицо в совершении преступления. При этом наличие «иных данных» достаточно неопределенное основание, которое наиболее уязвимо с точки зрения законности и обоснованности принятия решения о задержании.

Деяние также квалифицируется по ч. 1 ст. 301 УК РФ и в тех случаях, когда, несмотря на заведомое возникновение оснований для освобождения подозреваемого, предусмотренных ч. 1—3 ст. 94 УПК РФ, уполномоченные должностные лица умышленно с целью незаконного продолжения применения меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого не принимают установленные законом и относящиеся к их компетенции меры по освобождению задержанного (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

Таким образом, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ, может быть совершено в том числе и в форме фактического и юридического бездействия⁹.

Другим видом незаконного задержания является нарушение его процессуальной формы, т.е. порядка задержания, а также его сроков. По этому вопросу в литературе встречаются различные мнения. Одни авторы считают, что любые нарушения порядка задержания, предусмотренного законом, содержат признаки данного состава¹⁰. Другие, наоборот, считают, что при наличии законных оснований для задержания только грубое нарушение процессуальных норм свидетельствует о наличии состава незаконного задержания

(например, не составление протокола)¹¹. В развитие данной позиции ряд ученых указывают, что если при наличии законного основания для задержания отступление от процессуального закона признано несущественным, то такое деяние, хотя формально и содержит признаки рассматриваемого состава, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности и не может быть признано преступлением (ч. 2 ст. 14 УК РФ)¹².

Безусловно, можно согласиться с мнением, что только грубое нарушение процессуальных норм может свидетельствовать о наличии состава незаконного задержания — вне зависимости от наличия законных оснований для задержания.

Поэтому позиция отдельных ученых, что наличие законных оснований для задержания оправдывает все, в том числе грубые процессуальные нарушения, нам представляется ошибочным¹³.

Спорным является вопрос о наличии объективной стороны незаконного задержания в случае, когда задержание фактически было произведено в отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

Однако отсутствие возбужденного уголовного дела *de lege lata* в принципе исключает возможность осуществления процессуального задержания. Основным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие нормальное осуществление правосудия, развивающиеся в сфере уголовного судопроизводства. Свобода и неприкосновенность личности являются лишь дополнительным объектом. Вне процессуальной деятельности действия должностных лиц по незаконному захвату могут быть квалифицированы по ст. 126 УК РФ либо по ст. 286 УК РФ (при наличии соответствующих обстоятельств). Поэтому действия сотрудников правоохранительных органов, осуществивших захват лица под заведомо ложным предлогом подозрения в совершении преступления, в соответствии с действующим законодательством могут быть квалифицированы лишь по ст. 286 УК РФ¹⁴, но никак не по ч. 1 ст. 301 УК РФ.

⁹ Разделение фактического и юридического бездействия в ряде случаев используют для расширительного толкования диспозиций соответствующих норм уголовного права и обоснования правоприменительной практики. Например, преступление, предусмотренное ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», может быть совершено должностным лицом только путем совершения действий, явно выходящих за пределы его полномочий. Однако в ряде случаев должностное лицо может выходить за пределы своих полномочий путем фактического бездействия. Например, когда следователь или дознаватель незаконно отказывают в возбуждении уголовного дела, в результате чего нарушается право гражданина на доступ к правосудию. Однако бездействуя, фактически следователь (дознаватель) совершает юридическое действие — выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, что дает правоприменителю в ряде случаев квалифицировать его действия по соответствующей части ст. 286 УК РФ (см., напр.: Яни П. С. Укрытые преступления от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 11).

¹⁰ Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 62.

¹¹ Скрипченко Н. Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1.

¹² См.: Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации. М., 2007. С. 57.

¹³ См.: Курс советского уголовного права. Т. 4 / отв. ред. Н. А. Беляев. Л., 1978. С. 350.

¹⁴ См.: Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности. Омск, 2022. С. 83.

Верховный Суд РФ также ранее придерживался позиции, что при наличии законных оснований для задержания отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела не свидетельствует о наличии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ¹⁵.

Учитывая, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ предоставляет дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа полномочия совершать ряд процессуальных действий до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144), то *lege feranda* было бы справедливым привлекать указанных лиц, осуществивших заведомо незаконное задержание (при отсутствии оснований для задержания) в ходе проверки сообщения о преступлении, по ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Однако, несмотря на размытие границ процессуальной деятельности, действующая логика процессуального регулирования связывает возможность применения мер процессуального принуждения и пресечения только после принятия решения о возбуждении уголовного дела. Поэтому реализация данного предложения напрямую связана с пересмотром институционального значения стадии возбуждения уголовного дела и не может быть сведена лишь к точечной корректировке норм уголовного закона.

Основные субъекты незаконного задержания перечислены в п. 2, 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20. В качестве субъектов преступления могут выступать следователь, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственного органа. Верховный Суд РФ также указывает, что к субъектам данного преступления могут быть отнесены и иные должностные лица, если они действовали по поручению вышеуказанных должностных лиц и совершили умышленные действия, направленные на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания. Из системного толкования положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 следует, что субъектами данного преступления могут выступать прокурор и начальник места содержания подозреваемого. До данных разъяснений в доктрине круг субъектов определялся гораздо уже¹⁶.

Верховный Суд РФ не разъяснил, кто относится к «иным должностным лицам», которые действуют

по поручению и совершают умышленные действия, направленные на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания.

Ряд авторов полагают, что к данной категории могут быть отнесены: а) следователь-криминалист, которому руководитель следственного органа поручил участвовать в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (п. 40¹ ст. 5 УПК РФ); б) уполномоченные должностные лица, которым органом дознания (начальником органа дознания) поручено провести неотложные следственные действия, дознание и другие процессуальные действия (ст. 40, 40¹, 40², 41, 151, 157 УПК РФ)¹⁷. Круг таких лиц достаточно широкий и включает в себя в том числе «разовых дознавателей» — должностных лиц, проходящих службу в органах дознания, которые не имеют в своих структурах самостоятельных подразделений дознания или дознавателей. Вместе с тем авторы отмечают, что вопрос отнесения «разовых дознавателей» к субъектам преступления является дискуссионным¹⁸.

На наш взгляд, нельзя признать субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, сотрудника правоохранительного органа, которому лицо, уполномоченное на задержание, поручило незаконно применить данную меру процессуального принуждения. Задержание является мерой процессуального принуждения и не сводится лишь к физическому лишению свободы потерпевшего, в связи с чем может быть произведено лишь специальным субъектом. Лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, но фактически участвовавшее в его совершении, несет уголовную ответственность в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Поэтому сотрудник правоохранительного органа, которому уполномоченное лицо, принявшее решение о незаконном задержании, поручило его исполнить, совершивший умышленные действия, направленные на применение данной меры процессуального принуждения, будет являться пособником преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ. Исполнителем преступления в данном случае будет уполномоченное должностное лицо, принявшее незаконное решение о задержании (ст. 91 УПК РФ).

По нашему мнению, субъектом данного преступления также может выступать судья при разрешении им вопроса о продлении срока заведомо для него незаконного задержания до 72 часов.

¹⁵ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.02.2004 № М 44-О04-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9.

¹⁶ Например, что ответственность по ч. 1 ст. 301 УК РФ могут нести лишь сотрудники органов дознания или следователи (см.: Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2007).

¹⁷ См.: Борбат А.В., Борков В.Н., Булатов Б.Б. Указ. соч.

¹⁸ См.: там же.

Субъективная сторона заведомо незаконного задержания заключается в прямом умысле, на что указывает признак заведомости, т.е. виновный осознает, что произведенное им задержание является незаконным, и желает его совершить¹⁹.

* * *

В заключение следует отметить, что в случае если способом совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, выступает фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ), то данные деяния должны быть квалифицированы по совокупности преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Росс. следователь. 2023. № 2.
2. Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности. Омск, 2022. С. 83.
3. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 62.
4. Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М. Комментарий к положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления / под ред. С. В. Мурашова. М., 1982. С. 10, 11.
5. Дадаев Х. М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 17–19.
6. Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 50.
7. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2007.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко: науч. ред. А. С. Михлин. М., 2000. С. 727.
10. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации. М., 2007. С. 57.
11. Курс советского уголовного права. Т. 4 / отв. ред. Н. А. Беляев. Л., 1978. С. 350.
12. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Х. Д. Аликперова и Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 741.
13. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 71–84.
14. Скрипченко Н. Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1.
15. Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. В. П. Ревина. М., 2009.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. М., 2012.
17. Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Издание проф. Малинина. СПб., 2017. С. 378, 379.
18. Яни П. С. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 11.
19. Rassat M.-L. Traite de procedure penale. 3^d ed. Paris, 2001. P. 53.

REFERENCES

1. Borbat A. V., Borkov V. N., Bulatov B. B. Criminal Law and criminal procedure aspects of unlawful detention (part 1 of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Russ. investigator. 2023. No. 2 (in Russ.).
2. Borkov V. N. Crimes committed in the administration of justice, preliminary investigation and operational investigative activities. Omsk, 2022. P. 83 (in Russ.).
3. Vlasov I. S., Tyazhkova I. M. Responsibility for crimes against justice. M., 1968. P. 62 (in Russ.).
4. Gulyaev A. P., Komarov B. V., Malinovkin S. M. Commentary to the regulation on the procedure for short-term detention of persons suspected of committing a crime / ed. by S. V. Murashov. M., 1982. Pp. 10, 11 (in Russ.).
5. Dadaev Kh. M. Criminal liability for unlawful detention, detention or detention: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2007. Pp. 17–19 (in Russ.).
6. Dvoryanskov I. V. Conceptual foundations of criminal law protection of the interests of the judiciary: abstract ... Doctor of Law. M., 2013. P. 50 (in Russ.).
7. Esakov G. A., Rarog A. I., Chuchaev A. I. The table book of a judge in criminal cases / ed. by A. I. Rarog. M., 2007 (in Russ.).
8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vols. Vol. 2 / ed. by A. V. Brilliantov. M., 2015 (in Russ.).
9. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by V. I. Radchenko: scientific ed. by A. S. Mikhlin. M., 2000. P. 727 (in Russ.).
10. Kuleshov Yu. I. Crimes against justice: problems of qualification and legislative regulation. M., 2007. P. 57 (in Russ.).
11. Course of Soviet Criminal Law. Vol. 4 / ed. by N. A. Belyaev. L., 1978. P. 350 (in Russ.).
12. Practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / under the general ed. of Kh. D. Alikperov and E. F. Pobegailo. M., 2001. P. 741 (in Russ.).
13. Rossinsky S. B. Detention of a suspect: a constitutional and interdisciplinary approach. M., 2019. Pp. 71–84 (in Russ.).

¹⁹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.02.2004 № М 44-О04-3 // В официальных источниках опубликовано не было.

14. *Skripchenko N. Yu.* Qualification of crimes against justice in Russia in the light of the new clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Law. 2023. No. 1 (in Russ.).
15. Russian Criminal Law. The special part: textbook / ed. by V.P. Revin. M., 2009 (in Russ.).
16. Criminal Law of Russia. The special part: textbook / ed. by F.R. Sundurov, M.V. Talan. M., 2012 (in Russ.).
17. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 28. Crimes against justice. Publication of Prof. Malinin. SPb., 2017. Pp. 378, 379 (in Russ.).
18. *Yani P.S.* Hiding crimes from accounting: action or inaction? // Legality. 2008. No. 2. P. 11 (in Russ.).
19. *Rassat M.-L.* Traite de procedure penale. 3^d ed. Paris, 2001. P. 53.

Сведения об авторе

МЕЛЬНИКОВ Евгений Александрович —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры экономических
и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова; 119234 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Authors' information

MELNIKOV Eugene A. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Economic
and Financial Investigations
of the Higher School of Public Audit,
Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russia

УДК 34

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЕННОГО ПРАВА¹

© 2025 г. В. В. Кудашкин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: vvk4691@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

Аннотация. Вооруженная защита государства является уникальной ценностью, имеющей локальное позиционирование в системе социальных ценностей, и отражает реализацию строго определенных потребностей государства, общества и людей в их существовании. Система ценностей, включающая общесоциальные ценности (государство, общество, люди) и уникальные ценности вооруженной защиты их существования, формирует, предопределяет, обусловливает все иные социальные образования в реальной и правовой действительности — формирование уникальной общности военных конфликтов и надстроенное над ней специфичное правовое образование: право военных конфликтов, которое по правовой природе обладает свойствами и уникальности, и специфичности. Данные свойства предопределяют объективную специфику предмета и метода правового регулирования военных отношений, отрасли военного права. Управленческие процессы, состоящие из связей вооруженного противоборства, осуществляются с использованием специфичных средств — вооружения и военной техники, а также применением специфичных способов управления. Эти два объективных обстоятельства исключают какое-либо природное социальное родство с иными, «гражданскими», способами и методами осуществления управленческой деятельности. Таким образом, военно-административное право не может входить в административное право в силу совершенно различной, несовместимой, несопоставимой ценностной основы этих двух системных правовых образований. Объектом отношений военного конфликта являются отношения вооруженного противоборства. Если заглянуть еще глубже, во внутреннее социальное пространство отношений вооруженного противоборства, то увидим его ценностную основу — целостную систему ценностей, являющуюся фундаментом образования иных социальных целостностей, иерархически надстроенных над ней: целостность отношений военных конфликтов, целостность права военных конфликтов, целостность военного права (системы и отрасли права). Военные ценности — это ценности, не создающие условия обеспечения военного

¹ В данной статье продолжено исследование отраслеообразования, начатое в предыдущих статьях «Ядро отрасли как системно-структурное основание (критерий) военного права» и «О сущности и роли военно-административных отношений в военном праве», опубликованных в журнале «Государство и право» (2025. № 6, 7).

противоборства, а создающие условия собственно военного (вооруженного) противоборства; это ценности, основанные на историческом опыте защиты и реализации государственных, общественных и личных интересов на определенном мировоззренческом уровне, отражающем наиболее объективные способы и методы ведения войны (военного/вооруженного противоборства), которые в совокупности составляют военное искусство. В силу того, что военные ценности допускают уничтожение людей и индивидов при соблюдении запретов и ограничений, они объективно требуют формирования определенной, обособленной материальной и идеальной среды. Речь идет о военной организации государства, точнее только о его ключевом звене — вооруженных силах, и идеальной (субъективной) правовой среде, которая оформляет поведение войск, обуславливает военную управленческую деятельность на основе военных ценностей, сформированных исторически в процессе возникновения и развития человеческой цивилизации.

В силу своего генезиса, природной несхожести, ценностной противоположности мирной среде, системное социальное образование — отношения военных конфликтов, и их надстроечное правовое опосредование — право военных конфликтов, объективно не могут входить в единые с мирной средой социальные системы (сферы социальной действительности). Они представляют собой самостоятельные, суверенные социальные системные целостности, на основе которых в правовой материи формируется самостоятельное целостное образование — отрасль военного права в российской системе права, ядром которой является право военных конфликтов.

Ключевые слова: военный конфликт, внутригосударственные отношения, военная ценность, военно-административное право, вооруженное противоборство, метод отрасли права, общественные отношения, право военных конфликтов, правовая материя, предмет отрасли права, системные связи, система, системообразующий фактор, суверенитет, целостность системы, ценность, ядро отрасли права.

Цитирование: Кудашкин В. В. Аксиологические основания военного права // Государство и право. 2025. № 10. С. 126–132.

DOI: 10.31857/S1026945225100112

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF MILITARY LAW²

© 2025 V. V. Kudashkin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: vvk4691@yandex.ru

Received 05.05.2025

Abstract. Armed defense of the state is a unique value that has a local positioning in the system of social values and reflects the implementation of strictly defined needs of the state, society and people in their existence. The system of values, including general social values (state, society, people) and unique values of armed defense of their existence form, predetermine, and condition all other social formations in real and legal reality — the formation of a unique community of military conflicts and a specific legal formation built on it — the law of military conflicts, which by its legal nature has the properties of both uniqueness and specificity. These properties predetermine the objective specificity of the subject and method of legal regulation of military relations, a branch of Military Law. Management processes consisting of armed confrontation links are carried out using specific means — weapons and military equipment, as well as the use of specific management methods. These two objective circumstances exclude any natural social kinship with other, “civilian”, ways and methods of implementing management activities. Due to this, Military Administrative Law cannot be included in Administrative Law due to completely different, incompatible, disparate value basis of these two systemic legal entities. The object of military conflict relations is the relations of armed confrontation. If we look even deeper, into the internal social space of armed confrontation relations, we will see its value basis — an integral system of values, which is the foundation for the formation of other social entities, hierarchically

² This article continues the research the formation of Military Law, which was started in previous articles “The core of the industry as a system-structural basis (criterion) of Military Law” and “On the essence and role of military-administrative relations in Military Law”, published in the journal “State and Law” (2025. No. 6, 7).

built over the value system – the integrity of military conflict relations; the integrity of the law of military conflicts; the integrity of Military Law (system and branch of law). Military values are values that do not create the conditions for ensuring military confrontation, but create the conditions of military (armed) confrontation proper; these are values based on the historical experience of protecting and implementing state, public and personal interests at a certain ideological level, reflecting the most objective methods and methods of waging war (military/armed confrontation), which together constitute the art of war. Due to the fact that military values allow the destruction of people and individuals subject to prohibitions and restrictions, they objectively require the formation of a certain, separate material and ideal environment. We are talking about the military organization of the state, or more precisely only about its key link – the armed forces, and the ideal (subjective) legal environment that formalizes the behavior of troops, determines military management activities based on military values formed historically in the process of the emergence and development of human civilization. Due to its genesis, natural dissimilarity, value opposition to the peaceful environment, the systemic social formation – the relations of military conflicts, and their superstructure legal mediation – the law of military conflicts, objectively cannot be part of social systems (spheres of social reality) that are unified with the peaceful environment. They represent independent, sovereign social systemic entities, on the basis of which an independent holistic entity is formed in the legal matter – a branch of Military Law in the Russian legal system, the core of which is the law of military conflicts.

Key words: military conflict, intrastate relations, military value, Military Administrative Law, armed confrontation, method of the branch of law, public relations, law of military conflicts, legal matter, subject of the branch of law, systemic connections, system, system-forming factor, sovereignty, integrity of the system, value, core of the branch of law.

For citation: Kudashkin, V.V. (2025). Axiological foundations of Military Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 126–132.

1. Ценностные основы социальных отношений в военной сфере

Определяющим в содержании (составе) предмета отрасли права является социальная ценность тех или иных связей, использование, функционирование которых приводит к удовлетворению соответствующих потребностей личности, общества и государства. Содержание определенных групп социальных отношений формируется под влиянием многих факторов, к числу которых относится сложившаяся система производства и потребления, разделения труда, властных полномочий и т.п., и закрепляется как ценностные основы социальных отношений. Основы социальных отношений являются отражением инвариантных качеств, формой выражения концептуальных основ этих отношений³.

В военной сфере функционирования государства⁴ системообразующим элементом ценностных основ является способность военных институциональных структур разрешать возникшие между государствами

противоречия специфичным, уникальным способом – применением военного насилия в форме вооруженного противоборства. Безусловно, военные угрозы разрешаются и с использованием иных форм, например дипломатическим путем. Но универсальной формой разрешения указанных противоречий является военное (вооруженное) насилие. Именно военное насилие путем вооруженного противоборства представляет сущностно значимую ценность для разрешения возникшего для государства противоречия с другим государством в целях сохранения своего суверенитета и независимости, тем самым обеспечив условия для существования общества и людей.

Основу военных социальных отношений представляет военный конфликт, в рамках которого применяется военное насилие в форме вооруженного противоборства. Именно военный конфликт как ценностная основа военных общественных отношений предопределяет объективно обусловленную форму правового опосредования военных отношений – право военных конфликтов.

На активно преобразующую действительность значения ценностей обращает внимание проф. В.Н. Жуков, который отмечает, что «действительность предстает людям посредством ценностей и в форме ценностей, человек познает и осваивает предметный мир как мир ценностей и в форме ценностей. В этом случае ценности предопределяют понимание людьми тех или иных вещей, задают угол зрения, под которым осмысливается мир». И далее: «Ценности возникают как отражение важнейших ориентиров, которым общество должно следовать в своей борьбе

³ См.: Худякова Н.Л. Ценностные основы социальных отношений // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 4 (258). С. 9.

⁴ О военной сфере государства см.: Бернацких И.В. Военная сфера жизни общества: сущность, особенности и структура // Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 20; Его же. Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. С. 23; Ксенофонтов В.А. Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства // Труды БГТУ. Сер. 6. 2021. № 2. С. 88; Ольшевский В.Г. Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // Вестник Военного ун-та. 2010. № 2 (22). С. 116.

за выживание (с природой и внешними врагами)»⁵. «Ценностные установки непосредственным образом связаны с социальным интересом, а через него — с миром политики и идеологией»⁶.

Важнейшие ориентиры Российской Федерации определены в Конституции РФ. Государство и право, являясь сами по себе общезначимыми ценностями⁷, в основе своего существования имеют базовые ценности, прямо закрепленные в Конституции РФ, самыми значимым из которых являются государственный суверенитет (ст. 4), независимость (ст. 80) и государственная целостность (ст. 4, 67). Конституция РФ определяет порядок сохранения и реализации указанных ценностей — они должны быть обеспечены защитой со стороны государства (ст. 67) посредством обороны, которая включает подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту государства, целостности и неприкосновенности его территории.

Вооруженная защита государства является уникальной ценностью, имеющей локальное позиционирование в системе социальных ценностей, и отражает реализацию строго определенных потребностей государства, общества и людей в их существовании. В силу своей не глобальности, локальности, но существенной значимости, вооруженная защита государства требует, обуславливает социальные процессы не во всем государстве и обществе, а в его определенной части — военной сфере государства. Уникальность социальной ценности вооруженной защиты государства предопределяет формирование соответствующих центрообразующих системных связей вооруженного противоборства, посредством которых общезначимые ценности суверенитета, независимости и государственной целостности защищаются, охраняются. Уникальность ценности, лежащей в основе связей вооруженного противоборства, обуславливает объективную специфичность образующихся на их основе социальных отношений военных конфликтов и их правового опосредования — права военных конфликтов. Таким образом, система ценностей, включающая общесоциальные ценности (государство, общество, люди) и уникальные ценности вооруженной защиты их существования, формирует, предопределяет, обуславливает все иные социальные образования в реальной и правовой действительности — формирование уникальной общности военных конфликтов и надстроенное над ней специфичное правовое образование: право военных конфликтов, которое по правовой природе обладает свойствами и уникальностью, и специфичности. Данные свойства предопределяют объективную специфику предмета

и метода правового регулирования военных отношений, отрасли военного права.

Необходимо обратить внимание на то, что вооруженное противоборство представляет собой специфический управленческий процесс, и это «роднит» его с управленческим процессом в целом, порождает управленческие связи, которые формируют административные отношения. Системообразующим здесь является то, что — военных методов ведения вооруженного противоборства. Именно управленческие процессы, состоящие из связей вооруженного противоборства, осуществляются с использованием специфичных средств — вооружения и военной техники, а также применением специфичных способов управления. Эти два объективных обстоятельства исключают какое-либо природное социальное родство с иными, «гражданскими», способами и методами осуществления управленческой деятельности. Связи в гражданской сфере деятельности государства исключают какое-либо использование и применение вооружения и военной техники для достижения управленческих целей. Ввиду объективной противоречивости, природной несхожести управленческие связи и возникающие на их основе отношения не могут входить друг в друга, происходить друг из друга, либо пересекаться. Объективные процессы формирования социальных отношений на основе различных, не пересекающихся социальных ценностей исключают нормативность их единого правового опосредования. Военно-административное право не может входить в административное право в силу совершенно различной, несовместимой, несопоставимой ценностной основы этих двух системных правовых образований.

2. Целостность системы основ военных отношений

Целостность системы основ военных отношений формирует ядро системы (отрасли права). Однако, если взглянуть еще глубже, во внутренний мир ядра, то, как отмечалось и ранее, мы увидим объект отношений военного конфликта — отношения вооруженного противоборства. Если заглянуть еще глубже, во внутреннее социальное пространство отношений вооруженного противоборства, то увидим его ценностную основу — целостную систему ценностей, являющуюся фундаментом образования иных социальных целостностей, иерархически надстроенных над ней: целостность отношений военных конфликтов, целостность права военных конфликтов, целостность военного права (системы и отрасли права).

Целостность системы ценностных основ военных отношений является ядерно-каталитическим процессом, запускающим процессы правового опосредования, правила, формы, условия, такого опосредования, т.е. всего того, что формирует ядерную оболочку правового образования (отрасль права в системе права), а также содержание метода правового регулирования

⁵ Жуков В.Н. Философия права. М., 2019. С. 159, 160.

⁶ Теория и методология юридической науки. Часть первая: Общие вопросы теории и методологии юридических наук. М., 2024. С. 244, 245.

⁷ См.: там же. С. 168.

отношений в отрасли права. Система ценностных основ требует адекватного ей объективного набора правовых средств правового опосредования, которые в совокупности и формируют метод отрасли права.

В военной сфере государства административные отношения не обладают уникальными и специфическими свойствами, способным и сформировать ядро отрасли военного права, в силу их вторичности, производности от отношений вооруженного противоборства. Они обладают иной социальной ценностью, лежащей в основе административных отношений гражданской сферы. Социальную ценность в этой сфере представляют связи и процессы, координирующие взаимодействие, функционирование всех социальных субъектов, образований, составляющих государство и общество, а также людей в целях обеспечения их существования. В качестве материальных объектов этих связей и процессов могут выступать исключительно мирные, невоенные объекты материального мира (сами представляющие материальную ценность), используемые для достижения целей существования. Посредством управленческих связей и отношений, являющихся уникальными ценностями в гражданской сфере, также обеспечивается существование государства и общества, людей. Но природа этих ценностей, сформированных на их основе связей и отношений уникально противоположна ценностям военной сферы государства.

Противоположность природы социальных ценностей, лежащих в основе военно-административных и административных отношений, формирует уникальные свойства социальных явлений, процессов и образований, сгруппированных в системные социальные и правовые образования, не однородных по своей природе в силу природной несхожести образующих их связей и отношений, в зависимости от сферы функционирования государства и общества — локальных военной или гражданской сфер.

Объективная необходимость защиты суверенитета государства, его государственной целостности и независимости как общезначимые ценности являются объективной основой существования военной сферы государства (сферы обороны). Данные ценности выступают системообразующим фактором, который обуславливает объективность существования формы защиты суверенитета государства — военные конфликты. Социальная заряженность, энергетика образующих их связей и отношений формирует правовые субстанции, совокупность которых составляет военное право — самостоятельное правовое образование в системе права.

Опорой государства также является его военная организация. Вместе с тем человечество в ходе своего эволюционного развития достаточно рано пришло к пониманию, что использование мирных способов и средств для удовлетворения своих потребностей

не всегда эффективно и зачастую не дает нужного результата. Внешняя среда государства — человечество, мировое сообщество — наполнена множеством противоречий, универсальной формой разрешения которых исторически является военный конфликт. Помогает их разрешить военная организация государства. Прежде всего его вооруженные силы. Военный конфликт порождает общественные отношения, центросиловые связи, формирующие ядро в системе внутригосударственных отношений — отношения военных конфликтов. Остальные связи обеспечивают существование центросиловых связей, процесс их концентрации, формирование в ядро социальной системы. Центросиловые связи военного конфликта, формирующие ядро, и соприкасающиеся с ним связи, непосредственно либо опосредованно, обладают специфичностью, обособленностью, наконец, целостностью.

Государство для обеспечения своего суверенитета и существования общества опирается на ценности, адекватные объективной потребности в сохранении их устойчивости, жизнеспособности и целостности. При этом государством используются способы и средства, основанные не на мирных, а на военных ценностях. Если государство подверглось агрессии, можно ли обеспечить его сохранение, используя мирные средства? Если государство объективно оценивает международную обстановку и данные разведки говорят, что в ближайшее время оно может быть подвергнуто вооруженному нападению, возможности дипломатии исчерпаны, какими средствами это государство должно обеспечить сохранение своего суверенитета? Иных способов и средств, кроме военных, не существует.

3. Военные ценности в военной сфере

Являются ли мирные и военные средства и способы государственного управления и строительства одинаковыми по своей природе? Однозначно нет. В основе мирных и военных способов и средств государственного управления и строительства лежат различные по своей природе ценности — мирные и военные. Эти ценности, используемые индивидами для достижения единой цели — сохранения государства и общества, имеют различную природную основу. Мирные ценности определяют поведение индивидов, в том числе субъектов государственного управления, нацеленное на выстраивание таких отношений, которые преимущественно направлены на сохранение человеческой жизни, личности, индивида как наивысшей ценности мироздания.

Военные средства и способы основываются на ценностях, которые допускают для сохранения государства и общества уничтожение людей. Безусловно, при обязательном соблюдении запретов и ограничений, установленных международным и внутригосударственным правом. То есть военная ценность

не абсолютна, она не предполагает безусловную возможность уничтожать людей. Но при соблюдении определенных правил уничтожение людей допускается. В основе этой ценности лежит уже не сохранение человеческой жизни, а сохранение государства и общества путем военного противоборства, использования оружия.

Военная ценность, которая удовлетворяет потребности сохранения государства и общества военным (вооруженным) путем, обуславливает формирование цели для удовлетворения суверенных потребностей. Достижение военных целей объективно предполагает создание адекватных и необходимых условий их достижения. В результате государство формирует правовое опосредование военных отношений, базирующееся на военных ценностях.

Военные ценности — это ценности, не создающие условия *обеспечения* военного противоборства, а создающие условия собственно военного (вооруженного) противоборства; это ценности, основанные на историческом опыте защиты и реализации государственных, общественных и личных интересов на определенном мировоззренческом уровне, отражающем наиболее объективные способы и методы ведения войны (военного/вооруженного противоборства), которые в совокупности составляют военное искусство. В силу того, что военные ценности допускают уничтожение людей и индивидов при соблюдении запретов и ограничений, они объективно требуют формирования определенной, обособленной материальной и идеальной среды. Речь идет о военной организации государства, точнее только о ее ключевом звене — вооруженных силах, и идеальной (субъективной) правовой среде, которая оформляет поведение войск, обуславливает военную управленческую деятельность на основе военных ценностей, сформированных исторически в процессе возникновения и развития человеческой цивилизации.

Вооруженные силы как целостная система при функционировании опираются на мирные ценности (эстетические, культурные, политические, управленческие и иные, но мирные), т.к. они являются частью гражданского общества, и многие процессы их жизнедеятельности протекают в мирной среде. Но в силу имманентности противоречий человеческой цивилизации объективно необходимым элементом мирового социума являются отношения военного конфликта. Это не означает, что каждый член мирового сообщества постоянно находится в состоянии войны с другими членами. Отношения военного конфликта обуславливают наличие соответствующего правового образования, системы норм, которые издаются преимущественно до возникновения военного конфликта. На это обращает внимание проф. Ю.С. Ромашев: «При моделировании боевых действий важно учитывать и внутригосударственную нормативную

правовую базу, регламентирующую их ведение, требования боевых уставов и наставлений по обеспечению боевых действий при неукоснительном соблюдении норм международного права»⁸.

Более того, значимым элементом отношений военного конфликта является боевая подготовка к участию в таком конфликте. Так как боевая подготовка создает условия для наиболее успешного осуществления боевой деятельности в ходе военного конфликта, она также относится к отношениям военного конфликта. Нормативная правовая основа боевой подготовки составляет значимую часть права военных конфликтов.

Таким образом, вооруженные силы государства как системное социальное образование постоянно существуют в двух средах — мирной и военной. Соответственно этим средам оформлены правовые надстроечные системные образования — совокупности норм, входящие в отрасли права условно называемой «мирной» среды (гражданское право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право и т.д.), и совокупности норм права, входящие в системные правовые образования военной среды, прежде всего в ее правовое ядро — право военных конфликтов, являющееся правовой надстройкой военно-боевой среды, вокруг которого сформировано военное право.

Когда противоречия между государствами невозможно разрешить мирным путем, вооруженные силы начинают функционировать в совершенно иной, обособленной от мирной, военно-боевой среде, в которой превалируют военные ценности. Эти ценности предопределяют поведение военнослужащих. В результате их основанной на военных ценностях поведенческой деятельности образуются особые, обособленные от мирной среды, военно-боевые связи, которые формируют в национальной безопасности вполне самостоятельную, специфичную область военной безопасности.

Ядром военной безопасности являются отношения военных конфликтов, которые порождают надстроечное правовое явление, правовое опосредование этих отношений — право военных конфликтов. Речь не о военно-административных отношениях, которые не настолько специфичны, чтобы сформировать социальную целостность, речь об отношениях военно-боевых, возникающих на поле боя, на фронте, театре военных действий. Это — боевые управленческие отношения. Вначале они опосредовались таким нормативным регулированием, как военные обычаи. Но уже более тысячи лет эти отношения имеют вполне определенное нормативное опосредование, содержание которого предопределяется военными ценностями.

⁸ Модели военных, боевых и специальных действий / под ред. Д.А. Новикова. М., 2025. С. 77.

Это нормативное правовое опосредование исключительно специфично в силу того, что его природа определяется иными ценностями, чем при мирном правовом регулировании. Оно обособленно, оно связывает бойцов в военных конфликтах в единое целое на основе военных ценностей, образуя обособленную целостность общественных отношений военных конфликтов и опосредующего их правового образования — права военных конфликтов.

В силу своего генезиса, природной несхожести, ценностной противоположности мирной среде системное социальное образование — отношения военных конфликтов, и их надстроечное правовое опосредование — право военных конфликтов, объективно не могут входить в единые с мирной средой социальные системы (сферы социальной действительности). Они представляют собой самостоятельные, суверенные социальные системные целостности, на основе которых в правовой материи формируется самостоятельное целостное образование — отрасль военного права в российской системе права, ядром которой является право военных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернацких И.В.* Военная сфера жизни общества: сущность, особенности и структура // *Армия и общество*. 2013. № 3 (35). С. 20.
2. *Бернацких И.В.* Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. С. 23.
3. *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2019. С. 159, 160.
4. *Ксенофонтов В.А.* Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства // *Труды БГТУ*. Сер. 6. 2021. № 2. С. 88.
5. *Кудашкин В.В.* О сущности и роли военно-административных отношений в военном праве // *Государство и право*. 2025. № 7.
6. *Кудашкин В.В.* Ядро отрасли как системно-структурное основание (критерий) военного права // *Государство и право*. 2025. № 6.

Сведения об авторе

КУДАШКИН Владимир Васильевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, статс-секретарь АО «Рособоронэкспорт»; 107076 г. Москва, ул. Стромынка, д. 27; главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

7. Модели военных, боевых и специальных действий / под ред. Д.А. Новикова. М., 2025. С. 77.
8. *Ольшевский В.Г.* Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // *Вестник Военного ун-та*. 2010. № 2 (22). С. 116.
9. Теория и методология юридической науки. Часть первая: Общие вопросы теории и методологии юридических наук. М., 2024. С. 168, 244, 245.
10. *Худякова Н.Л.* Ценностные основы социальных отношений // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2012. № 4 (258). С. 9.

REFERENCES

1. *Bernatskikh I.V.* The military sphere of society: essence, features and structure // *Army and society*. 2013. No. 3 (35). P. 20 (in Russ.).
2. *Bernatskikh I.V.* Modernization of the military sphere of modern Russian society: military and political analysis: dis. ... Candidate of Political Sciences. M., 2018. P. 23 (in Russ.).
3. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. M., 2019. Pp. 159, 160 (in Russ.).
4. *Ksenofontov V.A.* The military sphere of national security as a condition for the social well-being of the state // *Proceedings of BSTU*. Ser. 6. 2021. No. 2. P. 88 (in Russ.).
5. *Kudashkin V.V.* On the essence and role of military-administrative relations in Military Law // *State and Law*. 2025. No. 7 (in Russ.).
6. *Kudashkin V.V.* The core of the industry as a system-structural basis (criterion) of Military Law // *State and Law*. 2025. No. 6 (in Russ.).
7. Models of military, combat and special actions / ed. by D.A. Novikov. M., 2025. P. 77 (in Russ.).
8. *Olshevsky V.G.* The military sphere in the social structure of society: methodological background of the analysis // *Herald of the Military University*. 2010. No. 2 (22). P. 116 (in Russ.).
9. Theory and methodology of legal science. Part one: General issues of theory and methodology of legal sciences. M., 2024. Pp. 168, 244, 245 (in Russ.).
10. *Khudyakova N.L.* Value foundations of social relations // *Herald of the Chelyabinsk State University*. 2012. No. 4 (258). P. 9 (in Russ.).

Authors' information

KUDASHKIN Vladimir V. — Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, State Secretary of JSC “Rosoboronexport”; 27 Stromynka str., 107076 Moscow, Russia; Chief Researcher of the Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347

О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2025 г. В. В. Гавричков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: vgavrichkov@gmail.com

Поступила в редакцию 25.07.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса кредитных организаций, особенно-стью которого является сочетание частноправовой и публично-правовой природы. Анализируются проблемы реализации кредитными организациями публично-правовых функций, проявляющиеся в правовых коллизиях, судебных спорах и дисбалансе ответственности. Исследуется российский и зарубежный опыт правового оформления участия банков в реализации государственной финансовой политики. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости разработки правового инструментария, обеспечивающего баланс целей реализации частноправовых и публичных функций кредитных организаций, а также способствующего переориентации банков на кредитно-инвестиционную деятельность.

Ключевые слова: кредитные организации, банки, правовой статус, публично-правовые функции, частное право, публичное право, конфликт интересов, гармонизация, юридическое лицо публичного права, уполномоченный банк, ПОД/ФТ.

Цитирование: Гавричков В. В. О двойственной природе правового статуса кредитных организаций // Государство и право. 2025. № 10. С. 133–141.

DOI: 10.31857/S1026945225100121

ON THE DUAL NATURE OF THE LEGAL STATUS OF CREDIT INSTITUTIONS

© 2025 V. V. Gavrichkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: vgavrichkov@gmail.com

Received 25.07.2025

Abstract. The article explores the legal status of credit institutions, characterized by its dual private-law and public-law nature. It analyzes the challenges arising from credit institutions performing public-law functions, manifested in legal conflicts, judicial disputes, and imbalances in liability. The Russian and foreign experience in legally formalizing the role of banks in implementing state financial policy is examined. Based on the analysis, the article concludes that it is necessary to develop legal mechanisms ensuring a balance between the objectives of fulfilling credit institutions' private-law and public functions, while also facilitating their reorientation towards core credit and investment activities.

Key words: credit institutions, banks, legal status, public law functions, private law, public law, conflict of interests, harmonization, public law legal entity, authorized bank, AML/CFT.

For citation: Gavrichkov, V.V. (2025). On the dual nature of the legal status of credit institutions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 133–141.

Введение

Современные кредитные организации (банки и небанковские кредитные организации) занимают особое место в механизме реализации финансовой политики государства. С одной стороны, они являются коммерческими юридическими лицами, преследующими в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, с другой — на них законом возлагаются отдельные публично-правовые функции, осуществляемые в интересах общества и государства.

Пандемия, международные санкции и экономические кризисы последних лет усилили значение банковского сектора в обеспечении финансовой стабильности России, что актуализирует научную задачу, заключающуюся в исследовании соотношения частноправовых и публично-правовых начал в правовом статусе кредитных организаций.

Несмотря на то что исследование правового статуса банков в отечественной юридической науке получило активное развитие с 90-х годов XX в. и явилось важным направлением формирования теории банковского права¹, большинство исследований были подготовлены достаточно давно, без учета новых экономических реалий.

На сегодняшний день недостаточно изучены административно-правовые² и финансово-правовые³ механизмы регулирования банковской системы, соотношение публичных и частных функций банков, пределы их властных полномочий и коммерческих интересов. Указанное обуславливает необходимость всестороннего анализа правового статуса кредитных организаций в контексте их участия в осуществлении государственной финансовой политики.

Ключевая проблема заключается в отсутствии законодательного признания и нормативного оформления двойственной природы правового статуса банков, что порождает правовые коллизии между императивными публично-правовыми обязанностями кредитных организаций и диспозитивными нормами частного права, регулирующими их основную деятельность, а также отношения с участниками гражданского оборота.

Учитывая изложенное, целью данной статьи является исследование частноправовых и публично-правовых начал в правовом статусе кредитных

организаций, а также разработка на основе анализа отечественного и зарубежного законодательства правового инструментария, обеспечивающего гармонизацию преследуемых банками коммерческих целей и реализуемых ими публично-правовых функций.

1. Кредитные организации как субъекты финансового права

В науке финансового права выработан консенсус о том, что кредитные организации обладают комплексной правосубъектностью, сочетающей элементы частного и публичного права. В частности, в литературе выделяется финансовая правосубъектность кредитных организаций, под которой понимается компетенция юридических лиц публичного права, а также совокупность принадлежащих им прав и обязанностей публичного характера, обусловленных функциями государства и муниципальных образований в финансовой сфере⁴.

Банки и иные финансовые организации действуют не только в частных коммерческих интересах, но наделяются законом особой компетенцией для реализации публичных функций (стабильность денежного обращения, формирование и распределение публичных фондов, финансовый контроль и мониторинг и т.д.). При этом в литературе подчеркивается, что подобная специализация не зависит от формы собственности банка или его организационно-правовой формы — важна сама роль, инициируемая государством⁵. Такой подход фактически вводит в научный оборот категорию «юридическое лицо публичного права» применительно к кредитным организациям, несмотря на отсутствие в гражданском законодательстве прямого закрепления этой организационно-правовой формы для банков.

Многоаспектность статуса кредитных организаций отмечают Н.А. Саттарова и И.Г. Гараев, указывая, что права и обязанности банков регламентируются нормами различных отраслей — конституционного, гражданского, административного, банковского, налогового права, что порождает вопрос о приоритете тех или иных норм в конкретных ситуациях⁶.

¹ См.: Тосунян Г.А. Банковское дело и банковское законодательство в России (опыт, проблемы, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

² См.: Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / под общ. ред. В.Н. Плигина. М., 2025.

³ См.: Правовое регулирование финансового рынка России / ред. М.Н. Кобзарь-Фролова; отв. ред. С.В. Запольский; науч. ред. Е.Л. Васянина. М., 2023.

⁴ См.: Рыбакова С.В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 11.

⁵ См.: Лысова Ю.В. О правовом статусе кредитных и некредитных финансовых организаций при реализации ими публично-правовых функций // Хозяйство и право. 2020. № 12. С. 64–74.

⁶ См.: Саттарова Н.А., Гараев И.Г. Особенности правового положения коллективных субъектов финансового права // Финансовое право. 2010. № 6. С. 17–21.

Ю.А. Загороднев характеризует правовую природу банков как «тройственную»: банк одновременно выступает субъектом, действующим в собственных интересах; субъектом, осуществляющим хозяйственную деятельность в публичных интересах посредством банковских операций; и субъектом, реализующим публичные функции непосредственно⁷. Такой вывод сделан на основе анализа финансово-правовой ответственности банков, так как выполнение публичных задач влечет за собой особые основания ответственности. В частности, особый статус банков в налоговых правоотношениях подтверждается наличием в Налоговом кодексе РФ самостоятельных составов правонарушений и санкций для кредитных организаций (гл. 18 НК РФ (часть первая)).

А.В. Брызгалин еще ранее отмечал, что наличие в Налоговом кодексе РФ специальной главы об ответственности банков отражает деликтоспособность кредитных организаций как специальных субъектов налоговых правоотношений, наделенных особыми публичными обязанностями⁸. Это законодательное закрепление обязанностей и ответственности кредитных организаций, выходящих за пределы гражданско-правового регулирования, служит прямым подтверждением их особого публично-правового статуса в налоговой сфере.

Существуют попытки типологизировать кредитные организации по признаку преобладающего интереса, публичного или частного. Так, Е.Н. Горлова предложила подразделять их на публичные и частные кредитные организации⁹. Публичные кредитные организации — это кредитные организации, учрежденные публично-правовым образованием и действующие преимущественно в публичных интересах. К ним отнесены прежде всего особые институты, созданные государством: Банк России, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», финансовый институт развития «ДОМ.РФ». На каждый из этих институтов специальными законами возложены уникальные публичные функции, составляющие ядро их правового статуса. Более того, на сегодняшний день сложилась ситуация, когда произошло расщепление функции по управлению денежно-кредитной

сферой между Банком России и финансовыми институтами развития¹⁰.

Банк России — независимый публично-правовой институт, наделенный уставной целью обеспечения стабильности рубля и развитой системой регуляторных полномочий¹¹. Однако Банк России по своей природе также кредитная организация (некоммерческая): ему разрешено совершать банковские операции с другими банками и международными организациями, обслуживать счета государственных органов, хотя получение прибыли не является целью его деятельности. Его правовой статус сочетает властные полномочия регулятора и приватно-правовые операции банка, причем последние служат достижению публичных целей (например, кредитование банков для поддержания ликвидности денежной системы)¹².

Другой пример — финансовый институт развития «ВЭБ.РФ». Будучи учрежденным государством в форме государственной корпорации (некоммерческого института развития), он осуществляет банковские операции не для извлечения прибыли, а для реализации государственной экономической политики (инвестирование стратегических проектов, поддержка экспорта и пр.)¹³. Соответственно, ВЭБ.РФ освобожден от уплаты налога на прибыль, на него возложены отдельные функции агента Правительства РФ и уполномоченного института в ряде сфер.

Е.Н. Горлова также считает, что публичными кредитными организациями могут считаться и коммерческие банки, в капитале которых доминирует государство или муниципальные образования (т.е. государственные банки). В России сейчас несколько десятков таких банков. Их особенность — сочетание коммерческой организации и публично-правового статуса акционерного общества с государственным участием, преследующего помимо прибыли еще и государственные интересы.

Отдельного внимания заслуживает категория «уполномоченных банков», являющаяся примером делегирования государством конкретных публичных полномочий определенным кредитным организациям. Законодательство Российской Федерации использует термин «уполномоченный банк» в разных контекстах, не давая общего определения.

¹⁰ См.: Запольский С.В., Васянина Е.Л. Правовые аспекты функционирования финансового рынка России // Государство и право. 2023. № 9. С. 137–146.

¹¹ См.: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ст. 3) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

¹² См.: Горлова Е.Н. Указ. соч.

¹³ См.: Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»» (ст. 3) // СЗ РФ. 2007. № 22, ст. 2562.

⁷ См.: Загороднев Ю.А. Кредитные организации как субъекты финансово-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 10.

⁸ См.: Брызгалин А.В. Ответственность банков за нарушения в сфере налоговых правоотношений // Налоги и финансовое право. 2011. № 11. С. 88.

⁹ См.: Горлова Е.Н. Кредитные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 9.

По сути, речь идет о случаях, когда банк действует как агент государства в той или иной сфере финансовых отношений. Например, в сфере валютного регулирования уполномоченные банки — это кредитные организации, имеющие лицензию на операции с иностранной валютой и выполняющие функции агентов валютного контроля. Они осуществляют предварительный и текущий контроль валютных операций своих клиентов, сотрудничая с органами валютного надзора. По смыслу валютного законодательства уполномоченные банки выступают особым субъектом валютных отношений, близким к государственным органам (отличие — отсутствие права применять меры ответственности). Фактически государство делегирует часть контрольных полномочий коммерческим организациям (банкам) в целях осуществления эффективного валютного контроля.

В сфере долевого жилищного строительства уполномоченные банки отбираются Банком России по критериям устойчивости для открытия специальных эскроу-счетов дольщиков. Банк «ДОМ.РФ», будучи полностью государственным, также включен в перечень таких банков наряду с частными. Соответствующие банки безвозмездно ведут счета эскроу (без выплаты процентов клиентам), фактически контролируя целевое использование средств застройщиками. Коммерческий интерес банков при этом обеспечивается за счет выдачи кредитов застройщикам (косвенная выгода). Государство, по сути, возлагает на банки дополнительную обязанность, заключающуюся в гарантировании сохранности средств граждан и контроля за застройщиками в публичных интересах.

В сфере гособоронзаказа опорным банком является ПАО «Промсвязьбанк», через который проводятся расчеты по оборонным контрактам, отслеживаются операции исполнителей, передаются сведения в госинформсистему и т.д.¹⁴ Кроме прочего, этот банк обязан иметь лицензию на работу со сведениями, составляющими государственную тайну.

В агропромышленном комплексе при субсидировании льготных кредитов также упоминаются «уполномоченные банки», хотя, по мнению Г.Ф. Ручкиной, правильнее называть их «банками-агентами», поскольку эти банки не получают никаких властных полномочий, а лишь выступают посредниками для выплаты субсидий¹⁵.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном оборонном заказе» (п. 4.3 ст. 3).

¹⁵ См.: Ручкина Г.Ф. Особые условия допуска кредитных организаций к отдельным сферам экономической деятельности: к вопросу о понятии «уполномоченные банки» // Банковское право. 2021. № 1. С. 7–16.

В системе страхования вкладов действует механизм отбора банков-агентов Агентства по страхованию вкладов, через которые выплачиваются возмещения вкладчикам при банкротстве банков. Особенностью таких отношений является то, что участие банка-агента добровольно и возмездность отсутствует (агентское вознаграждение не платится, выгода состоит в привлечении новых клиентов-вкладчиков).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что правовой статус кредитных организаций в финансовом праве носит особый, смешанный характер. Банки остаются субъектами частного права (юридическими лицами, заключающими сделки, несущими имущественную ответственность), но одновременно наделяются публично-правовыми функциями, принимая активное участие в осуществлении государственной финансовой политики.

2. Проблемы реализации банками публично-правовых функций

Отсутствие законодательного закрепления двойственной природы правового статуса кредитных организаций и четких границ реализации ими публичных функций порождает ряд серьезных проблем.

Возникают противоречия между императивными публично-правовыми нормами и диспозитивными нормами частного права, регулирующими деятельность одних и тех же субъектов. Эти противоречия особенно остро проявляются при усилении регуляторных требований. Например, в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ), валютного контроля, исполнения фискальных обязанностей. Банки, действуя как бизнес-структуры, нередко вынуждены поступаться собственными коммерческими интересами ради выполнения возложенных публичных функций¹⁶.

Так, на стыке публичного и частного права во круг банковской деятельности уже возникло немало спорных ситуаций, отраженных в судебной практике. Отсутствие в законе прямого указания на «двойственную природу» банков приводит к тому, что суды зачастую рассматривают банк как обычное коммерческое юридическое лицо, даже когда он действует во исполнение публично-правовых обязанностей. В результате банки несут гражданско-правовую ответственность перед клиентами в общем порядке, без учета выполнения ими публичной функции. Например, при отказе банка провести операцию клиента, содержащую

¹⁶ См.: Карамов И.Ф. К вопросу о правовом механизме компенсации финансовых издержек агентов финансового мониторинга // Финансовое право. 2014. № 10.

признаки подозрительной операции (сделки) в соответствии с законодательством о ПОД/ФТ, клиент может потребовать возмещения убытков за неисполнение договорных обязанностей, и суды нередко встают на его сторону¹⁷. Типичная ситуация: банк, выявив «необычные» транзитные операции по счету компании, блокирует дистанционное банковское обслуживание и запрашивает обоснование экономического смысла проводимых клиентом операций. Пока клиент собирает документы, его хозяйственная деятельность фактически парализована (так как в современном мире невозможность дистанционно проводить платежи является серьезным препятствием в осуществлении хозяйственной деятельности). Если впоследствии не обнаружится доказанных нарушений закона со стороны участника гражданского оборота, действия банка часто признаются неправомерными, как ограничивающие права клиента без достаточных оснований. В таком случае с банка могут быть взысканы убытки, в частности, формирующиеся из неустоек за просрочку перед контрагентами клиента¹⁸.

Анализ арбитражной практики последних лет показывает, что предприниматели все чаще успешно оспаривают блокировку счетов и одностороннее прекращение договоров со стороны банков под предлогом исполнения законодательства о ПОД/ФТ. Так, в одном из дел московские суды трех инстанций полностью удовлетворили требования компании к АО «Тинькофф Банк», признав незаконным ограничение обслуживания, и взыскали с банка все заявленные убытки (неуплаченная прибыль по контрактам, переплата налогов, неустойки и пр.). Банк ссылаясь на необходимость исполнения обязанностей по ПОД/ФТ, однако суд установил, что после предоставления участником гражданского оборота запрошенных документов у банка не оставалось реальных подозрений, но обслуживание не возобновлялось неоправданно долго¹⁹. Это и ряд аналогичных судебных дел (с другими банками в разных регионах) показывают несбалансированность ответственности.

¹⁷ См., напр.: Арбитражный суд г. Москвы, дело № А40-27585/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6e341d61-a5ea-4813-9d82-435c6ba48750>; Арбитражный суд Краснодарского края, дело № А32-29429/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b64203a8-f45c-4ac4-be00-fce601a78d8b>

¹⁸ BGMP (Адвокатское бюро). Ограничение банковского обслуживания: 10 споров, в которых суд признал действия банка неправомерными. URL: <https://bgmp.ru/analytics/dajdzhesty/osparivanie-ogranichenija-bankovskogo-obsluzhivanija-10-sporov-v-kotoryh-sud-priznal-dejstvija-banka-nepravomernymi/> (дата обращения: 08.07.2025).

¹⁹ См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.05.2019 г. по делу № А40-89989/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/70d45e7f-d931-498d-a9e8-c131127759af/76c86f2a-c30a-45ca-9945-d55e86fac31f/A40-89989-2019_20190529_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

Росфинмониторинг и Банк России требуют от банков ограничивать проведение подозрительных операций, а суды потом взыскивают с банков убытки за блокировку счетов, если в суде не будет доказано реальное нарушение закона со стороны хозяйствующего субъекта.

Между тем банк не является правоохранительным органом и может указывать лишь на то, что спорные операции клиента являются подозрительными на основании Методических рекомендаций финансового мегарегулятора для блокировки счетов. Банки фактически оказываются «меж двух огней», нарушение публичных обязанностей грозит санкциями надзорных органов (вплоть до отзыва лицензии), а усердное исполнение этих обязанностей — судебными исками от клиентов.

В некоторых ситуациях происходят коллизии между различными публичными функциями. Например, банк в целях ПОД/ФТ заморозил средства на счете клиента, подозреваемого им в сомнительных операциях. В то же время по этому же счету поступил исполнительный лист о взыскании долга. Банк оказывается перед дилеммой, исполнить судебное решение или соблюсти режим блокировки. Верховный Суд РФ указал, что исполнение судебного акта не может быть поставлено в зависимость от процедур финансового мониторинга, требования ПОД/ФТ не отменяют обязанности банка исполнять решения судов²⁰. Таким образом, приоритет отдан защите прав взыскателя, а не подозрениям банка. Но банк в таком случае рискует нарушить предписание Росфинмониторинга, Банка России, если разблокирует средства, понимая, что исполнительный лист мог быть получен именно для целей проведения неправомерных банковских операций (например, в результате признания несуществующего долга в суде). Подобные дела показывают отсутствие системного механизма координации разных направлений деятельности банка.

При этом законодательство не предусматривает компенсации затрат кредитных организаций на реализацию публичных обязанностей. Все расходы на создание систем внутреннего контроля, обучение сотрудников, проверки транзакций, хранение данных и т.п. кредитные организации несут за свой счет. В результате, косвенно, некоторые банки пытаются переложить такие затраты на клиентов (повышая комиссии, вводя платные тарифы за комплаенс-анализ операций и др.), что, в свою

²⁰ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.07.2024 г. по делу № А40-76579/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9de06d48-118e-4519-9289-9e8718b976ed/a33f24d6-12ef-487b-a3b6-5ca530319ad0/A40-76579-2023_20240718_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

очередь, вызывает новые споры и недовольство клиентов.

В литературе предлагаются пути решения данной проблемы. Например, выдвигается идея правового механизма компенсации финансовых издержек агентов финансового мониторинга со стороны государства²¹. И.Ф. Карамов обосновал, что если частные организации привлекаются к выполнению надзорных функций, целесообразно предусмотреть возмещение им понесенных убытков, чтобы стимулировать сотрудничество с государством без ущерба для частноправовых интересов. Пока подобные предложения не реализованы, банки вынуждены включать издержки комплаенса в свою тарифную политику.

Обобщая судебную практику, можно констатировать, что правоприменение пока не выработало единообразного подхода к оценке действий банков, балансирующих между реализацией публичных функций и достижением коммерческих целей.

Отсутствие специального иммунитета или пониженной ответственности для банков, добросовестно исполняющих публичные функции, создает ситуацию правовой неопределенности. Это сдерживает инициативу банков в реализации государственных программ. Опасаясь судебных рисков, банки могут формально подходить к ПОД/ФТ или отказываться от участия в отдельных проектах. Одновременно это приводит к ослаблению гарантий защиты прав клиентов банков. Они сталкиваются с чрезмерно жесткими мерами (например, блокировки дистанционного банковского обслуживания без объяснения причин и без возможности быстро восстановить обслуживание). В конечном счете такое положение дел вредит и достижению публичных целей, и стабильности банковского сектора.

3. Зарубежные правовые модели участия банков в осуществлении государственной финансовой политики

Отечественная дискуссия о правовом статусе кредитных организаций имеет параллели за рубежом. Во многих странах банки выполняют публично значимые функции, хотя формально они являются частными компаниями. Международные стандарты (Базельские соглашения, рекомендации ФАТФ и др.) требуют от банков проводить меры по противодействию отмыванию денежных средств, полученным преступным путем, и финансированию терроризма, соблюдать нормативы финансовой устойчивости, выступать агентами налоговых органов и т.п. Тем не менее подходы к юридическому оформлению этой двойственной роли иногда различаются.

²¹ См.: Карамов И. Ф. Указ. соч. С. 35–38.

В ряде стран континентальной Европы прямо созданы особые организационно-правовые формы для финансовых институтов с публичными задачами. Классическим примером являются сберегательные кассы Германии (*Sparkassen*). Эти учреждения с конца XVIII в. создавались муниципалитетами для развития местной экономики. По немецкому праву *Sparkassen* — это не хозяйственные общества, а учреждения публичного права, обладающие юридической и экономической самостоятельностью²². Они функционируют под опекой местных органов самоуправления, но не являются их собственностью, их деятельность регламентируется особыми законами земель о сберегательных кассах, устанавливающими публичный мандат — поддержку регионального развития, финансовую доступность для населения, устойчивость местной экономики²³. Фактически эффективность *Sparkassen* оценивается не только по прибыли, но и по вкладу в общественное благосостояние. Их правовой статус уникален: сберегательные банки, по сути, — кредитные институты, действующие на основе публичного права. При этом они продолжают конкурировать на рынке банковских услуг, оставаясь самостоятельными в операционной деятельности. Опыт *Sparkassen* показывает, что возможно институционально оформить банк как публично-правовой субъект со специальной миссией. В Российской Федерации аналогичной правовой конструкции пока нет (государственные банки оформляются как хозяйственные общества).

В других юрисдикциях (например, США, Великобритания) банки традиционно рассматриваются как частные корпорации, но обремененные регуляторными обязанностями. Законодатель стремится сбалансировать публичные и частные интересы через специальные механизмы. Так, в ряде стран установлены гарантии невмешательства судов в деятельность банков по выполнению регуляторных требований. К примеру, в праве США применяется принцип «безопасная гавань» (*safe harbor*) для банков, сообщающих о подозрительных транзакциях. При условии соблюдения предписаний по финансовому мониторингу банк освобождается от гражданско-правовой ответственности перед клиентом за раскрытие информации и блокировку счетов, совершенные в рамках закона.

²² См.: Sparkasse Aachen. Банковские отношения, информация Sparkasse Aachen. URL: https://www.sparkasse-aachen.de/de/home/ihre-sparkasse/zahlen_fakten/banking_relations.html (дата обращения: 08.07.2025).

²³ См.: Centre for Public Impact. Сберегательные кассы Sparkassen в Германии. URL: <https://centreforpublicimpact.org/public-impact-fundamentals/sparkassen-savings-banks-in-germany/#Clarity-of-objectives> (дата обращения: 08.07.2025).

В европейских странах также действуют нормы о приостановлении подозрительных операций. Банк обязан заморозить транзакцию и сообщить в орган финансовой разведки (FIU) при малейшем подозрении и не возобновлять ее без разрешения властей в установленный срок²⁴.

Судебные разбирательства по соответствующим спорам не редки и в этих юрисдикциях. Так, в Германии суды часто встают на сторону клиентов, если банк необоснованно долго держит счет заблокированным после отправки сообщения о подозрительной операции. По закону банк не должен выполнять операцию, пока FIU не даст разрешение²⁵. Тем не менее есть случаи, когда некоторые банки блокируют счета на довольно длительный срок, ссылаясь на отсутствие явного сигнала от властей. Недавняя судебная практика в Германии пошла по пути взыскания с банков убытков и расходов клиентов, вызванных несправедливой блокировкой счетов, подчеркнув, что подача сообщения о подозрении не дает банку «лицензии» замораживать счета на неопределенный срок²⁶. Чтобы избежать такой ответственности, банкам рекомендуется самостоятельно периодически пересматривать обоснованность продления блокировки счета с учетом принципа соразмерности. Этот опыт подтверждает, что судебный контроль чрезвычайно важен для соблюдения баланса интересов.

Отдельно следует упомянуть ситуацию, когда банки фактически становятся проводниками чужой публичной политики. Пример: американский Закон FATCA 2010 года, обязавший иностранные банки по всему миру идентифицировать клиентов — резидентов США и передавать информацию о них в Налоговое управление США (IRS) либо удерживать 30% от выплат по их счетам в пользу США. По сути, FATCA превратил зарубежные банки в агентов американской налоговой службы, что вызвало широкий международный резонанс²⁷. Этот случай беспрецедентен — одна страна через финансовое законодательство наложила на иностранные кредитные организации обязанности по реализации своей налоговой политики. По сути, американский Закон FATCA является примером экстерриториального использования банковской системы в публичных целях. Данный

пример подчеркивает общемировую тенденцию увеличения роли банков как инструментов государственной (а подчас — и межгосударственной) политики. Это требует осмысления механизмов ответственности и стимулов, чтобы банки надлежащим образом исполняли возложенные задачи, не подрывая доверия своих клиентов и не неся неоправданных потерь.

В контексте обсуждения реформ российского банковского сектора заслуживает внимания инициатива Ассоциации российских банков (далее — АРБ) о переходе к «трехуровневой» банковской системе²⁸. В 2022 г. АРБ предложила структурировать банки России, поделив их на три группы с учетом их значимости и функций. Согласно этой концепции первый уровень должны составить системно значимые кредитные организации (СЗКО) — крупнейшие банки, от стабильности которых зависит финансовая система в целом. К этой категории могут относиться специализированные финансовые институты, созданные государством для реализации публичных задач (например, АО «Банк ДОМ.РФ» в сфере жилищного финансирования, АО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства и т.п.). Второй уровень отдается регионально значимым банкам, рассматриваемым как опорные финансовые институты для развития кредитования малого и среднего предпринимательства и населения в регионах своего присутствия. Третий уровень должны составить прочие коммерческие банки, не входящие в первые две группы. При этом обращается внимание на то, что необходимо разработать программу поддержки малых и средних коммерческих банков, обеспечивающую не декларативные, а реально равные условия конкуренции с СЗКО и банками с государственным участием.

Таким образом, предложение АРБ направлено на то, чтобы законодательно закрепить дифференциацию банков в зависимости от их роли в развитии экономики. Это позволит более четко разграничить публично-правовые функции и коммерческую деятельность в банковской сфере.

Прослеживается, что данная инициатива во многом навеяна успешным опытом КНР, где фактически существует трехуровневая организация банковской системы с выделением особой роли государственных банков развития и крупнейших коммерческих банков. Российские эксперты прямо указывают на востребованность изучения китайского опыта в реформировании банковского

²⁴ См.: *Rödl & Partner*. Стоит принять меры против необоснованной блокировки аккаунта... URL: <https://www.roedl.com/insights/anti-money-laundering-unjustified-account-blocking#:~:text=affected> (дата обращения: 08.07.2025).

²⁵ См.: там же.

²⁶ См.: там же.

²⁷ См.: Reuters. Critics say new law makes them tax agents. URL: <https://www.reuters.com/article/markets/wealth/critics-say-new-law-makes-them-tax-agents-idUSTRE771382/> (дата обращения: 08.07.2025).

²⁸ См.: Письмо Ассоциации российских банков (АРБ) от 16.05.2022 № А-02/1Ск-199. URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_predsedatelyu_banka_rossii_nabiullinoy_e_s_-10561394/?ysclid=mebpuxsgu5604283663

сектора России²⁹. Предлагаемая модель могла бы позволить сконцентрировать усилия государственных банков на решении государственных задач развития (инфраструктурные проекты, приоритетные отрасли), в то время как остальные коммерческие банки работали бы на конкурентных началах, обеспечивая широкий спектр услуг экономике.

Исходя из вышеизложенного, с одной стороны, предложенное разграничение публичных и коммерческих функций позволит повысить прозрачность и предсказуемость регулирования. А каждый уровень банковской системы будет охвачен особым режимом надзора и нормативных требований, соразмерных масштабу и значению банка.

Однако, с другой стороны, давая оценку предложенному АРБ подходу, необходимо учитывать следующее. Во-первых, формальная многоуровневая градация банков уже отчасти присутствует в сложившемся правовом регулировании (например, разделение банков на банки с базовой и универсальной лицензией, выделение СЗКО нормативными актами Банка России).

Во-вторых, успешность китайской модели связана не только с многоуровневостью, но и с высокой долей участия государства в банковском секторе КНР. В России же АРБ, напротив, предлагает добиться снижения доли государства в капитале банков к 2030 году.

В-третьих, реализация трехуровневой системы потребует четких правовых критериев отнесения банков к тому или иному уровню, а также механизмов перехода между уровнями (например, рост банка из третьего уровня до второго при увеличении его значимости). Эти вопросы требуют тщательной проработки, чтобы новая система не привела к излишней сегментации рынка или неоправданным предпочтениям.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает наличие противоречия между коммерческой природой кредитных организаций и возложенными на них публично-правовыми функциями. Отсутствие законодательного признания и четкого нормативного оформления двойственной природы правового статуса банков в Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» является коренной причиной правовой неопределенности, порождающей коллизии, судебные споры и дисбаланс ответственности кредитных организаций.

²⁹ См.: Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В., Гун Нань. Современная банковская система Китайской Народной Республики // Хозяйство и право. 2024. № 9 (572). С. 111–121.

Эффективность государственной финансовой политики, в осуществлении которой важную роль играют банки, зависит от гармоничного сочетания публично-правовых и коммерческих начал в процессе осуществления банковской деятельности.

Для преодоления конфликтов и разрешения спорных ситуаций, вызванных неопределенностью правового статуса кредитных организаций, целесообразно закрепить в законодательстве наряду с коммерческими целями публичные задачи кредитных организаций посредством внесения соответствующих дополнений в ст. 1 Закона «О банках и банковской деятельности». Это позволит придать банкам официальный статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции.

Такой шаг также потребует разработки специальных норм об ответственности кредитных организаций, возможно, посредством введения исключений из общих правил возмещения убытков, если претензии к кредитной организации появились из-за исполнения публично-правовых обязанностей.

Баланс целей реализации частноправовых и публично-правовых функций может быть достигнут посредством разработки правового инструментария, обеспечивающего переориентацию кредитных организаций на кредитно-инвестиционную деятельность.

В контексте изложенного интересными представляются зарубежные модели правового обеспечения участия банков в осуществлении государственной финансовой политики. Например, в Германии переориентация на инвестиции в реальный сектор экономики происходит посредством законодательного закрепления особого публичного статуса банков. Опыт Китая показывает, что может быть выстроена эффективная трехуровневая модель организации банковской системы, позволяющая сконцентрировать кредитные ресурсы на приоритетах государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / под общ. ред. В.Н. Плигина. М., 2025.
2. Брызгалов А.В. Ответственность банков за нарушения в сфере налоговых правоотношений // Налоги и финансовое право. 2011. № 11. С. 88.
3. Горлова Е.Н. Кредитные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 9.
4. Загороднев Ю.А. Кредитные организации как субъекты финансово-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 10.

5. *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Правовые аспекты функционирования финансового рынка России // Государство и право. 2023. № 9. С. 137–146.
6. *Карамов И.Ф.* К вопросу о правовом механизме компенсации финансовых издержек агентов финансового мониторинга // Финансовое право. 2014. № 10. С. 35–38.
7. *Лысова Ю.В.* О правовом статусе кредитных и некредитных финансовых организаций при реализации ими публично-правовых функций // Хозяйство и право. 2020. № 12. С. 64–74.
8. Правовое регулирование финансового рынка России / ред. М.Н. Кобзарь-Фролова; отв. ред. С.В. Запольский; науч. ред. Е.Л. Васянина. М., 2023.
9. *Ручкина Г.Ф.* Особые условия допуска кредитных организаций к отдельным сферам экономической деятельности: к вопросу о понятии «уполномоченные банки» // Банковское право. 2021. № 1. С. 7–16.
10. *Рыбакова С.В.* Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 11.
11. *Саттарова Н.А., Гараев И.Г.* Особенности правового положения коллективных субъектов финансового права // Финансовое право. 2010. № 6. С. 17–21.
12. *Тосунян Г.А.* Банковское дело и банковское законодательство в России (опыт, проблемы, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
13. *Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В., Гун Нань.* Современная банковская система Китайской Народной Республики // Хозяйство и право. 2024. № 9 (572). С. 111–121.
2. *Bryzgalin A.V.* Responsibility of banks for violations in the field of tax relations // Taxes and Financial Law. 2011. No. 11. P. 88 (in Russ.).
3. *Gorlova E.N.* Credit organizations as subjects of Financial Law // Current problems of Russ. law. 2024. No. 9 (in Russ.).
4. *Zagorodnev Yu.A.* Credit organizations as subjects of financial and legal responsibility: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2015. P. 10 (in Russ.).
5. *Zapolsky S.V., Vasyanina E.L.* Legal aspects of the functioning of the Russian financial market // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 137–146 (in Russ.).
6. *Karamov I.F.* On the issue of the legal mechanism for compensation of financial costs of financial monitoring agents // Financial Law. 2014. No. 10. Pp. 35–38 (in Russ.).
7. *Lysova Yu.V.* On the legal status of credit and non-credit financial organizations in the implementation of their public law functions // Economy and Law. 2020. No. 12. Pp. 64–74 (in Russ.).
8. Legal regulation of the Russian financial market / ed. by M.N. Kobzar-Frolov; ed. by S.V. Zapolsky; scientific ed. by E.L. Vasyanina. M., 2023 (in Russ.).
9. *Ruchkina G.F.* Special conditions for admission of credit institutions to certain areas of economic activity: on the issue of the concept of “authorized banks” // Banking Law. 2021. No. 1. Pp. 7–16 (in Russ.).
10. *Rybakova S.V.* Theoretical foundations of regulating the activities of credit organizations as subjects of modern Financial Law: abstract ... Doctor of Law. Saratov, 2010. P. 11 (in Russ.).
11. *Sattarova N.A., Garaev I.G.* Features of the legal status of collective subjects of Financial Law // Financial Law. 2010. No. 6. Pp. 17–21 (in Russ.).
12. *Tosunyan G.A.* Banking and banking legislation in Russia (experience, problems, prospects): abstract ... Doctor of Law. M., 1995 (in Russ.).
13. *Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V.V., Gong Nan.* Modern banking system of the People’s Republic of China // Economy and Law. 2024. No. 9 (572). Pp. 111–121 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

ГАВРИЧКОВ Виталий Васильевич — адвокат, партнер Адвокатского бюро г. Санкт-Петербурга «Главная буква»; 197046 г. Санкт-Петербург, ул. Чапаева, д. 25

Authors' information

GAVRICHKOV Vitaly V. — Lawyer, Partner of the Law Office of Saint Petersburg “Main letter”; 25 Chapaeva str., 197046 St. Petersburg, Russia

УДК 342

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ВЕКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2025 г. С. В. Кабышев^{1, 2}

¹Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

²Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: svkabyshev@mail.ru

Поступила в редакцию 28.07.2025 г.

Аннотация. В статье с конституционно-правовых позиций исследуется идентичность системы российского образования как один из ключевых элементов суверенного государственного развития. Разграничивая категории национальной и конституционной идентичности, идеально-нормативное и фактически социальное в их понимании, автор утверждает, что Россия, переосмысливая свою цивилизационную уникальность, движется в конституционном процессе к более полной формализации исторически сложившихся ценностей и представлений, определяющих систему образования, придания им регулирующего характера и механизмов защиты, что должно получить адекватное отражение при разработке в настоящее время стратегии развития образования. Конституционная идентичность национальной системы образования определяется как совокупность сущностных параметров системы образования, обусловленных ценностями, принципами, целями, языковой и цивилизационной самобытностью народа, явно или имплицитно закрепленных в Конституции и вытекающих из национального наследия. Ключевыми характеристиками этой идентичности являются: фундаментальность, единство обучения и воспитания, дисциплина, связь с жизненностью, стремление к прогрессу. Подчеркивается центральная роль педагога, обсуждаются возможности и риски внедрения технологий искусственного интеллекта как инструмента, но не ценности самой образовательной модели.

Ключевые слова: система образования, национальная идентичность, конституционализм, патриотизм, стратегия развития образования.

Цитирование: Кабышев С. В. Развитие системы образования: конституционный вектор идентичности // Государство и право. 2025. № 10. С. 142–150.

DOI: 10.31857/S1026945225100131

THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM: THE CONSTITUTIONAL VECTOR OF IDENTITY

© 2025 S. V. Kabyshev^{1, 2}

¹The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: svkabyshev@mail.ru

Received 28.07.2025

Abstract. The article examines the identity of the Russian education system as one of the key elements of sovereign state development from a constitutional and legal perspective. Distinguishing between the categories of national and constitutional identity, ideally normative and actually social in their understanding, the author argues that Russia, rethinking its civilizational uniqueness, is moving in the constitutional process towards a more complete formalization of historically established values and ideas that define the education system, giving them a regulatory character and protection mechanisms, which should be adequately reflected in currently developing an education development strategy. The constitutional identity of the national education system is defined as a set of essential parameters of the education system determined by the values, principles, goals, linguistic and civilizational identity of the people, explicitly or implicitly enshrined in the Constitution and stemming from the national heritage. The key characteristics of this identity are: fundamentality, unity of education and upbringing, discipline, connection with vitality, striving for progress. The central role of the teacher is emphasized, the possibilities and risks of introducing artificial intelligence technologies as a tool are discussed, but not the values of the educational model itself.

Key words: education system, national identity, constitutionalism, patriotism, education development strategy.

For citation: Kabyshev, S.V. (2025). The development of the education system: the constitutional vector of identity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 142–150.

Россия на переломном этапе прощается с мороком глобализма, вглядывается в свое культурно-цивилизационное наследие и будущее с оптикой самобытности: несводимости, но и нераздельности по отношению и к Западу, и к Востоку. Непросто преодолеваются социально-историческая инерция, шаткость позиций, расчет на обратимость перемен. Феномен страны-цивилизации только начинает обретать очертания в зеркале конституционного права России¹. Сегодня на самых суровых весах выверяются подлинные ценности нашей суверенности, открывающей путь к национальному лидерству и общемировому авторитету. Вопросы смысла и судьбы (страны, истории, мира, жизни) всегда были в России определяющими, являлись предпосылкой вопроса «что делать?», а не исчерпывались им.

Современному российскому обществу, безусловно тяготеющему к духовно-нравственным традициям и идеалам, еще предстоит со всей ясностью и прямоотой освоиться в заповедях предков, деятельностно воспринять (пока скорее интуитивно

(или рефлексивно)) схватываемую самобытность национальной социокультурной среды в ее непреложной (безотносительно сравнений с иными странами) значимости, твердое намерение к сохранению и защите которой выражено учредительной (конституционной) волей в 2020 г. Раскрывая суть соответствующих конституционных изменений, непосредственно связавших ценности исторически сложившегося государственного единства, почитания памяти защитников Отечества и защиты исторической правды с созданием условий, способствующих всестороннему развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, Конституционный Суд РФ заключил, что формируемые этими императивами основы общероссийской государственной идентичности носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер, не ограничивают идеологический и политический плюрализм, отражают содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти (абз. 2 п. 3 мотивировочной части Заключения от 16.03.2020 № 1-3)².

¹ См.: Колюшин Е.И. Феномен страны-цивилизации в зеркале конституционного права России // Государство и право. 2025. № 2. С. 24–31.

² См.: URL: <http://dok.ksrt.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

Выраженные в конституционной форме основы национальной идентичности, характеризующей воспринятую от предков систему ценностей, традиций и идеалов, определяющих сам дух, вневременные особенности культурного, цивилизационного и политико-правового развития народа, приобретают значение конституционной идентичности, формируют нормативное содержание, толкование и применение конституционных институтов. Конституционная идентичность, по емкому определению В.Д. Зорькина, «по сути, есть отражаемая в основах конституционного строя, в принципах и нормах Конституции духовная суть (этос) нации-государства, в социокультурном контексте общих закономерностей и специфических особенностей исторического развития страны»³. Национальная идентичность объективна в ценностно-нормативном плане. Политическое сообщество, по замечанию В.В. Лазарева, изначально предполагает общие ценности, которые представляют национальную идентичность и ограничивают рост индивидуализма, сориентированный на собственную систему ценностей⁴. Вместе с тем национальная идентичность, даже будучи адекватно формализованной на высшем нормативном (конституционном) уровне, — не фактически социальная данность. Могут быть «зазоры», несоответствия между национальной и конституционной идентичностями, в частности, ввиду необоснованных заимствований конституционных доктрин и интерпретаций, между формализованной конституционной идентичностью и реалиями (не только бытовым, но и профессиональным правосознанием). Не случайно отмечает Конституционный Суд РФ: если внешним проявлением национально-культурной идентичности выступает стремление индивида, сообществ и общества в целом следовать традициям, социокультурным установкам и т.д., слагающим эту идентичность, то объективацией конституционной идентичности является последовательная защита этих элементов органами суверенной юрисдикции⁵. Реализовать национальную (конституционную) идентичность — многотрудное общегосударственное дело, во многом решающий вклад в которое должна внести система образования, устроенная по своим канонам.

³ Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб., 2024. С. 28.

⁴ См.: Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал рос. права. 2021. № 4. С. 7.

⁵ См.: Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г.). С. 94. URL: <https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

Правильно поставленное образование формирует нравственные императивы человека, его осознанную связь с Отечеством, рациональные способы познания и преобразования мира, овладев которыми человек может лучше, полнее реализовать свой талант и способности. Через систему образования должно сплетаться единое полотно времен и поколений, формироваться чувство национальной гордости и рационализированное (обоснованное) понимание предпосылок, факторов, закономерностей развития страны, нравственный кодекс каждого гражданина, образ будущего. Смысловые деформации в системе образования ведут к дезориентации и дезинтеграции общества, подрывают его интеллектуальный, культурный, технологический потенциал.

Признанный родоначальник отечественной научной педагогики К.Д. Ушинский в статье «О народности в общественном воспитании» (1857) обосновал принцип народности образования и воспитания (в неразрывном сочетании с этико-религиозными и научными началами), являющийся, по существу, семантическим эквивалентом идентичности системы образования. «Что бы ни говорили утописты, но народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории. В силу особенностей своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью... Народ без народности — тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность». И потому столь важно общественное воспитание, «которое укрепляет и развивает в человеке народность, развивая в то же время его ум и его самосознание», — оно «могущественно содействует развитию народного самосознания вообще; <...> вносит свет сознания в тайники народного характера и оказывает сильное и благотворное влияние на развитие общества, его языка, его литературы, его законов, словом, на всю его историю»⁶. В конечном счете «как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен пытаться собственные свои силы»⁷.

Вполне естественно поэтому Президентом РФ В.В. Путиным поставлена задача по разработке и уточнению стратегии развития образования (Распоряжение от 27.12.2024 № 426-рп) для обеспечения преемственного, основанного на твердых

⁶ Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2 «Педагогические статьи 1857–1861 гг.». М. — Л., 1948. С. 161, 162.

⁷ Там же. С. 165.

духовно-нравственных принципах, и одновременно прогрессивного развития страны.

В основе формирования данной стратегии находятся концептуальные (если угодно, парадигмальные) вопросы понимания образования, его смысла в отечественной социокультуре, тех определяющих черт и педагогических подходов, которые формируют его идентичность. Вместе с тем вопросы идентичности национальной системы образования не имеют на данный момент должного уровня специальной (предметной) концептуальной проработки, в непосредственном виде затрагивались лишь в единичных научных работах, главным образом в контексте научной педагогики и философии образования⁸. В конституционной юриспруденции (и не только в этой ее предметно-дисциплинарной части) преобладают тематические подходы, связанные с обоснованием субъективно-личностных начал образования, т.е. рассмотрение образования с позиции субъективного права, его места в конституционно-правовом статусе личности, форм гарантирования (обеспечения) и защиты данного права, тогда как иным вопросам уделяется существенно меньшее (периферийное) внимание. Образование на уровне системы российского конституционного мировоззрения остается малоизученным⁹.

В этой связи необходимо прежде всего обоснование с опорой на наши традиции, идеалы, нашедшие отражение в букве и духе Конституции России, современной социальной и юридической философии российского образования, той идейно-культурной матрицы, на которой строится личностное и профессиональное становление российского гражданина. Очевидно, что процесс идейного и практического развития отечественной системы образования не может рассматриваться как автономный, он неразрывно связан с состоянием академической разработки методологии российской цивилизации, системы духовно-нравственных ценностей. Конкретное структурирование и механика системы образования в ее ожидаемой (желаемой) исторической перспективе, разумеется,

нуждаются в тщательном выверении и фиксации, но все же они образуют только внешнее выражение соответствующих оснований и смыслов, актуализированных с позиции современных приоритетов.

Не претендуя на завершенность, можно предложить рассматривать конституционную идентичность национальной системы образования как совокупность получивших явное или подразумеваемое закрепление в Конституции РФ и в раскрывающих ее содержание в официальных нормативно значимых интерпретациях сущностных параметров системы образования, проистекающих из национального социокультурного и педагогического наследия и опыта, отражающих фундаментальные ценности, принципы, цели развития, языковую и цивилизационную самобытность народа и обеспечивающих тем самым легитимность и функциональное соответствие системы образования конституционному предназначению в государстве. Следует подчеркнуть, что в силу своих объективных особенностей как системообразующего источника всего национально-правового порядка Конституция РФ не детализирует в прямой текстовой форме все соответствующие сущностные черты системы образования, однако естественным образом (имплицитно) «вбирает» их из нормативно-ценностных установок российской государственности в ее исторической преемственности. Так, конкретизируя заложенные Конституцией РФ основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, Закон об образовании исходит из обусловленности образования традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и развития системы образования Российской Федерации с учетом ее исторического наследия, перспективных задач развития государства и общества, что, в свою очередь, характеризует те условия, на которых обеспечивается международное сотрудничество в сфере образования (п. 3, 5 ч. 1 ст. 3).

Конституционная идентичность национальной системы образования служит одной из важнейших гарантий суверенной государственности, обеспечивает «фильтры» и пределы при реализации взаимодействия национальной системы образования с системами образования других стран. Опыт участия России в Болонском процессе, сопряженный с попыткой идентификации национальной системы образования в логике и целеполагании глобализма, с ориентацией на первостепенность академической мобильности и соподчинением этому структурных, содержательных, оценочных элементов системы образования, продемонстрировал не только рискованность, но и бесплодность национально отчужденного образования.

Ценность идентичности образования не измеряется утилитарной полезностью (хотя дает

⁸ См., напр.: Плешакова А. Ю. К определению понятия идентичности национальной системы профессионального образования // *Профессиональное образование в современном мире*. 2023. Т. 13. № 4. С. 671–679; Разумов В. И. Образование XXI века: в поисках новой идентичности // *Философия образования*. 2023. Т. 23. № 2. С. 23–36.

⁹ Среди некоторых единичных работ по этому поводу (однако в приложении к юридическому образованию) стоит упомянуть: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. 2-е изд., доп. М., 2014; Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Патюлин Г. С. Юридические наука и образование как элементы российской конституционно-правовой идентичности // *Образование и право*. 2022. № 6. С. 100–108.

совершенно определенный прагматический эффект), а обусловлена ролью образования по отношению к основным институтам общества. В частности, нельзя не учитывать, что право на получение высшего образования в его понимании, закрепленном в Конституции РФ, воплощает в себе как субъективно-личностную заинтересованность в освоении профессиональных знаний и навыков, необходимую для наиболее полной и успешной самореализации, так и общественную потребность в подготовке таких квалифицированных кадров для реализации целей и задач государства и общества, которые в силу приобретенной квалификации могут быть так или иначе вовлечены в том числе в организационно-управленческую деятельность в рамках своего профессионального профиля, обладают основанным на профессионализме потенциалом общественного (социально-политического) влияния и, соответственно, должны в достаточно высокой степени осознавать общность конституционных идеалов, определяющих государственное и общественное развитие. Целевые и содержательные характеристики права на образование объективно связаны с формированием социальной основы народовластия и, соответственно, должны быть ориентированы с учетом публично-политических ценностей и интересов.

Суть национальной идентичности российского образования нельзя правильно уяснить в отрыве от того, что его становление происходило не во имя торжества индивидуальной свободы, а в качестве первоосновы суверенной государственности, которой эта свобода, приобретающая в горниле обучения и воспитании характер осознанной необходимости, сообщает свой энергетический потенциал. Качество образования — не в уровне капитализации его итогов, а в овладении познанием (мышлением), которое служит благополучию государства и общества (отнюдь не сводимому к конкретностоимостному выражению). В этом плане следует обратить внимание на то, что Конституция РФ, признавая право на образование (ст. 43), контекстуально связывает установление Российской Федерацией единых правовых основ системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования, с основами федеральной политики и федеральными программами в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71), т.е. подразумевает согласованность параметров системы образования с реализацией целей по направлениям государственной политики. Специфика конкретно-исторического этапа подготовки Конституции РФ имела сдерживающий эффект для более развернутого, акцентированного выражения публичного целеполагания

образования. Между тем, к примеру, Саратовский проект Конституции России предусматривал закрепление права на образование (ст. 37) в сочетании с ответственностью Российской Федерации за создание государственной системы народного образования, гарантирующей удовлетворение на общественно необходимом уровне соответствующих важнейших социальных потребностей (ст. 63)¹⁰.

Задавшись вопросом «чему же учатся люди?», Ю.М. Лотман дал на него следующий ответ: люди учатся Знанию, Памяти, Совести¹¹. Это, вероятно, наиболее емкая и пронизательная характеристика национальной идентичности российского образования. Если попытаться ее развернуть, то можно прибегнуть к таким категориям, как: фундаментальность, преемственность обучения (включая преемственность идей, ценностей, научных школ), чувство чести, собственного достоинства (а стало быть — как негативный, охранительный рефлекс этих чувств, — сдерживающая рамка бесчестия и стыда), благовоспитанность, смыслоцентризм (первичность — но не самодостаточность! — понимания сути явлений по отношению к осведомленности об их формах) и обусловленная именно этим эрудированность (стремление полнее охватить суть в ее объективной над- и ультрадисциплинарности), крепкая методологическая база и профессиональный интеллект, дисциплина (в существенной мере и в конечном счете — самодисциплина), связь с жизнью. Стоит внимательнее присмотреться к этим категориям — в данном случае по крайней мере к отдельным из них и в аспектах, связанных с актуальным дискуссионным контекстом.

В последнее время лексикон развития нашего образования неизменно включает категорию фундаментальности, которая, однако, используется в столь разных значениях и контекстах (включая постановку вопроса об обосновании «новой фундаментальности»), что не создает взаимопонимания. Между тем, фундаментальность образования — наше важнейшее конкурентное преимущество, на что неоднократно обращал внимание Президент РФ В.В. Путин (например, в посланиях Федеральному Собранию 2004 и 2016 гг.).

Фундаментальность, строго говоря, — не одно из слагаемых, а сквозное начало, квинтэссенция нашего образования, охватывающее и определяющее все его элементы, включая воспитание, не просто ценность, а ценность всех других ценностей. Речь идет об ориентации всей системы

¹⁰ См.: Саратовский проект Конституции России / предисл. В.Т. Кабышева. М., 2006.

¹¹ См.: Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М., 2009.

образования, начиная с дошкольного, на формирование такой системы мышления и воспитания, которая позволяет уяснить целостную картину мира и себя в нем как неотъемлемой части.

Заблуждение считать, что фундаментальность — атрибут только высшего образования. Цельность миропонимания, позволяющего схватывать системные межпредметные связи процессов и явлений, формируется в своей основе именно в школьном образовании. На этом уровне фундаментальность образования связана прежде всего с развитием таких личностных качеств, как наблюдательность, пылливость, внимание, смекалка, трудолюбие. Достигать такого развития, как заметил Д.И. Менделеев, с древних времен считали проще и легче всего через число и слово, поскольку «слово само по себе, как число, есть абстракт, отвлечение от мелочи окружающего, и в образовательном отношении изучение языка по своему влиянию на развитие сознательности имеет такое же значение, как математика, ибо, с одной стороны, представляет отчетливую реальность действительности, а с другой стороны, явное отвлечение от нее и углубление в самого себя, что и нужно для развития сознательности»¹². Кстати, то же в известной степени относится и к музыке, в которой ноты как единицы особого рода языка создают абстрактно-символические ряды, соединяющие отвлеченно-идеальное и данное в непосредственном ощущении.

Вуз сейчас вынужден компенсировать просчеты и дефициты школьного образования, а призван прежде всего обеспечивать наращивание, усложнение и профессиональную специализацию заложенного в школе потенциала. В этом плане трудно переоценить важность соотношения и преемственности школьных и вузовских программ, в том числе с участием Российской академии наук (не только через экспертизу, но и подготовку школьных учебников).

Нужно подчеркнуть: фундаментальность как первооснова образования несводима к некоему определенному набору дисциплин и компетенций, не может отождествляться с так называемым «ядром» высшего образования (если речь идет о единых требованиях к минимальному, базовому обязательному объему содержания образовательной программы высшего образования). Сама концепция «ядра» высшего образования требует сдержанной оценки, намечая, пусть непроизвольно, небезобидное разделение в высшем образовании основного, главного, важного и вторичного, периферийного, несущественного.

Фундаментальность нередко ставят в ложную коллизию с так называемой «практикоориентированностью». На деле без фундаментального понимания (мышления и мировоззрения, включая понимание нравственных границ рационально возможного) практические навыки рефлексорны, лишены силы устойчивого роста. Практичность (узкоутилитарность) образования выгодна инерционной экономике, фундаментальность образования позволяет созидать экономику будущего. Именно фундаментальность образования дает человеку (а в итоге обществу в целом) уверенность и необходимый потенциал для формирования новых решений в условиях неопределенности.

Достижения России в области организации фундаментального глубокого образования служат значимым интегрирующим социокультурным фактором. Так, идея обеспечения фундаментальности высшего образования как содержательной основы повышения высшего образования нашла отражение в составе рекомендаций о повышении качества образования в государствах — участниках СНГ, принятых постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 29 ноября 2018 г. № 48-8 (п. 3.4.1)¹³.

Фундаментальность предопределяет приоритетную роль педагога (не только преподавателя «фундаментальных дисциплин»), который на личностном уровне отражает единство знаний, воспитания, нравственного стержня, учит, напутствует, вдохновляет своим примером.

Именно педагог, призванный выступать носителем не только профессиональных знаний, но и национальных педагогических традиций, духовно-нравственных, культурных идеалов общества, играет ключевую роль в приобщении учащейся молодежи к систематическому интеллектуальному труду, основанному на методологии профессионального мышления, и вместе с тем к патриотизму, гражданственности, уважению памяти предков. Как заметил Плутарх, «ум — это не сосуд, который нужно заполнить, но факел, который нужно зажечь». И умение разжигать это пламя — во многом уникальный талант, который нужно ценить и всячески поддерживать.

От учителя, его личностно-профессиональных качеств в существенной мере зависит будущее общества, отмечал советский психолог Л.С. Выготский¹⁴.

Авторитет педагога — характерная черта и завоевание нашего образования, которые не даются

¹² См.: Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб., 1903—1905. С. 251.

¹³ См.: URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=116757 (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁴ См.: Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983. С. 211.

даром: нужны обоюдные усилия государства и общества, чтобы статус педагога возвысился (а не усреднился). Так, подчеркивая особую роль педагогических работников в деле воспитания и образования подрастающего поколения, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г. ставили задачу подготовки педагогических кадров «с высоким идейным и профессиональным уровнем, с чувством высокого гражданского долга, нравственной чистотой, обладающих широкой эрудицией и культурой, способных быть примером для детей и молодежи, способных решать задачи, стоящие перед народным образованием в условиях... ускорения научно-технического прогресса» (ст. 57)¹⁵.

Воспитание — еще одна отличительная черта нашей образовательной идентичности, по сути, ценностно-мировоззренческий эквивалент фундаментальности образования. Неразрывное системное единство воспитания и обучения относится к принципиальным основам российской государственной политики в сфере образования, получило свое признание и прямое закрепление в Конституции РФ (п. «е» ст. 71). Роль воспитания была бесспорной и в дореволюционный, и в советский период, но оказалась размыта (если не сказать выхолощена) пагубными представлениями о толерантности и ценностно-мировоззренческой нейтральности публичных институтов в условиях курса на либеральную демократию, отвергнувшего и дисциплину — как форму и, что важнее, итог воспитания. Но, как заметил А.С. Макаренко, противопоставлять свободу и дисциплину «дико», ибо «свобода — не воля, не уединенная позиция в небесах, а часть блага общего», и дисциплина в обществе «ставит в точное отношение ко всем элементам общества и тем самым позволяет точно учитывать обстановку и точно выбирать действие»¹⁶.

В Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г. воспитание обстоятельно и комплексно раскрывалось как самостоятельная цель образования, пронизывающая все его уровни и направления. Так, в составе главных задач средней общеобразовательной школы Основы выделяли воспитание стремления к непрерывному совершенствованию знаний, умения самостоятельно пополнять их и применять на практике; идейно-политическое воспитание; трудовое воспитание и обучение; экономическое воспитание; воспитание высоких нравственных качеств, гуманизма, товарищества и коллективизма, ответственности, организованности и дисциплины, культуры поведения и быта,

бережного отношения к социалистической собственности, природе, памятникам истории и культуры; правовое воспитание, связанное с привитием уважения к законам и правилам общежития, формирование сознания необходимости их соблюдения; эстетическое воспитание, развитие потребности и способности участвовать в создании прекрасного в жизни, труде и искусстве; физическое воспитание, укрепление здоровья (ст. 22). Это соотносилось, находило продолжение в таких главных задачах вузов, как воспитание студентов идейно убежденными гражданами с высокими нравственными качествами, коллективистами, патриотами, готовыми к защите Отечества; воспитание ответственного, творческого отношения к учебе и труду, дисциплины, организованности, высокой культуры; экологическое воспитание; правовое воспитание, включая формирование сознательного отношения к общественному долгу, правам и обязанностям граждан; формирование высоких эстетических вкусов; физическое воспитание (ст. 46).

Сегодня ценность воспитания возвращается, но еще нужно пройти немалый путь. Надо признать, на уровне высшей школы воспитание нередко воспринимается как нечто не то чтобы инородное, а скорее избыточное, отвлекающее и обременительное. Важно осознать, что неблаговоспитанность, моральная дряблость, патристическая аморфность (тем более лицемерие) могут превратить профессионала в социально деструктивный элемент. Напротив, именно цельная, зрелая в нравственном, культурном, гражданском отношении личность, глубоко впитавшая установки общенациональной российской культуры, любовь к Отечеству и ответственность за его судьбу, способна в большей степени реализовать свой созидательный потенциал для социально значимых достижений. Разрывы между воспитанием и обучением, тем более в условиях процессов акселерации и ускоряющейся технологизации общества, создают риски утраты нравственных ориентиров и дегуманизации профессиональных знаний.

В декабре 2023 г. в Закон об образовании были внесены соответствующие нашим традициям изменения, направленные на обеспечение главенствующей роли педагога в процессе обучения и воспитания, в том числе предусмотрено установление в образовательных организациях и соблюдение обучающимися требований к дисциплине на учебных занятиях и правил поведения. Вместе с тем конкретизированный правовой механизм, обеспечивающий как стимулирование обучающихся к примерному поведению, так и оперативное реагирование педагога на допущенные обучающимся нарушения дисциплины, а равно учет соблюдения обучающимся соответствующих требований в составе оценки освоения образовательной

¹⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30, ст. 392.

¹⁶ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. М., 1983. Т. 1. С. 12.

программы, до настоящего времени отсутствует. Несмотря на то что реализация программы воспитания непосредственно входит в состав реализации образовательной программы и призвана оказывать воздействие на формирование добросовестного, примерного поведения обучающегося, в действующем законодательстве не предусмотрены инструменты, позволяющие учесть освоение обучающимся программы воспитания при оценке освоения образовательной программы.

Необходимо в принципиальном плане решить вопросы развития дисциплинирующих факторов в образовании, имея в виду не возвращение начальственного надзора, а формирование внутренних установок морально обоснованного выбора в неподконтрольной ситуации.

* * *

Российское образование, верное традициям, не обособливалось от жизненности, а строилось на связи обучения и воспитания с жизнью, общественным и государственным прогрессом. Однако жизненность образования — не то же, что практицизм. Жизненная ценность знаний не сиюминутна. В обсуждениях усиления практической ориентации современного образования, прежде всего профессионального, слышна идея экономикоцентризма, подчиненности системы образования потребностям экономики. Это недалековидно. Образование — не сервисно-кадровый довесок экономики, а государствообразующий институт, посредством которого в конечном счете обеспечивается реализация всех функций и задач государства. Образование, развернутое в перспективу, должно не воспроизводить существующую экономику, а формировать тех, кто формирует экономику развития государства и общества.

Говоря о жизненности российского образования, невозможно обойти вниманием его технологическое усовершенствование, прежде всего с учетом технологий искусственного интеллекта. Нейтральная, выжидательная позиция слаба и бесперспективна. Вопрос о том, быть или не быть искусственному интеллекту в нашем образовании, не стоит и не может всерьез обсуждаться. Но вопрос оснований, условий, пределов применения искусственного интеллекта принципиальный, требует скорейшего разрешения. При этом нужно четко понимать, что искусственный интеллект сам по себе не является и не может быть признан (независимо от уровня освоения) ценностью нашей модели образования, является исключительно важным, но все же только инструментом (технологическим средством) реализации образовательных задач. Этим не исключается, что сформированные в парадигме национальной идентичности

российского образования модели искусственного интеллекта, востребованные в системе образования, могут (и, очевидно, должны) служить выражением, средством реализации и развития данной идентичности.

Не надо бежать от реальности. Но нужно четко определить и формализовать риски, обеспечить понятность, прозрачность, подконтрольность применения соответствующих технологий и логики принимаемых решений, учесть специфику рационализированной (алгоритмизированной) «этики». Готовы ли мы доверить алгоритмам выбор траектории обучения и карьеры? Осознаем ли риски перехода в итоге к проактивной позиции в решении соответствующих вопросов? Наследие, традиции российской модели образования, образующие ее идентичность, позволяют найти обоснованные ответы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарь Н.С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. 2-е изд., доп. М., 2014.
2. *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Патюлин Г.С.* Юридические наука и образование как элементы российской конституционно-правовой идентичности // *Образование и право*. 2022. № 6. С. 100–108.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983. С. 211.
4. *Зорькин В.Д.* Лекции о праве и государстве. СПб., 2024. С. 28.
5. *Колюшин Е.И.* Феномен страны-цивилизации в зеркале конституционного права России // *Государство и право*. 2025. № 2. С. 24–31.
6. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // *Журнал рос. права*. 2021. № 4. С. 7.
7. *Лотман Ю.М.* Чему учатся люди. Статьи и заметки. М., 2009.
8. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: в 8 т. М., 1983. Т. 1. С. 12.
9. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. СПб., 1903–1905. С. 251.
10. *Плешакова А.Ю.* К определению понятия идентичности национальной системы профессионального образования // *Профессиональное образование в современном мире*. 2023. Т. 13. № 4. С. 671–679.
11. *Разумов В.И.* Образование XXI века: в поисках новой идентичности // *Философия образования*. 2023. Т. 23. № 2. С. 23–36.
12. Саратовский проект Конституции России / предисл. В.Т. Кабышева. М., 2006.
13. *Ушинский К.Д.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2 «Педагогические статьи 1857–1861 гг.». М. — Л., 1948. С. 161, 162, 165.

REFERENCES

1. *Bondar N.S.* Russian legal education as a constitutional value: national traditions and cosmopolitan illusions. Ser. "Library of Judicial Constitutionalism". Iss. 3. 2nd ed., supplement. M., 2014 (in Russ.).
2. *Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Patyulin G.S.* Legal science and education as elements of the Russian constitutional and legal identity // *Education and Law*. 2022. No. 6. Pp. 100–108 (in Russ.).
3. *Vygotsky L.S.* Collected works: in 6 vols. Vol. 3. Problems of the development of the psyche / ed. by A.M. Matyushkin. M., 1983. P. 211 (in Russ.).
4. *Zorkin V.D.* Lectures on law and the state. SPb., 2024. P. 28 (in Russ.).
5. *Kolyushin E.I.* The phenomenon of a country-civilization in the mirror of the Constitutional Law of Russia // *State and Law*. 2025. No. 2. Pp. 24–31 (in Russ.).
6. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // *Journal of Russ. law*. 2021. No. 4. P. 7 (in Russ.).
7. *Lotman Yu.M.* What people learn. Articles and notes. M., 2009 (in Russ.).
8. *Makarenko A.S.* Pedagogical works: in 8 vols. M., 1983. Vol. 1. P. 12 (in Russ.).
9. *Mendelev D.I.* Cherished thoughts. St. Petersburg, 1903–1905. P. 251 (in Russ.).
10. *Pleshakova A. Yu.* On the definition of the concept of identity of the national system of vocational education // *Vocational education in the modern world*. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 671–679 (in Russ.).
11. *Razumov V.I.* Education of the XXI century: in search of a new identity // *Philosophy of education*. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 23–36 (in Russ.).
12. *Saratov draft of the Constitution of Russia* / preface by V.T. Kabyshev. M., 2006 (in Russ.).
13. *Ushinsky K.D.* Collected works: in 10 vols. Vol. 2 "Pedagogical articles of 1857–1861". M. – L., 1948. Pp. 161, 162, 165 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович —
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
Председатель Комитета Государственной Думы
по науке и высшему образованию;
103265 г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1;
профессор кафедры конституционного
и муниципального права Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors' information

KABYSHEV Sergey V. —
PhD in Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chairman of the State Duma Committee
on Science and Higher Education;
1 Okhotny Ryad str., 103265 Moscow, Russia;
Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Kutafin Moscow State Law University
(MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

УДК 340

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ПРАВОВЕДА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА САМОЩЕНКО¹
(Memoriam meam de visu et auditu²)**

© 2025 г. А. Ф. Ноздрачев

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: adm1@izak.ru

Поступила в редакцию 08.07.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизненного пути и творческого наследия профессора Ивана Сергеевича Самощенко. Особое внимание уделено анализу его теоретических работ о правонарушениях, юридической ответственности и охране режима законности. В статье освещается вклад в подготовку важнейших законопроектов.

Ключевые слова: И.С. Самощенко, воспоминания ученика, жизненный путь, научная деятельность, законопроектная деятельность, административная деятельность, творческое наследие, научные труды.

Цитирование: Ноздрачев А. Ф. К 100-летию со дня рождения выдающегося правоведа и государственного деятеля Ивана Сергеевича Самощенко (Memoriam meam de visu et auditu) // Государство и право. 2025. № 10. С. 151–167.

DOI: 10.31857/S1026945225100141

**ON THE 100th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH
OF THE OUTSTANDING JURIST AND STATESMAN
IVAN SERGEEVICH SAMOSHCHENKO³
(Memoriam meam de visu et auditu)⁴**

© 2025 A. F. Nozdrachev

*Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: adm1@izak.ru

Received 08.07.2025

---

¹ В основе данной статьи публикация А. Ф. Ноздрачева «Аффидевит об учителе (к 85-летию со дня рождения проф. И.С. Самощенко)» (см.: Государство и право. 2011. № 4. С. 50–56). В представленной редакции текст статьи существенно дополнен и уточнен. Автор не стремится к искусственному увеличению своих публикаций по очевидным причинам, а считает своим долгом почтить память своего Учителя и Ученого широкой научной и публичной значимости Ивана Сергеевича Самощенко в день его 100-летнего юбилея. В моей памяти соединились и увиденное, и услышанное, пережитое, прочувствованное, узнанное и домысленное, угаданное, но без фантазий.

² Личные воспоминания глазами очевидца и слухом собеседника (лат.).

³ This article is based on A. F. Nozdrachev's publication "Affidavit about the teacher (on the 85th anniversary of the birth of Professor I. S. Samoshchenko)" (see: State and Law. 2011. No. 4. Pp. 50–56). In the presented edition, the text of the article has been significantly supplemented and clarified. The author does not seek to artificially increase his publications for obvious reasons, but considers it his duty to honor the memory of his Teacher and Scholar of wide scientific and public importance Ivan Sergeevich Samoshchenko on his 100th birthday. My memory combines what I saw and heard, experienced, felt, recognized and imagined, guessed, but without fantasies.

⁴ Personal memories through the eyes of an eyewitness and the hearing of an interlocutor (Latin).

Abstract. The article is dedicated to researching of life journey and creative legacy Professor Ivan Sergeevich Samoshchenko. Particular attention is paid to analyzing his theoretic researches of delicts, legal responsibility and protection of legal order. The article covers the contribution to the preparation of the most important legislative drafts.

Key words: I.S. Samoshchenko, the teacher, student memories, life journey, scientific activity, legislative drafting activities, administrative activities, creative legacy, scientific works.

For citation: Nozdrachev, A.F. (2025). On the 100th anniversary of his birth of the outstanding jurist and statesman Ivan Sergeevich Samoshchenko (Memoriam meam de visu et auditu) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 151–167.

*«Вам много говорят про воспитание ваше,
а вот какое-нибудь этакое прекрасное,
святое воспоминание, сохраненное с детства,
может быть, самое лучшее воспитание и есть.
Если много набрать таких воспоминаний
с собою в жизнь, то спасен человек...
И даже если и одно только хорошее
воспоминание при нас останется в нашем сердце,
то и то может послужить
когда-нибудь нам во спасение».*

Ф.М. Достоевский («Братья Карамазовы»)

Все цитаты имеют ограниченное значение. Но строки из произведения «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, вынесенные в эпиграф настоящей статьи о заслуженном деятеле науки РФ, д-ре юрид. наук, проф. Иване Сергеевиче Самощенко, точно отражают, я думаю, не только мое личное воспоминание о нем, но многих других его учеников, кол-

лег, людей, лично его знавших и искренне уважавших как учителя, руководителя, ученого и просто человека.

В 60-е годы XX в. я был аспирантом И.С. Самощенко, в свою очередь прямого ученика знаменитого профессора Московского университета Николая Григорьевича Александрова⁵, д-ра юрид. наук, заслуженного деятеля науки РСФСР. Будучи уже авторитетным ученым, директором Всесоюзного

научно-исследовательского института советского законодательства (ВНИИСЗ), И.С. Самощенко с глубоким уважением относился к своему научному руководителю. Я многократно был свидетелем их теплых встреч в официальной и неофициальной обстановке, дружеских серьезных и шуточных дискуссий на научные темы и обыденных бесед.

В известном смысле справедлива сентенция: «тот, кто учится у молодого, подобен поедаящему незрелый виноград и пьющему из бурдюка; тот же, кто учится у старого, подобен тому, кто ест зрелый виноград и пьет выдержанное вино...» (Книга Екклесиаста). Однако в отношении И.С. Самощенко в то время (и никогда в дальнейшем) нельзя было сказать, что он стар. Он обладал живым, вечно молодым умом ученого. В то же время за его плечами была суровая школа жизни: участие в Великой Отечественной войне, когда он начал свой боевой путь в 1943 г. рядовым красноармейцем, а завершил его гвардии младшим лейтенантом. Он имел богатый опыт научно-исследовательской и руководящей деятельности, глубокие и всесторонние правовые знания, сочетающиеся со следованием отечественным юридическим традициям, умение улавливать новые веяния той целеустремленной эпохи, направленной на поступательное развитие во всех сферах общественной жизни. Поэтому с самого начала общения я воспринимал своего учителя не только как формального научного руководителя, но главное — как духовного отца в науке и жизни. Он представлялся мне образцом человеческой и научной порядочности и культуры, смелости и мужества, благородства и такта. Наша встреча — это большая удача для меня как человека, вступающего в жизнь, нашедшего своего настоящего Учителя. Нельзя не согласиться с Т.В. Черниговской⁶ в том, что нет на планете важнее человека, чем учитель. Именно учителя создают людей.

И.С. Самощенко, наряду с С.Н. Братусем, Е.А. Флейшиц, Е.И. Астраханом, М.И. Брагинским, И.А. Грингольцем, Т.Б. Мальцман, В.И. Поповой, А.И. Пергамент, А.И. Ставцевой, Н.И. Клейн, О.Н. Садиковым и другими

⁵ Н.Г. Александров (1908–1974) много лет отдал работе во Всесоюзном институте юридических наук (ВИЮН) (в дальнейшем — Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ), ныне — Институт законодательства и сравнительного правоведения). Руководил сектором трудового права (1936–1952, 1956–1958), был заместителем директора Института по научной работе (1947–1952), старшим научным сотрудником (1958–1963). Является одним из основоположников теорий трудового правоотношения и законности. Помимо юридического, имел также музыкальное образование и в течение нескольких лет возглавлял Московский театр оперетты.

⁶ Советский и российский ученый в области когнитивных наук.

ветеранами Института законодательства и сравнительного правоведения, служил для своих коллег и служит для нынешних работников Института примером воплощения лучших качеств человеческой природы и сущности ученого. Приходится, однако, признать, что заложенные ими традиции в наши дни нередко сталкиваются с нарративами, отражающими корыстный дух современной эпохи. Люди, их формирующие, относятся к той категории, в отношении которой Карл Маркс говорил, что их душа лежит в кармане. Соответственно, и энергия, формирующая нынешнее российское общество, определяется именно такими людьми. К сожалению.

В наши дни мы прощаемся с последними представителями того бескорыстного поколения, которое пришло в юридическую науку по призванию и в соответствии со своими убеждениями было носителем ее лучших нравственных и эстетических традиций. Все большее значение в российской юриспруденции приобретают люди нового поколения, профессионально ориентированного и служащего «злобе дня». Новые люди — деловые, образованные, соответствующие современному уровню технологического развития, но их творческая мотивация, стойкость и ответственность за порученное дело и интересы государства выражены не так неподдельно и обостренно, как у старшего поколения нашей профессиональной среды. Разрушаются старые традиции и стандарты исследовательской работы внедряемым наукометрическим инструментарием. Web of Science, Scopus, РИНЦ... Рейтинги и баллы не могут быть действенным инструментом, направляющим научное познание и исследования. Наука не нуждается в наших и чужих «хиршах», ее двигают новые содержательные идеи развития национальной правовой системы и их качественная аргументация.

Каждый человек становится самим собой не только на основе своего природного потенциала. Его формирует не в меньшей степени окружающая действительность. В ней, по моему мнению, колоссальное значение имеют не только формализованное образование, общественное мнение, пропаганда и агитация, но и люди, с которыми мы порою совершенно случайно встречаемся по жизни. Таких встреч — тысячи. Одни не оставляют в нас и следа, а другие определяют всю дальнейшую судьбу. Именно последние в большей степени и формируют нас, делают из нас тех, кто мы есть. Из множества людей, с которыми мы встречаемся в своей жизни, особое значение имеют наши учителя, осознанно формирующие нас, передавая частичку себя.

Я всегда буду помнить своего учителя — Ивана Сергеевича Самошенко, который не только дал мне знания и первые навыки научно-исследовательской

работы, но и воспитал во мне некоторую часть мужества и твердости характера, которые я смог собрать и сохранить, будучи от природы робким, застенчивым, мнительным, нерешительным, легко поддающимся чувству страха, одним словом, человеком не из храброго десятка. И сегодня я понимаю, что именно это наследство моего учителя является чрезвычайно важным в жизни качеством для человека, особенно работающего в сфере юридической науки. Уверенность в себе — чудесная вещь, способная творить чудеса.

После службы в Советской Армии рядовым и на должностях младшего командного состава я поступил в аспирантуру ВНИИСЗ и расценивал это событие как самое благословенное счастье. Но назначение И.С. Самошенко моим научным руководителем воспринял с некоторым опасением. Я интуитивно ощущал, что это человек с сильным характером, требовательный и самодисциплинированный; сомневался — буду ли я соответствовать. Но он оказался прекрасным педагогом — терпеливым, высокообразованным, с большим тактом и нравственными принципами, но не на религиозной основе, как это стало модным сейчас в среде интеллигенции. Общение с ним для меня оказалось здоровым противоядием против излишней скованности, страха и узкого «дисциплинизма» армейского прошлого. К своему удивлению, я как бы под влиянием шока «начал немного думать...», а через какое-то время «даже вполне удовлетворительно соображать...», как однажды отметил проф. А.В. Мицкевич во время аттестации. Такая оценка вместе с педагогической внимательностью Ивана Сергеевича стали излечивать меня от уже ставшей привычной робости и порочной «скромности», которые коренились в моей провинциальности, чувстве личной «инфериорности» и особенно боязни жизненных ошибок и неудач. Все эти страхи под влиянием учителя стали значительно слабее. Одновременно я стал постепенно преодолевать и чувство страха физической опасности, присущее мне с детства, за которое строго осуждала меня моя мать, человек отчаянной смелости, впрочем, как и все женщины-казачки. В свое оправдание замечу, что страх личной опасности настолько свойствен человеку, что на ней, как известно, обосновывается одна из причин невменения в уголовном праве — крайняя необходимость. Так начался мой духовный и «физический» рост. Именно под опекой Ивана Сергеевича в течение трех аспирантских лет я пережил первый критически важный период своей жизни, тот «бросок первой волны...», которым обозначился ход моей дальнейшей более или менее осмысленной жизни.

Высокая требовательность к себе, трудолюбие, честность, открытость, правдивость и искренность перед другими и перед самим собой благотворно

воздействовали на всех людей, окружавших моего учителя. При этом он никогда не жил расслабленно. В связи с этим проф. В. В. Лазарев еще в бытность юным стажером Института отмечал «деловой стиль и деловую сущность профессора Самощенко, которому... не свойственно было иронизировать или шутить...»⁷. Я же никогда не видел его барственно сидящим, горделивым и беззаботным. Он всегда был собранным, внимательным, аккуратным, бодрым и энергичным. Его отличала сосредоточенность, не позволявшая жизненным обстоятельствам сломать себя. Нельзя представить Ивана Сергеевича жертвой собственной «тени», он никогда не терял способность к высокоморальной оценке ситуации.

Curriculum vitae профессора И. С. Самощенко.

Иван Сергеевич был очень интеллигентным человеком, а вышел далеко не из аристократического семейства. Родился он на хуторе Гуляй-Борисовка Мечетинского района Ростовской области 29 октября 1925 г. Его отец был крестьянином. Во время Гражданской войны стал красным партизаном. В 1929 г. вступил в колхоз. С 1940 г. семья жила в городе Зерновой⁸ того же района.

В 1933 г. Иван Самощенко пошел учиться в Гуляй-Борисовскую среднюю школу. В 1940 г. в связи с переездом семьи — в Зерноградскую среднюю школу, где окончил 8-й класс и перешел в 9-й.

Но 22 июня 1941 г., когда Ивану было 16 лет, началась Великая Отечественная война, круто изменившая всю жизнь советского народа и опалившая смертельным огнем несколько поколений. Прочувшись в 9-м классе только одну четверть, с октября 1941 г. он участвовал в строительстве оборонительных сооружений под Ростовом-на-Дону, на которых трудился по март 1942 г. Весной того же года стал учеником слесаря, а летом поступил на подготовительные курсы Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства.

Однако летом 1942 г. началось крупномасштабное наступление немецко-фашистских войск на южном направлении с целью захвата Сталинграда и Кавказа. В июле вражеские войска подошли к Ростову-на-Дону. Чтобы не быть угнанным

в Германию⁹, Иван вместе с большой группой подростков самостоятельно эвакуировался из города Зернового, пешком пройдя до реки Кубань. Но переправиться через нее в станице Григоро-Полисской они не смогли: переправочные средства были уничтожены отступающими войсками Красной Армии. Большая группа эвакуировавшихся направилась вверх по реке к станице Невиномысской, но переправиться не смогла в связи с подходом наступающих частей Вермахта. В составе этой группы Ивана Самощенко захватили немцы, и он был вынужден возвратиться домой и до января 1943 г. находился на временно оккупированной территории. В это время нигде не работал, исключая случаи мобилизации немцами под угрозой расстрела на месте на дорожные и другие работы.

Город Зерновой был освобожден в январе 1943 г. Иван Самощенко мобилизовался в Красную Армию, в которой служил в частях 34-й гвардейской стрелковой дивизии, освободившей его малую родину. В составе этой дивизии он прослужил до января 1945 г., первоначально рядовым — первым номером противотанкового ружья, впоследствии комсоргом сначала батальона, а потом полка. Боевые успехи рядового Самощенко нашли отражение во фронтовой газете, фрагмент которой хранится в архиве Министерства юстиции РФ. В нем размещен снимок фотохроники ТАСС, в подписи к которому сообщается, что «Иван Самощенко лично истребил около 50 гитлеровцев, сжег 2 танка и более десятка вражеских автомашин... Не только хороший воин, но и один из лучших агитаторов части...»¹⁰. Зимой 1945 г. И. С. Самощенко был тяжело ранен в голову и после излечения в госпитале направлен в резерв политуправления Московского военного округа, пребывал в нем до лета

⁷ Лазарев В. В. Персоналистские размышлизмы, навеянные воспоминаниями о жизни Института законодательства советского времени // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 4. С. 149.

⁸ Город основан как рабочий поселок в 1929 г. (см.: Зайдинер В. И., Забегайлов Г. И. «Зерноград». Историко-краеведческий очерк. Ростов н/Д., 1979. С. 55–91); 25 октября 1951 г. рабочий поселок Зерновой получил статус города районного подчинения. В 1960 г. Зерновой был переименован в Зерноград и стал административным центром Зерноградского района Ростовской области. Ныне Зерноград — город — административный центр Зерноградского района и Зерноградского городского поселения Ростовской области.

⁹ Уместно вспомнить, что пленение и угон мирных советских граждан было не менее жестоким и масштабным, чем убийства и расстрелы. Нацистские власти Германии с оккупированных территорий СССР, помимо оборудования, которое можно было вывезти, угоняли и работоспособное население, особенно молодежь. В некоторых случаях обещая ей даже какие-то «привилегии». Убытие в рейх иногда сопровождалось торжественными церемониями и речами о том, как они освоят самые передовые технику и технологии и принесут в Европу трудовую доблесть русского народа. Угон «рабочей силы» с востока приобрел к середине 1942 г. тотальный характер, что означало новую стратегию германских нацистов в использовании трудовых ресурсов. Статистика свидетельствует, что в 1942–1944 гг. с оккупированных территорий СССР было угнано 5 269 513 человек. Почти половина — 2,4 млн — приходилась на Украину и южные регионы России. Основная масса попадала на крупные объекты с жесточайшими условиями и контролем и минимально необходимым для поддержания работоспособного состояния питанием. Трудились «остарбайтеры» в условиях, которые показались бы кошмаром даже невольникам на римских галерах (galley slave). Известно, что каждый второй «остарбайтер» пал жертвой людоедской политики нацистов.

¹⁰ Анн Л. Ф. Фронтовая и научная судьба профессора И. С. Самощенко // Журнал рос. права. 2010. № 7. С. 130, 131.

1945 г. В июне 1945 г. он был назначен комсоргом 158-го артополка, а после преобразования этого полка работал по комсомольской линии помощником начальника политотдела отдельной артбригады при Артакадемии им. Дзержинского. И.С. Самощенко из того поколения, представители которого еще совсем юными видели пот и кровь на своих гимнастерках. Он был из тех, кто всегда в строю и постоянно на передовой. За мужество, проявленное в годы Великой Отечественной войны, И.С. Самощенко награжден орденами Красной Звезды (12.08.1943), Отечественной войны II степени (12.03.1944), Славы III степени (24.04.1944), Отечественной войны I степени (апрель 1945), а также тремя медалями.

Несмотря на свои боевые заслуги, по достоинству оцененные Родиной, Иван Сергеевич никогда не рассказывал о них и тяготах фронтовой жизни, которые он перенес с необыкновенным мужеством и достоинством, постоянно находясь на передовой, ежедневно на грани жизни и смерти. Как-то в оправдание своего грубого нарушения учебной дисциплины я, будучи аспирантом, сослался на то, что я только что из Советской Армии¹¹, службе которой отдал много сил, и накопилась усталость на грани адинамии. Он, участник тяжелейшей войны, не сослался на свой фронтовой опыт, а заметил, что служба в армии — нелегкое дело, но всегда на пользу юноше. И если Вы этого еще не поняли, обязательно поймете позже. Об этом говорил еще Сократ, который в молодости также служил в армии Афин и воевал в статусе гоплита (тяжеловооруженный пехотинец). Он гордился своим участием в войнах за свой город и никогда не прерывал своих напряженных философских трудов и не уклонялся от возможности передать свои знания юношам города. Я до сих пор помню эту мудрую сентенцию Ивана Сергеевича.

Только в июле 1947 г. И.С. Самощенко был демобилизован. Вернувшись домой, он восстановился в 10-м классе зерноградской средней школы, окончил ее с отличием в 1948 г., после чего

¹¹ В связи с поступлением в аспирантуру Института начальник политотдела Московского военного суворовского училища (где я заканчивал свою службу в должности помощника офицера-воспитателя) майор В.М. Мартынюк подарил мне роскошный портфель из крокодиловой кожи со словами: «Первый раз вижу солдата, который поступил в аспирантуру». И дал соответствующее напутствие. Ни у кого в Институте не было подобного портфеля, и он всегда привлекал внимание, был предметом расспросов и стал средством личной идентификации. Когда я нужен был — особенно когда нужно было послать на овощную базу или на другую работу, или провести политзанятие на предприятии, прочитав лекцию по линии общества «Знание» и т.д., зав. аспирантурой, старший научный сотрудник З.А. Федотовская (в течение многих лет была заместителем Председателя Верховного Суда РСФСР) нередко спрашивала: «А где этот аспирант с крокодиловым портфелем..?».

поступил на 1-й курс Московского юридического института. Л.Ф. Апт, сославшись на воспоминания Клариссы Ивановны Самощенко, вдовы Ивана Сергеевича, пишет: «Иван Сергеевич, имея фронтовые заслуги (ранения и награды), а также аттестат с отличием, хотел поступить в Московский институт международных отношений (МГИМО), но там ему заявили, что его в это заведение не возьмут»¹². Нет худа без добра. Несправедливость такого решения способствовала правильному выбору жизненного пути. Именно правовая наука и практическая юридическая деятельность стали для И.С. Самощенко плодотворными, что обусловило его профессиональную успешность. Здесь он нашел свое призвание. Это великий дар. И плата за него — это жизнь. И награда за него — тоже жизнь. Жизнь его была непростой, но счастливой, наполненной глубоким содержанием, признанным на государственном уровне.

Уже на 1-м курсе Самощенко был признан лучшим студентом своего потока, на котором обучалось более 200 человек. Проработавшая в Институте несколько десятилетий проф. В.С. Пронина рассказывала мне в 1980-х годах, что студентки с других курсов приходили посмотреть на «Маркса». Именно такое прозвище получил Иван Сергеевич в студенческие годы за свой необыкновенный талант и трудолюбие, слухи о которых распространились по всему МЮИ. Сам же «Маркс» был вынужден носить солдатскую гимнастерку без знаков различия, кирзовые сапоги и тюбетейку, что больше всего умиляло московских студентов. Так бедно был одет солдат-победитель, как, впрочем, и другие студенты из числа демобилизованных воинов. Не случайно, что еще несколько десятилетий после этого словами «гражданская одежда» (в противопоставление одежде демобилизованных солдат) подчеркивалось повышение благосостояния советских граждан. В свою очередь, талант и трудолюбие, любознательность и способность работать с большими объемами информации студента Самощенко сочетались с такими же замечательными его личными качествами. Он был искренним, оптимистичным, требовательным к себе, уважительно относился к товарищам, любил делиться знаниями, охотно помогал отстающим, принимал активное участие в общественных мероприятиях в духе того «нерыночного» времени. В этом отношении он был типичным советским комсомольцем. Поэтому неудивительно, что в первый же год обучения однокурсники избрали Самощенко комсоргом курса.

Окончил МЮИ И.С. Самощенко в 1952 г. с отличием и поступил в аспирантуру данного вуза по специальности «Общая теория государства и права». Именно в это время его научным руководителем

¹² *Апт Л.Ф.* Указ. соч. С. 130, 131.

становится проф. Н.Г. Александров. Вспоминая эти годы, Иван Сергеевич говорил мне в мою бытность аспирантом ВНИИСЗ: «Требования у меня такие же, какие были у моего научного руководителя Николая Григорьевича: коллоквиумы и рефераты представлять в письменном виде. Только я представлял их от руки, а Вам придется печатать; у меня один глаз не видит полностью, а другой лишь на 80%». Моя работа в качестве аспиранта под руководством И.С. Самощенко была успешной. Я очень признателен ему за данный подход. Благодаря ему к моменту сдачи аспирантских экзаменов я приобрел опыт работы с источниками и написания текстов различного уровня сложности, сумел досрочно подготовить и защитить диссертацию на очень сложную тему, сохраняющую свою актуальность и в наши дни, — нормативные акты министерств и ведомств.

Пока И.С. Самощенко обучался в аспирантуре (1952–1955), Московский юридический институт и юридический факультет МГУ им. Ломоносова были объединены. В результате летом 1955 г. он окончил аспирантуру юридического факультета МГУ и поступил на работу в Издательство АН СССР, в котором трудился в должностях первоначально зав. отделом теории и истории государства и права, а затем ответственного секретаря редакции журнала «Советское государство и право». Его непосредственные руководители, главный редактор журнала И.В. Павлов и парторг редакции О.Н. Садиков, осенью 1957 г. в данной ему характеристике пишут: «И.С. Самощенко является квалифицированным работником — юристом, имеющим опыт издательской и преподавательской работы. Положительно проявил себя как сотрудник редакции журнала и добился улучшения в работе руководимого отдела...». Зимой следующего года И.В. Павлов в письме директору ВИЮН К.П. Горшенину¹³ в отношении И.С. Самощенко

подчеркивал, что «работа заведующего отделом по своему характеру носит научный характер, так как состоит прежде всего в оказании научной помощи авторам и научном редактировании статей. Полагаю, что это дает основание рассматривать работу заведующего отделом в теоретическом журнале Академии Наук СССР как научную». Именно данная аргументация легла в основу предложения включить период замещения И.С. Самощенко указанных должностей в стаж его научно-педагогической деятельности.

Уже работая в Издательстве АН СССР, И.С. Самощенко проходит публичную защиту диссертации на тему «Правоохранительная деятельность Советского государства как важнейшее средство обеспечения социалистической законности», которая состоялась 27 октября 1955 г., а 14 февраля следующего года решением Объединенного совета философского и юридического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова ему единогласно была присвоена ученая степень кандидата юридических наук.

В 1958 г. И.С. Самощенко переходит на работу во Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН). Вся его научная деятельность неразрывно связана с ВИЮН и его правопреемниками, 100-летний юбилей которого широко отмечен юридической общественностью в 2023 г. Уместно вспомнить, что директором Института (1963–1969) был выдающийся отечественный ученый-цивилист С.Н. Братусь (1904–1997), который родился, вырос и учился на Украине (в г. Конотоп Черниговской губернии). Иван Сергеевич был подлинным украинцем антропологически, по своему психологическому складу и в культурном отношении. В коллективе Института¹⁴

¹³ К.П. Горшенин в 1940–1943 гг. возглавлял Наркомат юстиции РСФСР. В 1943–1948 гг. — Прокурор СССР. На этом посту в конце 1945–1946 гг. К.П. Горшенин принимал участие в работе советской части обвинения и Международного военного трибунала на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. В 1948–1956 гг. — Министр юстиции СССР. Во время моего обучения в аспирантуре во ВНИИСЗ К.П. Горшенин замещал должность старшего научного сотрудника. В 1967 г. в Институте он защитил докторскую диссертацию на тему «Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы». Автор статьи присутствовал на защите, которая проходила весьма трудно. Некоторые специалисты в сфере трудового права представили отрицательные отзывы на диссертацию. Особенно резко выступил весьма авторитетный ученый проф. Л.Я. Гинцбург, который в эти годы работал на должности старшего научного сотрудника в Институте государства и права АН СССР. Но Ученый совет ВНИИСЗ принял решение о присуждении К.П. Горшенину ученой степени доктора юридических наук, если мне память не изменяет, единогласно.

¹⁴ Коллектив Института тех лет вполне справедливо характеризовать термином «одна семья». В.В. Лазарев объективно написал о «простоте жизни и отношений между сотрудниками... о теплоте общения» в Институте тех лет. В своих «размышлениях, навеянных воспоминаниями о жизни Института...» (см.: *Лазарев В.В.* Указ. соч. С. 148) он не смог «вспомнить то место, где стоял деревянный двухэтажный дом, в котором располагались сотрудники...». А это легендарная Плющиха, 57 — домик-прорабская при строительстве Военной академии РККА им. Фрунзе 1932 г. Сейчас этого домика уже нет. В 2015 г. на его месте построено небольшое двухэтажное здание для спортивных занятий студентов медицинских институтов на стадионе «Буревестник». Две фотографии его (фасад и торец) даже помещены в изданном в 2022 г. фолианте «Министерство юстиции в истории России: к 220-летию со дня образования Министерства юстиции (1802–2022)», в котором немало страниц посвящено Институту. Штатная численность работников Института в 60-е годы составляла всего 41 человек, включая вахтера, единственного охранника здания, которую звали Дуся. Это была женщина маленького роста и очень худенькая, которая и зимой, и летом сидела в телогрейке, наброшенной на плечи, за столом в коридоре (в котором всегда был сквозняк) с единственным телефоном в Институте. И во время заседаний Ученого совета, которые проводились в небольшой комнате, иронично именуемой сотрудниками «колонным залом» (потому что потолок, чтобы не обвалился, поддерживался

на встречах Нового года, 8 Марта и других праздников всегда пели украинские песни и танцевали гопак. Кстати, и моим первым «производственным» руководителем отдела конституционного, административного и финансового законодательства Института тоже был украинец М.Г. Кириченко¹⁵, замечательный, задушевный человек с чудесным голосом, так дивно исполнял «Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю...», «Чорні брови, карії очі...». И всем коллективом дружно пели «Ти ж мене підманула, ти ж мене підвела...», «Всюди буйно квітне черемшина...» и другие всеми любимые украинские песни. Настолько у сотрудников хорошо было на душе. Ощущение общей радости, удачи, свободы, необыкновенного душевного подъема. Кто чувствовал это, знает...

В Институте работали, учились, защищали диссертации представители практически всех национальностей Советского Союза. Никто и никогда в коллективе не говорил о каких-либо различиях и преимуществах, тем более на национальной основе. В Институте всегда дорожили человеческим достоинством каждого сотрудника, культивировали человеколюбие, человеческую правдивость, честность, благородство, сознание долга и необходимость дисциплины, понимание того, что национализм губит каждого впавшего в него и, как убедительно доказывает история, способен погубить целый народ.

“Seid Umschlungeh, Millionen” (Ф. Шиллер «Ода к радости»). Обнимитесь миллионы украинцев и русских, «русские и украинцы — один народ, единое целое»¹⁶. Нет никаких традиций, которые

деревянными столбиками, окрашенными в белый цвет), говорила Ивану Сергеевичу: «Вас к телефону зовут». На что он обычно отвечал: «Скажите, что в Институте идет заседание Ученого совета». Иногда она возвращалась и говорила: «Требуют срочно». Иван Сергеевич извинялся и шел к телефону. Дусю любили в коллективе. 14 апреля отмечался «главный праздник» — день Евдокии-Плющихи. Выпускалась стенгазета с портретом Дуси в виде прекрасной святой, идущей по облакам. Гардероб (вешалки, прибитые к стене) был в том же коридоре, и ей приходилось тщательно следить за сохранностью вещей. Аспирантке Н.А. Волковой (в будущем моя жена, канд. юрид. наук, профессор кафедры гражданского права), первой красавице в Институте, которая всегда одевалась изысканно, со вкусом, но без шика, лоска и дорогих вещей, Дуся говорила: «Наташ, возьми свою дорогую шубу, а то я не могу отойти в...». А шуба была из искусственного каракуля и местами уже весьма потертая. Об этом мы нередко вспоминали с юмором. Дусю выдали замуж за немолодого уже майора в отставке и подарили холодильник «Саратов».

¹⁵ В 1929—1933 гг. М.Г. Кириченко учился на рабфаке при Московской консерватории. Но окончательный профессиональный выбор сделал другой, поступил в Московский юридический институт, учебные корпуса которого находились рядом с консерваторией.

¹⁶ См.: Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 08.09.2022).

разделяли бы российский и украинский народы...¹⁷ Мы объединены не только землей, но прежде всего общей тысячелетней исторической судьбой.

Интуитивно ощущалось, что счастье было. Но не задержалось надолго. С назначением И.С. Самощенко на должность заместителя Министра юстиции СССР «дверку в скромное обаяние счастья Господь захлопнул...». Начались реформы и широкие общественные преобразования, повлекшие изменения направлений деятельности Института, новую организацию исследовательской работы и существенное увеличение его штата, что повлекло изменения отношений в коллективе и формирование новых взглядов и представлений, вкусов и обыкновений, норм и стилей поведения в коллективе, отвечающих духу нового времени. И это естественно. «К чему бесплодно спорить с веком?» (А.С. Пушкин).

За время своей многолетней научно-исследовательской деятельности И.С. Самощенко замещал практически все научные должности: февраль 1958 г. — декабрь 1960 г. — старший научный сотрудник ВИЮН; декабрь 1960 г. — март 1963 г. — и.о. зав. сектором общей теории права ВИЮН; март—июль 1963 г. — старший научный сотрудник ВИЮН; июль 1963 г. — июль 1969 г. — заместитель директора ВНИИСЗ, совмещал с должностью руководителя сектора кодификации и систематизации законодательства; июль 1969 г. — июль 1978 г. — директор ВНИИСЗ. Одновременно с научными И.С. Самощенко замещал и государственные должности, с июля 1978 г. он являлся заместителем Министра юстиции СССР, в дальнейшем до своей смерти — первым заместителем Министра юстиции. На должность заместителя Министра юстиции СССР И.С. Самощенко был назначен Постановлением Совета Министров СССР летом 1978 г., а уже зимой был избран председателем Научно-консультативного совета при Министерстве юстиции СССР.

И.С. Самощенко не ограничивался научной, научно-организационной и административной деятельностью. Он активно участвовал в подготовке научных кадров, замещая с конца 60-х годов должность профессора Московского государственного университета (факультет повышения квалификации преподавателей вузов); являлся автором и соавтором учебников и учебно-методических пособий для юридических вузов; под его научным

¹⁷ См.: Обращение Президента РФ 21 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67828> (дата обращения: 08.09.2022); Обращение Президента РФ 24 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 08.09.2022); Открытый урок «Разговор о важном». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69245> (дата обращения: 08.09.2022).

руководством успешно защищено 12 диссертаций, в том числе и моя.

Наряду с боевыми наградами за успешную научную и государственную деятельность И.С. Самошенко был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, «Знак Почета» и многочисленными медалями; Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1975 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Его вклад в юридическую науку был оценен также избранием его академиком Международной академии сравнительного права, неоднократными приглашениями для чтения лекций в дружественные социалистические страны, награждением 25 ноября 1972 г. польским орденом «Золотой знак».

Creative heritage профессора И.С. Самошенко. Научная судьба И.С. Самошенко не может считаться легкой. В науке нет и не может быть легких путей, научная истина достигается всегда тяжким трудом, ее еще надо уметь представить и отстоять. Но бесспорно она счастливая. Возможно, потому, что Иван Сергеевич обладал очень редким талантом — понимать свое время, быть в дружбе с ним, правильно понимать и оценивать прошлое применительно к современным задачам, предвидеть будущее. Выявлять и правильно определять содержание тех проблем, которые нуждаются в немедленном разрешении, ему было всегда интересно, и с этой задачей он всегда блестяще справлялся. Все это удачно сочеталось с необыкновенным трудолюбием, самодисциплиной и талантом организатора коллективной научной работы. Он говорил: «Способности, если они есть, подтверждаются трудом».

При этом научные интересы И.С. Самошенко были весьма разнообразны, охватывая проблематику философии права, общей теории права и государства, эффективности правового регулирования, систематизации законодательства и автоматизации управления. Он являлся автором таких фундаментальных работ, как «Охрана режима законности Советским государством»¹⁸, «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства»¹⁹, «Понятие правонарушения по советскому законодательству»²⁰, «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства»²¹,

¹⁸ См.: *Самошенко И.С.* Охрана режима законности Советским государством (Правоохранительная деятельность Советского государства — метод обеспечения социалистической законности). М., 1960.

¹⁹ См.: *Теоретические вопросы систематизации советского законодательства* / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. М., 1962.

²⁰ См.: *Самошенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

²¹ См.: *Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства* / под ред. А.Н. Мишутина. М., 1969.

«Ответственность по советскому законодательству»²², «Становление основ общесоюзного законодательства»²³, «Свод законов Советского государства: теоретические проблемы»²⁴ и др., которые составляют классику советской юриспруденции, а идеи, изложенные в них, остаются актуальными и в настоящее время.

В монографии «Охрана режима законности Советским государством» И.С. Самошенко раскрывает понятие социалистической законности и устанавливает ее значение в жизни советского общества; рассматривает основные методы борьбы Советского государства за укрепление социалистической законности; дает общую характеристику правоохранительной деятельности Советского государства, в том числе в контексте функционирования органов государственной власти и государственного управления, прокуратуры и суда. Результаты исследований, отраженные в данной книге, актуальны до настоящего времени. Ее выход в начале 60-х годов был важным научным событием.

Автор подчеркивал самостоятельность таких категорий, как законность и законодательство. При этом обозначаемые ими социальные явления тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В основе авторских выводов лежит особенно актуальная в наши дни идея о неразрывной связи законности и демократии. Данная связь имеет объективный характер. Ее игнорирование лишает любые рассуждения о понятии законности твердой теоретической основы. В дальнейшем И.С. Самошенко неоднократно подчеркивал, что соблюдение и исполнение законов есть обязанность не только граждан, но и государственных органов, их должностных лиц.

В контексте обеспечения законности И.С. Самошенко выделяет две основные группы ее нарушений: нарушения, в которых проявляется отрицательное отношение субъекта к обществу, и нарушения, которые представляют собой лишь объективно противоправное деяние. Последнюю группу правонарушений он относил к т.н. внешне противоправным деяниям, объяснимым незнанием лицом закона или неправильным его пониманием. Одновременно впервые в отечественной юриспруденции им был поставлен вопрос о методах обеспечения законности, к числу которых были отнесены установление правовых гарантий законности и непосредственная борьба с ее нарушениями. Первые были подразделены:

²² См.: *Самошенко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

²³ См.: *Кириченко М.Г., Самошенко И.С.* Становление основ общесоюзного законодательства. М., 1972.

²⁴ См.: *Свод законов Советского государства: теоретические проблемы* / отв. ред. И.С. Самошенко. М., 1981.

на (1) нормы, закрепляющие верховенство закона; (2) нормы, обеспечивающие права граждан на обжалование действий должностных лиц и органов государства, возлагающие на соответствующие органы обязанность своевременно рассмотреть и принять меры по этим жалобам к восстановлению нарушенных прав граждан; (3) нормы уполномоченных органов государства, направленные на разъяснение законов в целях их единообразного исполнения; (4) нормы, регулирующие правоохранительную деятельность государства. Отметим, что предложенное И.С. Самошенко определение правоохранительной деятельности до сих пор остается актуальным и одновременно дискуссионным. При этом он подчеркивал его условность в качестве самостоятельного вида деятельности государства по обеспечению законности, предлагая ограничить содержание данного понятия только государственным принуждением, применяемым в борьбе с правонарушениями.

И.С. Самошенко первым в юридической науке провел системное общетеоретическое исследование правонарушений в обществе²⁵. Впервые в теории права разработал общие, принципиальные положения об общем понятии и признаках правонарушения, которые явились истоками для выявления специфических особенностей отдельных видов правонарушений в специальных отраслях права. В работе много внимания уделено вопросу классификации правонарушений, которая сохраняет свое значение и в настоящее время.

Рецензенты — научные авторитеты того и настоящего времени — теоретики государства и права Д.А. Керимов и Л.С. Явич²⁶ отмечали высокую научную ценность исследования, особо выделяя положения о противоправности и виновности деяния вменяемого дееспособного лица; причинной связи между деянием и его общественно вредными последствиями; об общих условиях и специальных средствах искоренения правонарушений и др.

Значительное внимание уделено раскрытию объективной и субъективной сторон правонарушений по законодательству, и в особенности освещению вопроса о понятии вины. Автор исходил из того, что любое правонарушение — это виновное деяние, без вины нет правонарушения, нет ответственности. В книге представлен и рассмотрен в общей форме вопрос о понятии и содержании отдельных форм вины. В работе проводилась мысль о том, что «преступления, будучи

правонарушениями, представляют тем не менее особое качество внутри этого единства».

Идеи и выводы этой концептуальной работы сыграли существенную роль в развитии теорий о природе, сущности и структуре правонарушений во всех отраслях права и создали автору репутацию талантливого теоретика права, которую он в дальнейшем подтвердил теоретическими исследованиями и практической государственно-правовой деятельностью. Уже в те годы И.С. Самошенко был признан научным юридическим сообществом одним из самых результативных ученых в области общей теории государства и права.

И.С. Самошенко внес большой вклад в научную и практическую разработку проблем инкорпорации, систематизации и кодификации законодательства. Многие вопросы этой сложной и ответственной законопроектной работы были в поле его зрения. Он уделял серьезное внимание выработке для законодателя обоснованных рекомендаций о наиболее эффективных формах инкорпорации и систематизации законодательства, о методах отбора нормативного материала и его обработке, порядке издания систематизационных собраний и т.д.

Предметом его исследований были теоретические основы и формы учета, консолидации, инкорпорации, систематизации и кодификации законодательства, юридическая природа систематических собраний, типология кодификационных актов, вопросы практической организации и методики систематизационных работ и др. В современных условиях колоссального возрастания объема законодательства вопросы систематизации законодательства более чем актуальны в историческом, теоретическом и особенно прикладном значении. Научные труды И.С. Самошенко по этой проблематике востребованы временем²⁷ и способствуют поиску оптимальных средств повышения эффективности законодательства, преодоления современных проблем в области правотворчества.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Министерство юстиции РФ 5–6 марта 2025 г. провели XII Общероссийское годовое собрание теоретиков права, посвященное традициям и новациям систематизации законодательства. Собрание было приурочено к 100-летию со дня рождения И.С. Самошенко²⁸. Участники подчеркивали его ведущую роль как

²⁵ См.: *Самошенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству.

²⁶ См.: *Керимов Д., Явич Л.* Рец.: И.С. Самошенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству // Сов. юстиция. 1964. № 10. С. 21, 22.

²⁷ См.: *Теория систематизации законодательства: в 2 т. (репринт. изд.)* / под ред. И.С. Самошенко, С.Н. Братуся. М., 2023.

²⁸ На Пленарном заседании Собрания 5 марта 2025 г. на площадке Минюста России автор выступил с докладом «Иван Сергеевич Самошенко — вспоминая учителя» и был модератором секции «Вклад И.С. Самошенко и ученых ВИЮН в теорию и практику систематизации законодательства», на которой сделал доклад «Цели, классификационные критерии и виды

идеолога, теоретика и организатора комплексной систематизации советского законодательства, оказавшего определяющее влияние на развитие законодательства и его упорядочение²⁹.

В коллективной монографии «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства» были рассмотрены следующие теоретические вопросы: 1) понятие и формы систематизации советского законодательства, в том числе кодификация и инкорпорация; 2) юридический нормативный акт как предмет систематизации законодательства; 3) классификация нормативных актов, подлежащих официальной систематизации общесоюзного и республиканского законодательства; 4) постановления Пленума Верховного Суда СССР и инструктивные указания Государственного арбитража при Совете Министров СССР как предмет систематизации; 5) отбор юридических актов при систематизации законодательства; 6) значение законодательной техники при систематизации законодательства; 7) отраслевая и хронологическая систематизация законодательства (техника составления хронологических и систематических собраний законодательства); 8) соотношение системы советского права и систематизации законодательства.

Научные изыскания И.С. Самощенко в области систематизации законодательства были продолжены в рамках его участия в подготовке другого коллективного труда — «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства», который является итогом исследования комплекса проблем систематизации советского законодательства. Участие И.С. Самощенко в его подготовке не ограничивалось практическими вопросами подготовки и издания собраний законодательства, он уделял значительное внимание разработке общетеоретических основ и конкретных форм систематизации законодательства. При этом предложенные им рекомендации о разграничении инкорпорации и кодификации законодательства, об особенностях и принципах составления таких собраний сохраняют научную ценность и в наши дни. На них основывается практическая деятельность Минюста России в этой области.

Как ученый и практик, И.С. Самощенко держал в поле зрения все аспекты этой сложной и ответственной деятельности, уделяя серьезное внимание выработке для законодателя обоснованных рекомендаций о наиболее эффективных формах

систематизации законодательства, о методах отбора нормативного материала и его обработки, о порядке издания собраний законодательства. Предметом его научного и практического (в качестве заместителя Министра юстиции СССР) интереса были теоретические и прикладные вопросы систематизации советского законодательства и ее формы (инкорпорация и кодификации), юридическая природа собраний законодательства, типология кодифицированных актов, задачи практической организации и методики данной деятельности. Им всесторонне и глубоко разработаны сложные и важные для теории и практики вопросы построения собраний законодательства и сводов законов. Под его руководством впервые в отечественной правовой науке исследованы юридическая природа и теоретические проблемы подготовки сводов законов³⁰. Интерес представляет данный им научный прогноз работы над сводами законов и возможности автоматизации процесса их подготовки.

Одновременно с научными исследованиями в области систематизации советского законодательства И.С. Самощенко выступил идеологом ее проведения на официальном уровне. Под его непосредственным руководством и при его активном участии был подготовлен Свод законов СССР, который справедливо считается подлинным памятником правотворчества советской эпохи, представляющим для будущих поколений образец работ по инкорпорации законодательства и высокого профессионального мастерства в данной области. При этом всей своей практической деятельностью он подтверждал истину, что ученый — это не тот, кто владеет некоей суммой застывших знаний, а тот, кто умеет быстро осваивать новое, превращать научные достижения в реальное государственное дело, способен представить реальный научный результат и обеспечить его практическое внедрение.

Несомненным вкладом И.С. Самощенко в качестве как директора Института, так и заместителя (первого заместителя) Министра юстиции СССР в развитие советского законодательства было то, что при его непосредственном участии к моменту распада СССР оно было надлежащим образом систематизировано, упорядочено и организовано. На основе единых принципов были подготовлены Свод законов СССР и своды законов всех 15 союзных республик. Соприженность и согласованность систематизаций союзного и республиканского законодательств обеспечили возможность их практического применения, в том числе в постсоветский период. Продолжением идей И.С. Самощенко стало научное обеспечение издания Свода законов

систематизации отечественного законодательства: в ретроспективе и перспективе».

²⁹ См.: Залозило М.В. Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям (Обзор Общероссийского годового собрания теоретиков права, приуроченного к 100-летию со дня рождения И.С. Самощенко) // Журнал рос. права. 2025. Т. 29. № 6. С. 75–92.

³⁰ См.: Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И.С. Самощенко.

Российской Федерации в 90-е годы, приведения законодательства в соответствие с Конституцией РФ 1993 г., систематизации московского законодательства³¹, инкорпорации советских нормативных актов в современное российское законодательство, регуляторной гильотины. В Российской Федерации отдельные законы СССР, постановления Совета Министров Союза ССР и ведомственные нормативные акты были отменены только в 2020 г. в результате применения «регуляторной гильотины»³².

В начале 70-х годов совместно с М.Х. Фарукиным И.С. Самощенко осуществил первое в отечественной юриспруденции общетеоретическое исследование проблем юридической ответственности, результаты которого нашли отражение в монографии «Ответственность по советскому законодательству». В ней были представлены основные виды социальной ответственности и определено место юридической ответственности среди них. Сравнивая юридическую ответственность с другими видами социальной ответственности (политической, моральной и т.д.), авторы усмотрели ее специфику в том, что фактическим основанием такой ответственности служит правонарушение. Только в очень ограниченных случаях она допускается законодательством за объективно противоправные деяния (безвиновая ответственность). Именно данная позиция в настоящее время является доминирующей в отечественной юридической науке.

Кроме того, в названной монографии были сформулированы основные цели и принципы юридической ответственности: 1) ответственность только за поведение; 2) ответственность только при наличии вины; 3) законность; 4) справедливость; 5) целесообразность; 6) неотвратимость и быстрота наступления. При этом в основу оценки эффективности юридической ответственности авторами был положен принцип неотвратимости ее наступления, под которой понималась неизбежность негативных правовых последствий правонарушения, предполагалось, что ни одно правонарушение не может остаться незамеченным и (или) нераскрытым, что каждое нарушение должно получить публичную огласку, попасть в поле зрения государства и общества, подвергнуться правовой оценке и осуждению с их стороны.

³¹ Систематизацией московского законодательства начиная с 1998 г. занимались сотрудники ИЗиСП (автор входил в состав редколлегии); итогом работы явилось Собрание действующего законодательства г. Москвы в 16 томах, изданных в 21 книге (электронная версия — на сервере Правительства Москвы).

³² Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации / редкол.: А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова. М., 2022.

Проблематику правонарушения и ответственности И.С. Самощенко рассматривал не только на общетеоретическом уровне, но и применительно к отдельным отраслевым юридическим наукам, в первую очередь в контексте науки административного права. В связи с этим будет справедливо и со стороны ученых-административистов воздать ему дань самого глубокого уважения и благодарности. Автор как специалист, работающий много лет в области науки административного права, имеет основания утверждать, что научные положения о природе правонарушений, сущности юридической ответственности, режиме законности и охране ее государством и др., сформулированные И.С. Самощенко, несомненно, имеют основополагающее значение для науки административного права. В наши дни в связи с кардинальной (но вялотекущей) реформой законодательства об административных правонарушениях и публичным обсуждением проектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях уместно вспомнить научные суждения И.С. Самощенко об основаниях и целях административной ответственности³³. Он полагал, что одна из основных задач науки административного права, связанных с развитием административной ответственности, — разработка вопроса об административном проступке. С этим неразрывно связана и разработка проблемы оснований административной ответственности³⁴.

И.С. Самощенко рекомендовал не определять и не квалифицировать административный проступок в качестве общественно опасного. При этом надо говорить о вине в совершении административного проступка как единственном основании административной ответственности. Наличие вины является юридической основой осуждения и применения административно-правовых мер в тех многочисленных случаях совершения административных правонарушений как случайно содеянных, связанных с неправильным пониманием многочисленных технических, общесоциальных (моральных) норм и др., получивших особое распространение в Новейшее время. И это единственный правильный вывод.

Формировать законодательство об административных правонарушениях изолированно, в отрыве от регулирования других видов юридической

³³ См.: Самощенко И.С. Юридическая ответственность в советском обществе // Ученые записки ВНИИСЗ. 1964. Вып. 2 (19). С. 33 и след.

³⁴ См.: Самощенко И.С. К вопросу об основании и целях административной ответственности // Ученые записки ВНИИСЗ. 1965. Вып. 5. С. 110 и след.

ответственности, что имело место в прошлом опыте, неправильно. В современных условиях не теряют актуальности слова И.С. Самощенко: «И чем больше мы будем сближать наши законы, формулирующие основания разных видов юридической ответственности, тем лучше мы будем служить задаче наиболее совершенной регламентации юридической ответственности нашим законодательством»³⁵. Разумеется, законодатель должен учитывать различия в основаниях разных видов юридической ответственности. Но суть всех этих оснований едина: совершение соответствующим субъектом правонарушения и вина в совершении правонарушения.

При определении целей административной ответственности им предлагалось учитывать двуединую природу всякой юридической ответственности: охрану общества от правонарушений и воспитание (перевоспитание) правонарушителей. Следовательно, административные наказания должны быть адекватны целям административной ответственности.

Другой институт административного права, ставший предметом его научных интересов, — это государственная служба³⁶. Она должна быть подконтрольна не только государству, но и обществу, функционируя исключительно в интересах граждан. Ей следует быть компактной, мобильной, соответствующей общественным потребностям. Она — не придаток госаппарата, а его квинтэссенция. И.С. Самощенко едва ли не первый в советском правоведении ставил вопросы о рационализации структуры государственной службы, о создании надлежащей правовой основы ее функционирования; обращал внимание ученых-административистов на необходимость разработки понятийного аппарата института государственной службы и исследования многих других вопросов государственно-служебных отношений. Эти идеи И.С. Самощенко, несомненно, сохраняют свое значение и в настоящее время, и на будущее.

В дальнейшем И.С. Самощенко также обращался к исследованию социального действия права и установления его эффективности. Под его руководством и при непосредственном его участии сотрудниками ВНИИСЗ (И.Н. Петров, В.И. Никитинский, А.Б. Венгеров, Е.А. Павлодский, В.В. Глазырин и др.) были разработаны теоретическая основа и методика исследования эффективности права. Было установлено, что эффективность действия правовой нормы зависит не только

от деятельности правоприменительных органов, правосознания и поведения граждан, но и от качества правотворческого решения. Подчеркнута связь, которая существует между правотворчеством и правоприменением как двумя сторонами процесса обеспечения законности и правопорядка. Состояние последних служит основным индикатором социальной эффективности правовых норм. При этом эффективность права — это проблема, которая должна быть постоянно в поле зрения юридической науки³⁷.

И.С. Самощенко внес значимый вклад в развитие философии права и методологии правовой науки. Необходимо помнить, что единое понимание методологии правовой науки и ее содержания до сих пор отсутствует в современной юриспруденции. В свою очередь, он рассматривал методологию правоведения как интегративное явление, отражающее мировоззрение, фундаментальные метаюридические и общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, общие и частнонаучные методы. При этом в его понимании методология представлялась системой, которая не сводится к простой совокупности ее компонентов, а представляет целостный феномен. В ряде статей, подготовленных им в соавторстве, подчеркивалось, что эти закономерности обуславливают то, что компоненты методологии, будучи объединенными в целостную систему, вступают в связь между собой, отношения и взаимодействия и тем самым приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия³⁸.

Всеобщие философские законы и категории определяют границы применения обще- и частнонаучных методов в конкретных правовых исследованиях, равно как последние обогащают или должны обогащать арсенал философии.

³⁷ См.: Венгеров А.Б., Никитинский В.И., Самощенко И.С. К методике изучения эффективности правовых норм // Сов. государство и право. 1971. № 9. С. 70; Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980; Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971; Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М., 1974.

³⁸ См., напр.: Самощенко И.С., Сырых В.М. К методологии советского правоведения // Сов. государство и право. 1973. № 6. С. 29–37; Их же. О методах познания государственно-правовых явлений // Сов. государство и право. 1975. № 9. С. 10–16; Никитинский В.И., Самощенко И.С. Экономическая обоснованность (целесообразность) правовых решений и экономичность их действия // Сов. государство и право. 1976. № 5. С. 20–27; Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и методы правовой науки // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 5. С. 3–16; Их же. Диалектика и методы толкования права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 6. С. 3–15; Их же. Диалектика и сравнительно-правовой метод // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 7. С. 3–14.

³⁵ Самощенко И.С. К вопросу об основании и целях административной ответственности // Ученые записки ВНИИСЗ. С. 112.

³⁶ См.: Самощенко И.С. Место службы — госаппарат // Правительственный вестник. 1985. № 41.

И.С. Самощенко особо подчеркивал значение общей теории государства и права как частнонаучной методологической основы отраслевых юридических наук. Ее задачу он видел в том, чтобы интегрировать, систематизировать и обобщать знания и достижения отраслевых юридических наук и на этой основе создавать целостную и системную картину правовой жизни общества. В своих конкретных тематических исследованиях И.С. Самощенко стремился именно к этой цели.

Оценивая совместную с И.С. Самощенко научную деятельность, М.Х. Фарукшин, известный теоретик государства и права, а в последующем и политолог, в письме от 18 июня 2011 г. пишет мне: «Мое тесное сотрудничество с Иваном Сергеевичем занимает небольшой период. Но это было счастливое для меня время для написания известной Вам монографии...». М.Х. Фарукшин предложил «собрать и напечатать воспоминания об И.С. Самощенко тех, кто знал его, встречался с ним...». Конечно, память об Иване Сергеевиче стоит того, и этот долг надо было исполнить. Но, увы, «иных уж нет, а те далече». К глубокому моему сожалению.

Публичную оценку исследованиям И.С. Самощенко давали, выступая рецензентами его работ, ведущие советские и российские юристы: Л.Н. Антонова, Д.А. Керимов, Д.М. Шаргородский, Ю.К. Толстой, Л.С. Явич и др. Так, рецензия на монографию «Охрана режима законности Советским государством» была подготовлена Д.А. Керимовым и Б.В. Шейндлиным и опубликована в журнале «Советская юстиция»³⁹. Научной общественностью высоко была оценена опубликованная в 1969 г. книга «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства», признанная знаменательным явлением в правовой науке⁴⁰.

Рецензенты монографии «Понятие правонарушения по советскому законодательству» Д.А. Керимов и Л.С. Явич отмечали высокую научную ценность проведенного И.С. Самощенко исследования, выделяя положения о противоправности и виновности деяния; составе правонарушения, в первую очередь о причинно-следственных связях между деянием и его общественно вредными

последствиями; об общих условиях и специальных средствах превенции правонарушений и др.

Рецензенты работ, посвященных эффективности права, подчеркивали, что авторами впервые были предложены основные понятия теории и необходимые приемы и методы выявления и измерения эффективности права. Ими проведен теоретический анализ понятия эффективности правовых норм, выявлены его существенные признаки, отграничивающие от смежных категорий, характеризующих действие правовых норм, определены условия и факторы эффективного действия правовых норм; предложены методики измерения эффективности правовых норм, методы изучения эффективности права. Теоретическую и практическую значимость имеет разграничение понятий эффективности, социальной ценности, полезности и экономичности как разных свойств действия правовых норм⁴¹.

Отдельные работы И.С. Самощенко были переведены на иностранные языки и опубликованы в Румынии, Германии, Эстонии, Латвии, Казахстане, во Франции, в Венгрии, Скандинавских странах, США, Чехословакии.

Scientiarum et practica opera профессора И.С. Самощенко. Особого признания достойны заслуги И.С. Самощенко в области правовой информатизации в стране, значимость которой стала понятна особенно в настоящее время. Он был одним из первых авторов идеи правовой информатизации и организатором начала практических работ в этой сфере — создания автоматизированного фонда законодательства. При этом уже к середине 70-х годов общий фонд нормативных правовых актов в СССР составлял более 40 тыс. документов⁴². В результате их применение было затруднено в связи с большими объемами хранения и необходимости постоянного обновления и актуализации.

Единственный способ решения задач, связанных с необходимостью работы с постоянно нарастающим валом правовой информации при условии невозможности не только ограничить, но и приостановить динамику ее увеличения, И.С. Самощенко видел в автоматизации. По его инициативе с целью научной разработки проблем использования в праве электронно-вычислительной техники в 1974 г. в Институте был создан сектор правовой информации (руководителем был назначен

³⁹ Керимов Д., Шейндлин Б. Рец.: И.С. Самощенко. Охрана режима законности Советским государством (Правоохранительная деятельность Советского государства — метод обеспечения социалистической законности). М., 1960. 199 с. // Сов. юстиция. 1962. № 14. С. 29, 30.

⁴⁰ См.: Шаргородский Д. М., Антонова Л. Н., Толстой Ю. К. Рец.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М., Юридическая литература, 1969, 343 стр. // Правоведение. 1970. № 4. С. 117 и след.

⁴¹ См.: Зайцев В. В., Михайлова Н. П. Обсуждение книги об эффективности действия права // Сов. государство и право. 1981. № 12. С. 142–144.

⁴² Для сравнения: в настоящее время в Центральной базе данных Научного центра правовой информации Минюста России и на портале «Нормативные правовые акты в Российской Федерации» размещено более 14 млн нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней.

Р.А. Романов — первый аспирант И.С. Самощенко, защитивший диссертацию о кодификации и систематизации законодательства в 1968 г.). В марте 1975 г. сектору была назначена аудиенция у Министра юстиции СССР В.И. Теребилова по вопросу перспектив правовой информации, что было сверхнеобычным событием в Институте⁴³. Перед сектором была поставлена задача — создать тезаурус (в то время правильно выговаривали немногие) — словарь юридических понятий и терминов для информационно-поисковой системы по законодательству⁴⁴.

Спустя некоторое время (июнь 1975 г.) в составе ВНИИСЗ создается Научный центр правовой информации (НЦПИ)⁴⁵ — первая в стране организация, осуществляющая деятельность в области автоматизации работы с правовой информацией. Ядром новой структуры стал именно сектор правовой информации⁴⁶. 6 октября 1975 г. вышел приказ

⁴³ Министр юстиции СССР В.И. Теребилов (1970–1984) имел ученую степень кандидата юридических наук, был демократичным человеком. Уделял внимание работе Института и неоднократно посещал его. Видел, в каких скромных условиях работают сотрудники. Но говорил: «Как только в организации появляются красные дорожки, ее надо закрывать». Автор, будучи старшим научным сотрудником, участвовал в нескольких, немногочисленных по составу, совещаниях, проводимых Министром, а один раз (1976 г.) лично консультировал Министра по вопросам венгерского законодательства о народнохозяйственном планировании в связи с предстоящим его визитом в Венгерскую Народную Республику. При встрече Владимир Иванович всегда приветствовал рукопожатием.

⁴⁴ См.: *Прянишников Е.А.* Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения. М., 2000. С. 214.

⁴⁵ 25 июня 1975 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства», в п. 7 которого предусматривалось ввести «государственный учет нормативных актов СССР и союзных республик, а также организовать централизованную информацию о таких актах. В этих целях создать при Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства Министерства юстиции СССР научно-информационный центр, оснащенный современными техническими средствами для поиска и выдачи информации».

⁴⁶ Главным конструктором проекта и первым руководителем НЦПИ в составе Института в 1976–1984 гг. был канд. тех. наук В.А. Копылов, который имел опыт создания поисковых систем. Под научным руководством И.С. Самощенко в составе НЦПИ были образованы сектор разработки информационно-поисковых языков, отдел разработки автоматизированной информационной системы в области законодательства, сектор хранения и поддержания контрольного состояния нормативных актов, отдел фонда нормативных актов. Автор в составе группы сотрудников Института, в которую входили только доктора и кандидаты наук, активно участвовал в создании указанного фонда, занимаясь поиском образов документов (ПОД). В 1980 г. в НЦПИ была введена в эксплуатацию первая в стране автоматизированная информационно-поисковая система «АИПС — Законодательство». В дальнейшем эта система стала основой для создания правовых баз данных «Эталон» (URL: <http://etozakon.ru>), которые эксплуатируются до настоящего времени. В 1994 г. была принята президентская

Министра юстиции СССР «Об утверждении структуры Научно-информационного центра». Так практически реализовалась дальновидная и очень своевременная идея И.С. Самощенко общегосударственного значения о необходимости правовой информатизации в стране, которая в настоящее время является одним из основных направлений деятельности Министерства юстиции РФ, у истоков которой был Институт законодательства и сравнительного правоведения. А НЦПИ сейчас — форпост правовой информатизации в стране⁴⁷.

И.С. Самощенко принимал активное участие в подготовке важнейших конституционных законопроектов. Он является одним из авторов текста Конституции СССР 1977 г., а также политико-правового комментария к ней (1982). Вместе с акад. В.Н. Кудрявцевым руководил рабочей группой по подготовке материалов к проекту Конституции СССР и обобщению предложений трудящихся по проекту, в которую входил и автор статьи в числе сотрудников Института законодательства и Института государства и права АН СССР. Некоторые теоретические конструкции Конституции СССР — несомненный вклад в отечественное правоведение.

Во ВНИИСЗ на протяжении многих лет И.С. Самощенко вел научно-теоретический семинар «Вопросы государства и права в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса». Я был секретарем этого семинара в течение всего времени его функционирования и должен сказать, что это не было транжирством драгоценного времени и поиском необходимых цитат, как это практиковалось в то время.

Глубокое знание этих работ, высокая правовая культура позволяли И.С. Самощенко ставить и обсуждать кардинальные проблемы правоведения: соотношение экономики, политики и права; право и правосознание; свобода воли как предпосылка правового регулирования и юридической ответственности; содержание и форма в праве; право и мораль; право и другие социальные нормы в обществе и др. Это привлекало научных сотрудников к активному участию в работе семинара, участниками которого были профессора В.И. Попова, А.И. Пергамент,

программа «Правовая информатизация органов государственной власти Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 04.08.1995 № 808), суть которой заключалась в создании единой системы информационно-правовой поддержки принятия решений органами государственной власти.

⁴⁷ Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции РФ (НЦПИ при Минюсте России) — федеральное бюджетное учреждение. Его основными функциями являются реализация государственной политики в области информатизации России, информационная поддержка деятельности Минюста России, внедрение передовых информационных технологий в его деятельности, участие в обеспечении Министерства вычислительной техникой и программно-техническими средствами и др.

И.Ф. Панкратов, С.С. Каринский, Ю.Г. Жариков, А.И. Ставцева, И.Н. Петров и другие ученые, занимавшие видные места в нашей профессиональной среде.

И.С. Самощенко акцентировал внимание слушателей на том, как не только положения марксизма, но и теории Аристотеля, Платона, Сократа, других древнегреческих мыслителей, а в особенности Г. Гегеля, И. Канта, Г. Еллинека, Р. Иеринга, Ш. Монтескье и др. следует применять к анализу экономической, социальной, политической и правовой действительности. На семинаре анализировались демократические институты конституционного, административного, уголовного, процессуального права, появившиеся в период буржуазных революций и становления капиталистического государственного строя, и возможности их наполнения новым содержанием.

Жизнь идет. Я искренне убежден, что в истории отечественной юриспруденции имя И.С. Самощенко будет занимать столь же видное и почетное место не только сейчас, но и в будущем.

Как руководитель И.С. Самощенко пользовался исключительным авторитетом, основанным на прямом и честном жизненном, творческом и административном пути — морально-этически чистом, бескомпромиссном и, я думаю, безукоризненном. У нас таких людей все меньше и меньше. Мы их теряем, как на войне. Но такие люди еще есть.

Время показывает, что нравственный уровень в обществе очень сильно зависит от того, что происходит в высших политических сферах, высших сферах науки и культуры и образования. Мне не кажутся гиперболой слова д-ра экон. наук, известного писателя и публициста Николая Шмелева: «Совесть человеческая или отсутствие таковой есть фактор не меньшей исторической мощи, чем все идеологии, партии, массовые движения, производительные силы и производственные отношения, государственные интересы и прочая ученая дребедень, чем по сегодняшний день забиты наши головы»⁴⁸.

* * *

Воспоминания никогда не могут считаться исчерпывающими. Я не могу сказать, что сейчас у меня хорошая память, и ясно отдаю себе отчет в том, что сведения о И.С. Самощенко, которые я сообщаю в своих заметках, фрагментарны, а суждения о нем и его творческом наследии, возможно, оспоримы. Все заслуги и жизненные перипетии этого замечательного человека нельзя вместить в одну статью. К счастью, разнообразие дат и события, связанные с ним и его научной и государственной деятельностью, дают нам

повод писать о И.С. Самощенко в разных контекстах. Я хотел бы еще дополнять и обогащать свои заметки и продолжать воспоминания. Будучи неблагодарным, можно ли быть ученым? Если мы будем забывать наших учителей, наших выдающихся предшественников, мы неизбежно и сами будем обречены на «абъекцию» (пренебрежение (от лат. *ab* — от и *jacere* — бросать)) и вечное забвение.

Портрет И.С. Самощенко в здании Минюста России помещен в ряду выдающихся деятелей юстиции Российской Империи, советского и постсоветского периодов. В течение многих лет я часто бываю в Министерстве в качестве члена Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих центрального аппарата, начальников и заместителей начальников территориальных органов Минюста России, работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Минюстом России, и урегулированию конфликта интересов и всегда с душевным трепетом останавливаюсь у портрета Ивана Сергеевича, мысленно произнося слова памяти, признательности и благодарности. Благодарность учителю позволяет и мне по-настоящему дорожить и ценить свою скромную жизнь в юридической науке во всех ее проявлениях.

Единственное, что я твердо знаю и в чем непоколебимо убежден, что мой научный руководитель И.С. Самощенко — ключевой человек в моей жизни. Он был благородным, талантливым, ярким, очень трудолюбивым, мужественным, открытым, добрым, щедрым, умным, веселым, хотя внешне производил впечатление строгого человека. Общаться с ним было легко, разговаривать с ним было замечательно. Его расположение (хотя я не был фаворитом, такими были некоторые другие аспиранты) поднимало меня в своих собственных глазах. Я дорожил отношениями наставничества с моим научным руководителем, и бесконечно дороги мне воспоминания о нем. Вспоминать И.С. Самощенко мне радостно, прав Ф.М. Достоевский: «хорошее воспоминание при нас...» и оно «нам во спасение...». Я осмысливаю свой жизненный опыт с позитивной точки зрения. И этот опыт вызывает только чувство благодарности моему учителю. Он уже давно ушел дорогой светлой. Мне завещал поминать его трудом и надеждой, что я и делаю в день его 100-летнего юбилея. Эта статья — возвращение малой частицы моего долга моему Учителю — профессору И.С. Самощенко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ант Л. Ф.* Фронтовая и научная судьба профессора И.С. Самощенко // Журнал рос. права. 2010. № 7. С. 130, 131.

⁴⁸ Шмелев Н.П. О здравом смысле и морали в экономике // Шмелев Н.П. Собр. соч. Т. 4: Авансы и долги, или Возвращение к здравому смыслу. М., 2007. С. 253.

2. Венгеров А.Б., Никитинский В.И., Самощенко И.С. К методике изучения эффективности правовых норм // Сов. государство и право. 1971. № 9. С. 70.
3. Зайцев В.В., Михайлова Н.П. Обсуждение книги об эффективности действия права // Сов. государство и право. 1981. № 12. С. 142–144.
4. Залоило М.В. Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям (Обзор Общероссийского годового собрания теоретиков права, приуроченного к 100-летию со дня рождения И.С. Самощенко) // Журнал рос. права. 2025. Т. 29. № 6. С. 75–92.
5. Керимов Д., Шейндлин Б. Рец.: И.С. Самощенко. Охрана режима законности Советским государством (Правоохранительная деятельность Советского государства — метод обеспечения социалистической законности). М., 1960. 199 с. // Сов. юстиция. 1962. № 14. С. 29, 30.
6. Керимов Д., Явич Л. Рец.: И.С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству // Сов. юстиция. 1964. № 10. С. 21, 22.
7. Кириченко М.Г., Самощенко И.С. Становление основ общесоюзного законодательства. М., 1972.
8. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980.
9. Лазарев В.В. Персоналистские размышлизмы, навеянные воспоминаниями о жизни Института законодательства советского времени // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 4. С. 148, 149.
10. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971.
11. Никитинский В.И., Самощенко И.С. Экономическая обоснованность (целесообразность) правовых решений и экономичность их действия // Сов. государство и право. 1976. № 5. С. 20–27.
12. Ноздрачев А.Ф. Аффидевит об учителе (к 85-летию со дня рождения проф. И.С. Самощенко) // Государство и право. 2011. № 4. С. 50–56.
13. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М., 1974.
14. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А.Н. Мишутина. М., 1969.
15. Прянишников Е.А. Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения. М., 2000. С. 214.
16. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 08.09.2022).
17. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации / редкол.: А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова. М., 2022.
18. Самощенко И.С. К вопросу об основании и целях административной ответственности // Ученые записки ВНИИСЗ. 1965. Вып. 5. С. 110, 112.
19. Самощенко И.С. Место службы — госаппарат // Правительственный вестник. 1985. № 41.
20. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством (Правоохранительная деятельность Советского государства — метод обеспечения социалистической законности). М., 1960.
21. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.
22. Самощенко И.С. Юридическая ответственность в советском обществе // Ученые записки ВНИИСЗ. 1964. Вып. 2 (19). С. 33.
23. Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и методы правовой науки // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 5. С. 3–16.
24. Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и методы толкования права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 6. С. 3–15.
25. Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и сравнительно-правовой метод // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. 1976. Вып. 7. С. 3–14.
26. Самощенко И.С., Сырых В.М. К методологии советского правоведения // Сов. государство и право. 1973. № 6. С. 29–37.
27. Самощенко И.С., Сырых В.М. О методах познания государственно-правовых явлений // Сов. государство и право. 1975. № 9. С. 10–16.
28. Самощенко И.С., Фарукишин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
29. Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И.С. Самощенко. М., 1981.
30. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1962.
31. Теория систематизации законодательства: в 2 т. (репринт. изд.) / под ред. И.С. Самощенко, С.Н. Братуся. М., 2023.
32. Шаргородский Д.М., Антонова Л.Н., Толстой Ю.К. Рец.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М., Юридическая литература, 1969, 343 стр. // Правоведение. 1970. № 4. С. 117.
33. Шмелев Н.П. О здравом смысле и морали в экономике // Шмелев Н.П. Собр. соч. Т. 4: Авансы и долги, или Возвращение к здравому смыслу. М., 2007. С. 253.

REFERENCES

1. Apt L.F. The frontline and scientific fate of Professor I.S. Samoshchenko // Journal of Russ. law. 2010. No. 7. Pp. 130, 131 (in Russ.).
2. Vengerov A.B., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S. Towards a methodology for studying the effectiveness of legal norms // Soviet State and Law. 1971. No. 9. P. 70 (in Russ.).
3. Zaitsev V.V., Mikhailova N.P. Discussion of the book on the effectiveness of law // Soviet State and Law. 1981. No. 12. Pp. 142–144 (in Russ.).
4. Zaloilo M.V. Systematization of legislation: from established concepts to modern innovations (Review of the All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists dedicated to the 100th anniversary of the birth of I.S. Samoshchenko) //

- Journal of Russ. law. 2025. Vol. 29. No. 6. Pp. 75–92 (in Russ.).
5. *Kerimov D., Sheindlin B.* Rec.: I.S. Samoshchenko. Protection of the rule of law by the Soviet state (Law enforcement activities of the Soviet state are a method of ensuring socialist legality). M., 1960. 199 pp. // Sov. Justice. 1962. No. 14. Pp. 29, 30 (in Russ.).
  6. *Kerimov D., Yavich L.* Rec.: I.S. Samoshchenko. The concept of an offense under Soviet law // Sov. Justice. 1964. No. 10. Pp. 21, 22 (in Russ.).
  7. *Kirichenko M.G., Samoshchenko I.S.* Formation of the foundations of the all-Union legislation. M., 1972 (in Russ.).
  8. *Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V.* Effectiveness of legal norms. M., 1980 (in Russ.).
  9. *Lazarev V.V.* Personalistic reflections inspired by memories of the life of the Institute of Legislation of the Soviet era // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 4. Pp. 148, 149 (in Russ.).
  10. *Nikitinsky V.I.* Effectiveness of labor law norms. M., 1971 (in Russ.).
  11. *Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S.* The economic validity (expediency) of legal decisions and the cost-effectiveness of their actions // Soviet State and Law. 1976. No. 5. Pp. 20–27 (in Russ.).
  12. *Nozdrachev A.F.* Affidavit about the teacher (on the 85th anniversary of the birth of Professor I.S. Samoshchenko) // State and Law. 2011. No. 4. Pp. 50–56 (in Russ.).
  13. *Petrov I.N.* Responsibility of household organizations for breach of obligations. M., 1974 (in Russ.).
  14. Preparation and publication of systematic collections of current legislation / ed. by A.N. Mishutin. M., 1969 (in Russ.).
  15. *Pryanishnikov E.A.* Pages of the history of the Institute of Legislation and Comparative Law. M., 2000. P. 214 (in Russ.).
  16. *Putin V.V.* On the historical unity of Russians and Ukrainians. July 12, 2021 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (accessed: 08.09.2022) (in Russ.).
  17. Regulatory policy of the Russian Federation: legal problems of formation and implementation / editors: A.F. Nozdrachev, S.M. Zyryanov, A.V. Kalmykova. M., 2022 (in Russ.).
  18. *Samoshchenko I.S.* On the basis and objectives of administrative responsibility // Scientific notes of VNIISZ. 1965. Iss. 5. Pp. 110, 112 (in Russ.).
  19. *Samoshchenko I.S.* Place of service — the state apparatus // Government Bulletin. 1985. No. 41 (in Russ.).
  20. *Samoshchenko I.S.* Protection of the rule of law by the Soviet state (Law enforcement activities of the Soviet state — a method of ensuring socialist legality). M., 1960 (in Russ.).
  21. *Samoshchenko I.S.* The concept of an offense under Soviet law. M., 1963 (in Russ.).
  22. *Samoshchenko I.S.* Legal responsibility in Soviet society // Scientific notes of VNIISZ. 1964. Iss. 2 (19). P. 33 (in Russ.).
  23. *Samoshchenko I.S., Syrykh V.M.* Dialectics and methods of legal science // Problems of improving Soviet legislation. Proceedings. 1976. Iss. 5. Pp. 3–16 (in Russ.).
  24. *Samoshchenko I.S., Syrykh V.M.* Dialectics and methods of interpretation of law // Problems of improving Soviet legislation. Proceedings. 1976. Iss. 6. Pp. 3–15 (in Russ.).
  25. *Samoshchenko I.S., Syrykh V.M.* Dialectics and comparative legal method // Problems of improving Soviet legislation. Proceedings. 1976. Iss. 7. Pp. 3–14 (in Russ.).
  26. *Samoshchenko I.S., Syrykh V.M.* On the methodology of Soviet jurisprudence // Soviet State and Law. 1973. No. 6. Pp. 29–37 (in Russ.).
  27. *Samoshchenko I.S., Syrykh V.M.* On methods of cognition of state-legal phenomena // Soviet State and Law. 1975. No. 9. Pp. 10–16 (in Russ.).
  28. *Samoshchenko I.S., Farukshin M.X.* Responsibility under Soviet legislation. M., 1971 (in Russ.).
  29. Code of laws of the Soviet state: theoretical problems / ed. by I.S. Samoshchenko. M., 1981 (in Russ.).
  30. Theoretical issues of systematization of Soviet legislation / ed. by S.N. Bratus and S. Samoshchenko. M., 1962 (in Russ.).
  31. Theory of the systematization of legislation: in 2 vols (reprint. ed.) / ed. by I.S. Samoshchenko, S.N. Bratus. M., 2023 (in Russ.).
  32. *Shargorodsky D.M., Antonova L.N., Tolstoy Yu. K.* Rec.: Preparation and publication of systematic collections of current legislation. Moscow, Publishing House. legal literature, 1969, 343 pp. // Jurisprudence. 1970. No. 4. P. 117 (in Russ.).
  33. *Shmelev N.P.* On common sense and morality in economics // Shmelev N.P. Collected works. Vol. 4: Advances and debts, or a return to common sense. M., 2007. P. 253 (in Russ.).

Сведения об авторе

НОЗДРАЧЕВ Александр Филиппович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34

Authors' information

NOZDRACHEV Alexander F. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

УДК 342

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

© 2025 г. Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: constitution@igpran.ru

Поступила в редакцию 07.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностей отечественного конституционализма дооктябрьского периода. Данная проблематика в наши дни выдвигается на первый план в связи с необходимостью определения современной государственной идеологии России. Одной из ее основ, составляющих являются и ценности российского конституционализма, накопленные, сложившиеся за века. Автор исходит из того, что конституционализм — это, прежде всего, реальная государственно-правовая практика, выраженная в двух аспектах: существование конституции на практике, ее соответствующая структура, содержание; наличие реальных гарантий положений конституции, их реализации в жизни. Имеет место и теоретический конституционализм. Ценности конституционализма становятся таковыми, когда соответствуют общечеловеческим и нашим традиционным ценностям, отражают своеобразие страны, доказывают свою жизнеспособность, востребованность, эффективность, понятны, поддерживаются, защищаются населением, имеют длительный характер. Возникая первоначально в идеях, доктринах, теориях, такие ценности в дальнейшем, как правило, воплощаются на практике в конкретных институтах, и их статус закрепляется в правовых актах, конституции. Достаточно четко прослеживаются следующие этапы в истории российского конституционализма, его ценностей в рассматриваемый нами период: до 1905 г. — монархический; 1905 г. — февраль 1917 г. — конституционно-монархический; март — октябрь 1917 г. — республиканский. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в дооктябрьский период в стране сформировались, прежде всего, следующие ценности российского конституционализма, нашедшие воплощение на практике, в правовых актах, включая Основные государственные законы 1906 г.: наличие реальной конституции; участие народа в осуществлении государственной власти, и прежде всего представительная демократия; законодательное закрепление прав и свобод граждан и их реальная защита; местное самоуправление. Ряд ценностей реально воплощались и в дальнейшем. Например, использование в ряде советских конституций термина «основной закон», который употреблялся по отношению к Основным государственным законам 1906 г.; закрепление в Конституции РФ 1993 г. статуса местного самоуправления.

Ключевые слова: Временное правительство, конституция, конституционализм, конституционные ценности, народное представительство, права и свободы граждан, самоуправление, Советы, статус гражданина.

Цитирование: Шульженко Ю.Л. Ценности российского конституционализма дооктябрьского периода // Государство и право. 2025. № 10. С. 168–182.

DOI: 10.31857/S1026945225100152

THE VALUES OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN THE PRE-OCTOBER PERIOD

© 2025 Yu. L. Shulzhenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: constitution@igpran.ru

Received 07.08.2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of the values of Russian constitutionalism of the pre-October period. These days, this issue is coming to the fore in connection with the need to define the modern state ideology of Russia. One of its foundations and components are the values of Russian constitutionalism, accumulated and developed over the centuries. The author proceeds from the fact that constitutionalism is primarily a real state-legal practice, expressed in two aspects: the existence of the constitution in practice, its corresponding structure, and content; the existence of real guarantees of the provisions of the Constitution and their implementation in life. There is also a theoretical constitutionalism. The values of constitutionalism become such when they correspond to universal and our traditional values, reflect the uniqueness of the country, prove their viability, relevance, effectiveness, are understandable, supported, protected by the population, and have a lasting character. Originating initially in ideas, doctrines, and theories, such values are later, as a rule, translated into practice in specific institutions, and their status is fixed in legal acts and the constitution. The following stages in the history of Russian constitutionalism and its values in the period under consideration are quite clearly traced: before 1905 – monarchical; 1905 – February 1917 – constitutional-monarchical; March – October 1917 – republican. The analysis shows that in the pre-October period, the following values of Russian constitutionalism were formed in the country, which were embodied in practice, in legal acts, including the Basic State Laws of 1906: the existence of a real constitution; the participation of the people in the exercise of state power and, above all, representative democracy; legislative consolidation of the rights and freedoms of citizens and their real protection; local government. A number of values were actually embodied in the future. For example, the use of the term “basic law” in a number of Soviet constitutions, which was used in relation to the Basic State Laws of 1906; the consolidation of the status of local self-government in the 1993 Constitution of the Russian Federation.

Key words: Provisional Government, constitution, constitutionalism, constitutional values, popular representation, citizens’ rights and freedoms, self-government, Councils, citizen status.

For citation: Shulzhenko, Yu. L. (2025). The values of Russian constitutionalism in the pre-October period // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 168–182.

В любом государстве сложились, выработались и действуют различного рода ценности. Они фактически имеют место во всех его социально-экономических сферах, институтах. В связи с этим говорят об исторических, культурных, политических ценностях и т.д. Не является здесь исключением и Россия. Особо отметим, что в наши дни вопросы ценностей оказались в центре пристального внимания, выдвинулись на первый план. Это связано, в свою очередь, с проблематикой государственной идеологии, ставшей сегодня как никогда актуальной. Поставлена наисложнейшая задача – определить, что идеология представляет собой в условиях современного российского общества.

Замечу, что мы сталкиваемся с этим не впервые. Вопросы идеологии в большей или меньшей степени, в той или иной форме находились практически всегда в центре внимания общества, науки. Но современная ситуация в стране и мире требует новых подходов, решений. При этом достаточно четко и настойчиво прокладывает себе путь идея о том, что одной из важнейших составных частей, одной из основ современной отечественной идеологии должны быть российские ценности, которые сегодня как никогда напрямую связаны с обеспечением суверенитета, безопасностью нашей страны, решением различного рода актуальных вопросов социально-экономического развития.

Особо отмечу позиции, высказанные Президентом нашей страны Путиным В.В. по данному вопросу. Так, на заседании Совета Безопасности РФ 10 июня 2025 г. он обратился прежде всего к понятию традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве нравственных ориентиров, «которые закладывались нашими предками в течение столетий»¹. Их значение состоит в том, что «они в основе нашей цивилизации, идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру, суверенное мировоззрение, устойчивость в попытках навязать нам чужую волю». Определены и такие важнейшие ценности, как патриотизм, преданность Родине, милосердие, гуманизм, крепкая семья, любовь к детям, взаимопомощь, стремление добиться успеха всей страны, а не отдельной личности. «И именно эти ценности питали энергией созидания, вдохновляли на великие свершения наших предков». Сегодня они — опора, ориентир развития. В интервью журналисту телеканала «Россия-1» П. Зарубину 13 июля 2025 г. В.В. Путин указал на то, что успешное развитие России должно опираться на историю и традиционные ценности. «Если мы будем развиваться на этой базе, морально-нравственной, исторической традиционной базе, нас, безусловно, ждет успех»².

Велика роль ценностей и в таком важнейшем институте, как отечественный конституционализм. И именно анализу этой проблемы в дооктябрьский период в России и будет посвящена данная статья. Предварительно отмечу, что в научной литературе представлены разные подходы, даны различного рода определения конституционализма³. Стоит упомянуть здесь, например, наиболее его удачное, краткое. Конституционализм — «это общественно-политическое движение, научная теория, государственная доктрина и конституционная практика, соответствующие общечеловеческим ценностям, идеям свободного, открытого общества, демократического, социального, правового, светского государства»⁴.

С нашей точки зрения, конституционализм прежде всего целесообразно характеризовать в качестве реальной государственно-правовой практики, которая выражается в двух моментах. Во-первых, основополагающий атрибут наличия конституционализма на практике — реальное существование

конституции, занимающей верховенствующее положение в отношении всех элементов политической системы, обладающей высшей юридической силой в правовой иерархии, имеющей эффективную систему ее правовой охраны. В ней должен быть четко определен государственный строй, статус его институтов, в первую очередь таких, как непосредственная, представительная демократия, правовой статус личности, гражданина, их конституционные права и свободы. Во-вторых, наличие реальных гарантий установленных конституцией положений и их действенная реализация в жизни. Сегодня конституционализм должен эффективно обеспечивать функционирование Российского государства, определенного Основным Законом РФ 1993 г. как демократического, федеративного, правового, с республиканской формой правления, основанного на принципе разделения властей. Выделяется и теоретический конституционализм — сумма знаний по данной проблематике в обществе. Еще раз особо подчеркнем, что важнейшее значение здесь имеет позиция о том, что для реального конституционализма в качестве обязательного условия является реальное наличие конституции в качестве его отправной точки, главного правового источника. Теоретический же конституционализм практически существовал всегда. Конституционализм, и в первую очередь как государственно-правовая практика, имеет индивидуальный характер в каждой стране.

Несколько слов о том, что представляют собой ценности конституционализма. В первую очередь отметим, что разработка теории ценностей — аксиологии — началась в философии сравнительно недавно, в конце XIX — начале XX в., а ценностей конституционализма — еще значительно позднее. Существенно активизировалась разработка данной проблематики в нашей стране в первой четверти данного века. Свидетельство этого, в частности, значительное количество трудов в данной области⁵. В краткой форме, с нашей точки зрения, ценности конституционализма — это социально-экономические, политические, правовые ценности, которые, как правило, в конечном результате закрепляются в основном законе. Они могут носить теоретический, практический, правовой характер. Ценности конституционализма находят свое проявление, выражение прежде всего в его идеях,

¹ URL: <https://president.org>

² URL: <https://ria.ru>

³ См., напр.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1983. С. 4; *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008. С. 44; Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2001. С. 304.

⁴ Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2001. С. 85.

⁵ См., напр.: *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сб. докладов. М., 2009; *Бондарь Н.С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд. М., 2014. Вып. 2; *Добрынин Н.М.* Размышления о российском конституционализме и политико-правовом режиме в государстве: правовая аксиология и авторский взгляд // Государство и право. 2017. № 2.

доктринах, теориях, институтах, правовых актах, формах конкретной реализации в реальности. Они становятся таковыми, когда соответствуют общечеловеческим ценностям, нашим традиционным ценностям, основываются, отражают специфику страны, показывают свою жизнеспособность, понятны, поддерживаются, защищаются населением, носят в основном длительный временной характер. Возникая первоначально как идеи, теории, доктрины, они в дальнейшем становятся в большинстве случаев соответствующими государственно-правовыми институтами, учреждениями, а их статус, как правило, закрепляется в конституции. В принципе на основе выделения ценностей возникает, строится, развивается конституционализм, его составные элементы. Ценности отечественного конституционализма имеют два вида. Первый характерен для конституционализма подавляющего числа государств мира. Второй — исключительно для российского конституционализма (или весьма ограниченного числа государств).

Ценности конституции и конституционализма — это самостоятельные ценности. Конституция — правовой акт, а конституционализм — не только конституция, но и идеи, теории, доктрины, реализация на практике и др. В научной литературе имеют место самые различные, весьма и весьма разнообразные подходы к количеству, классификации ценностей отечественного конституционализма. Вместе с тем, по нашему мнению, конституция, ее реальное наличие представляет собой наиважнейшую, главенствующую, отправную ценность конституционализма в любом государстве. Следует отметить, что принятые в России в последние годы законодательные акты, и в первую очередь значительные, конституционные новшества 2020 г.⁶, особый акцент сделали на ценности российского конституционализма, их динамике, изменении. При этом в научной литературе особо подчеркивается, что данным ценностям, как и всем отечественным моральным и культурным ценностям, чужда «идея потребления в целом», характерная для ряда государств⁷.

Обратим внимание также и на еще один важный для нас аспект, касающийся существенных изменений, произошедших в мире с формой конституции, и связанных с тем, какие сферы общественной, государственной жизни она регулирует. Первоначально ее трактовали как политико-юридический документ. После Первой мировой войны появляются конституции, в которых достаточно подробно

стали регулироваться социальные, экономические вопросы. Основным закон стал трактоваться и в качестве социально-экономического документа. В наши дни активно дискутируется вопрос об идеологическом характере основного закона. Сегодня становится общепризнанным положение о том, что каждый основной закон имеет в значительной степени идеологический характер, выраженный в принципах конституции, в программных положениях, нормах-целях и др. В зарубежной литературе отмечается, что «идеологии лежат в основе многих, если не вообще всех политических систем и конституций»⁸. В отечественной научной литературе особо указывается на то, что идеологический характер конституции выражается в том, что любая из них «несет на себе отпечаток взглядов своей эпохи и ее созидателей. В свою очередь, она оказывает огромное влияние на умы своего, а зачастую и последующих поколений»⁹. Таким образом, конституция становится и важнейшим, основополагающим идеологическим документом. Отсюда анализу, выявлению ценностей отечественного конституционализма отводится одно из главенствующих мест в деятельности по определению государственной идеологии современного российского общества, государства. Еще раз подчеркнем, что они — одна из важнейших составных частей, основа такой идеологии.

Чтобы представить объективную оценку интересующей нас проблематики, необходимо обратиться к истории отечественного конституционализма. Здесь выделяются несколько основных этапов. Первый — монархический, охватывает несколько столетий и завершился в 1905 г. Весь этот этап отсутствовала общероссийская конституция, что свидетельствует и об отсутствии практического конституционализма. Но имели здесь место определенные государственно-правовые своеобразные институты, учреждения, носящие его черты. Так, в Польше, представляющей собой часть Российской Империи, действовала с 1815 г. дарованная Александром I конституция — «Хартия государственного устройства»¹⁰. (После польского восстания 1830 г. данная конституция отменяется.) В научной литературе того времени отмечалось, что она была чуть ли ни самой либеральной в Европе¹¹. Это связывалось с нормами избирательного права, в основе которых был заложен умеренный ценз и прямые выборы, закрепление прав и свобод граждан, их гарантий прежде всего в политической

⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

⁷ См.: Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 366; Летова Н. В., Чуцаев А. И. Семья и дети как российские традиционные ценности: социальные и правовые аспекты. М., 2025. С. 4, 5.

⁸ The Role of Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.

⁹ Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 59.

¹⁰ См.: Borcicje M. Konstytucje Polskie. 1791—1997. Warszawa, 2002.

¹¹ См.: Книга для чтения по истории Нового времени. М., 1912. С. 709.

сфере. В законодательной деятельности участвовало народное представительство — Сейм. Таким образом, здесь налицо такие ценности конституционализма, как сама конституция, участие народа в осуществлении государственной власти в форме представительной демократии, закрепление прав и свобод граждан.

Спорным был и остается вопрос о наличии в XIX в. конституции в Финляндии. Это связано с высказываниями Александра I 1809 г. Так, 20 января в обращении к населению Финляндии указывалось о созыве по конституции страны сословного Сейма; 15 марта в манифесте дано обещание утвердить, удостоверить религию, коренные законы и др. по конституциям, действовавшими до этого времени; 16 марта в речи на открытии Сейма в г. Бorge обещание хранить конституцию Финляндии¹². Здесь наиболее компетентной является позиция известного дореволюционного ученого Лазаревского Н. И., исходящая из того, что до присоединения Финляндии к России она была провинцией Швеции и не имела конституции. Весьма долгое время в Финляндии действовала шведская конституция. При этом она не была ликвидирована актами 1809 г. Отсюда «Желание Государя сохранить в Финляндии действующую там конституцию получило в актах 1809 г. столь незаконченное выражение, что вряд ли может почитаться непосредственно воплотившимся в норму права»¹³.

Обратим внимание на особенность отечественной конституционной истории начала XIX в. В эти годы у нас разрабатывался ряд проектов основных законов для иных государств. Начинателями здесь были Павел I, Александр I, видевшие в этом одно из направлений внешней политики. Так, помыслы последнего были направлены на Грецию, Ионические острова, которые в период 1799–1807 гг. были особой республикой под покровительством России. Для них Александром I поручается подготовку конституции. Ее проект направляется в Петербург, где и дорабатывается на основе предложений российских властей, активного участия русских деятелей. Это и становится основой новой конституции. В дальнейшем общее руководство ее доработкой осуществлял сам Александр I. В 1803 г. данная конституция принимается¹⁴. В соответствии с ней Ионические острова по форме правления — республика. Законодательная власть осуществлялась Законодательным корпусом,

а исполнительная — Сенатом. Гарантировалось право собственности, неприкосновенность личности. И здесь такие ценности конституционализма, как конституция, народное представительство, права и свободы граждан.

Особый здесь для нас интерес представляет Тырновская конституция Болгарии 1879 г. — первая Конституция Болгарии, реально действовавшая до 1947 г.¹⁵ Ее первоначальный проект был разработан российскими государственными деятелями, обсуждался на Особом совещании при Министерстве иностранных дел в Петербурге, уточнения и исправления внес выдающийся русский теоретик конституционного права А. Г. Градовский. Болгарское царство определялось как наследственная и конституционная монархия. Представительный орган — Народное Собрание. Оно могло быть обыкновенным и великим. Последнее, которое состояло из представителей, избранных от народа, созывалось царем для решения вопросов об изменении, пересмотре конституции. Царь и Народное Собрание осуществляли законодательную власть. Достаточно подробно урегулирован статус граждан. Особо здесь отметим закрепление важнейших политических прав и свобод — свободы мысли, слова, печати, всеобщего избирательного права и др. И здесь конституция, народное представительство, права и свободы граждан — ценности конституционализма.

Таким образом, Конституция Польши 1815 г., конституционные проекты, разработанные для иных стран, «предусматривали то, чего не было в самой России, то, что предлагалось различными политическими силами»¹⁶. Это, например, конституция, народное представительство — парламент, довольно широкие права, свободы граждан, и в первую очередь в политической сфере. Все это — ценности конституционализма.

Отметим и то, что в рассматриваемый этап, с нашей точки зрения, имели место в реальности, в значительной мере условно, и прообразы конституционализма, конституционных институтов. Это, например, в Древнерусском государстве вече — народное собрание, которое в определенной степени можно характеризовать в качестве примитивной формы непосредственной демократии. Это и Земские соборы XVI–XVII вв., статус которых определялся по-разному — народные представительные собрания, высшие органы власти, центральные органы власти, форма участия населения в решении государственных дел и др. Их также в определенной степени следует характеризовать в качестве

¹² См.: Акаты для выяснения политического положения Велико Княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890. С. 1, 3.

¹³ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. Пг., 1917. Вып. 1. С. 208.

¹⁴ См.: Внешняя политика XIX — начала XX в. Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1915 гг. М., 1960. Т. 1. С. 706–727.

¹⁵ См.: Конституция на Българскаго Царство. София, 1945.

¹⁶ Шульженко Ю. Л. Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование. М., 2010. С. 13.

зачатков представительной, правда сословной, демократии. Все это элементы, ценности отечественного конституционализма. Сюда следует отнести и создание во второй половине XIX в. самоуправления на местах. Официальным началом его следует считать утверждение царем Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.¹⁷ Создаются соответствующие органы. Позднее такого рода реформа проводится на уровне городов. Наличие, реальное функционирование местного самоуправления — важнейшая ценность конституционализма.

Немного здесь и о государственном устройстве. Прежде всего отметим, что монархическая Россия всегда была унитарным государством, о чем, однако, напрямую не говорилось ни в одном законодательном акте. Вместе с тем имели место особенности ряда территорий, вошедших в нее в различное время. Это относится к их автономному статусу, что представляет собой специфику, специфическую ценность отечественного конституционализма. Это касается главным образом Финляндии, которая с присоединением к России получила особый государственный строй. У нее были собственные национальные органы, национальное законодательство, финский язык как государственный, собственные армия и система образования, таможня и валюта и др. Таким образом, Финляндия, с нашей точки зрения, — автономная провинция в составе России. Такой позиции, правда, не единственной, придерживались и большинство дореволюционных ученых¹⁸. С нашей точки зрения, так же и Польша, являющаяся частью Российской империи, в 1815–1830 гг. по ее Конституции 1815 г. имела определенные черты автономии. Это выражалось главным образом в наличии собственной конституции, своего национального, представительного органа, парламента — Сейма.

Особое, центральное место в теоретическом конституционализме, появлении, выработке ценностей в анализируемом нами этапе данной области отводится конституционным проектам, которые стали появляться в России уже во второй половине XVIII в. и отражали интересы различных слоев населения. Приведем несколько примеров. Первые были связаны с дворянскими идеями. Яркий представитель — граф Н.И. Панин, который в 1762 г. представил Екатерине II проект манифеста об учреждении Имперского совета в целях реорганизации существующих правительственных

учреждений¹⁹. Основная его идея — ограничение самодержавия «аристократическими инстанциями», главным образом верховным Сенатом. Часть его членов назначались бы императором, а большинство избиралось дворянами из своей среды. Сенат трактовался как законодательная власть. Здесь в определенной степени зачатки представительства — ценности конституционализма.

Самый значительный конституционный проект просветителей второй половины XVIII в. — проект С.Е. Десницкого, изложенный в его «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи»²⁰, представленный Екатерине II в 1768 г. С его точки зрения, законодательная власть должна была принадлежать царю и с обширными полномочиями Сенату. Таким образом, центральное место отведено народному представительству — ценности конституционализма. Указывалось и на создание местного самоуправления — также ценности конституционализма.

XIX в. представлен двумя основными направлениями конституционализма. Первое — дворянское или правительственное. Оно наиболее ярко выражено в проекте М.М. Сперанского. В первое десятилетие XIX в. он представил ряд документов, касающихся государственно-правового переустройства России. Например, «О коренных законах государства», «Введение в Уложение государственных законов», «Проект Уложения государственных законов Российской империи»²¹. Всех их, на наш взгляд, в совокупности и следует характеризовать как конституционный проект М.М. Сперанского. Он выступал как сторонник конституционной монархии, за народное представительство, выборные начала в управлении на местах. Император стоит во главе государства, которому подчинен Государственный Совет, объединяющий законодательную, исполнительную судебную власть. Законодательная власть — Государственная дума. В своих трудах М.М. Сперанский использовал термин «конституция», на практике которую России должен был дать царь. Здесь в первую очередь налицо такие ценности отечественного конституционализма, как наличие конституции — основного закона России, народного представительства.

Второе направление — дворянско-либеральное, буржуазно-либеральное. Пример — конституционный проект князя П.В. Долгорукова, представленный в его трудах «Правда о России», «О перемене

¹⁷ См.: ПСЗ-2. Т. XXXIX. № 40457.

¹⁸ См., напр.: Устинов В.М. Краткий очерк русского государственного права. М.; Пг., 1915. С. 120; Даниевский В.П. Посobie к изучению истории и системы международного права. Харьков, 1892. Вып. 1–2. С. 147.

¹⁹ См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. VII. С. 202–217.

²⁰ Общественные движения в России в первой половине XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 111.

²¹ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.

образа правления в России»²². Он сторонник конституционной монархии. Законодательная власть принадлежит государю, Земской думе, состоящей из выборных от всех земств, Боярской думе, в которую половина членов назначалась царем пожизненно, а вторая избиралась. П. В. Долгоруков — сторонник развития местного самоуправления. В результате он выступал за такие ценности конституционализма, как народное представительство, самоуправление на местах.

Высказали в XIX в. свою точку зрения и революционеры. Наиболее выдающейся здесь является «Русская Правда» П. И. Пестеля²³. Он сторонник республики, где вся власть принадлежит народу. Верховная власть разделена на законодательную — в лице Народного вече, и исполнительную — через Державную думу. Предусматривались широкие права, свободы граждан. Это, например, свободы занятий, печати, вероисповедания. Здесь такие ценности отечественного конституционализма, как народное представительство, права и свободы граждан.

В конце XIX — начале XX в. значительно активизировались либералы на конституционном фронте. Они представили два проекта. Первый подготовила в 1905 г. группа членов «Союза освобождения»²⁴. В соответствии с ним царь имел огромные полномочия. Он осуществлял верховную власть при участии Государственной думы. Она характеризовалась в качестве народного представительства. Предусматривались права и свободы граждан. В июле 1905 г. публикуется второй проект, который был подготовлен комиссией «Бюро общеземских съездов»²⁵. В соответствии с ним власть в стране принадлежала государю, Государственная дума — представительный орган. Достаточно подробно регламентировался вопрос о правах и свободах граждан. И здесь конституция, народное представительство, права и свободы граждан — ценности конституционализма.

Еще раз обратимся к государственному устройству России. Прежде всего отметим, что подавляющее большинство конституционных проектов исходили из единства, унитаризма страны. Вместе с тем были представлены и конституционные проекты, предполагающие Россию в качестве федерации. Это специфика отечественного теоретического

конституционализма, его ценностей рассматриваемого нами периода. Данные идеи были связаны в первую очередь с революционными течениями, декабристами. Одним из первых ее высказал М. Дмитриев-Момонов, далее — декабристы Г. С. Батеньков, Д. И. Завалишин²⁶. Но наиболее полно, всесторонне идея России в качестве федерации представляется в конституционном проекте декабриста Никиты Муравьева. Имеются три варианта текста²⁷. Всех их в совокупности, по нашему мнению, и следует рассматривать, характеризовать как конституционный проект Н. Муравьева. Во второй половине XIX в. представляется и проект создания федерации в России украинского общественного деятеля, публициста, историка М. П. Драгоманова, охарактеризованный в дореволюционной научной литературе в качестве украинского федерализма. Эта проблематика нашла свое отражение в его различных трудах, но наиболее полно, всесторонне в «Программе оснований устава украинского общества “Вольный союз” — “Вільна Спілка”», написанной в 1884 г.²⁸ Отметим также, что были представлены проекты создания федерации славян, связанные главным образом с панславизмом. Например, философа, дипломата, первого директора Царскосельского лицея В. Ф. Малиновского в его книге «Рассуждение о мире и войне», написанной в 1803—1804 гг.; Общества соединенных славян в 30-е годы XIX в.; тайной политической организации «Кирилло-Мефодиевское общество» в конце 40-х годов XIX в.; публицистом, социологом Н. Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа» 1869 г.

Проблематика конституционализма находилась постоянно и в центре внимания российских государственных, общественных деятелей, церковнослужителей, философов, историков, писателей и т. д. В XVIII в. это было связано главным образом с просветителями, прежде всего с А. Н. Радищевым. Он за республику, первичность и верховенство суверенитета, непосредственную демократию, широкие права и свободы граждан. В XIX в. высказались представители концепции «русского социализма» А. И. Герцен, Н. П. Огарев. Они выступали за конституцию для России, Земской собор в качестве учредительного собрания, парламента, за выборное самоуправление, избирательные права. Н. А. Добролюбов — сторонник демократической республики, парламентаризма, непосредственной демократии. Представитель бунтарского,

²² Долгоруков П. В. Правда о России. Лейпциг, 1861; *Его же*. О перемене образа правления в России. Лейпциг, 1863.

²³ См.: Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. VII.

²⁴ Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанной группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905.

²⁵ Проект основного закона Российской империи, измененный земским бюро // Конституционное государство: сб. ст. / З. Авалов, В. В. Водовозов, В. М. Гессен и др. 2-е изд. СПб., 1905. С. 552—580.

²⁶ См.: Бородин А. И. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 148—157; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, С. 487, 489, 491.

²⁷ См.: Шульженко Ю. Л. Из истории федерации в России (монархический период). М., 2005. С. 121—174.

²⁸ См.: Собр. политических соч. М. П. Драгоманова. Париж, 1905—1906. Т. 1, 2.

анархистского течения народничества М.А. Бакунин много внимания уделял конституционному государству, конституционализму в буржуазном обществе. В том же плане проявил себя и идейный вождь либерального народничества Н.К. Михайловский. Марксист Г.В. Плеханов — идейный руководитель группы «Освобождения труда», созданной в Женеве в 1883 г., — представил широкое толкование конституции. Таким образом, и здесь в той или иной форме были представлены такие ценности отечественного конституционализма, как конституция, непосредственная и представительная демократия, самоуправление, права и свободы граждан.

То же самое в принципе в определенной мере было и в центре внимания российских ученых-юристов. Например, особо это касалось разработки проблематики статуса личности, которая в прошлом была в забвении, а в XIX в. ею стали активно заниматься такие известные специалисты, как А.Д. Градовский, М.И. Чичерин, М.И. Свешников, Н.М. Коркунов, Н.О. Куплевский; вопросами самоуправления — А.И. Васильчиков, А.В. Романович-Славатинский, В.П. Безобразов, А.А. Головачев. К народному представительству в научной литературе обращались крайне редко, и касалось это, как правило, зарубежных стран.

В результате первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России устанавливается новая форма правления — конституционная монархия. Наступил и новый этап в развитии отечественного конституционализма. Он стал практическим. Важнейший показатель — это принятие в 1906 г. Основных государственных законов, которые фактически стали первой общероссийской конституцией²⁹. Заметим, что эта позиция постоянно была и остается спорной. Точка зрения дореволюционных отечественных ученых в принципе была однозначной — да, мы имеем дело с первой общероссийской конституцией³⁰. В советский период этот тезис, как правило, не поддерживался, затушевывался, а те, кто считали Основные государственные законы 1906 г. конституцией³¹, подвергались резкой критике. В наши дни так же имеют место две противоположные точки зрения³².

²⁹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб., 1906.

³⁰ См.: *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 319; *Шалланд Л.А.* Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 123; и др.

³¹ См.: *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1976. С. 274.

³² См., напр.: *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учеб. пособие. М., 2000. С. 123; *Колюшин Е.И.* Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 54.

Автор данной статьи придерживается позиции, что структура Основных государственных законов 1906 г., объем, сущность, характер урегулированных в них вопросов являются ярким свидетельством того, что перед нами правовой акт, имеющий ранг конституции. В ней нашли свое отражение, закрепление и ценности отечественного конституционализма. Отметим прежде всего одну новую, ставшую в дальнейшем во много традиционной. Суть ее состоит в том, что вместо наиболее употребляемого в мировой государственно-правовой практике официального наименования «конституция» было использовано понятие «основные государственные законы». Это обосновывалось дореволюционными отечественными учеными сложившейся за рубежом практикой, которая не требовала обязательного наименования «конституция» и имела в связи с этим различные примеры, решения; акцентировалось на том, что в российском законодательстве появился закон, который по юридической силе, содержанию соответствует тому, что определяется конституцией на Западе³³.

Основные государственные законы 1906 г. определяют в первую очередь сущность верховной власти в стране. Статья 4 гласит: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Статья 7: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной думой». Статьи 1—2 посвящены государственному устройству: «Государство Российское едино и нераздельно», «Великое княжество Финляндское составляет нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». Здесь, таким образом, определена, закреплена такая ценность отечественного конституционализма, как установление, закрепление в первых статьях конституции основных положений, касающихся государственного строя России, его конкретных институтов. Закреплена, отражена и такая специфическая ценность российского конституционализма, государственного устройства, как автономия в лице Финляндии.

Главенствующая роль в реформах 1905—1907 гг. обоснованно отводится созданию первого в России двухпалатного парламента. Особенно важно то, что в результате в лице его одной из палат — Государственной думы — начинает функционировать институт представительной демократии, народное

³³ См.: *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 2004. С. 212; *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 234.

представительство. Это та ценность отечественного конституционализма, которая была определена в теоретическом плане еще в прошлый период и теперь была воплощена в реальности. Николай II в выступлении на первом заседании Государственной думы отметил: «Господа, да благословит Господь труды, предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика Земли Русской, днем возрождения ее лучших сил»³⁴. Следует констатировать, что Государственная дума обладала ограниченными, ущемленными правами, и решающую роль в решении практически всех вопросов государственной значимости играл император. Но, несмотря на это, в стране медленно, но верно шел процесс развития представительных учреждений — этой важнейшей ценности практического конституционализма.

В Основных государственных законах 1906 г. закрепляются положения такой наиважнейшей ценности отечественного конституционализма, как статус российских подданных, и прежде всего их прав и свобод — неприкосновенность личности и жилища, собственности, свободы, совести, слова, мысли, собраний, союзов, передвижения. В дальнейшем в данной сфере принимается еще ряд важных правовых актов — в марте 1906 г. Высочайшим указом утверждаются Временные правила, которые регламентировали свободу собраний: Указ «О временных правилах об обществах и союзах»³⁵, установление статуса подданных России в Основных государственных законах. Вышеуказанные акты — свидетельство реального обеспечения конституционных прав и свобод человека, отражение, проявления реальности конституционализма в стране.

Особенностью этапа конституционной монархии в России было функционирование в ней большого количества различного рода политических партий. Проблематика отечественного конституционализма, его ценностей была постоянно в центре их внимания. Весьма показательны в этом плане программы данных партий, в особенности общероссийских³⁶. В определенной степени их можно характеризовать как конституционные проекты. Их анализ свидетельствует о том, что отдавалось предпочтение двум формам правления — республике или

конституционной монархии, и в связи с этим наличия реального, практического конституционализма. Исходя из этого в программах провозглашались, характеризовались в первую очередь, например, такие его ценности, как наличие конституции, представительная, непосредственная демократия, статус гражданина, его права и свободы, самоуправление на местах.

Партии представили свой подход и к вопросу о государственном устройстве. Подавляющее большинство из них — сторонники унитарной России. О допущении федерации в стране весьма аккуратно, ограниченно высказались две партии — Радикальная и Социалистов-революционеров. При этом подавляющее большинство общероссийских партий были резко против федерации в России. Пять партий выступили за возможность создания в стране такой ценности отечественного конституционализма, как автономия (например, Свободомыслящие). Значительно чаще за федерацию в России ратовали национальные политические партии, действовавшие на окраинах России, что следует из анализа их программных документов. Например, Грузинской революционной партии социалистов-федералистов, Демократической партии Литвы, Армянской революционной партии «Дашнакцутюн»³⁷.

Значительный шаг вперед был сделан русскими учеными в теоретической разработке отечественного конституционализма, его ценностей. При этом отметим, в научной литературе тех лет «конституционализм» отождествлялся главным образом с такими понятиями, как «конституционное государство», «правовое государство»³⁸. И именно их разработке было уделено особо пристальное внимание, и именно здесь были достигнуты значительные успехи. Особо следует отметить труды в данной области таких известных ученых, как В.М. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, С.А. Корф. В разработку проблематики таких ценностей отечественного конституционализма, как теория конституции, Основные государственные законы 1906 г. в частности, особый, значительный вклад внесли Н.А. Захаров, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Н.И. Палиенко; государственного устройства — А.А. Жилин, Н.И. Лазаревский, А.С. Ященко; народного представительства, парламента — А.А. Алексеев, К.Н. Соколов, В.М. Устинов; правового статуса личности — В.М. Гессен, М.М. Ковалевский, С.А. Корф; местного

³⁴ Тронная речь при открытии Государственной Думы 27 апреля 1906 г. // Полн. собр. речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 74, 75.

³⁵ См.: СУ. 1906. № 48, ст. 308, 309.

³⁶ См.: Полн. сб. платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и Всеподданнейшего доклада графа Витте. 2-е изд. СПб., 1906.

³⁷ Программы партий и их отношение к важнейшим вопросам / сост. А. Ставровский. Тифлис. М., 1917; Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1995.

³⁸ Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. СПб., 1908.

самоуправления — П.П. Гронский, А.С. Михайловский, Б.Э. Нольде.

В феврале 1917 г. в России происходит вторая буржуазно-демократическая революция. Она была весьма скоротечной — чуть больше недели. Правящая верхушка, царь находились в состоянии растерянности, а принятые ими меры носили бездарнейший, неэффективный, неадекватный характер. Были фактически ликвидированы высшие государственные органы России. Император 25 февраля издает Указ о перерыве заседаний Государственного Совета и Государственной думы до апреля 1917 г. Совет Министров в тот же день обращается с просьбой к царю о своей коллективной отставке. Она удовлетворяется. 2 марта Николай II подписал Манифест об отречении от престола государства российского, о сложении с себя верховной власти в пользу своего брата Михаила Александровича. Последний же на следующий день дает отказ от принятия этой власти³⁹. Просуществовавшая столетия монархия рухнула фактически без какого-либо сопротивления в самый неподходящий для страны момент, когда шла тяжелейшая война, в стране сложилась наисложнейшая ситуация. Это дорого обошлось России и сказалось на всей ее дальнейшей истории.

На место конституционной монархии приходит республика, официальное провозглашение которой состоялось лишь 1 сентября 1917 г.⁴⁰ Следует отметить, что характер провозглашения республики, сроки оформления этого в законодательстве стали основными причинами возникновения споров о форме правления в период марта — октября 1917 г. в России⁴¹. С нашей точки зрения, весь рассматриваемый период Россия представляла собой республику, но весьма ограниченную, носящую временный, незавершенный, переходный характер, своего рода «предреспублику», термин, который использовался в это время по отношению к отдельным органам.

Это и новый этап отечественного конституционализма — он перестал носить практический характер. Это связано с тем, что после падения монархии в России отменяется, перестает действовать главный его показатель — Основные государственные законы 1906 г. — первая общероссийская конституция. В дальнейшем анализ принятого законодательства, реальная практика свидетельствуют

о том, что, с одной стороны, принимались конкретные меры по развитию, совершенствованию сохранившихся и функционирующих институтов практического конституционализма, деятельности по приспособлению их к реальной действительности, с другой — имел место процесс создания новых институтов, учреждений. Это нашло свое выражение в той или иной форме главным образом в деятельности существовавших в те годы двух властей.

Следует отметить, что после Указа царя от 25 февраля 1917 г. Государственный Совет и Государственная дума продолжали формально существовать определенный промежуток времени. Лишь в мае 1917 г. упраздняются назначаемые члены Государственного Совета, а в октябре — его выборные члены. С этого же времени официально распускается и Государственная дума. Первую высшую власть в стране стало представлять Временное правительство, созданное в марте 1917 г. Оно являлось и законодательным, и исполнительным органом страны. Вторую власть представляли Советы, которые в ходе Февральской революции стали органами вооруженного восстания, обладали рядом властных функций, пользовались реальной властью из-за поддержки рабочих, солдат. В организационном плане 27 февраля 1917 г. создается Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, его Временный комитет. Так сложилось двоевластие. Советы были неоднородны и стали местом острой борьбы различных политических сил, партий. В июле эта борьба особенно обостряется. 3 июля большевики предпринимают попытку захвата власти вооруженным путем в Петрограде. Она заканчивается поражением. Это — конец двоевластия, мирного развития революции.

Прежде всего, обратим внимание на два важных документа. Во-первых, опубликованную 5 марта в печати Декларацию «От Временного правительства»⁴² — фактически программу деятельности данного органа. В ней широко представлен ряд вопросов, касающихся отечественного конституционализма, его ценностей. Особое внимание уделено статусу личности, ее правам, свободам. В связи с этим провозглашались свобода слова, союзов, печати, стачек. Отменялись все ограничения — сословные, вероисповедальные, национальные. Определялась важнейшая задача — незамедлительная подготовка созыва Учредительного собрания, созданного на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Ему отводилась особая роль — установление формы правления в России, принятие ее конституции. Предполагалось проведение выборов

³⁹ См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 54, ст. 344, 345.

⁴⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. Т. 9 / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 129.

⁴¹ См., напр.: Алексеев Н.Н. Государственный строй // Право советской России. Прага, 1925. Вып. 1; Скрипильев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982.

⁴² См.: Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. Т. 9. С. 124, 125.

в органы самоуправления на местах на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права, при тайном голосовании. Во-вторых, на следующий день, 6 марта, увидело свет обращение Временного правительства к гражданам России⁴³. Еще раз особо подчеркивается необходимость созыва Учредительного собрания в кратчайшие сроки и избранного на демократической основе. Особый акцент сделан на то, что оно должно принять такие основные законы, которые бы обеспечили стране незыблемые основные права, равенство и свободы. Обратим внимание на то, что принимается ряд мер, носящих характер практического конституционализма, реализации его ценностей. Это объявление в марте 1917 г. полной амнистии, отмены смертной казни, принятие правовых актов в сфере печати — «О печати», «Об учреждении по делам печати», 14 июля постановления Временного правительства «О свободе совести»⁴⁴.

Особо отметим наисущественнейшие изменения в таком институте, характерном для отечественного конституционализма, его ценностей, как самоуправление на местах. Здесь реально проводилась глобальная реформа во многом с оригинальными решениями. Она носила многоэтапный характер. Начало — расширение географии земских учреждений. 30 марта 1917 г. принимается постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Эстляндской губернии»⁴⁵. Существенно менялся и муниципальный избирательный процесс в демократическом направлении. В соответствии с ним здесь вводились временно губернские и уездные земские Советы. Далее это было распространено на те губернии, в которых ранее не было земского самоуправления. 21 мая принимается постановление о проведении в 1917 г. выборов уездных и земских гласных со сроком полномочий до 1 января 1919 г. и устанавливается новая избирательная система⁴⁶. Существенные изменения происходят и на уровне волости, где проживала основная часть населения страны. Она получает статус элемента самоуправления, что установило Временное положение о волостном земском управлении от 21 мая 1917 г.⁴⁷

9 июня 1917 г. принимаются постановления «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь

до издания нового о них Положения», «Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов»⁴⁸. Вносятся изменения в организацию и деятельность земского самоуправления на уровне уезда, губернии, города. 13 июля издается постановление, касающееся организации и деятельности низового звена местного управления — поселка⁴⁹. В результате Временное правительство сверху законодательным путем установило новую весьма стройную, четкую систему самоуправления на местах. Позиция его здесь, суть проведенной им реформы наиболее четко была выражена в Записке Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел⁵⁰. Суть ее в краткой форме сводится к следующему. Ликвидация разделения на местном уровне государственной и самоуправленческой власти через преобразование органов государственного управления на территориях в органы самоуправления и передача последним всей полноты власти на местах. При этом центральные органы государственной власти могли осуществлять лишь контроль и надзор за законностью функционирования местного самоуправления, субсидированию местных органов.

Обратим внимание и на оценку реформы местного управления в ученой среде. Так, отмечалось, что ее результатом стало то, что «земское, городское самоуправление превращается в аппарат государственного управления, ему предоставляется вся полнота государственной власти на местах»⁵¹. Обратим здесь внимание и на тот факт, что к осени 1917 г. вопросы экономики, сельского хозяйства в деятельности земств отходят на второй план и на первое место выходит политика, борьба за власть. В полномочиях земств было прямое превалирование политических вопросов. При этом новые земства ориентировались, поддерживали Временное правительство.

Укажем и на специфический орган этого времени. 14 сентября на Демократическом совещании, на котором присутствовали представители Советов, армейских организаций, земств, кооперативов и др., был сформирован Временный совет российской республики, который просуществовал до 25 октября 1917 г. Его организация и деятельность определялась Положением о нем

⁴³ См.: Обращение Временного правительства к гражданам России 6 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. № 2. С. 2.

⁴⁴ См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 109, ст. 597, 598; № 188, ст. 1099.

⁴⁵ См.: Сб. указов и постановлений Временного правительства. 1917. Вып. 1, ст. 255–258.

⁴⁶ См.: там же. 1917. Вып. 2, ст. 279–293, 622.

⁴⁷ См.: там же. 1918. Вып. 2. Ч. 1, ст. 221–237.

⁴⁸ См.: там же, ст. 255–279.

⁴⁹ См.: там же, ст. 497–525.

⁵⁰ См.: Записка Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел // Земское дело. 1917. № 8. С. 348–350.

⁵¹ Веселовский Б. Б. Земство и его новое устройство. Пг., 1917. С. 23.

от 2 октября 1917 г.⁵² Сразу же заговорили об этом Совете как о полноценном парламенте. Об этом свидетельствовали ряд элементов парламентаризма в его деятельности — непрерывность и публичность заседаний, существование фракций и комиссий, неприкосновенность членов данного органа, получение заработной платы за работу в нем. Но такое мнение было ошибочным. Это был типичный совещательный орган при Временном правительстве, о чем свидетельствуют предоставленные ему полномочия: обсуждение законодательных предложений, по которым правительство желало иметь заключение Совета; собственные законодательные предложения, впоследствии предоставляемые Временному правительству на утверждение; другие вопросы, которые по усмотрению Временного правительства передавались этому органу. Наиболее удачным здесь является эпитет, которым наградили Совет в те времена — «предпарламент».

Обратим внимание на то, что в деятельности Временного правительства четко прослеживалась тенденция к затягиванию многих государственно-правовых решений. Это относилось прежде всего к выборам, созыву Учредительного собрания, которое должно было принять судьбоносные для России решения. Лишь в марте 1917 г. принимается решение о создании Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в него⁵³, первое заседание которого состоялось 25 мая 1917 г. Возглавил данный орган известный ученый-юрист Ф.Ф. Кошкин. Проект Положения разрабатывался, принимался по отдельным разделам и был завершен в сентябре 1917 г. Особое совещание, как выполнившее свою работу, закрывается 23 сентября 1917 г.⁵⁴ Следует подчеркнуть, что этот акт достаточно высокого уровня для того времени, отразивший достижения как мировой науки, так и в первую очередь науки русского государственного права тех лет. Он был во многом более демократичным при сравнении с аналогичными избирательными законами стран зарубежья. Заметим, что сроки выборов, проведения Учредительного собрания неоднократно переносились. В результате 9 августа 1917 г. Временное правительство устанавливает днем выборов Учредительного собрания 12 ноября 1917 г., а днем его созыва — 28 ноября 1917 г.⁵⁵

Весьма интенсивная работа велась по подготовке новой конституции России. Юридическим совещанием в сентябре—октябре 1917 г. подготавливается «Проект закона об организации временной

исполнительной власти при Учредительном собрании, а также проект формы издания законов при Учредительном собрании»⁵⁶, характеризующийся как «малая конституция». Он касался временной власти до принятия конституции России. Она возлагалась бы на временного президента Российской республики, избранного Учредительным собранием на один год, и Совет Министров.

Реальная же разработка конституционного проекта осуществлялась Особой комиссией по составлению проекта Основного закона Российской республики при Юридическом совещании, которую возглавил Н.И. Лазаревский. Анализ значительного количества документов⁵⁷ свидетельствует о том, что исходной была позиция о том, что разработку самой конституции будет осуществлять Учредительное собрание. Подготавливаемые документы комиссией будут весьма полезны для членов данного органа и для тех органов, лиц, которые реально станут разрабатывать Основной Закон. В результате функционирования Особой комиссии в целом имело рекомендательный характер⁵⁸. Комиссия смогла обсудить пять из 18 представленных титулов. Особо отметим ее позицию о том, что в основу конституции должны быть положены следующие основные начала: народное верховенство, широкое развитие местного самоуправления, широкие индивидуальные свободы граждан. Все это — ценности отечественного конституционализма. Такой же представлялась и новая конституция России, которая должна была воплотить в себе все ценности отечественного конституционализма, накопленные за долгие годы. В связи с этим предусматривалось создание, закрепление в ней таких ценностей, как форма правления — президентская республика; унитарное государственное устройство с наличием автономных образований; народное представительство в лице двухпалатного парламента; местное самоуправление; широкие права и свободы человека, гражданина; эффективная правовая защита основного закона.

Общественные науки, прежде всего юридическая, теоретический конституционализм в анализируемый нами этап находили свое выражение главным образом на практике, в активнейшем участии в подготовке важнейших правовых актов страны. Известнейшие отечественные ученые составляли ядро Особых совещаний при Временном

⁵² См.: Временный Совет Российской Республики. Стенографический отчет. Пг., 1917. С. 1.

⁵³ См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 71, ст. 406.

⁵⁴ См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 242, ст. 1681.

⁵⁵ См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 202, ст. 1269.

⁵⁶ См.: Учредительное собрание. 1918. Стенограммы. М., 1991. С. 44.

⁵⁷ См.: Вестник права. 1917. № 20; Красный архив. 1928. Т. III; ЦГФ РФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 9. Л. 48—49; Ф. 1792. Оп. 1. Д. 4. Л. 107—109; Д. 7; Учредительное собрание. 1918. Стенограммы. С. 44, 48, 51—53.

⁵⁸ См.: Рубинштейн Н.Л. К истории Учредительного собрания. М.; Л., 1931. С. 30.

правительстве, занимающихся разработкой проектов актов о выборах Учредительного собрания, реформы местного управления и самоуправления, Особой комиссии по составлению проекта Основных законов Российской республики и др.

Значительных трудов, в которых бы анализировалась государственно-правовая ситуация в России в марте — сентябре 1917 г., не было. Наиболее распространенным жанром были небольшие брошюры, статьи в периодической печати, авторами которых также были известные ученые. В центре их внимания были вопросы, касающиеся таких ценностей отечественного конституционализма, как подготовка новой конституции, созыв Учредительного собрания, процедура его избрания (В.В. Водозовов, В.М. Гессен, Б.Э. Нольде, К.Н. Соколов, В.М. Устинов); местного самоуправления (В.В. Веселовский, П.Н. Гронский); национальной политики, федерализма (Б.Э. Нольде, С.А. Корф). Обратим внимание на то, что в марте—апреле 1917 г. активно публиковались статьи, в которых была представлена оценка Февральской революции 1917 г., установленного в результате ее государственного строя (В.М. Гессен, Я.Н. Магазинер, Б.А. Кистяковский, К.Н. Соколов, В.М. Устинов). С мая 1917 г. ситуация меняется. В журналах в основном стали публиковать правовые акты, документы Временного правительства, менее политизированные статьи общего плана, касающиеся главным образом методологии, теории и истории отдельных отраслей права, зарубежного права. Четкую позицию заняли лишь два журнала — «Волостное земство», «Земское депо», которые основное внимание уделяли местному самоуправлению, его реформе, происходившей в России. Особый интерес здесь представляли статьи крупнейшего специалиста в данной области Б.Б. Веселовского. Увидели свет и ряд крупных изданий, подготовленных в предшествующие годы, в которых, естественно, затрагивалась проблематика конституционализма, его ценностей. Это, например, «Основы конституционного права» В.М. Гессена; последнее, четвертое издание курса «Русское государственное право» Н.И. Лазаревского; третий том учения о народном представительстве В.М. Устинова.

* * *

Таким образом, в России в дооктябрьский период определился, сложился ряд важнейших ценностей отечественного конституционализма, которые нашли свое реальное воплощение в той или иной форме на практике, были закреплены в ряде правовых актов и главным образом в Основных государственных закона 1906 г. Сюда следует отнести прежде всего реальное наличие конституции; участие народа в осуществлении государственной власти — прямая и представительная демократия;

законодательное закрепление прав и свобод граждан, их реальная защита; местное самоуправление. Эти ценности характерны для конституционализма большинства государств. Нашла свое место и специфика России. Это касается, например, такой ценности отечественного конституционализма, как практическое существование, функционирование, закрепление в законодательстве статуса автономии. Ценности конституционализма дооктябрьского периода России нашли свое реальное, практическое воплощение и в дальнейшем. Например, определение первой общероссийской конституции 1906 г. — Основные государственные законы, использовалось в значительной мере при социализме. Оно здесь носило своего рода двойной характер — «Конституция» и «Основной закон». Так, Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1977 г. в названии ставили на первое место термин «Конституция», на второе — «Основной закон» (в скобках). Конституция СССР 1924 г. «Основной закон» — на первое, «Конституция» — на второе (в скобках). Конституция РФ 1993 г. закрепила такую ценность отечественного конституционализма, складывавшуюся фактически столетиями, как местное самоуправление, установила его статус. Статья 12 ее гласит: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.Н.* Государственный строй // Право советской России. Прага, 1925. Вып. 1.
2. *Бондарь Н.С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд. М., 2014. Вып. 2.
3. *Бородин А.И.* Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 148—157.
4. *Веселовский Б.Б.* Земство и его новое устройство. Пг., 1917. С. 23.
5. Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. VII.
6. *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1976. С. 274.
7. *Даневский В.П.* Пособие к изучению истории и системы международного права. Харьков, 1892. Вып. 1—2. С. 147.
8. *Добрынин Н.М.* Размышления о российском конституционализме и политико-правовом режиме в государстве: правовая аксиология и авторский взгляд // Государство и право. 2017. № 2.
9. *Долгоруков П.В.* О перемене образа правления в России. Лейпциг, 1863.

10. *Долгоруков П.В.* Правда о России. Лейпциг, 1861.
11. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 234.
12. *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сб. докладов. М., 2009.
13. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 319.
14. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1983. С. 4.
15. *Кареев Н.И.* Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. СПб., 1908.
16. Книга для чтения по истории Нового времени. М., 1912. С. 709.
17. *Колюшин Е.И.* Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 54.
18. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2001. С. 304.
19. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2001. С. 85.
20. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 212.
21. *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учеб. пособие. М., 2000. С. 123.
22. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008. С. 44.
23. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. Пг., 1917. Вып. 1. С. 208.
24. *Летова Н.В., Чучаев А.И.* Семья и дети как российские традиционные ценности: социальные и правовые аспекты. М., 2025. С. 4, 5.
25. Общественные движения в России в первой половине XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 111.
26. *Рубинштейн Н.Л.* К истории Учредительного собрания. М; Л., 1931. С. 30.
27. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 366.
28. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. VII. С. 202–217.
29. *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, С. 487, 489, 491.
30. *Скрипильев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982.
31. Собр. политических соч. М.П. Драгоманова. Париж., 1905–1906. Т. 1, 2.
32. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.
33. Тронная речь при открытии Государственной Думы 27 апреля 1906 г. // Полн. собр. речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 74, 75.
34. *Устинов В.М.* Краткий очерк русского государственного права. М.; Пг., 1915. С. 120.
35. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2005. С. 59.
36. *Шалланд Л.А.* Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 123.
37. *Шульженко Ю.Л.* Из истории федерации в России (монархический период). М., 2005. С. 121–174.
38. *Шульженко Ю.Л.* Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование. М., 2010. С. 13.
39. *Borcieje M.* Konstytucje Polskie. 1791–1997. Warszawa, 2002.
40. The Role of Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* The state system // The law of Soviet Russia. Prague, 1925. Iss. 1 (in Russ.).
2. *Bondar N.S.* The Axiology of Judicial Constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. 2nd ed. M., 2014. Iss. 2 (in Russ.).
3. *Borodin A.I.* From the letters and testimony of the Decembrists. St. Petersburg, 1906. Pp. 148–157 (in Russ.).
4. *Veselovsky B.B.* Zemstvo and its new structure. Petrograd, 1917. P. 23 (in Russ.).
5. The Decembrist Uprising. Documents. M., 1958. Vol. VII (in Russ.).
6. *Davidovich A.M.* Autocracy in the era of imperialism: The class essence and evolution of absolutism in Russia. M., 1976. P. 274 (in Russ.).
7. *Danevsky V.P.* Handbook for the study of the history and system of International Law. Kharkov, 1892. Iss. 1–2. P. 147 (in Russ.).
8. *Dobrynin N.M.* Reflections on Russian constitutionalism and the political and legal regime in the state: legal axiology and the author's view // State and Law. 2017. No. 2 (in Russ.).
9. *Dolgorukov P.V.* On the change of the way of government in Russia. Leipzig, 1863 (in Russ.).
10. *Dolgorukov P.V.* The Truth about Russia. Leipzig, 1861 (in Russ.).
11. *Zakharov N.A.* The system of Russian state power. Legal research. Novocherkassk, 1912. P. 234 (in Russ.).
12. *Zorkin V.D.* Axiological aspects of the Constitution of Russia // Constitutional values in theory and judicial practice: collection of reports. M., 2009 (in Russ.).
13. *Ivanovsky V.V.* Textbook of State Law. 4th ed. Kazan, 1913. P. 319 (in Russ.).
14. History of bourgeois constitutionalism of the XVII–XVIII centuries / ed. by V.S. Nersesyan. M., 1983. P. 4 (in Russ.).
15. *Kareev N.I.* The origin of the modern national legal state. A historical sketch of constitutional institutions and teachings up to the middle of the 19th century. St. Petersburg, 1908 (in Russ.).

16. A book for reading on the history of Modern times. M., 1912. P. 709 (in Russ.).
17. *Kolyushin E.I.* Constitutional Law of Russia: a course of lectures. M., 2015. P. 54 (in Russ.).
18. Constitutional Law. Encyclopedia / ed. by S.A. Avakyan, M., 2001. P. 304 (in Russ.).
19. Constitution in the XXI century: comparative legal research / ed. by V.E. Chirkin. M., 2001. P. 85 (in Russ.).
20. *Kotlyarevsky S.A.* Constitutional State. The legal prerequisites of the Russian Basic Laws. M., 2004. P. 212 (in Russ.).
21. *Kravets I.A.* Constitutionalism and Russian statehood in the early twentieth century: textbook. M., 2000. P. 123 (in Russ.).
22. *Kutafin O.E.* Russian constitutionalism. M., 2008. P. 44 (in Russ.).
23. *Lazarevsky N.I.* Russian State Law. Vol. 1. Constitutional Law. 4th ed. Petrograd, 1917. Iss. 1. P. 208 (in Russ.).
24. *Letova N.V., Chuchaev A.I.* Family and children as Russian traditional values: social and legal aspects. M., 2025. Pp. 4, 5 (in Russ.).
25. Social movements in Russia in the first half of the XIX century centuries. St. Petersburg, 1905. Vol. 1. P. 111 (in Russ.).
26. *Rubenshtein N.L.* On the history of the Constituent Assembly. M., 1931. P. 30 (in Russ.).
27. *Savenkov A.N.* The state and law in the period of crisis of modern civilization. M., 2020. P. 366 (in Russ.).
28. Collection of the Russian Historical Society. St. Petersburg, 1871. Vol. VII. Pp. 202–217 (in Russ.).
29. *Semevsky V.I.* Political and social ideas of the Decembrists. St. Petersburg, 1909. Pp. 487, 489, 491 (in Russ.).
30. *Skripilev E.A.* The All-Russian Constituent Assembly. Historical and legal research. M., 1982 (in Russ.).
31. Collected political works by M.P. Dragomanov. Paris, 1905–1906. Vol. 1, 2 (in Russ.).
32. *Speransky M.M.* Projects and notes. M.; L., 1961 (in Russ.).
33. The throne speech at the opening of the State Duma on April 27, 1906 // The complete collection speeches of Emperor Nicholas II. 1894–1906. St. Petersburg, 1906. Pp. 74, 75 (in Russ.).
34. *Ustinov V.M.* A brief outline of Russian State Law. M.; Petrograd, 1915. P. 120 (in Russ.).
35. *Khabrieva T. Ya., Chirkin V.E.* Theory of the modern Constitution. M., 2005. P. 59 (in Russ.).
36. *Shalland L.A.* Russian State Law. Yuriev, 1908. P. 123 (in Russ.).
37. *Shulzhenko Yu. L.* From the history of Federation in Russia (monarchical period). M., 2005. Pp. 121–174 (in Russ.).
38. *Shulzhenko Yu. L.* Domestic constitutionalism. Historical and legal research. M., 2010. P. 13 (in Russ.).
39. *Boricrje M.* Konstytucje Polskie. 1791–1997. Warszawa, 2002.
40. The Role of Constitution in Changing Society. Oslo, 1991. P. 24.

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Chief Researcher, Department of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА

© 2025 г. Е. В. Виноградова^{1, *}, М. С. Трофимов^{2, **}, Е. А. Терешенко^{2, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: sim-pai@mail.ru

***E-mail: elena-tereshhenk@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.05.2025 г.

Аннотация. Исследование представляет собой анализ эволюции концепции государственного суверенитета в западноевропейской политической и правовой мысли в период XVI–XIX вв. Генезис исторического формирования концепции государственного суверенитета под влиянием различного рода происходивших социальных процессов можно подразделить на несколько периодов, каждый из которых свидетельствует о характерном изменении понимания феномена суверенитета и, как следствие, выстраивания его границ от становления и возрастания к постепенному ослаблению и распылению. Исследование охватывает период от формирования классической доктрины суверенитета в XVI в. до ее критического переосмысления в XX в. Особое внимание уделяется ключевым теоретическим парадигмам (абсолютистской, либеральной, народно-суверенной, плюралистической), их взаимовлиянию и трансформации в течение времени. Методологическая основа исследования включает в себя исторический, сравнительно-правовой и институциональный методы научного исследования. Суверенитет является одним из ключевых понятий как в политологии, так и в юриспруденции. Это понятие имеет долгую историю развития и различные интерпретации в зависимости от культурного контекста и обязательно исторических условий. Результаты исследования демонстрируют диалектический характер развития концепции государственного суверенитета, показывая как преемственность базовых принципов, так и радикальные противоречия в теоретических моделях европейских мыслителей. Статья вносит вклад и дополняет современные дискуссии о природе государственного суверенитета и его изменчивости в условиях конкретных исторических процессов.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, государственная власть, политическая теория, история правовых учений, Вестфальская система, общественный договор, разделение властей, наднациональные институты, наднациональный суверенитет.

Цитирование: Виноградова Е.В., Трофимов М.С., Терещенко Е.А. Историко-правовой анализ эволюции концепции суверенитета // Государство и право. 2025. № 10. С. 183–192.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения», <https://rscf.ru/project/25-28-01643/>

DOI: 10.31857/S1026945225100161

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY

© 2025 E. V. Vinogradova^{1, *}, M. S. Trofimov^{2, **}, E. A. Tereshchenko^{2, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*North Caucasus Federal University, Stavropol*

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: sim-pai@mail.ru

***E-mail: elena-tereshhenk@yandex.ru

Received 26.05.2025

Abstract. The present study offers a comprehensive analysis of the evolution of the concept of state sovereignty in Western European political and legal thought from the 16th to the 19th century. The historical genesis of sovereignty's conceptual development, influenced by diverse social processes, can be divided into distinct periods, each marked by characteristic transformations in understanding this phenomenon – from its emergence and consolidation to its gradual erosion and fragmentation. The research spans the period from the formation of classical sovereignty doctrine in the 16th century to its critical reevaluation in the 20th century, with particular focus on key theoretical paradigms (absolutist, liberal, popular-sovereign, and pluralist), their mutual influence, and historical transformation. The methodological framework incorporates historical, comparative-legal, and institutional research methods. Today, sovereignty remains a foundational concept in both political science and jurisprudence. Its interpretation has varied significantly across cultural contexts and historical conditions. The study's findings reveal the dialectical nature of sovereignty's conceptual development, demonstrating both continuity in core principles and radical contradictions among European thinkers' theoretical models. The article contributes to and complements modern discussions about the nature of state sovereignty and its variability in the context of specific historical processes.

Key words: sovereignty, state sovereignty, state power, political theory, history of legal doctrines, Westphalian system, social contract, separation of powers, supranational institutions, supranational sovereignty.

For citation: Vinogradova, E.V., Trofimov, M.S., Tereshchenko, E.A. (2025). Historical and legal analysis of the evolution of the concept of sovereignty // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 183–192.

The research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation № 25-28-01643 “Information sovereignty (sovereignty in the information sphere): Russian and foreign experience in legal regulation and support”, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01643/>

Концепция государственного суверенитета на протяжении пяти столетий остается центральной категорией современной политической и государственно-правовой науки, несмотря на радикальные изменения в понимании роли государственной власти, ее значимости, изменения и трансформации народовластия и демократических процедур, изменения системы международных отношений.

В условиях трансформации миропорядка и процессов глобализации традиционные представления о суверенитете подвергаются фундаментальному

пересмотру. Классические подходы к суверенитету, с одной стороны, потеряли свою актуальность, но с другой стороны, именно к ним регулярно обращают свой взор ученые и политики.

Историко-теоретический анализ генезиса и эволюции концепций государственного суверенитета приобрел особую значимость для понимания современных политических процессов, прогнозирования дальнейшего развития государственно-правовых институтов, формирования национального законодательства государств мира, развития международных отношений.

Основная цель исследования заключается в выявлении закономерностей и этапов развития концепции суверенитета и объясняющих его сущность теорий в европейской политико-правовой мысли XVI–XIX вв. В рамках исследования был проведен анализ формирования классической доктрины суверенитета в XVI–XVII вв., изучена трансформация концепции суверенитета в эпоху Просвещения, рассмотрены кризисы традиционных моделей европейского суверенитета в XIX в., выявлена и описана преемственность подходов в понимании сущности суверенитета в Европе в разные исторические периоды, сделана попытка дать оценку влияния исторического контекста на эволюцию концепции суверенитета на всем протяжении его осмысления европейскими учеными вплоть до XX в.

В общественных науках категория «суверенитет» занимает одно из ключевых мест в контексте изучения развития государственности, самостоятельности государственных образований, формирования системы международных отношений, а также взаимодействия разнообразных участников международных отношений между собой.

При этом ни в нынешнее время, ни в предыдущие исторические периоды не сложилось единого подхода к пониманию суверенитета. Что может говорить как, с одной стороны, о постоянной изменчивости понятия и содержания суверенитета, так и, с другой стороны, о разнообразии подходов к его пониманию.

В последние 20–30 лет ученые-правоведы, политологи, философы, другие исследователи неустанно, как выразился Г.И. Мусихин, «умножают смыслы суверенитета, наделяя его все новыми и новыми эпитетами»¹. В этом же контексте А.Н. Савенков подчеркивает, что современные подходы к суверенитету все меньше соответствуют классическому пониманию, а концепция суверенитета стала многоаспектной — охватывая исторический, политический, правовой и финансово-экономический контексты². Примерно то же самое отмечает и В.Н. Жуков³.

Современные российские правоведы, в том числе философы права, теоретики права и конституционалисты, предпринимали попытки рассмотреть сущность государственного суверенитета через обращение «к истокам», изучая зарождение теорий суверенитета в Европе.

Например, А.Н. Савенков в монографии «Философия права и становление российского государства-цивилизации» в разделе, посвященном историко-философским подходам к государствообразующим функциям права, более ста страниц посвятил исследованию его эволюции, в том числе в монографии большое внимание уделено вопросу соотношения западноевропейской и русской философии права, а также национальному правосознанию, основы которого предопределены отечественными историей, философией, правом. По его мнению, эволюция понятия суверенитета в европейской философии XVI–XIX вв. есть развитие фундаментальных юридических и политических идей о верховной власти, которые приобрели конкретные черты в национальных государствах и заложили основу для современного понимания суверенитета как комплексного института государства⁴. Н.Ю. Андреев исследовал правовую природу суверенитета, начиная с римского понятия “majestas” и его трансформации у Ж. Бодена, критикуя смешение политических и юридических аспектов суверенитета⁵. В работах Ж.И. Овсепян анализируется наследие Ж. Бодена, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо и их взгляды от абсолютистских моделей до демократических теорий народного суверенитета⁶. В диссертации С.Б. Глушаченко анализирует влияние европейских теорий суверенитета (в том числе Т. Гоббса и Дж. Локка) на российскую правовую мысль⁷. В диссертации В.С. Горбаня суверенитет через призму историко-правовых воззрений рассматривается как объект правовой защиты в условиях современных вызовов национальной безопасности, особенностей развития правового государства и процессов глобализации⁸.

В той или иной степени и другие отечественные исследователи, занимающиеся вопросами суверенитета с точки зрения права, рассматривали эволюцию содержания этого понятия.

Современные подходы российских юристов значительно отличаются, что закономерно, от тех смыслов, которые были заложены в понимание суверенитета

⁴ См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 577–681.

⁵ См.: Андреев Н.Ю. Государственный суверенитет: попытка переосмысления // Росс. журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2. С. 19–27.

⁶ См.: Овсепян Ж.И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правового понимания // Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series. 2016. No. 4. Pp. 99–109.

⁷ См.: Глушаченко С.Б. Русские юристы второй половины XIX — начала XX вв. о правах личности и правовом государстве: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.

⁸ См.: Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

¹ Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 65.

² См.: Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2022.

³ См.: Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. № 5. С. 20.

европейскими философами XVI–XIX вв. Но при этом эволюционно на них основаны.

Период позднего Средневековья и раннего Нового времени в Европе характеризовался глубокими трансформациями политической организации всего европейского общества. Распад феодальной системы, Реформация, формирование централизованных государств, ожесточенная борьба за власть, религиозные войны и ослабление влияния папы Римского создали предпосылки для теоретического осмысления природы верховной власти.

В процессе осмысления эволюции понятия суверенитета и вкладываемого в него содержания важнейшее значение имеют теории и концепции французских и английских мыслителей.

Исследование суверенитета в науке конституционного права позволяет анализировать разные его концепции, чаще всего западноевропейские. Идея государственного суверенитета развивалась в Западной Европе как антитеза слабой власти. Создание теории суверенитета связывают с именем Ж. Бодена, определявшим суверенитет как политическое превосходство государственной власти в пределах территории всей страны, которая ничем не ограничивается, кроме естественных и божьих законов⁹. Именно им были разработаны основы теории государственного суверенитета, что привело к разрушению старых представлений о политической власти в государстве в эпоху религиозных войн в XVI в.

Вместе с тем исследование достаточно хорошо известных источников, в частности посланий Ивана Грозного Курбскому¹⁰, позволяет утверждать, что этот политико-правовой феномен на протяжении нескольких веков имел свои корни и в отечественном политико-правовом пространстве. Безусловно, следует отметить, что в отечественных источниках он определен не как «государственный суверенитет», о нем размышляют, обозначая его как «державность»¹¹. Трудно говорить об утверждении идеи державности в массовом сознании, но формирование представлений Ивана Грозного вполне очевидно при анализе его посланий А. М. Курбскому. Ответ князя царю позволяет предположить, что державность как одна из существенных черт российской идентичности сформировалась уже в XVI в. И здесь важно отметить, что

датирование этой переписки (первое письмо было написано 5 июля 1564 г.) по времени позволяет говорить, что она предшествовала опубликованию теории Ж. Бодена.

Возвращаясь к Ж. Бодену, отметим, что он обосновал концепцию абсолютного суверенитета монарха, не ограниченного церковью или парламентом, изложив ее в труде «Шесть книг о государстве» (*“Les Six Livres de la République”*, 1576). Концепция стала ключевой в политической мысли эпохи Возрождения и раннего Нового времени.

Согласно взглядам Ж. Бодена суверенитет — это неделимая, абсолютная и постоянная власть государства, не подчиненная никаким внешним или внутренним ограничениям. Монарх обладает верховным правом принимать законы без согласия подданных, сословий или парламента. Суверен не зависит от воли церкви, аристократии или народа, а разделения властей не существует. Только в абсолютной власти монарха есть гарантия стабильности и сохранения единого государства.

Ж. Боден обосновал необходимость единой и сильной верховной власти, свободной от внешнего диктата, но при этом ответственной перед высшими (божественными и естественными) законами. Идеи Ж. Бодена заложили основу для теории абсолютизма XVII–XVIII вв. и повлияли на формирование централизованных государств в Европе. Однако позже они были пересмотрены в пользу теорий разделения властей (Локк, Монтескье) и народного суверенитета (Руссо)¹².

Как отмечает В. Н. Жуков, «в следующие века вплоть до настоящего времени эта теория разрабатывалась самыми разными авторами, которые ее выстраивали в зависимости от политической обстановки, запросов действующей власти и традиций академической среды»¹³.

Томас Гоббс, основатель политической философии, считал суверенитет единственным источником власти. По его мнению, естественный закон является не только нормой, но и выражением фактической закономерности образования государства.

Т. Гоббс выделяет в «Левиафане» (1651) 19 естественных законов, предписывающих мир как средство сохранения людей в массе и относящихся лишь к учению о гражданском обществе.

Третий естественный закон — справедливость, который гласит, что «люди должны выполнять заключенные соглашения, иначе соглашение останутся пустыми звуками. В противном случае они

⁹ См.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II. Европа: V–XVII вв. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М., 1999. С. 689–695.

¹⁰ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1979.

¹¹ Виноградова Е. В., Раттур М. В. Суверенитет как элемент западно-европейских концепций государственной независимости // Междунар. науч. вестник. 2024. № 10. С. 15–21.

¹² См.: Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78). Paris, 2004; Foucault M. Sécurité, territoire, population. Paris, 2007.

¹³ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 20.

теряют смысл, и люди остаются в состоянии войны всех против всех»¹⁴. Т. Гоббс выводил суверенитет не из божественного права, а из рационального соглашения индивидов, суверенитет, основанный на теории общественного договора.

Очередным шагом в развитии концепции суверенитета, не только для государств, но и для системы международных отношений, является период голландского юриста и государственного деятеля Гуго Гроция, автора трактата «О праве войны и мира» (1625). Г. Гроций спроектировал видение права насилия в общих чертах и заключил его в рамки легитимности, иными словами, насилие получило обоснование, а суверенитет стал распространяться на внешнеполитическую сферу¹⁵.

В этой связи важная роль в становлении и развитии государственного суверенитета, а также взглядов на него, на рубеже XVII–XVIII вв. отводится Вестфальскому миру, который положил конец Тридцатилетней войне в Священной Римской империи (1618–1648 гг.).

Заключение Мюнстерского и Оснабрюкского мирных договоров в 1648 г. считается отправной точкой в установлении новой системы международных отношений, в которых государственный суверенитет становится неотъемлемым атрибутом любого государства, тем самым устанавливая формальное их равенство и даруя государствам право свободы в управлении внешними и внутренними делами. Носителями суверенитета в поствестфальской Европе стали не столько первые лица, сколько государства, общества, иными словами, те пространства, которыми эти первые лица управляют.

Примечательно, что в тексте Вестфальских договоров отсутствует слово «суверенитет». Ж. Боден использовал французское “*souveraineté*”, но в латыни (языке дипломатии XVII в.), на котором составлен Вестфальский договор, его аналога нет. Близким по значению к нему является термин “*supremum dominium*” (полное государство).

Точка зрения о том, что именно Вестфальский договор стал отправной точкой в становлении концепции суверенитета государств, рассматривая это явление с позиции зарождения новой системы международных отношений, представляется не совсем объективной. Если и анализировать международную систему отношений, то в контексте общемирового поля, без централизации в направлении исключительно европейских стран, как это представлено в Вестфальском мирном договоре, тогда

как правовые процессы других регионов мира вообще не были учтены.

В XVIII в. взгляды европейских мыслителей на суверенитет продолжали развиваться, а концепция суверенитета продолжала претерпевать изменения.

На рубеже второй половины XVII – начала XVIII в. английский философ Джон Локк первым описал концепцию разделения властей и предложил новую интерпретацию суверенитета. На выстроенной Ж. Боденом теории о государственном суверенитете, в основе которой лежит принцип концентрирования власти в руках монарха, устанавливалась новая парадигма распределения власти между разными институтами. Именно в указанном разделении Д. Локк видел оптимальный баланс соотношений сил государства, а сам суверенитет в таком виде считал распределенным и максимально устойчивым. Он определяет суверенитет исходя из идеи разделения властей: «абсолютное принадлежит Богу, относительное делится на ветви». Потенциальная природа суверенитета сосредоточена в руках правительства с возложением на него функции законодательного исполнения. Настоящий потенциал суверенитета находится в руках сообщества. По его мнению, абсолютная монархия не совместима с гражданским обществом. Д. Локк не ссылается на идеи Т. Гоббса в своих трудах, однако он также полагается на концентрацию абсолютной власти в руках Бога. Такое разделение суверенитета между структурами и институтами выстраивало концепцию идеального государства.

Проводя философский мысленный эксперимент о естественном состоянии, Д. Локк показывает переход людей от естественного состояния к политической системе. Человеческое рациональное мышление стало реальной основой для понимания сути государства и политики.

В свою очередь, Ж.-Ж. Руссо разработал теорию народного суверенитета. Ее основные постулаты изложены в труде «Об общественном договоре» (“*Du Contrat Social*”, 1762).

Согласно Ж.-Ж. Руссо, народ является единственным источником власти, т.е. власть в государстве принадлежит не монарху и не аристократии, а всему народу (общей воле – *volonté générale*). Власть реализуется непосредственно народом через формы прямой демократии, так как прямое народовластие является идеальной формой правления. Решения принимаются большинством, но должны отражать общую волю (а не просто сумму эгоистичных интересов).

Люди объединяются добровольно в общество, передавая часть свобод не правителю, а коллективу.

¹⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2.

¹⁵ См.: Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги / пер. с лат. А.Л. Саккетти. М., 2022.

Государство существует только для защиты общих интересов, а не для власти элит. Депутаты, иные выборные лица и органы не могут подменять собой власть народа. И если правительство нарушает общественный договор, то народ имеет право на восстание.

Сам же суверенитет неотчуждаем, соответственно народ не может передать власть кому-то навсегда¹⁶.

Ж.-Ж. Руссо радикально переосмыслил сущность и значение суверенитета, перенес его от монарха к народу, и заложил основы демократической теории. Если Боден обосновывал абсолютную власть монарха, то Руссо утверждал, что абсолютной властью обладает только народ, а любое правительство — лишь его временный исполнитель (слуги народа).

Народный суверенитет стал основой Декларации прав человека 1789 г.

Именно в философии XVII—XVIII вв., включая французских и английских мыслителей (например, Ж.-Ж. Руссо и Т. Гоббса), происходит трансформация понятия суверенитета с акцентом на народный суверенитет, общественный договор и ограничение власти государства правами народа. Эти философы расширяют понимание суверенитета как не только абсолютной верховной власти, но и как право народа на самоопределение и источник государственной власти.

Однако Французская революция 1789—1799 гг. показала утопичность теории народного суверенитета в условиях реальной политики, что в итоге привело к компромиссам в виде представительной системы. Революционеры признали невозможность реализации идей Руссо в крупных государствах¹⁷, и эти идеи были переосмыслены и критикуемы революционерами (Э.-Ж. Сийес, М. Робеспьер).

Э.-Ж. Сийес в общем поддержал идеи Ж.-Ж. Руссо. Он считал, что нация — единственный источник власти. Конституция государства должна выражать общую волю, а не интересы элит. Критиковал Руссо за утопизм прямой демократии и заложил основы представительной демократии.

Французская революция провозгласила суверенитет народа, но при этом ограничила его представительной системой.

Историческим поворотом, повлиявшим на установление иных новых взглядов на систему

международных отношений, ориентированную на равенство субъектов межгосударственных отношений, стало видение швейцарского юриста Эмера де Ваттеля, жившего на столетие позже заключения Вестфальского мира. Э. де Ваттель в своих доводах применял уже разработанную Ж. Боденом теорию суверенитета к отношениям между государствами, и теоретически обосновавшему отсутствию права на внешнюю интервенцию.

Суверенитет, по Ваттелю, заключается в праве нации управлять собой без вмешательства со стороны других наций¹⁸. Он утверждал, что суверенитет является необходимым фундаментом для обеспечения независимости и автономии нации. При этом другие страны должны уважать суверенитет: не вмешиваться во внутренние дела нации, не использовать методы силы и принуждения и не навязывать свои законы.

Благодаря идее о том, что страны должны уважать суверенитет друг друга, международное право стало рассматриваться в качестве согласованной концепции, совпадающей с государственной волей.

Данная тенденция становления государственно-го суверенитета сохранялась до рубежа XIX—XX вв. Именно в этот период рациональное представление о суверенитете стало претерпевать значительные изменения. Связано это с появлением новых учений, которые впоследствии транслировали этот феномен в ином виде, с необходимостью обоснования с позиции новой властной функции, в том числе связанной с волеизъявлением масс общества. На данном этапе начинает проследиваться центричность волеизъявления народа как источника власти и непосредственного носителя суверенитета.

XIX век можно охарактеризовать как период кризиса идеи суверенитета и появления новых подходов к его пониманию и функциональному назначению. На переосмысление концепции суверенитета оказали влияние конкретные исторические процессы и события, к которым можно отнести революции «Весны народов», Наполеоновские войны, объединительные процессы в итальянском и германском государствах, развитие конституционализма. В немецкой философии и правовой мысли (XVIII—XIX вв.) появляются дискуссии о форме правления и соотношении государства и гражданина. Классическая теория суверенитета подвергается критическому переосмыслению в контексте развития правового государства и национальных государств.

В этот период необходимо говорить о немецкой философско-правовой мысли. Георг Вильгельм

¹⁶ См.: *Cohendet M.-A. Souveraineté parlementaire et état d'urgence // Pouvoirs. 2017. No. 160. Pp. 67—80.*

¹⁷ См.: *Baranger D. Parlement et souveraineté nationale sous la Ve République // Revue française de droit constitutionnel. 2005. No. 61. Pp. 5—28.*

¹⁸ См.: *Фархутдинов И.З. Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юрид. журнал. 2019. № 6 (133). С. 21—31.*

Фридрих Гегель — ключевой представитель немецкого классического идеализма. Он радикально переосмыслил концепцию суверенитета, соединив ее со своей диалектикой и теорией государства.

Гегель вкладывает в суверенитет некий высший смысл. Суверенитет — не просто юридическая категория, а принцип: воплощение «мирового духа» на конкретно-исторической стадии и диалектическая необходимость — синтез частной воли (гражданское общество) и всеобщей воли (государство)¹⁹.

В своей концепции суверенитета Гегель впервые говорит о внутреннем и внешнем суверенитете, двух взаимосвязанных аспектах государственности, вытекающих из его диалектики и философии объективного духа²⁰.

Сутью внутреннего суверенитета является верховенство государственной власти над всеми институтами внутри государства. Для него характерны рациональная организация всеобщей воли в государстве и монарх как символ единства в государстве (персонификация суверенитета). Внутренний суверенитет не возникает на основе общественного договора, как у Ж.-Ж. Руссо, он есть внутреннее свойство государства, в чем проявляется высшая форма духа.

Внешний суверенитет есть свойство независимости государства в международных отношениях. Он означает, что суверенное государство признано другими государствами, которые вступают с ним в диалог как равные. При этом война есть момент суверенитета, через войну государство утверждает свою независимость и самостоятельность.

Гегель в своей концепции суверенитета отрицал надгосударственные формы.

В теории представителя английской науки Джона Остина под властью понимается некая абстрактная нейтральная сила, подобная объективным силам природы. «Персона» суверена, понимаемая в качестве «должности» верховного администратора или распорядителя, т.е. в качестве института власти, является важным условием, обеспечивающим дальнейшее единство и «централизацию» политико-правовой власти государства²¹.

В своей работе Остин отождествляет суверена с верховной политической властью, а такая власть принадлежит, с его точки зрения, английскому парламенту. Однако далее размышления

его заключаются в том, что если треть парламента формируется избирателями, последние в части избранных их представителей становятся частью суверенного органа, лишенными властных полномочий, но тем самым делегировавших право издавать законы. То есть республиканская форма правления отличается качественно новой характеристикой, основанной на подчинении закону как морали, а фактическим сувереном становится корпус избирателей.

Французские доктринеры XIX в. (Ф. Гизо, П. Ройе-Коллар) предложили теорию «суверенитета разума», отрицающую классическое понимание суверенитета и акцентирующую моральные обязательства власти²². Сущность этой теории состоит в том, что суверенитет разума не принадлежит ни народу, ни монарху, а является моральным императивом, воплощением справедливости. Доктринеры отвергли идею неделимой власти, предложив вместо этого легитимную монархию с разделением властей, т.е. связали суверенитет с рациональным государственным управлением. Согласно теории легитимной монархии суверенитет должен быть основан на «разумном правлении» элит, а не народа.

Ф. Гизо синтезировал либерализм и консерватизм, предложив модель суверенитета, исключающую крайности абсолютизма и популизма²³.

Фактически доктринеры переосмыслили суверенитет как абстрактный принцип, что явилось отражением кризиса монархической модели управления государством. Их идеи предвосхитили либеральные концепции XIX–XX вв., акцентирующие ограничение власти.

В ответ на теорию абсолютного суверенитета теоретик плюралистической демократии и деятель лейбористской партии Великобритании Г. Дж. Ласки писал: «Вопрос суверенитета — это всегда вопрос степени признания, а не его формы»²⁴. В своих ранних работах Ласки отстаивал идею децентрализованного «плюралистического государства», «которое основано на разделении суверенитета между многими институтами, представляющим и интересы различных групп в обществе»²⁵. По его мнению, поиск феномена суверенитета надо

²² См.: *Gauchet M.* L'avènement de la démocratie. T. IV. Le nouveau monde. Paris, 2017.

²³ См.: *Beaud O.* La souveraineté de l'État face à l'Union européenne // *Revue trimestrielle de droit Européen*. 2012. No. 3. Pp. 467–489.

²⁴ *Ласки Г. Дж.* О суверенитете государства // *Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки*. 2020. № 4. С. 152–161.

²⁵ *Сагалова А.Л.* Международная организация и плюралистическая демократия во взглядах Г. Дж. Ласки // *Власть*. 2013. № 8. С. 160–166.

¹⁹ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М., 2000.

²⁰ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. Б.Г. Столпнера. М., 1990.

²¹ *Иванов А.Е.* Правовая теория Джона Остина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 116.

осуществлять «в объединяющей доброй воле, за которую он выступает».

Виднейшим представителем французской правовой мысли, исследовавшем вопросы суверенитета, является один из основоположников социологической школы права Леон Дюги. Он также рассматривал суверенитет, учитывая сложные исторические и политические трансформации государства, подчеркивая его значение в формировании правового порядка и национальной идентичности, учитывая более прогрессивные и плюралистические взгляды на государственную власть.

Л. Дюги критиковал классическую теорию суверенитета, отрицал суверенитет как метафизическую концепцию и предлагал нормативистский и функциональный подход к суверенитету. Отвергал традиционное представление о суверенитете (восходящее к Ж. Бодену и Ж.-Ж. Руссо) как о неделимой и абсолютной власти государства. Он считал суверенитет юридической фикцией, не имеющей отношения к реальности²⁶. Доказывал, что власть не может рассматриваться исключительно как воля суверена. Власть — это функция, необходимая для поддержания социального порядка. А само государство — это набор служб и функций (*service public*), которые действуют в интересах человека²⁷. В связи с этим он предлагал заменить суверенитет концепцией объективного права, основанной на «социальной солидарности».

Именно Л. Дюги в начале XX в. предвосхитил идею ограничения национального суверенитета в пользу наднациональных структур, таких как современный Европейский Союз.

* * *

Как показало проведенное исследование, развитие концепции суверенитета в европейской философской и правовой мысли XVI–XIX вв. имело нелинейный характер, возникновение новых идей и дополнение к уже существующим теориям существенно влияло на сущность и понимание концепции суверенитета.

Эволюция концепции суверенитета преодолела содержательный путь от религиозного понимания к светскому (от сакрального к рациональному), от абсолютного к ограниченному, от народного к государственному, от национального к наднациональному и от философского к политико-юридическому. Можно сказать, что развитие взглядов европейских философов на суверенитет от Ж. Бодена в XVI в. до Л. Дюги в XIX в. отражает

эволюцию концепции, связанную с историческим, политическим и правовым контекстом.

Абсолютный и неделимый суверенитет по Ж. Бодену менее чем через сто лет понимался как продукт общественного договора по Гоббсу. Еще менее чем через 50 лет уже рассматривался как ограниченный суверенитет с атрибутами разделения властей по Локку. Еще менее чем через сто лет рассматривался как принадлежащий всему народу. Но и этот подход, как и все остальные, в XIX в. претерпел серьезный кризис на фоне масштабных изменений в государственно-политическом устройстве стран Европы и изменений в международных отношениях. Произошел постепенный переход в понимании суверенитета от власти одного к власти многих.

Существенным образом на содержание концепции суверенитета в Европе XVI–XIX вв. влияли конкретные исторические события и условия, складывающиеся на территории Европы, заставляя отказываться от уже принятых взглядов в угоду новой практической необходимости. Например, абсолютизм Ж. Бодена показал свою полную несостоятельность, противореча идеям демократизма, ряд теорий и взглядов других мыслителей оказались в итоге тупиковыми.

Этот исторический опыт показывает, что подходы к определению сущности суверенитета через несколько десятков лет могут оказаться несостоятельными. Особенно на волне появившихся во множестве к началу XX в. новых аспектов суверенитета, дополнявших существующие концепции и постепенно формирующих эволюционным путем его нынешнее понимание.

Суверенитет остается динамичным, изменчивым понятием, подверженным эволюционным изменениям и адаптирующимся к вызовам времени, и, как следствие, имеющим как теоретическое, так и практическое значение в политике и праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Н. Ю. Государственный суверенитет: попытка переосмысления // Росс. журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2. С. 19–27.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II. Европа: V–XVII вв. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М., 1999. С. 689–695.
3. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Суверенитет как элемент западно-европейских концепций государственной независимости // Междунар. науч. вестник. 2024. № 10. С. 15–21.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М., 2000.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера. М., 1990.

²⁶ См.: Дюги Л. Трактат о конституционном праве [*Traité de droit constitutionnel*]: в 5 т. 2-е изд. Париж, 1911.

²⁷ См.: Duguit L. *Souveraineté et liberté: Leçons faites à l'Université Columbia* (New York). Paris, 1922.

REFERENCES

6. Глушаченко С.Б. Русские юристы второй половины XIX — начала XX вв. о правах личности и правовом государстве: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2.
8. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
9. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги / пер. с лат. А.Л. Саккетти. М., 2022.
10. Дюги Л. Трактат о конституционном праве [Traité de droit constitutionnel]: в 5 т. 2-е изд. Париж, 1911.
11. Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. № 5. С. 20.
12. Иванов А.Е. Правовая теория Джона Остина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 116.
13. Ласки Г. Дж. О суверенитете государства // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 152–161.
14. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 65.
15. Овсепян Ж.И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правопонимания // Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016. No. 4. Pp. 99–109.
16. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1979.
17. Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2022.
18. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 577–681.
19. Сагалова А.Л. Международная организация и плюралистическая демократия во взглядах Г. Дж. Ласки // Власть. 2013. № 8. С. 160–166.
20. Фархутдинов И.З. Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юрид. журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.
21. Baranger D. Parlement et souveraineté nationale sous la Ve République // Revue française de droit constitutionnel, 2005. No. 61. Pp. 5–28.
22. Beaud O. La souveraineté de l'État face à l'Union européenne // Revue trimestrielle de droit Européen. 2012. No. 3. Pp. 467–489.
23. Cohendet M.-A. Souveraineté parlementaire et état d'urgence // Pouvoirs. 2017. No. 160. Pp. 67–80.
24. Duguit L. Souveraineté et liberté: Leçons faites à l'Université Columbia (New York). Paris, 1922.
25. Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78). Paris, 2004.
26. Foucault M. Sécurité, territoire, population. Paris, 2007.
27. Gauchet M. L'avènement de la démocratie, T. IV. Le nouveau monde. Paris, 2017.
1. Andreev N. Yu. State sovereignty: an attempt to re-think // Russian Journal of Legal Research. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 19–27 (in Russ.).
2. Anthology of World legal thought: in 5 vol. Vol. II. Europe: V–XVII centuries / ed. by N.A. Krashennnikova. M., 1999. Pp. 689–695 (in Russ.).
3. Vinogradova E.V., Rattur M.V. Sovereignty as an element of Western European concepts of State independence // International Scientific the messenger. 2024. No. 10. Pp. 15–21 (in Russ.).
4. Hegel G.V.F. Phenomenology of the Spirit / transl. by G. Shpet. M., 2000 (in Russ.).
5. Hegel G.V.F. Philosophy of Law / transl. by B.G. Stolpner. M., 1990 (in Russ.).
6. Glushachenko S.B. Russian lawyers of the second half of the XIX — early XX centuries on individual rights and the Rule of Law: historical and legal research: dis. ... Doctor of Law. SPb., 2000 (in Russ.).
7. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, form and power of the state of the church and civil // Hobbes T. Selected writings: in 2 vols. M., 2001. Vol. 2 (in Russ.).
8. Gorban V.S. The legal doctrine of Jering and his interpretations: dis. ... Doctor of Law. M., 2019 (in Russ.).
9. Grotius G. On the law of war and peace. Three books / transl. from Latin by A.L. Sacchetti. M., 2022 (in Russ.).
10. Dugy L. A treatise on Constitutional Law [Traité de droit constitutionnel]: in 5 vols. 2nd ed. Paris, 1911 (in Russ.).
11. Zhukov V.N. The concept of the state: a return to the classics // State and Law. 2023. No. 5. P. 20 (in Russ.).
12. Ivanov A.E. John Austin's legal theory: dis. ... PhD in Law. M., 2023. P. 116 (in Russ.).
13. Laski G.J. On the sovereignty of the State // Herald of Moscow State University. Ser.: History and Political Sciences. 2020. No. 4. Pp. 152–161 (in Russ.).
14. Musikhin G.I. Classification of sovereignty theories as an attempt to overcome "conceptual egoism" // Social Sciences and Modernity. 2010. No. 1. P. 65 (in Russ.).
15. Ovsepyan Zh.I. Basic scientific concepts of sovereignty: classical teachings and the development of modern legal understanding // Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Hymanitarian series. 2016. No. 4. Pp. 99–109 (in Russ.).
16. Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky / text prepared by Ya.S. Lurie and Yu.D. Rykov; ed. by D.S. Likhachev. L., 1979 (in Russ.).
17. Savenkov A.N. The State and Law: Human rights and the world order based on the rule of law: in 3 vols. M., 2022 (in Russ.).
18. Savenkov A.N. Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. Pp. 577–681 (in Russ.).
19. Sagalova A.L. International organization and pluralistic democracy in the views of G.J. Laski // Power. 2013. No. 8. Pp. 160–166 (in Russ.).
20. Farkhutdinov I.Z. The doctrine of the Westphalian peace system: myths and realities // Eurasian legal journal. 2019. No. 6 (133). Pp. 21–31 (in Russ.).

21. *Baranger D.* Parlement et souveraineté nationale sous la Ve République // *Revue française de droit constitutionnel*, 2005. No. 61. Pp. 5–28.
22. *Beaud O.* La souveraineté de l'État face à l'Union européenne // *Revue trimestrielle de droit Européen*. 2012. No. 3. Pp. 467–489.
23. *Cohendet M.-A.* Souveraineté parlementaire et état d'urgence // *Pouvoirs*. 2017. No. 160. Pp. 67–80.
24. *Duguit L.* Souveraineté et liberté: Leçons faites à l'Université Columbia (New York). Paris, 1922.
25. *Foucault M.* Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78). Paris, 2004.
26. *Foucault M.* Sécurité, territoire, population. Paris, 2007.
27. *Gauchet M.* L'avènement de la démocratie, T. IV. Le nouveau monde. Paris, 2017.

Сведения об авторах

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна —
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ТРОФИМОВ Максим Сергеевич —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права
Северо-Кавказского федерального
университета; 355017 г. Ставрополь,
ул. Пушкина, д. 1

ТЕРЕЩЕНКО Елена Анатольевна —
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой правовой культуры
и защиты прав человека
Северо-Кавказского федерального
университета; 355017 г. Ставрополь,
ул. Пушкина, д. 1

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. —
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

TROFIMOV Maxim S. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Department
of Administrative and Financial Law,
North Caucasus Federal University;
1 Pushkin str., 355017 Stavropol, Russia

TERESHCHENKO Elena A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Legal Culture
and Human Rights Protection,
North Caucasus Federal University;
1 Pushkin str., 355017 Stavropol, Russia

УДК 342

«ЖИВАЯ КОНСТИТУЦИЯ»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

© 2025 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 16.07.2025 г.

Аннотация. В статье представлен обзор наиболее интересных докладов, прозвучавших на состоявшейся 3 июня 2025 г. в Институте государства и права Российской академии наук Международной научной конференции ««Живая конституция»: современные преломления». В ее работе приняли участие представители ведущих научных учреждений и вузов России, а также исследователи из Беларуси. Рассматривался широкий круг проблем, связанных с современными интерпретациями доктрины «живой конституции», позволяющей адаптировать конституционные тексты к актуальным цивилизационным вызовам без формального внесения в них изменений.

Ключевые слова: конституция, толкование конституционных текстов, конституционный контроль, законодательное регулирование, функционирование органов публичной власти.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. «Живая конституция»: современные преломления (Международная научная конференция) // Государство и право. 2025. № 10. С. 193–207.

DOI: 10.31857/S1026945225100171

“LIVING CONSTITUTION”: MODERN INTERPRETATIONS (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

© 2025 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 16.07.2025

Abstract. The article is an overview of the most interesting reports presented at the International Scientific Conference “Living constitution: modern interpretations” held on June 3, 2025 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Representatives of leading scientific institutions and universities of Russia, as well as researchers from Belarus, took part in its work. A wide range of problems related to modern interpretations of the “living constitution” doctrine, which allows adapting constitutional texts to current civilizational challenges without formally amending them, were considered.

Key words: constitution, interpretation of constitutional texts, constitutional review, legislative regulation, functioning of public authorities.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2025). “Living constitution”: modern interpretations (International Scientific Conference) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 193–207.

3 июня 2025 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Международная научная конференция «**“Живая конституция”: современные преломления**». В ее работе приняли участие около 40 ученых, представляющих ведущие научные учреждения и вузы России, а также исследователи из Беларуси. Они обсудили широкий круг вопросов, связанных с классическим пониманием и новейшими интерпретациями доктрины «живой конституции» в различных странах и ее соотношением с новыми теориями конституционализма, а также адаптацией конституций к современным цивилизационным вызовам посредством судебного толкования конституционных текстов, текущего законодательного регулирования и практики функционирования органов публичной власти.

Конференцию открыл **директор Института, академик РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков**. Александр Николаевич подчеркнул актуальность темы конференции и призвал развивать на основе теоретических разработок отечественных ученых российскую модель конституционализма, способную адекватно реагировать на вызовы современности.

Участники конференции обсудили общетеоретические аспекты доктрины «живой конституции» и способы ее реализации.

Выступление **д-ра юрид. наук, проф. Н.С. Бондаря (ИЗиСП при Правительстве РФ, ЮФУ)** было посвящено анализу концепции «живой» Конституции современной России сквозь призму авторской доктрины судебного конституционализма. Система реального конституционализма, традиционно опережающая в России юридическую Конституцию, закономерным образом развивается не только (и во многом не столько) в процессе изменения ее текста, а посредством преобразования системы реального конституционализма. Особая роль в процессе таких преобразований принадлежит конституционному правосудию, его нормативно-доктринальным решениям, на основе которых обеспечивается единство социокультурных и правовых факторов конституционного развития, формирование системы судебного («живого») конституционализма и обретение ею новых качественных характеристик. Одновременно происходит и реализация судебных механизмов воплощения в жизнь

требований верховенства Конституции, ее прямого действия на основе общности буквы и духа, материализации конституционных ценностей в обществе и государстве в единстве формально-юридических и нравственно-этических начал конституционализма, сочетания стабильности и динамизма учредительного акта, его социокультурного развития.

Судебный конституционализм – важный фактор развития современной доктрины конституционализма, модернизации российской государственности, генератор конституционной идеологии, утверждения современного конституционного мировоззрения личности и общества. Судебный конституционализм обеспечивает формирование и действие «живой» Конституции в широком социокультурном, национально-историческом ее восприятии в условиях современных вызовов. Для успешного конституционного развития принципиально важно обеспечивать гармонию судебно-интерпретационных юридических характеристик Конституции и социокультурного содержания реального («живого») конституционализма.

«Живая конституция» – это не концепция, а метафора, и, как любая метафора, она суммирует различные смыслы и не вполне точно их отражает, отметила **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. В США, где Конституции впервые была дана такая характеристика, это означает, что учредительный акт, подобно живому организму, находится в постоянном развитии, в ходе которого заложенные в его текст изначальные смыслы могут меняться, отвечая на современные общественные потребности. Эти новые смыслы выявляются в процессе судебного толкования. Доктрина «живой конституции» не предполагает каких-то конкретных способов толкования, а лишь ориентирует на то, что оно не может ограничиваться лингвистическим анализом текста и выявлением намерений отцов-основателей (исторического законодателя), т.е. противостоит текстуализму и оригинализму.

Идея «живой конституции» получила едва ли не повсеместное признание. Ее практически полными аналогами являются доктрины «живой силы» конституции в Австралии, конституции как «живого дерева» в Канаде, «живого организма» в Индии, утверждающие необходимость прогрессивного толкования конституции, позволяющего адаптировать

ее к новым условиям. Подобные характеристики даются и российской Конституции. По мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой Конституции”»¹.

Иногда доктрина «живой конституции» связывается не только с судебным толкованием конституционного текста, но и с практикой внесения в учредительный акт необходимых поправок. Зарубежные исследователи в последнем случае акцентируют необходимость активного привлечения к данному процессу граждан в рамках различных форм делиберативной² и прямой³ демократии, полагая, что в противном случае изменения конституции, скорее всего, будут не соответствовать интересам граждан и ограничивать их возможность влиять на политический процесс.

Отношение к конституции как к живому, развивающемуся (прежде всего в толковании судебных органов) организму — необходимое условие ее действенности. Вместе с тем такой подход таит в себе и определенную опасность. Наиболее отчетливо она нашла отражение в реалистической теории конституционного толкования М. Тропера, утверждающего, что толкователь конституции не связан ее текстом, подчинен исключительно своей воле и сам определяет свои полномочия⁴, а истинным, действительным и обязательным будет то толкование конституции, которое не может быть оспорено⁵, даже если оно «кажется безрассудным» и «расходится со всеми известными намерениями автора текста»⁶. Предотвратить такое развитие доктрины «живой конституции» способна ее ориентация на базовые принципы конституционализма, необходимость реализации которых выступает и оправданием, и пределом эволютивного толкования конституции.

¹ Право.ру. 9 октября 2018 г. URL: <https://pravo.ru/news/205907/> (дата обращения: 07.06.2025).

² См.: Васильева Т.А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6 (151). С. 46–71.

³ См.: Frey B.S., Stutzer A. Direct Democracy: Designing a Living Constitution // Democratic Constitutional Design and Public Policy, Analysis and Evidence / ed. by R.D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge; London, 2006. Pp. 41–90.

⁴ См.: Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 175, 176.

⁵ См.: Тропер М. Свобода толкования конституционного суда // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 193.

⁶ Тропер М. Реалистическая теория толкования // Росс. юрид. журнал. 2006. № 2. С. 9.

Доклад Е.О. Бадеры (СПбГУ) был посвящен концепции конституционализма, основанного на общем благе, профессора Гарвардского университета А. Вермюля⁷, которую он позиционирует как третью альтернативу оригинализму, ориентирующемуся на исторический смысл Конституции, и «живому конституционализму», допускающему его изменение под влиянием современных ценностей. А. Вермюль отвергает как буквальное следование тексту Конституции, так и произвольную трансформацию конституционных положений. По его мнению, толкование Конституции должно опираться на защиту общего блага, а не только индивидуальных свобод. Текст конституции — это лишь оболочка, истинное содержание которой составляют ориентированные на общее благо принципы.

Подход А. Вермюля к толкованию конституции основан на двух ключевых принципах. Первый — поиск цели: судья должен интерпретировать нормы с позиций их полезности для общего блага, а не исходя только из воли учредителей. Второй — презумпция моральной правильности: конституция стремится к справедливости и благоразумию, поэтому допустимо отступление от буквального смысла ради достижения справедливого результата.

Концепция конституционализма, основанного на общем благе, вызвала оживленную критику. Оригиналисты упрекают ее в отсутствии строгой аргументации, недооценке определенности текста и опасности произвола судей при толковании закона через призму общего блага⁸, а также в том, что отказ от приоритета текста подрывает стабильность судебной практики⁹. Сторонники либерализма усматривают в теории А. Вермюля угрозу правам человека и скрытую религиозно-консервативную повестку. Конституционализм, основанный на общем благе, по их мнению, прокладывает путь к навязыванию «единственно правильной» морали, что опасно для плюралистического общества.

Концепция конституционализма, основанного на общем благе, А. Вермюля открыла новое направление в дискуссии о том, как понимать и применять конституцию. Она ставит перед правовой теорией задачу поиска баланса между моральными целями и защитой от произвола власти. Такая дискуссия выходит за рамки техники толкования

⁷ См.: Vermeule A. Beyond Originalism // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/common-good-constitutionalism/609037/> (дата обращения: 05.07.2025); Vermeule A. Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Medford, 2022.

⁸ См.: Baude W., Sachs S. The “Common-Good” Manifesto // Harvard Law Review. 2023. Vol. 136. Iss. 3. Pp. 861–906.

⁹ См.: Solum L.B. Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2023. Vol. 46. Iss. 3. Pp. 1149–1175.

и затрагивает фундаментальные идеологические разногласия между индивидуализмом и коммунитаризмом, плюрализмом и традиционализмом.

Доктрина «живой конституции» акцентирует внимание на динамичности содержания конституционного текста, отметила **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В своей классической трактовке она возникла в условиях и для целей англо-американской правовой традиции — для обоснования конституционного контроля на основе не только оригиналистского (текстуального) подхода к толкованию конституции, но и с учетом фактических преобразований, произошедших в обществе. В настоящее время распространено осмысление данной доктрины, отвечающее тенденции сближения правовых систем и развития международного права прав человека. В рамках континентальной правовой традиции доктрина «живой конституции» проявляется через конституционализацию правоотношений, когда ключевой задачей является использование регулятивного потенциала конституции в свете изменений социальной реальности, конкретных социально-правовых условий реализации конституционных норм. В международном контексте она повлияла на трактовку договоров о правах человека в качестве «живого инструмента», подлежащего эволютивному толкованию.

В российской правовой системе доктрина «живой конституции» увязывается с ролью Конституционного Суда РФ в развитии Конституции посредством ее динамического толкования. Кроме того, она акцентирует эффективность конституционных положений, их реальное воздействие на общественные отношения. В данном аспекте доктрина «живой конституции» связана с традиционным различением фактической и юридической конституции. Такой подход сложился в позднесоветское время, с одной стороны, для обоснования юридической ценности Конституции (как «должного права») с целью преодоления ее восприятия как декларативного акта, а с другой стороны, для объяснения Конституции (в терминологии Ф. Лассаля) с позиции конкретно-исторического соотношения политических сил. В сравнении с юридической, фактическая конституция характеризует реальный порядок осуществления государственной власти, который может существенно отличаться от порядка, предписанного конституцией. Такой подход не исключает придания приоритета фактическим отношениям в их сопоставлении с конституционными предписаниями, а также их рассмотрение вне рамок гарантий действия Конституции.

Реализуя идею сохранения конституционного текста при адаптации его содержания к реальному состоянию развития общества, концепция «живой конституции» в значительной степени ставит под сомнение саму идею конституции как многофакторного феномена в его конкретно-историческом,

социально-политическом и правовом проявлении, подчеркнул **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЗиСП при Правительстве РФ)**. При этом очевидным представляется и тот факт, что сохранение конституционного текста в подлинно неизменном состоянии вряд ли возможно ввиду динамично развивающихся и усложняющихся общественных отношений. В этой ситуации актуальным является вопрос субъекта тонкой настройки конституционных положений и пределов такой настройки.

Конституционная практика (в целом можно утверждать, что такая практика является общемировой) исходит из того, что национальная конституция вверяет основные функции управления коллегиальному органу народного представительства, которому предоставляется определенная свобода действий в конституционно очерченных рамках. Это касается и возможностей содержательного наполнения в значительной степени абстрактных конституционных положений без изменения их текстуального выражения. Между тем практика показывает, что по различным причинам национальные парламенты все реже в полном объеме справляются с этой задачей, что вполне естественно вызывает нормативные дисфункции, требующие от государства достаточно конкретных и оперативных реакций. Не случайно, что в данной ситуации на передний план выходит судебная власть, и прежде всего органы конституционного контроля, располагающие в силу своего конституционно-правового статуса действенными механизмами реагирования на возникающие дисфункции и их преодоление, в том числе в квазинормативном порядке. Такая деятельность судебной власти носит компенсаторный характер, т.е. ориентирована на точечные и кратковременные решения возникающих проблем. Кроме того, подобный механизм должен рассматриваться как посылающий своего рода сигналы законодательной власти, которая, в свою очередь, и осуществляет полноценную корректировку (донастройку) правопорядка в соответствии с выявленными проблемами. Подобные примеры, в частности, можно наблюдать в российской практике, когда сформулированный Конституционным Судом РФ в качестве имманентно присущего конституционному порядку принцип правовой определенности в дальнейшем получил свое законодательное определение (ст. 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹⁰).

В то же время практика показывает, что с повышением эффективности деятельности Конституционного Суда РФ в части развития конституционных положений (формулирования конституционных принципов, конституционализации отраслевого законодательства и др.), активность парламента в этом направлении снижается, что, в свою очередь, приводит

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5006.

к необходимости гиперкомпенсации, при которой Конституционный Суд РФ вынужден все чаще прибегать к экстраординарным методам развития конституционного законодательства, подменяя таким образом орган народного представительства. В этой ситуации уместным представляется использование Конституционным Судом РФ в своей деятельности по осуществлению толкования методики, предполагающей последовательное преодоление презумпции конституционности акта и презумпции добросовестности законодателя при формировании смысла принимаемого закона, а также соблюдение принципа разумной сдержанности при осуществлении конституционной интерпретации.

В докладе канд. юрид. наук, доц. И.А. Дудко и канд. юрид. наук, доц. О.Н. Кряжковой (РГУП им. В.М. Лебедева) отмечалось, что резолютивные части постановлений Конституционного Суда РФ по делам о нормоконтроле чаще всего включают истолкование правовых норм, а не констатацию их (не)конституционности. Данный подход отражает не только юридическую технику, но и политику Суда во взаимоотношениях с другими органами власти. Конституционный Суд РФ действует таким образом, чтобы сохранить конструктивные отношения с законодательной и судебной властью.

Практика показывает, что не существует единой цели истолкования правовых норм Конституционным Судом РФ. В одних случаях, составляющих меньшинство, Суд проявляет «конституционную сдержанность», истолковывая правовые нормы в качестве альтернативы признанию их неконституционными. Примером может служить Постановление от 10 апреля 2025 г. № 16-П¹¹, касающееся повышения судебных государственных пошлин, где Конституционный Суд РФ дал судам подробную «инструкцию», как применять инструментарий снижения или освобождения от уплаты пошлин, чтобы не было нарушено право граждан на судебную защиту.

В других случаях, встречающихся чаще, Конституционный Суд РФ исследует не сами правовые нормы, а скорее судебные правовые позиции по тому или иному вопросу. Здесь целью истолкования является воздействие на суды, а не на законодателя, что фактически означает расширение компетенции Суда и распространение его полномочий на новый объект проверки. Примером может служить Постановление

от 29 мая 2025 г. № 24-П¹² о допустимости включения в состав наследства лица, привлеченного к уголовной ответственности, обязательства компенсировать моральный вред потерпевшим от преступления. Этот вопрос правовые нормы не регламентируют. Альтернативой предложенному Судом толкованию мог бы быть отказ в принятии жалобы к рассмотрению, а не признание оспариваемых положений ГК РФ (не)конституционными.

Толкование, даваемое Конституционным Судом РФ, редко предполагает обязанность законодательных органов изменить правовое регулирование, но влечет за собой обязанность судов применять нормы только в толковании, данном Конституционным Судом, не преодолевать его постановления, отказывая в пересмотре решений, вынесенных в отношении лиц, как обращававшихся, так и не обращававшихся в Конституционный Суд РФ (ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹³). Истолкования формулируются Конституционным Судом РФ применительно к тем фактическим обстоятельствам, которые предшествовали обращению заявителя, и носят преюдициальный характер. Конституционно-правовое истолкование можно считать разновидностью правовых позиций Суда при формальном выводе о непротиворечии проверяемых норм Конституции РФ. Истолкования обязательны для правотворческих и правоприменительных органов, однако формального запрета на их преодоление Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» не содержит. Конституционный Суд РФ также связан своими истолкованиями, но не исключается возможность их изменения при реформировании Конституции или изменении социально-политических условий.

Роль правовых принципов в процессе толкования конституционных текстов проанализировала Д.А. Фаталиева (СПбГУ). Правовые принципы — это наиболее фундаментальные и в то же время неопределенные нормы права. С одной стороны, они способны повышать гибкость правового регулирования, обеспечивая возможность его конкретизации с учетом определенных фактических обстоятельств, но с другой, снижают его предсказуемость.

Использование в судебной аргументации правовых принципов не исключает обращения к традиционным методам толкования, но должно учитывать специфику принципов. Во-первых, в связи с их более общей формой выражения, высокой абстрактностью

¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 331.121 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» в связи с запросом депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2025. № 16, ст. 2101.

¹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгу-скаровой и М.Г. Мухаметчина // СЗ РФ. 2025. № 23, ст. 3104.

¹³ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

и универсальностью принципы, в отличие от правил, содержащих закрытый перечень признаков фактических ситуаций, к которым они применимы, являются открытыми высказываниями¹⁴. Во-вторых, процесс аргументации с использованием принципа зависит от его эксплицитной позитивации в соответствующем правовом тексте, при отсутствии таковой принцип имеет более слабую обязывающую силу, но тем не менее может быть применен в случае его признания в доктрине или в судебной практике¹⁵. В-третьих, в правовой аргументации правила являются решающими, их цель — указать на возможное решение проблемы, применение правила исключает применение принципов, которые лежат в основании соответствующего правила¹⁶. Принципы выполняют в судебной аргументации дополнительную функцию, они указывают на соображения, которые должны быть учтены при принятии решения¹⁷. Однако в ряде случаев принцип подлежит непосредственному применению (в частности, принципы-права человека в ситуации отсутствия применимого правила) и выступает нормативным основанием для вынесения решения¹⁸.

В.Д. Балакаев (Институт философии и права Уральского отделения РАН) рассмотрел влияние нормативных предписаний органов конституционного контроля на сферу действия конституционных стандартов. Нормативные предписания — это указания органа конституционного контроля на необходимость принятия мер по корректировке правового регулирования, адресованные правотворческому органу и обязательные к исполнению. Они носят инструментальный характер, т.е. призваны обеспечить исполнимость решения суда, требующего изменения правовых норм, указать законодателю на конкретные пути его исполнения. Однако нормативные предписания имеют и собственный регулятивный потенциал, заключающийся в расширении пределов действия конституционных стандартов, привнесении их в те сферы

регулирования, где ранее они не были четко сформулированы или вовсе отсутствовали.

Так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П¹⁹, предписывая законодателю осуществить реформу надзорного производства, указал на необходимость учитывать резолюцию Комитета Министров Совета Европы от 8 февраля 2006 г. ResDH (2006)²⁰. Таким образом, Суд включил в сферу конституционно-правового регулирования акт «мягкого» права, который из рекомендации стал ориентиром для законодателя. В Германии Федеральный конституционный суд в решении от 24 марта 2021 г. предписал Бундестагу скорректировать Закон об изменении климата согласно требованиям Парижского соглашения 2015 г.²¹ Это было бы невозможно, если бы Суд не вывел из ст. 20(а) Основного закона ФРГ обязанность государства по международному климатическому сотрудничеству. Практика Верховного суда Израиля также отличается привнесением конституционно-правовых стандартов в сферы экономической и даже военной целесообразности²².

Нормативные предписания конституционных судов обеспечивают «живое» толкование конституции, и они могут быть более эффективными, чем правовые позиции суда, поскольку последние обычно не артикулируются в тексте решения, нередко

¹⁴ См.: *Atienza M., Manero J.R. A Theory of Legal Sentences.* New York, 1998. Pp. 8, 9.

¹⁵ См.: *Jakab A. Re-defining Principles as “Important Rules”. A Critique of Robert Alexy // On the Nature of Legal Principles: Proceedings of the Special Workshop “The Principles Theory” held at the 23rd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR), Kraków, 2007 / ed. by M. Borowski. Stuttgart, 2010. P. 146; *Korychka M. The Principles of Law, the Test of Coherence and Political Morality // Ibid. P. 162; Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. М., 2024. С. 345.**

¹⁶ См.: *Verheij B., Hage J.C., Van Den Herik H.J. An Integrated View on Rules and Principles // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. Iss. 1. P. 13.*

¹⁷ См.: *Avila H. Theory of Legal Principles.* Dordrecht, 2007. P. 44.

¹⁸ См.: *Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение / пер. с болг. Е.М. Кузьминой, Г. Канева; науч. ред. Е.А. Фролова. М., 2023. С. 63.*

¹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан (п. 9.2 мотивировочной части) // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 932.

²⁰ См.: Промежуточная резолюция Комитета Министров Совета Европы от 08.02.2006 г. ResDH (2006) относительно нарушения принципа правовой определенности в результате пересмотра судебных решений в порядке надзора в ходе судебного разбирательства по гражданским делам в Российской Федерации — принятие властями меры общего характера и оставшиеся вопросы (постановления Европейского Суда по делам «Рябых против Российской Федерации» (от 24 июля 2003 г.) и «Волкова против Российской Федерации» (от 5 апреля 2005 г.)) // СПС «Гарант».

²¹ См.: Federal Constitutional Court. Order of the First Senate of 24 March 2021. 1 BvR2656/18, 1 BvR78/20, 1 BvR96/20, 1 BvR288/20. Rn. 197–198, 260 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html (дата обращения: 15.06.2025).

²² Ярким примером может служить решение Верховного суда Израиля от 13 декабря 2006 г., в котором конституционно-правовые стандарты (при содействии норм международного гуманитарного права) были распространены на решения о точечной ликвидации террористов, которые могут повлечь за собой жертвы среди гражданского населения (см.: Supreme Court of Israel. The Public Committee against Torture in Israel et al. v. The Government of Israel et al. Decision of 13 December 2006. HCJ 769/02. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/national-practice/public-committee-against-torture-israel-et-al-v-government-israel-et-al-supreme> (дата обращения: 15.06.2025)).

требуют приложения интеллектуальных усилий для их выявления и по общему правилу не предполагают какой-либо реакции законодателя.

По мнению **В.И. Загреддинова (МГУ им. М.В. Ломоносова)**, конституционные споры, как правило, имеют сложную структуру и представляют собой многоуровневые конфликты. Первый из них, тот, что лежит «на поверхности» (внешний конфликт), разрешается посредством восстановления нарушенного права или новой интерпретации нормативных положений. Но подспудно существует и второй, скрытый конфликт. Так, споры о конституционных правах, о правовых доктринах, например верховенства права, о правовой природе мер юридической ответственности²³, помимо решения конкретной правовой проблемы, часто задают или подтверждают идеологические векторы развития политико-правовой системы. Разрешение скрытого конфликта подразумевает поддержку доминирующей идеологии. Например, при защите основных прав приоритет отдается гражданским и политическим правам (т.е. «негативной» свободе, ограничивающей власть государства). Между тем социальные права, предполагающие борьбу с возрастающим неравенством и скрытой эксплуатацией, во многом остаются «спящими». Защита классической правовой конструкции верховенства права оказывается не только инструментом восстановления системы сдержек и противовесов, но и способом установления монополии на толкование права и «единственно верной» модели «конституционной идентичности»²⁴. Оспаривание «двойной ответственности» за правонарушение в порядке конституционного контроля во «внешнем» правовом конфликте направлено на гармонизацию норм о юридической ответственности, а на деле оказывается защитой частного экономического интереса в ущерб охране окружающей среды²⁵.

Современное конституционное право функционирует в рамках многоуровневой конфликтной структуры, в которой юридические споры зачастую скрывают под собой более фундаментальные идеологические и политико-ценностные противоречия. Внешний (поверхностный) уровень конфликта, разрешаемый посредством юридических механизмов, одновременно выступает способом определения границ допустимого в правовой практике и институционализации доминирующей идеологии.

²³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Инжиниринговая нефтегазовая компания «Союзнефтегазинжиниринг» // СЗ РФ. 2015. № 24, ст. 3531.

²⁴ Загреддинов В. И. Верховенство права как конституционная идентичность Европейского Союза // Международное право. 2024. Т. 14. № 3 (51). С. 123–148.

²⁵ См.: КС удовлетворил жалобу «Пепеляев Групп» по делу ООО «Заполярье» // Газета «ЭЖ Юрист». 2015. № 25. С. 10.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. С.Л. Сергеевой (Курский государственный университет)** обосновывалось, что одним из инструментов развития конституции является судебная доктрина, и рассматривались проблемы ее формирования в Российской Федерации.

По мнению **д-ра юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет)**, развитие четвертой промышленной революции выявило проблему понимания конституции жизни, которая в международной научной дискуссии рассматривается как многоплановый концепт, лежащий в основе антропологического биоконституционализма. Конституция жизни — это совокупность нормативных и этических требований в отношении регулирования и обеспечения жизненных циклов человека, воспроизводства человека как живого вида на Земле, обеспечения его биобезопасности и возможностей сохранения, восстановления и улучшения его способностей и возможностей. Конституционное правосудие сталкивается с проблемой фрагментации и пробельности правового регулирования многих компонентов конституции жизни (статус плода, родительский контроль за детьми через мобильные приложения, генетическое равноправие и др.).

Ряд докладов был посвящен использованию инструментария «живой конституции» для развития отдельных конституционных институтов.

Адаптацию положений конституции к внутренним и внешним вызовам на примере института гражданства Российской Федерации рассмотрела **д-р юрид. наук, доц. Н.Е. Таева (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))**. Применительно к данному конституционно-правовому институту к таким вызовам можно отнести необходимость упорядочения миграционных потоков и обеспечение национальной безопасности в сложившихся геополитических условиях. Система основополагающих принципов российского гражданства закреплена в ст. 6 Конституции РФ, принципы гражданства получили также отражение в Законах о гражданстве 1991 г.²⁶, 2002 г.²⁷ и 2023 г.²⁸ Текстуально эти принципы не претерпели изменений, однако их содержание эволюционирует. Можно сказать, что конституционные нормы «живут» вместе с государством и обществом.

Принцип единого гражданства в Законе о гражданстве 1991 г. был представлен весьма своеобразно, поскольку закреплял двухуровневую систему

²⁶ См.: Закон РФ от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 6, ст. 243.

²⁷ См.: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2031.

²⁸ См.: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3215.

гражданства, признавая гражданство республик в составе Российской Федерации. Такое регулирование — дань времени, поскольку сепаратистские тенденции начала 1990-х годов требовали определенных уступок со стороны государства. Данное понимание принципа единого гражданства стало «пролонгацией» принципа единого гражданства, закрепленного в советских конституциях, начиная с Конституции СССР 1924 г. С принятием Конституции РФ 1993 г. этот принцип получает современную трактовку. Поправка к Конституции РФ 2020 г. не повлияла на его понимание, но от законодателя теперь требовались новые подходы к определению оснований приобретения российского гражданства в связи с принятием в состав Российской Федерации новых субъектов.

Конституционный запрет лишения гражданства пришел на смену существовавшему в советский период институту лишения гражданства. Между тем он также трансформируется: от полного запрета лишения к мягкому варианту отмены решений по вопросам гражданства и более спорному в контексте сохранения сущности данного принципа институту принудительного прекращения гражданства, основания которого имеют тенденцию к расширению.

Принцип равного гражданства, понимаемый как равенство статусов, независимо от оснований приобретения гражданства трансформируется в соответствии с требованиями национальной безопасности. В частности, установлен запрет кандидату в Президенты РФ иметь в прошлом гражданство иностранного государства. Законодательно закреплены различия в основаниях прекращения гражданства «природных» и «натурализованных» граждан.

Таким образом, текущее законодательство изменяет содержание принципов гражданства, адаптирует к новым политическим и социально-экономическим условиям, при этом конституционный текст остается неизменным.

Концепцию «живой конституции» применительно к социальным положениям Конституции РФ в их интерпретации Конституционным Судом РФ проанализировала **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотова (ИГП РАН)**. Орган конституционного контроля раскрывал содержание принципа социального государства во многих решениях, большинство из которых были связаны с защитой социальных и трудовых прав. К основным элементам нормативного содержания принципа социального государства Конституционный Суд РФ относит гарантии равенства прав и свобод человека; осуществления политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. что предполагает установление гарантированного минимума размера оплаты труда, предоставление пособий и иных гарантий социальной защиты, обеспечение

государственной поддержки семьи, родительства и детства²⁹. Как правило, Конституционный Суд РФ применяет принцип социального государства не как самостоятельную основу для разрешения споров, а в качестве дополнительного аргумента, обосновывающего нарушения того или иного права, стандарта оценки конституционности социального законодательства³⁰. Придерживаясь позиции сдержанности, Суд стремится не вторгаться в полномочия других ветвей власти, прежде всего — законодательной, и признает за ними достаточно широкую дискрецию при осуществлении социальной политики.

Доклад д-ра юрид. наук, доц. А.В. Саленко (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта) был посвящен эволюции института мирных собраний в рамках «живой конституции» Федеративной Республики Германии на основе ключевых постановлений Федерального конституционного суда, сформировавших современное конституционное понимание свободы мирных собраний. Важнейшее место среди этих решений занимает постановление по делу Брокдорф³¹, в котором Суд охарактеризовал свободу собраний как одно из проявлений народного суверенитета и символ свободы, независимости и дееспособности уверенного в себе гражданина. Именно свобода собраний предоставляет человеку эффективное средство воздействия на политику в государстве на любом уровне и на ежедневной основе.

В правовой системе ФРГ в соответствии с судебным толкованием и конституционно-правовой доктриной сложилась особая концепция свободы мирных собраний, согласно которой

²⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы (абз. 1 п. 2 мотивировочной части) // СЗ РФ. 2006. № 22, ст. 2375.

³⁰ См., напр.: абз. 5 п. 5, абз. 4. п. 6 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2024 № 22-П по делу о проверке конституционности частей первой—четвертой статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.Х. Абдуллоева // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2649.

³¹ См.: BVerfGE 69, 315 — Brokdorf. Beschluß des Ersten Senats vom 14. Mai 1985 — 1 BvR233, 341/81 — // Das Fallrecht. URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv069315.html> (дата обращения: 14.07.2025). Сокращенный перевод на русский язык см.: Избранные решения Федерального конституционного суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслер; отв. ред. К. Кроуфорд. М., 2018. С. 269—287.

конституционно-правовую категорию «представительная демократия» рассматривают в широком смысле, подразумевая под ней также и демократию собраний (*Versammlungsdemokratie*), являющуюся элементом демократического и правового государства и выступающую в роли одной из фундаментальных основ конституционного строя. Несмотря на то что в настоящее время происходит активное развитие информационных технологий, средств массовой коммуникации, социальных сетей, простой гражданин фактически лишен реального и прямого доступа к крупным СМИ, политическим партиям и политическим деятелям, поэтому в таких условиях особую конституционную роль должна играть свобода мирных собраний — основа для подлинного народовластия (по-настоящему «живой демократии»), в рамках которой граждане имеют прямые рычаги влияния на органы публичной власти³².

Конституционная жалоба — один из важных инструментов, способствующих формированию «живой конституции» в практике Конституционного суда. Проблеме доступа граждан к конституционному правосудию в Республике Беларусь был посвящен доклад **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)**. В Республике Беларусь длительный период времени граждане имели возможность обращаться в Конституционный суд опосредованно, путем реализации положений ч. 2 ст. 112 Конституции, касающихся возражения о неконституционности. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве»³³ предоставил гражданам возможность направления в Конституционный суд инициативных обращений через субъектов, обладающих правом на обращение в соответствии со ст. 116 Конституции. На практике этот способ оказался недостаточно эффективным. В 2014 г. Конституционным судом было вынесено единственное заключение на основе инициативного обращения гражданина³⁴. Граждане и юридические лица могли также обращаться в Конституционный суд по вопросам устранения пробелов, исключения коллизий и правовой неопределенности в нормативных правовых актах. В 2014–2021 гг. Конституционный суд принял 17 решений, в которых

признал необходимым устранение дефектов правового регулирования, в том числе выявленных в процессе правоприменительной практики³⁵.

Важнейшая конституционная новелла 2022 года — введение конституционной жалобы (ст. 116-1 Конституции). Как отмечалось в Послании о состоянии конституционной законности³⁶, в течение 2024 г. в Конституционный суд Республики Беларусь поступило 530 обращений, из которых 103 в определенной мере отвечают критериям конституционной жалобы. Они касались вопросов, связанных с нарушением прав в процессе применения трудового, жилищного, земельного, пенсионного, налогового, уголовно-процессуального, административного и гражданского процессуального законодательства. Анализ жалоб показывает, что граждане не соблюдали в полной мере требованиям Закона «О конституционном судопроизводстве»³⁷, что являлось основанием для отказа в возбуждении производства по делу. Конституционный суд Республики Беларусь вынес первое решение по конституционной жалобе 30 января 2025 г. (решение № Р-1306/2025³⁸).

В докладе **канд. юрид. наук С.А. Соловьева (ГАУГН)** обращалось внимание на несовпадение конституционно-правового и уголовно-процессуального смысла понятия «уголовное судопроизводство», которое в соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон. Согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя досудебное и судебное производство по уголовному делу. Очевидно, что в досудебном производстве по уголовному делу при публично-правовой форме организации уголовного процесса в Российской Федерации говорить о наличии какой-либо состязательности процедуры не приходится, да и самих равноправных сторон в их институциональном смысле на досудебной стадии не имеется. Формулировка ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, не содержащая

³⁵ Подсчитано автором по материалам, размещенным на сайте Конституционного суда Республики Беларусь.

³⁶ См.: Послание Конституционного суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь. Принято на заседании Конституционного суда Республики Беларусь 12.03.2025 г. // Конституционный суд Республики Беларусь. URL: <http://kc.gov.by/document-86733> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁷ См.: Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З (в ред. от 17.07.2023 № 284-З) «О конституционном судопроизводстве» // Конституционный суд Республики Беларусь. URL: <http://kc.gov.by/document-35203> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁸ См.: Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 30.01.2025 № Р-1306/2025 о конституционности статьи 12.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях по жалобе гражданина Гнищевича Антона Александровича // Конституционный суд Республики Беларусь. URL: <http://kc.gov.by/document-76733> (дата обращения: 25.05.2025).

³² См.: *Versammlungsfreiheit: 40 Jahre Brokdorf-Beschluss* // Bundeszentrale für politische Bildung. 13.05.2025. URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/hintergrund-aktuell/562070/versammlungsfreiheit-40-jahre-brokdorf-beschluss/> (дата обращения: 18.06.2025).

³³ См.: Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_red.fwx?rid=137974 (дата обращения: 25.05.2025). Закон утратил силу в связи с принятием новой редакции.

³⁴ См.: Заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 12.06.2014 № 3-928/2014 о соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь // Конституционный суд Республики Беларусь. URL: <http://kc.gov.by/document-36613> (дата обращения: 25.05.2025).

какого-либо исключения для отправления судопроизводства, имеющего публично-правовую форму организации (уголовного, административного), провоцирует непродуктивную и антиномичную, но весьма активно ведущуюся дискуссию относительно необходимости реализации принципа состязательности и равноправия сторон на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая не только досудебные стадии, но и стадии проверки наличия поводов и оснований для возбуждения уголовного дела.

Внимание участников конференции привлекла и практика реализации доктрины «живой конституции» в различных регионах и странах мира.

М.А. Короткевич (МГУ им. М.В. Ломоносова) проанализировал применяемый институтами Европейского Союза «живой» правовой инструментарий, который в условиях продолжительного отсутствия изменений текста Договоров о ЕС³⁹ становится главным драйвером углубления европейской интеграции (*ever closer union*). Данный инструментарий включает не только метод динамически-эволютивного толкования, применяемый Судом ЕС, но и используемую европейским законодателем особую юридическую технику, обеспечивающую неопределенность правовых категорий в актах вторичного права ЕС, что способствует более частому обращению Суда ЕС к указанному методу толкования.

Медиарегулирование — одна из многих правовых областей, «оживление» которой в интересах расширения власти европейских институтов происходит с 2020 г. наиболее наглядно, динамично и радикально с точки зрения разрыва с предыдущими подходами, предполагавшими в соответствии с Договорами ЕС сдержанность или вообще отсутствие компетенции ЕС в данной сфере отношений. При этом расширение власти институтов ЕС не является краткосрочной реакцией на ряд кризисных моментов, а направлено на реализацию долгосрочной цели — обоснование автономной легитимации ЕС посредством создания европейской идентичности, формирование которой «сверху вниз» становится возможным в результате существенной централизации управления медиа-сферой, прежде всего под эгидой Еврокомиссии.

Докладчик выделил три измерения европейского медиарегулирования — компетенционное, связанное с правами человека и ценностное, в которых применение инструментария «живого права» обеспечивает достижение упомянутой цели. Так, компетенционные ограничения, гарантирующие сохранение медиарегулирования в сфере ответственности государств — членов ЕС, размываются при помощи широкой интерпретации категорий

медиаплюрализма и внутреннего рынка, позволяющих обосновать необходимость детализированного европейского медиаправа. Положения Хартии ЕС об основных правах⁴⁰, устанавливающие узкие пределы вмешательства европейских институтов в коммуникационные свободы, позитивный аспект которых традиционно гарантировался национальными государствами, при помощи динамически эволютивного толкования обращаются Судом ЕС против государств-членов и через закрепляемые во вторичном праве ЕС позитивные обязательства приобретают характер требований к последним по формированию национальных коммуникационных порядков, защищаемых их конституциями. Наконец, закрепленные в ст. 2 Договора о Европейском Союзе абстрактные ценности в их связи с положениями Хартии ЕС об основных правах и вторичным правом Союза «операционализируются» европейскими институтами, т.е. из них выводятся конкретные медиаполитические требования, безальтернативная реализация которых государствами-членами ЕС рассматривается как обязательство, вытекающее из принципов верховенства права, демократии и соблюдения прав человека.

Столь глубокая трансформация внутренней архитектуры ЕС, связанная с отказом от принципов наделения компетенцией, пропорциональности и субсидиарности, существенным изменением сферы применения Хартии ЕС об основных правах и противопоставлением норм-ценностей конкретным компетенционным предписаниям Договоров о ЕС с целью одностороннего пересмотра последних европейскими институтами, выходит за разумные пределы применения концепции «живой конституции». В отсутствии соответствующих текстуальных изменений актов первичного права это может рассматриваться как нарушение Договоров о ЕС.

Концепция «живой конституции», подчеркнула **д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН)**, получила широкое распространение, однако способы неформального изменения учредительного акта в конкретных странах определяются национальной конституционной культурой, конституционной историей и политической ситуацией в стране и в силу этого обладают определенной спецификой. В Итальянской Республике, как правило, применяется термин «живое право»⁴¹, под которым понимается сформированная юридической практикой и доктриной консолидированная позиция в отношении смысла, придаваемого определенной конституционной норме.

⁴⁰ См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ. C303/01. Vol. 50. 14 December 2007. Pp. 1–16.

⁴¹ Данный термин впервые был использован в решении Конституционного суда от 05.12.1974 № 276 (см.: Corte Costituzionale. Sentenza 5 dicembre 1974 N. 276. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/actionPronuncia.do> (дата обращения: 15.07.2025)).

³⁹ См.: Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ. C326. Vol. 55. 26 October 2012. Pp. 13–390.

Как отмечается в итальянской литературе, формирование живой конституции осуществляется четырьмя способами — на основе развития законодательств (в первую очередь речь идет о законах, созданных на основе бланкетных норм учредительного акта, а также избирательных законах и регламентах палат парламента, являющихся основными драйверами конституционных изменений), конституционных соглашений (политическая модификация формы правления, формирование коалиционного правительства), практики Конституционного суда и органов судебной власти⁴², права ЕС. Интеграционные процессы, по мнению экспертов, оказывают всеобъемлющее воздействие на итальянскую правовую систему⁴³, в том числе и потому, что Конституционный суд Италии может использовать положения права ЕС в качестве критерия для вынесения решений о конституционности законов и актов, имеющих силу закона, в порядке абстрактного контроля.

Современный этап развития «живой конституции» Польши канд. юрид. наук, доц. **В.И. Чехарина (ИГП РАН)** охарактеризовала как время турбулентности. Проблемы толкования польской Конституции возникли еще в процессе ее принятия в 1997 г. Существование в польском обществе аксиологически разнообразных предпочтений привело к тому, что во время работы над новой конституцией не было единой последовательной и полной системы ценностей. Аксиологическая открытость польской Конституции могла повлечь за собой негативные последствия, и требовалось умение им противостоять⁴⁴.

«Двусмысленность» польской Конституции создает возможности для самых разных ее толкований и, как следствие, приводит к постоянным спорам относительно компетенции Конституционного трибунала и его места в системе разделения властей. Как отмечается в литературе, партия «Право и справедливость» отстаивает доктрину судебной сдержанности (судебного консерватизма), согласно которой Конституционный трибунал может только принимать решения о конституционности законов и международных договоров. В свою очередь, «Гражданская платформа» вопреки официальным утверждениям выступает за модель судебного активизма, полагая, что Конституцию следует толковать как «живую», адаптируя ее

к меняющимся обстоятельствам, в частности, требованиям ЕС и Совета Европы⁴⁵.

После победы на парламентских выборах в 2023 г. «Гражданской коалиции» выдвигаются противоречивые предложения относительно статуса Конституционного трибунала. Одни предлагают его «демонтировать» и «создавать с нуля», даже если это приведет к явному пренебрежению польской конституцией⁴⁶, другие подчеркивают важность соблюдения конституционных положений. Обострение проблем ожидается после выборов нового президента Польши.

Развитие и адаптацию индийской конституционной доктрины базовых структур в странах Глобального Юга проанализировал канд. юрид. наук **О.С. Белослудцев (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва)**. В соответствии с данной концепцией, сформулированной Верховным судом Индии в решении по делу *Kesavananda Bharati* (1973)⁴⁷, парламент не может изменять «ядро» Конституции, нарушая фундаментальные принципы демократии, разделения властей, верховенства права, светского характер государства и др. В Индии эта доктрина применяется наиболее последовательно. Верховный суд своими решениями не только ограничил полномочия парламента в области принятия конституционных поправок, но и утвердил судебную власть в роли гаранта конституционного строя. Судам предоставлен широкий инструментарий толкования, что превращает конституцию в динамичную, адаптивную систему.

В Пакистане использование доктрины базовых структур проходит с переменным успехом, начиная с неудачных попыток ее признания в 1990-х годах⁴⁸. В 2015 г. Верховный суд осторожно устанавливает наличие «существенных признаков» конституции, однако воздерживается от их активной защиты, стремясь не дестабилизировать и без того хрупкий политический порядок⁴⁹.

⁴⁵ См.: *Morawski L.* A Critical Response // *VerfBlog*. 2017, 3 June. URL: <https://verfassungsblog.de/a-critical-response> (дата обращения: 28.06.2025).

⁴⁶ См.: *Sadurski W.* Extinguishing the Court: Why There Is No Salvation for the Current Polish Constitutional Tribunal // *VerfBlog*. 2022, 14 August. URL: <https://verfassungsblog.de/extinguishing-the-court/> (дата обращения: 28.06.2025).

⁴⁷ См.: Supreme Court of India. *Kesavananda Bharati v State of Kerala*. Judgment of 24 April 1973 // *Indian Kanoon*. URL: <https://indiankanoon.org/doc/257876/> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴⁸ См.: Supreme Court of Pakistan. *Mahmood Khan Achakzai v. Federation of Pakistan*. Judgment of 12 January 1997 // *Nasir Law Associates*. URL: <https://nasirlawfirm.com/historic/pld426.htm> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴⁹ См.: Supreme Court of Pakistan. *District Bar Association (Rawalpindi) v Federation of Pakistan*. Judgment of 17 July 2015 // *Andrew G. Reiter*. URL: <https://andyreiter.com/wp-content/uploads/military-justice/pk/Court%20Cases/Pakistan%20-%202015%20-%20District%20Bar%20Association.%20Rawalpindi%20v.%20Federation%20of%20Pakistan.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴² В Италии Конституционный суд не входит в систему органов судебной власти, являясь органом конституционных гарантий.

⁴³ См.: *Baraggia A.* The “Unwritten” Constitution: Reflections on the Italian Experience // *A&C — Revista de Direito Administrativo & Constitucional*. 2021. Vol. 21. No. 84. P. 16.

⁴⁴ См.: *Winczorek P.* Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Problem aksjologii // *Przegląd Sejmowy*. 1996. No. 4. Pp. 9–19; *Mojski W.* Analiza kryzysu konstytucyjnego z perspektywy funkcji aksjologicznej konstytucji. *Zarys podstawowych zagadnień teoretycznych* // *Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społeczne*. 2022. No. 1 (30). Pp. 55–62.

Бангладеш занимает промежуточную позицию. Реализация доктрины базовых структур несколько ограничена в связи с недостаточной институциональной устойчивостью политической системы страны и давлением на судебную систему. Верховный суд демонстрирует как моменты принципиальности (дело *Bangladesh v Asaduzzaman Siddiqui* о 16-й поправке к Конституции)⁵⁰, так и конформизма (дело *Abdul Mannan Khan v Bangladesh* о 13-й поправке)⁵¹. В деле *Bangladesh v Asaduzzaman Siddiqui* 16-я поправка была признана неконституционной, поскольку нарушала принцип независимости судебной власти, позволяя парламенту отстранять судей Верховного суда. Решение суда по делу о 13-й поправке⁵² обострило политическую нестабильность в государстве и привело к бойкоту выборов со стороны основных оппозиционных партий.

Доктрина базовых структур является универсальным механизмом защиты конституционного порядка, что особенно актуально для стран с нестабильной политической системой и недостаточно развитыми институтами. Практика адаптации этой доктрины в странах Глобального Юга свидетельствует о ее высокой потенциальной ценности в свете борьбы с попытками реформирования конституции, чреватых необратимым разрушением конституционного строя и утратой конституционной идентичности.

Опыт функционирования «живой конституции» в Индии рассмотрел **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасов (ИГП РАН)**. Метафора «живая конституция» в Индии заимствована из конституционной доктрины Канады, США и Австралии. Одной из возможных причин обращения к данной идее считается «жесткость» (и долговечность) всех этих конституций, «что требует судебного переосмысления конституционных положений, а не формальных поправок, чтобы идти в ногу с развитием общества»⁵³. Верховный суд Индии в своих решениях использует взятую из канадской судебной практики метафору «живого дерева». Индийские юристы отмечают, что закрепленные в Конституции цели и идеалы «следует претворять в жизнь посредством либерального толкования Конституции, не нарушая

при этом намерений ее создателей»⁵⁴. В ситуации характерной для Индии повышенной социальной динамики Конституция, призванная «разрушить оковы традиционных социальных иерархий»⁵⁵, неизбежно становится «живым, а не замороженным во времени»⁵⁶, открытым для изменений документом.

Термин «живая конституция» (“活宪法”), отметил **канд. юрид. наук, доц. О.О. Базина (МГИМО МИД России)**, в китайском контексте подразумевает, что толкование и применение Конституции адаптируются к современным реалиям под руководством Коммунистической партии Китая, сохраняя при этом неизменными ее основные принципы. Китайская модель толкования Конституции отражает принцип единства партийного руководства и законодательной власти. Определенная адаптация и гибкость положений учредительного акта допускается в рамках социалистической идеологии. Согласно ст. 67 Конституции исключительное право официального толкования Конституции и законов принадлежит Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. Толкование осуществляется в соответствии с принципами верховенства права, защиты прав человека, соблюдения баланса между стабильностью и гибкостью Конституции.

Специфику толкования конституции в контексте концепции трансформационного конституционализма в Южно-Африканской Республике и Кении проанализировала **канд. юрид. наук Е.А. Сорокина (ИГП РАН)**. Конституция в данном случае рассматривается как инструмент социальных преобразований, что требует такого толкования и применения конституционных норм, при котором они, исходя из основных принципов и целей, закрепленных в конституции, способствовали бы глубоким изменениям в обществе. Конституционный суд ЮАР признал, что наиболее действенным является расширительное и телеологическое толкование⁵⁷. Учитывая, что Конституция ЮАР ориентирована на устранение последствий несправедливого социального устройства в прошлом и построение демократического и эгалитарного общества, ее положения должны интерпретироваться также с учетом исторического,

⁵⁰ См.: Supreme Court of Bangladesh. High Court Division. Advocate Asaduzzaman Siddiqui and Others v. Bangladesh and Others. Judgment of 5 May 2016. URL: https://supremecourt.gov.bd/translation/process.php?file=783957_WP9989of2014_Final.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

⁵¹ См.: Supreme Court of Bangladesh. Appellate Division. Abdul Mannan Khan v Bangladesh. Judgment of 10 May 2011. URL: https://ago.portal.gov.bd/sites/default/files/files/ago.portal.gov.bd/page/7f393557_475c_4317_b42a_5a850868beae/Constitutional%2013th%20Amendment%20Case.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

⁵² 13-я поправка вводила в Конституцию положение о беспартийном временном правительстве на период 90 дней для проведения свободных и справедливых всеобщих выборов.

⁵³ Gangwar Sh., Pagedar A. Examining the *Living* Metaphor in the Indian Constitution // Jindal Global Law Review. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 353.

⁵⁴ Kulwinder Singh Gill, Ramandeep Singh Sidhu. The Living Constitution Theory and Inherent Rights: An Indian Perspective // CASIHR Journal on Human Rights Practice. 2021. Vol. 5. Iss. 1. P. 39.

⁵⁵ Politics and Ethics of the Indian Constitution / ed. by R. Bhargava. Oxford, 2008. P. 15.

⁵⁶ Gangwar Sh., Pagedar A. Op. cit. P. 352.

⁵⁷ См.: SACC. S v Makwanyane and Another. CCT 3/94. 6 June 1995. ZACC3. Para. 11; Zuma and Others v S. CCT5/94. 5 April 1995. ZACC1. Paras. 14–15; S v Mhlungu and Others. CCT25/94. 8 June 1995. ZACC4. Para. 8; Soobramoney v Minister of Health (Kwazulu-Natal). CCT32/97. 27 November 1997. ZACC17. Para. 17.

экономического, социального и политического контекста⁵⁸. Такой подход к толкованию Конституции был воспринят и Верховным судом Кении⁵⁹.

В докладе д-ра юрид. наук В.Ю. Абрамова были показаны способы адаптации положений Конституции РФ к современным геополитическим вызовам посредством укрепления государственного суверенитета, обеспечения устойчивого экономического развития и социальной защиты населения при сохранении республиканско-демократических принципов организации публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Т.А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6 (151). С. 46–71.
2. Загреддинов В.И. Верховенство права как конституционная идентичность Европейского Союза // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 3 (51). С. 123–148.
3. Избранные решения Федерального конституционного суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслер; отв. ред. К. Кроуфорд. М., 2018. С. 469–287.
4. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. М., 2024. С. 345.
5. Столов Я. Принципы права: понятие и применение / пер. с болг. Е.М. Кузьминой, Г. Канева; науч. ред. Е.А. Фролова. М., 2023. С. 63.
6. Тронер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 175, 176.
7. Тронер М. Реалистическая теория толкования // Росс. юрид. журнал. 2006. № 2. С. 9.
8. Тронер М. Свобода толкования конституционного судьи // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 193.
9. Atienza M., Manero J.R. A Theory of Legal Sentences. New York, 1998. Pp. 8, 9.
10. Avila H. Theory of Legal Principles. Dordrecht, 2007. P. 44.
11. Baraggia A. The “Unwritten” Constitution: Reflections on the Italian Experience // A&C – Revista de Direito Administrativo & Constitucional. 2021. Vol. 21. No. 84. P. 16.
12. Baude W., Sachs S. The “Common-Good” Manifesto // Harvard Law Review. 2023. Vol. 136. Iss. 3. Pp. 861–906.
13. Frey B.S., Stutzer A. Direct Democracy: Designing a Living Constitution // Democratic Constitutional Design and Public Policy, Analysis and Evidence / ed. by R.D. Congleton, B. Svedenborg. Cambridge; London, 2006. Pp. 41–90.
14. Gangwar Sh., Pagedar A. Examining the *Living* Metaphor in the Indian Constitution // Jindal Global Law Review. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 352, 353.
15. Jakab A. Re-defining Principles as “Important Rules”. A Critique of Robert Alexy // On the Nature of Legal Principles: Proceedings of the Special Workshop “The Principles Theory” held at the 23rd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR), Kraków, 2007 / ed. by M. Borowski. Stuttgart, 2010. P. 146.
16. Korychka M. The Principles of Law, the Test of Coherence and Political Morality // On the Nature of Legal Principles: Proceedings of the Special Workshop “The Principles Theory” held at the 23rd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR), Kraków, 2007 / ed. by M. Borowski. Stuttgart, 2010. P. 162.
17. Kulwinder Singh Gill, Ramandeep Singh Sidhu. The Living Constitution Theory and Inherent Rights: An Indian Perspective // CASIHR Journal on Human Rights Practice. 2021. Vol. 5. Iss. 1. P. 39.
18. Mojski W. Analiza kryzysu konstytucyjnego z perspektywy funkcji aksjologicznej konstytucji. Zarys podstawowych zagadnień teoretycznych // Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społeczne. 2022. No. 1 (30). Pp. 55–62.
19. Morawski L. A Critical Response // VerfBlog. 2017, 3 June. URL: <https://verfassungsblog.de/a-critical-response> (дата обращения: 28.06.2025).
20. Politics and Ethics of the Indian Constitution / ed. by R. Bhargava. Oxford, 2008. P. 15.
21. Sadurski W. Extinguishing the Court: Why There Is No Salvation for the Current Polish Constitutional Tribunal // VerfBlog. 2022, 14 August. URL: <https://verfassungsblog.de/extinguishing-the-court/> (дата обращения: 28.06.2025).
22. Solum L.B. Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2023. Vol. 46. Iss. 3. Pp. 1149–1175.
23. Verheij B., Hage J.C., Van Den Herik H.J. An Integrated View on Rules and Principles // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. Iss. 1. P. 13.
24. Vermeule A. Beyond Originalism // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/common-good-constitutionalism/609037/> (дата обращения: 05.07.2025).
25. Vermeule A. Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Medford, 2022.
26. Winczorek P. Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Problem aksjologii // Przegląd Sejmowy. 1996. No. 4. Pp. 9–19.

REFERENCES

1. Vasilieva T.A. The Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action // Comparative Constitutional Review. 2022. No. 6 (151). Pp. 46–71 (in Russ.).
2. Zagredtinov V.I. The rule of law as the constitutional identity of the European Union // International Justice. 2024. Vol. 14. No. 3 (51). Pp. 123–148 (in Russ.).

3. Selected decisions of the Federal Constitutional Court of Germany / comp. Yu. Schwabe, T. Geissler; ed. by K. Crawford. M., 2018. Pp. 269–287 (in Russ.).
4. *Larents K., Kanaris K.-V.* Methodology of jurisprudence / transl. from German. K.V. Nam. M., 2024. P. 345 (in Russ.).
5. *Stoilov Ya.* Principles of law: concept and application / transl. from Bulgarian by E.M. Kuzmina, G. Kanev; scientific ed. by E.A. Frolova. M., 2023. P. 63 (in Russ.).
6. *Troper M.* The problem of interpretation and the theory of the supremacy of the Constitution // Comparative Constitutional Review. 2005. No. 4 (53). Pp. 175, 176 (in Russ.).
7. *Troper M.* Realistic theory of interpretation // Russ. legal journal. 2006. No. 2. P. 9 (in Russ.).
8. *Troper M.* Freedom of interpretation of the constitutional judge // The Russian Yearbook of the Theory of Law. 2011. No. 4 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2012. P. 193 (in Russ.).
9. *Atienza M., Manero J.R.* A Theory of Legal Sentences. New York, 1998. Pp. 8, 9.
10. *Avila H.* Theory of Legal Principles. Dordrecht, 2007. P. 44.
11. *Baraggia A.* The “Unwritten” Constitution: Reflections on the Italian Experience // A&C – Revista de Direito Administrativo & Constitucional. 2021. Vol. 21. No. 84. P. 16.
12. *Baude W., Sachs S.* The “Common-Good” Manifesto // Harvard Law Review. 2023. Vol. 136. Iss. 3. Pp. 861–906.
13. *Frey B.S., Stutzer A.* Direct Democracy: Designing a Living Constitution // Democratic Constitutional Design and Public Policy, Analysis and Evidence / ed. by R.D. Congleton, B. Swendenborg. Cambridge; London, 2006. Pp. 41–90.
14. *Gangwar Sh., Pagedar A.* Examining the *Living* Metaphor in the Indian Constitution // Jindal Global Law Review. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 352, 353.
15. *Jakab A.* Re-defining Principles as “Important Rules”. A Critique of Robert Alexy // On the Nature of Legal Principles: Proceedings of the Special Workshop “The Principles Theory” held at the 23rd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR), Kraków, 2007 / ed. by M. Borowski. Stuttgart, 2010. P. 146.
16. *Korychka M.* The Principles of Law, the Test of Coherence and Political Morality // On the Nature of Legal Principles: Proceedings of the Special Workshop “The Principles Theory” held at the 23rd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR), Kraków, 2007 / ed. by M. Borowski. Stuttgart, 2010. P. 162.
17. *Kulwinder Singh Gill, Ramandeep Singh Sidhu.* The Living Constitution Theory and Inherent Rights: An Indian Perspective // CASIHR Journal on Human Rights Practice. 2021. Vol. 5. Iss. 1. P. 39.
18. *Mojski W.* Analiza kryzysu konstytucyjnego z perspektywy funkcji aksjologicznej konstytucji. Zarys podstawowych zagadnień teoretycznych // Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społecznej. 2022. No. 1 (30). Pp. 55–62.
19. *Morawski L.* A Critical Response // VerfBlog. 2017, 3 June. URL: <https://verfassungsblog.de/a-critical-response> (accessed: 28.06.2025).
20. Politics and Ethics of the Indian Constitution / ed. by R. Bhargava. Oxford, 2008. P. 15.
21. *Sadurski W.* Extinguishing the Court: Why There Is No Salvation for the Current Polish Constitutional Tribunal // VerfBlog. 2022, 14 August. URL: <https://verfassungsblog.de/extinguishing-the-court/> (accessed: 28.06.2025).
22. *Solum L.B.* Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2023. Vol. 46. Iss. 3. Pp. 1149–1175.
23. *Verheij B., Hage J.C., Van Den Herik H.J.* An Integrated View on Rules and Principles // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6. Iss. 1. P. 13.
24. *Vermeule A.* Beyond Originalism // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/common-good-constitutionalism/609037/> (accessed: 05.07.2025).
25. *Vermeule A.* Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Medford, 2022.
26. *Winczorek P.* Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Problem aksjologii // Przegląd Sejmowy. 1996. No. 4. Pp. 9–19.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна —

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна —

доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher, Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher, Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»

Уважаемые авторы!

Статья должна иметь убедительные доказательства, подтверждающие умозаключения автора; обладать новизной; представлять интерес не только для ученых данной области, но и для исследователей других родственных дисциплин.

Редакционная коллегия и редакция журнала «Государство и право» рассматривают статьи, объем которых не превышает 20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с руководством журнала статьи могут быть приняты и большего объема.

В отдельном файле размещаются сведения об авторе:

фамилия, имя, отчество автора (соавтора) полностью;

ученая степень или научное звание (если имеются);

должность;

место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса);

контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Автором должно быть отмечено, что статья предназначена для журнала «Государство и право». К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в другие издания в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

Статьи, поступившие от студентов, магистрантов, аспирантов, а также авторов без ученой степени, не регистрируются и не рассматриваются.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

Рукописи не возвращаются.

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

стиль – Times New Roman;

междустрочный интервал – 1.5;

размер шрифта текста – 14, сноска – 10.

Поля страницы: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1 см.

2. Образец оформления “шапки” статьи, в том числе рецензии, обзора и т.п.

3. Аннотация – не менее 65 слов, ключевые слова – 10 (междустрочный интервал – 1.0, размер шрифта – 12).

4. Обращаем внимание на кавычки – «...». Если фраза или слово внутри цитаты, то следует оформлять так: «...“...”...».

5. Нумерация сносок **постраничная, сквозная**.

6. Страницы должны быть **пронумерованы**.

7. Объем статьи не должен превышать 20 страниц, информации о научных конференциях – 25, научного сообщения – 12, рецензии – 8 страниц.

8. Автор в конце статьи должен указать, что текст статьи (цитаты, цифры, сноски) вычитан и сверен. За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

9. Автор перед отправкой рукописи в журнал должен тщательно проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

10. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Не желательно использовать файлы в формате jpg. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы). При дальнейшем масштабировании изображений более чем на 20% разрешение сканирования увеличивается пропорционально.

Если работа выполнена в Corel Draw, желательно предоставление двух вариантов: родной и экспортированный. Если в изображении содержатся только векторные объекты, то экспортировать в Adobe Illustrator (.ai) со следующими установками:

- версия 10.0
- Destination – Macintosh

- Export text as — Curver
- Флажки все.

Если в файле имеются растровые объекты, то экспортировать в TIFF (300 dpi) и прилагать связанные растровые изображения отдельными файлами.

Если Вы не уверены в качестве отсканированного или изготовленного Вами материала, **лучше предоставить оригинал**.

Если нет возможности предоставить оригинал, то должна присутствовать сопроводительная записка о не предъявлении претензий к качеству изображений.

Иллюстрации, вставленные в WORD, не являются оригиналами, должны быть представлены отдельные файлы.

11. После принятия статьи к опубликованию автор высылает **лицензионный договор** о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук, по e-mail: gospravo@igrgan.ru Договор можно скачать на сайте журнала.

12. В случае несоблюдения настоящих правил по оформлению статьи (обзора, рецензии) редакция оставляет за собой право не рассматривать ее.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

1. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. **Статьи рецензируются в обязательном порядке членами редакционной коллегии журнала**, которые являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
2. Член редколлегии, являющийся научным руководителем автора или сотрудником подразделения, в котором работает автор, не может выступать в качестве рецензента.
3. Основная цель рецензирования — предоставить редакции аргументированную информацию для принятия решения об опубликовании материала. Положительная рецензия должна содержать рекомендации авторам по улучшению статьи. Отрицательная рецензия должна указывать авторам на слабые места рукописи, чтобы авторы, чьи работы отклонили, понимали, на чем было основано решение.
4. Редакция в случае принятия или отказа статьи к опубликованию доводит до сведения авторов решение редакционной коллегии журнала.
5. Редакция оставляет за собой право не предоставлять автору статьи сведения о рецензенте.
6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.
7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

ОПУБЛИКОВАНИЕ

Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с произведенными изменениями и исправлениями в тексте по e-mail: gospravo@igrgan.ru с пометкой: статья после доработки.

Статьи, авторы которых не устранили конструктивные замечания рецензента, к опубликованию не принимаются.

Окончательное решение о дате публикации статьи принимается в рабочем порядке в процессе формирования содержания очередных номеров и утверждается главным редактором либо его заместителем.

Статьи, не принятые к опубликованию, возврату не подлежат.

Информацию о статусе статьи (поступление в редакцию, сроки рассмотрения на редколлегии, опубликования) можно получить по e-mail: gospravo@igrgan.ru

Электронные файлы статей (оттиски) после их опубликования в журнале направляются авторам на указанные ими e-mail в формате PDF, их можно прочитать при помощи свободно распространяемой программы Acrobat Reader.

Необходимо отметить, что полученная авторами электронная версия может быть использована ими только для персональных научных нужд (лекций, обсуждений, дальнейших разработок и пр.). Ссылка на оригинал публикации обязательна.

Кроме того, просим учесть, что, так как высылаемая статья уже передана на печать, **то исправления для внесения их в текст статьи не принимаются**. В случае необходимости авторы могут обратиться в редакцию журнала с просьбой о публикации “Поправки”.